

Volodymyr YEVTUKH

Collected works

VOLUME 3

1986-1990

**Kyiv
2014**

**Володимир Борисович
ЄВТУХ**

Зібрання творів

ТОМ 3

1986-1990

Київ
Видавництво «Фенікс»
2014

УДК 323 1
ББК 66.094
Є27

Упорядкування та підготовка до друку: Л.В. Савенкова, О.М. Коротич

Євтух, Володимир Борисович. Зібрання творів. Т.3.

Є27 1986-1990 / Володимир Борисович Євтух; упор. Л. В. Савенкова, О.М. Коротич; ред. Г.О. Голіцина. – К.: Вид-во «Фенікс», 2014. – 443 с.

У третьому томі зібрання творів видатного українського вченого представлені праці у галузі філософії, історії, етнології, соціології, які були опубліковані у період з 1986 по 1990 рік. Праці подані мовою першої публікації.

УДК 323 1
ББК 66.094

© Євтух В. Б., 2014

ISBN

БЕЗ РОБОТИ — БЕЗ НАДІЇ

...Повний сил і енергії Сесіл Ендрюс із Джексонавілла спалив себе; Норман Пітерс та його дружина отруїлися вихлопними газами; Пітер Ван Уестерінг викинувся з п'ятого поверху; близько ста (!) чоловік, звільнених компанією «Вісконсін стіл» з роботи, покінчили життя самогубством... Ці страхотливі факти були наведені на з'їзді безробітних у Чікаго. Причина трагедій — втрата надії віднайти бодай яку-небудь працю, котра дала б можливість жити по-людськи. Їх сьогодні багато у капіталістичному світі — тих, хто у розквіті сил зводить порахунки з життям: в Англії, наприклад, протягом року майже чотири тисячі громадян після тривалих пошуків роботи наклали на себе руки.

Західні вчені уже давно встановили зв'язок між зростанням безробіття й поширенням негативних морально-психологічних явищ у капіталістичному світі. Приміром, у США це знаходить своє вираження в таких цифрах: підвищення безробіття на один процент спричиняється до 37 тисяч передчасних смертей, у тому числі 920 — самогубств; водночас кількість хворих в психодиспансерах зростає на чотири тисячі, а в'язнів у тюрмах — на 3300 чоловік. Якщо ж згадати тут й інші країни капіталістичного світу, то цифри будуть ще більш вражаючі: згідно з останніми даними, збільшення чисельності безробітних на один мільйон протягом п'яти років означає близько 50 тисяч передчасних смертей, понад 60 тисяч психічних захворювань, не менш 14 тисяч ув'язнень.

Останнім часом на площах, центральних вулицях західних міст усе частіше й частіше можна спостерігати молодих людей, які грають на музичних інструментах, співають, малюють на асфальті, а поряд стоїть якась посудина, в яку перехожі зрідка кидають дрібні монети. Ці юнаки і дівчата вже навіть і не пробують виборсатися із потоку, що несе їх до тієї межі, яка зветься безвихіддю. Тут же снують молоді люди з табличками-проханнями хоч чимось

допомогти їм.

Статистика свідчить: якщо наприкінці 70-х років у двадцяти чотирьох країнах, що входять до Організації економічного співробітництва і розвитку (ОЕСР), налічувалось 16 мільйонів безробітних, то нині їх — понад 36 мільйонів.

Справжньою катастрофою для молоді західних країн стало безробіття серед випускників вищих учбових закладів. Ще десять-п'ятнадцять років тому вони могли відносно спокійно почуватися на ринку праці, бо капіталістичне виробництво, перебудовуючись відповідно до вимог науково-технічного прогресу, потребувало дипломованих спеціалістів. Нині ж утворився їх надлишок. Італійський журнал «Епока» у цьому зв'язку повідомив, що якби всіх безробітних Італії з вищою освітою вишикувати в дві шеренги, то ця колона простягнулася б від Неаполя до Риму.

Така ситуація склалась у результаті впровадження досягнень НТР, що викликало різке скорочення робочих місць не лише в суто виробничій сфері, але й у сфері управління виробництвом. Стосовно ж так званих непродуктивних галузей, то тут кількість зайвих людей з вищою освітою зростає внаслідок скорочення асигнувань на соціальні потреби: освіту, медичне обслуговування тощо. Наприклад, у Франції лише третина дипломованих спеціалістів знаходить заняття, що відповідає їх кваліфікації, а в Іспанії 80 відсотків молодих людей з вищою освітою не можуть влаштуватися на роботу. Безробітних «білих комірців», «пролетаріату з вузівськими дипломами» стає все більше і більше. Так, у ФРН, згідно прогнозів буржуазної преси, протягом 90-х років як мінімум 1 мільйон 300 тисяч спеціалістів з вищою освітою залишаться без роботи, або ж, іншими словами, лише 15 відсотків молодих людей з вузівськими дипломами будуть зайняті в промисловості та державних установах.

Дійсно, велетенських масштабів набрало це соціальне лихо капіталістичного світу. Воно настільки пронизало всі його сфери, так вкорінилося у свідомість молодого покоління, що останньому навіть важко уявити суспільство, яке б не роздирала проблема безробіття. Така думка, до речі, свідомо насаджується буржуазними ідеологами. Приміром, у США вони намагаються перекопати громадян у тому, що для «нормального» функціонування економіки необхідний певний процент безробітних. Мовляв, навіть в СРСР та інших соціалістичних країнах незабаром дійдуть до чогось подібного. Навіщо ж буржуазній пропаганді потрібні такі вигадки?

По-перше, ті половинчасті заходи, якими у тих же Спо-лучених Штатах, Великобританії чи ФРН намагалися пом'якшити цю проблему, виявилися неефективними. У США збанкрутувала ідея стимулювання ділової активності,

якій американська пропаганда надала великого розголосу. Щоб дещо зменшити масштаби так званого застійного безробіття, федеральний уряд Сполучених Штатів пішов на збільшення розмірів кредитів і субсидій, за рахунок яких можна було б перекрити витрати підприємств, викликані наймом «зайвих людей», які тривалий час залишалися без роботи.

Більша частина цих коштів мала витратитися на скорочення так званого літнього безробіття, тобто надання роботи певній кількості людей, в тому числі й молоді, на період з 1 травня до 30 вересня. У результаті цих заходів фактично збільшувалися прибутки підприємців, оскільки вони отримували дуже дешеву робочу силу — адже, скажімо, мінімальна погодинна оплата праці знизилася майже до долара, а витрати компаній при цьому не перевищували 50 центів щогодини з розрахунку на одного працюючого. Та й, зрештою, сама програма скорочення літнього безробіття охоплювала мінімальну кількість «зайвих людей».

По-друге, ситуація в капіталістичній економіці на сьогоднішній день така, що і в майбутньому не доводиться очікувати будь-якого поліпшення у сфері зайнятості, зокрема молодого покоління. Спад виробництва, який апологети буржуазного ладу називали тимчасовим, насправді виявився непереможним. Сьогодні він супроводжується довготривалими структурними кризами в ряді так званих традиційних галузей промисловості — чорній металургії, автомобільній, хімічній та інших. Власне в тих галузях, де зайнята велика кількість робочої сили. Так, в одних лише Сполучених Штатах за останнє десятиліття припинили роботу понад 13 тисяч великих промислових підприємств, а персонал металургійних заводів у Франції скоротився на третину, у ФРН — на 17 процентів, у Великобританії — більш ніж наполовину. Скорочення промисловості продовжується. Про це свідчать спеціально розроблені плани Комісії Європейської економічної співдружності (ЄЕС). Вона, зокрема, поставила вимогу перед своїми членами більш як на третину скоротити потужності в сталеплавильній галузі, що означає закриття 20 великих підприємств і втрату десятків тисяч робочих місць. Західнонімецькі фахівці підраховали, що при збереженні нинішніх темпів скорочення виробництва в найближчі десять років ще майже чотирьом мільйонам працюючих доведеться залишити свої робочі місця.

Безробіття, викликане спадом у традиційних галузях промисловості, до того ще й сконцентроване в одних і тих же географічних районах, породжує усе більше проблем. Власне, безробітні практично позбавляються можливості знайти нове місце, оскільки вивільнюється велика кількість людей однакової спеціальностей і кваліфікації. До того ж, на відміну від минулих років, сьогодні

більша частина вивільнених при скороченні виробництва робочих місць знову не поповнюється, а для перекваліфікації тих, що опинилися за бортом фірм і компаній, вимагається більш тривалий період, та й, ясна річ, відповідні фінансування. У США ж, наприклад, їх урізано більш як на третину, в результаті чого 600 тисяч безробітних не змогли здобути спеціальність, на яку був попит на ринку праці. У 1986 фінансовому році вашінгтонська адміністрація скоротила асигнування на професійну підготовку населення вже на 63 проценти. Отже, шанси безробітних отримати необхідну кваліфікацію, а відповідно і роботу — ще більше зменшилися.

Буржуазна пропаганда завзято експлуатує вигадку про те, нібито гонка озброєнь — це благо для тих, хто шукав роботи. Вона, мовляв, забезпечує зайнятість мільйонам. Що ж, за даними американських спеціалістів, асигнування на військові потреби протягом року дозволяють відкривати трохи більше п'яти мільйонів робочих місць. Та є й інші підрахунки: якщо б ці асигнування спрямувати у цивільні галузі промисловості, то кількість нових робочих місць становила б понад сім мільйонів. Таким чином, гонка озброєнь в буквальному розумінні слова пожирає у Сполучених Штатах щорічно два мільйони робочих місць, а у всіх промислово розвинутих капіталістичних країнах ця цифра сягає п'яти мільйонів. За підрахунками західноберлінського Інституту німецької промисловості, кошти, вкладені у цивільне виробництво, створюють на 49,4 відсотка більше робочих місць, ніж капіталовкладення у воєнні галузі. Отже, цілком очевидно, що пропагандистська вигадка, буцімто мілітаризація — благо для безробітних — це справжнісінький блеф, котрий грає на руку лише монополістичній верхівці, якій вигідне дальше нагнітання міжнародної напруженості, нестримний ріст гонки озброєнь.

Коли сьогодні на Заході говорять, що страх безробіття дамокловим мечем нависає над мільйонами й мільйонами громадян, і в першу чергу молоддю, то мають на увазі не лише збільшення кількості «зайвих людей», а передусім його соціальні наслідки. Річ у тім, що підприємці з великою недовірою ставляться до тих, хто тривалий час не мав роботи, — адже за період безробіття вони об'єктивно втратили необхідний рівень кваліфікації. Ці люди є найпершими кандидатами у армію так званих «довічних безробітних». До речі, за підрахунками західних спеціалістів, їх, наприклад, у США та ФРН нараховується вже дві п'ятих всіх безробітних; у країнах Західної Європи з урахуванням новітніх тенденцій на ринку праці третина людей без роботи може в будь-який момент потрапити в «довічні безробітні».

Про цю категорію «зайвих людей» ще до недавнього часу на Заході зовсім мовчали. Звичайно, вони там були, але буржуазній пропаганді у

хитросплетіннях статистичних даних вдавалося приховати сам факт їхнього існування. Та ось протягом останніх двох-трьох років і ця виразка «вільного світу» далася взнаки. Сьогодні західні фахівці говорять про формування цілої армії довічних безробітних. Поки що немає точних підрахунків щодо її вікового складу, але є всі підстави вважати, що саме молодь, яка закінчує навчання, становить найбільшу її частину. Адже саме випускники вищих і середніх учбових закладів, котрі не встигли набути практичних навиків праці на виробництві та в державних установах, вважаються неперспективними. Не слід також забувати і про такий контингент, як безробітні актори, музиканти, художники, яких іменують «вільними» громадянами міських вулиць. Приміром, в Італії вони навіть влаштували свій перший міжнародний фестиваль вуличних артистів, щоб привернути увагу громадськості до свого жалюгідного становища.

Ведучи мову про становище сьогоднішніх безробітних західного світу, передусім юнаків і дівчат, необхідно наголосити на обмеженні можливостей отримання допомоги по безробіттю. Вже саме збільшення масштабів цього соціального лиха номер один веде до скорочення як самої допомоги по безробіттю (зазначимо, що ті, хто не приступав ніколи до роботи або ж не був застрахований на випадок безробіття, взагалі не мають права її отримувати), так і тривалості її виплати. Так, у Сполучених Штатах термін останньої скоротився з 39 до 26 тижнів. До того ж буржуазна система соціального страхування будується на класових засадах, тобто так, щоб якнайповніше задовольнити запити не самих трудящих, які її найбільше потребують, а правлячої еліти.

Як правило, допомога по безробіттю у Сполучених Штатах не сягає й половини нормальної заробітної плати робітника. У зв'язку з скороченням асигнувань на соціальні потреби (за рейганівської адміністрації вони охопили 250 програм) урізуються й розміри допомоги безробітним. Так останнім часом вона зменшилася на 27 мільярдів доларів. Значно скоротили розміри й тривалість виплат безробітним уряди Франції та Англії. До того ж англійські консерватори ще й обложили «зайвих людей» податком.

Усе це не лише спричиняється до погіршення матеріального становища самих безробітних, а й фактично позбавляє будь-яких можливостей членів їх сімей, і передусім підростаюче покоління, для здобуття освіти, професії, що, в свою чергу, відкриває перед ними невтішну перспективу — потрапити в стан тих 35 мільйонів американців і 30 мільйонів громадян у країнах «Спільного ринку», які живуть нижче офіційного рівня бідності.

До важких соціально-економічних наслідків безробіття додаються його морально-психологічні проблеми, що особливо гостро проявляються у

молодіжному середовищі. Опинившись в становищі «зайвих людей», юнаки і дівчата страждають комплексом соціальної неповноцінності, стають схильними до злочинів, вживання наркотиків, а то й просто кінчають життя самогубством. Так, капіталістичне суспільство не в змозі подолати цю найпекучішу соціальну проблему, воно не здатне запропонувати реальну альтернативу молодому поколінню, котра зумовила б реалізацію її права на працю, зрештою, на життя. Адже всі рецепти, що їх видають буржуазні політики та бізнесмени урядам своїх країн для боротьби з безробіттям, не передбачають головного— перебудови існуючого суспільного ладу, а тому користі від них — як мертвому від припарки.

Завершуючи аналіз проблеми безробіття й її неймовірно жахливих наслідків для капіталістичного світу, варто сказати, що передова частина юнаків і дівчат на Заході навіть у таких складних умовах шукає можливостей до поліпшення свого становища. Вони разом з представниками старших поколінь збираються на конгреси безробітних, де намічають конкретну програму дій, беруть участь у класових битвах пролетаріату за свої права, створюють ініціативні групи, комітети безробітних.

В ході наполегливої боротьби з панівним класом значна частина молоді капіталістичних країн не лише демонструє своє небажання миритися з існуючим становищем, але й доходить висновку, що право на працю, на майбутнє можна здобути за умов корінних соціальних перетворень. Орієнтиром для них на цьому шляху виступають чіткі програми комуністів, а надихаючим прикладом є Радянський Союз, багаторічний досвід якого вцент розбиває фальсифікаторські твердження буржуазної пропаганди про неможливість у будь-якому суспільстві вирішити проблему безробіття.

*Опубліковано: Пост імені Ярослава Галана. – Книга
18.– Львів : Каменяр, 1986. – С. 62-67.*

**ШКОЛА В СУЧАСНІЙ АНГЛІЇ:
РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ БАРБАРИГА А. А. ШКОЛА
ВЕЛИКОБРИТАНІЇ. – КИЇВ : РАДЯНСЬКА ШКОЛА, 1986.**

В умовах загострення ідеологічного протиборства двох протилежних суспільних систем критичне дослідження соціальних, економічних, політичних аспектів внутрішнього життя капіталістичних країн є одним з найактуальніших завдань радянських суспільствознавців. Особливої ваги набуває критика заходів буржуазії щодо ідеологічного забезпечення соціальної політики, спрямованої на зміцнення своїх позицій. Освіта є тією ланкою системи ідеологічного забезпечення, якій правлячі кола надають чи не найбільшого значення. Адже в школі, де учнів виховують на фальшивих цінностях буржуазного способу життя, починається формування світогляду громадян.

Предметом дослідження рецензованого видання (Барбарига А.А. Среднее и среднее специальное образование в современной Англии. – К. – Одесса: Вища шк., 1985. – 128 с.) є суть намагань англійської буржуазії привести систему освіти у відповідність з умовами економічного (кризисного) розвитку країни та класової обмеженості структурних змін освіти.

Передусім він звертає увагу на суперечливість післявоєнного розвитку англійської системи освіти, що визначалася протиріччями соціально-економічних процесів у країні, зокрема кризами в галузі економіки. Останнє, як правило, вело до зменшення асигнувань на потреби освіти і насамперед трудящих мас, до збільшення кількості безробітних – колишніх випускників шкіл тощо (див. с. 7-12).

Як свідчать конкретні дані про розвиток освіти в сучасній Англії, вона має тут чітко виражений класовий характер. Це виявляється у неоднакових можливостях здобуття освіти різними соціальними групами населення: так, діти з сімей заможніх верств мають змогу навчатися у приватних

привілейованих школах з міцною матеріально-технічною базою, що, безумовно, визначає більш високий рівень їх підготовки, ніж учнів державних шкіл, де навчаються діти трудящих.

Буржуазні теоретики, прагнучи обґрунтувати такий поділ шкіл, висувають різного роду концепції середньої освіти, зокрема реакційно елітарну, згідно з якою людству властива нерівність, а отже, і закономірним є прагнення верхів відібрати і спеціально підготувати через елітарні школи майбутніх лідерів суспільства. Цю концепцію, її модифікації («стратифікації», «розумового обдарування»), як і інші теорії буржуазної педагогіки, автор піддає критиці з позицій марксизму-ленінізму.

Важливо, що А.А. Барбарига появу й реалізацію згадуваних концепцій і теорій пов'язує з офіційною політикою буржуазної держави в галузі освіти, оскільки одні з них стали основою її формування (педоцентриська і предметоцентриська), а інші мають на меті виправдати курс на обмеження доступу до освіти дітям трудящих.

Оперуючи багатим фактичним матеріалом, автор відтворює. Реальну картину сучасних процесів у системі середньої і середньої спеціальної та професійно-технічної освіти цієї країни. Зокрема, він подає характеристику змісту навчального процесу в загальноосвітній школі, змісту предметів гуманітарного і природничого циклів тощо. Значна увага в роботі приділяється реорганізації системи середніх навчальних закладів та здійсненню реформи освіти. Аналізуючи їх зміст і результати, автор доходить логічних висновків, що заходи ці були викликані кризою англійської системи освіти, боротьбою прогресивних сил, і насамперед Комуністичної партії Великобританії, за її демократизацію.

Разом з тим «реформа середньої школи не змінила класового характеру освіти, вона лише частково послабила її селективний характер у деяких типа державних шкіл» (с. 120). Інакше кажучи, правлячу кола надали реорганізації й реформі чітко вираженого соціально-обмеженого характеру. До речі, і новітні заходи консервативного уряду Англії, як от «ініціатива в галузі технічного й професійного навчання» 1983 р., засвідчують прагнення правлячих кіл кризовий стан освіти використати у своїх класових інтересах: згідно з планами консерваторів лише 15% учнів одержуватимуть повну середню освіту, а ще 15 – будуть завершувати навчання в 16 років. Усі ці фактури говорять про те, що в які б шати на рядилися реформатори освіти, вони стоять на варті інтересів панівного класу й намагаються звести нанівець соціальні завоювання трудящих.

Книжка А.А. Бабариги дає чимало підстав для роздумів над справжнім змістом буржуазної демократії, для викриття фальшивості реклами

капіталістичного способу життя. Тому в дослідженні варто було б підкреслити роль неоконсервативної ідеології, що стала панівною у політиці нинішнього уряду Великобританії й має на меті «обґрунтування» його новітньої агресивної внутрішньої та зовнішньої політики. Оскільки дається критичний аналіз середньої освіти в умовах соціально-економічної кризи, то матеріал про успіхи народної освіти соціалістичних країн, скажімо, у вступі, або ж у висновках був би переконливим свідченням переваг соціалістичного способу життя над капіталістичним.

Безумовно, монографія зацікавить широке коло читачів і найперше – вчителів, а тому доречними, на наш погляд, були б методичні рекомендації про використання в педагогічній практиці, зокрема у виховному процесі такого багатого й цікавого, фахового й критично проаналізованого матеріалу.

Рецензована праця, написана відомим фахівцем із зарубіжного школознавства, є помітним внеском у вивчення й критичне осмислення сучасних процесів, що відбуваються у школі капіталістичного світу. Великий загальноосвітній і контрпропагандистський потенціал визначає її науково-практичну й політику-ідеологічну цінність.

Опубліковано: Радянська школа. – 1986. – № 7.

Цього року також було опубліковано:

1. Этническая семья в странах Северной Америки // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1984-1985 гг. : тезисы докладов / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – Йошкар-Ола, 1986.
2. Этничность в переселенческих анклавах: американцы и канадцы украинского происхождения / В. Б. Евтух, А. Г. Шлепаков) // Этнические процессы в СССР и США : материалы советско-американского симпозиума. – Москва : ИНИОН, 1986.

БУРЖУАЗНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЕГМЕНТИРОВАННОГО ХАРАКТЕРА РЫНКА ТРУДА В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ СТРАНАХ

В современном капиталистическом мире миграция рабочей силы стала одной из важных составных частей социально-экономического развития. Это определяется как самим объемом миграций (он и в настоящее время остается внушительным — в начале 80-х годов, по оценкам исследователей, в миграционных процессах во всем мире участвовало от 14 до 31 млн. чел.), так и особенностями взаимодействия различных по своему национальному, социально-профессиональному составу и культурному уровню контингентов рабочей силы в процессе производства, в быту и в общественной жизни стран проживания.

Отмеченные факторы придают своеобразную специфику социальной ситуации, складывающейся в странах — импортерах рабочей силы и связанную с участием в ее формировании значительных контингентов иммигрантов. Эта специфика, в частности, выражается в напряженных отношениях, порой достигающих конфликтного завершения, спекуляциях правящих кругов вокруг вопросов найма рабочей силы, в своеобразии путей формирования фронта антимонополистической борьбы трудящихся полиэтнических стран и т.д. Буржуазная наука, традиционно выражая интересы правящих кругов, в угоду господствующему классу пытается интерпретировать новые феномены в социальной жизни своих стран, связанные с наличием в составе их населения представителей других народов. К относительно новым, по крайней мере, не анализировавшимся в советской литературе, таким интерпретациям можно причислить и концепцию сегментированного характера рынка труда. Ее научное оформление, по нашим наблюдениям, начинается в конце 60-х годов в работах М. Пиора, выдвинувшего гипотезу о существовании в капстранах

"двойственного рынка труда", и в начале 70-х годов в исследованиях Дерингера, обратившегося к изучению проблем неравноправного положения рабочей силы, в частности негров, на рынке труда США. В последующем те или иные аспекты данной проблемы разрабатываются такими западными социологами, как Э. Бонасич, А. Бозанке, М. Хехтер, Р. Бах, Р. Поленберг, ДжРекс, Л. Уонг и др.

Сущность концепции сегментированного характера рынка труда сводится к определению последнего как состоящего из отдельных секторов или сегментов, преимущественно двух (первичного и вторичного), заполняемых рабочей силой в соответствии с ее профессионально-квалификационным уровнем. При этом первичный сектор заполняется высококвалифицированной рабочей силой (специалисты с высшим образованием, управленческий аппарат, представители науки, художественная интеллигенция и т.д.), а вторичный - малоквалифицированной (подсобные рабочие, работники сферы обслуживания и т.д.), что отражается и на оплате их труда. В первичном секторе сосредоточена высокооплачиваемая рабочая сила, а во вторичном, соответственно — низкооплачиваемая. Согласно утверждениям западных исследователей, значительное количество иммигрантов в силу своего социально-профессионального состава автоматически попадает во вторичный сектор. Во всяком случае, в этом секторе, если брать общий объем иммигрантов в странах Западной Европы и Северной Америки, выходцы из других стран сконцентрированы в большей степени (в процентном отношении), чем коренное население европейских стран и представители американской и англоканадской наций в США и Канаде. Подтверждая эти положения конкретным статистическим материалом, буржуазные социологи приходят к заключениям о предопределенности и естественности такой ситуации на рынке труда в полиэтнических странах, когда иммигранты, как правило, сосредоточены во вторичном секторе. Рассуждая подобным образом, они в своих публикациях подводят читателя к мысли о неизменности такого положения и закономерности низкого социально-экономического статуса, за некоторыми исключениями, пришедшей рабочей силы. Последнее они связывают преимущественно с ее не высоким профессионально-квалификационным уровнем.

Остановимся на анализе данного аспекта концепции сегментированного характера рынка труда, который как явствует из вышеизложенного, непосредственно связан с социальной сферой жизни иммигрантов. В этом контексте необходимо отметить, что появление научно оформившейся концепции сегментированного характера рынка труда (практике общественной

жизни полиэтнических стран еще с самого начала переселенческих потоков было известно данное явление) связано с активизацией исследований социальной стратификации буржуазных обществ, в которой иммигрантский компонент довольно значителен. Рассуждения о причинах появления названных концепций именно в 60-е — 70-е годы приводят к логическому выводу, что одной из главных стало возрастание роли этнического фактора в жизни полиэтнических стран капитала в рассматриваемый период. Эти годы были именно тем периодом в истории капстран, когда в условиях углубления классовых антагонизмов, по В.И.Ленину, возможно "...временное появление на авансцене политической драмы и того или другого национального вопроса". Во все увеличивавшемся потоке научной литературы в США, Канаде, а также европейских странах, обращенной к интерпретации этнонациональных проблем, вопросы социальной стратификации заняли видное место, и появление концепции сегментированного характера рынка труда является закономерным результатом научного интереса буржуазных ученых к проблеме.

При этом отметим, что в данной статье речь идет только о тех разновидностях концепции, которые касаются иммигрантских сегментов капиталистического рынка труда (некоторые западные авторы в качестве отдельных сегментов рассматривают такие категории рабочей силы, как женщины и молодежь). В зарубежной литературе встречаются и такие названия, как "концепция двойственного характера рынка", "концепция сегментов на рынке труда". Предложенное название в заглавии статьи, на наш взгляд, наиболее точно отражает сущность разновидностей концепции и включает как первый, так и второй термины, используемые в буржуазной науке для характеристики одного и того же явления.

Как отмечалось выше, полиэтнических странам капитала и ранее была свойственна ситуация, когда на рынке труда в определенных отраслях сосредоточивалась значительная часть иммигрантской рабочей силы, например в металлургии, горнодобывающей промышленности (США), сельском хозяйстве (Канада). Ограничиваясь констатацией наличия данного явления в прошлом и не анализируя его эволюцию, мы обратим внимание на то, что сегментированный характер рынка труда, опять же в связи с иммигрантским его компонентом, проявляется в двух формах: 1) концентрация пришлой рабочей силы в определенных сферах производства, 2) существование этнических предприятий, преимущественно мелких, где и владелец, и рабочая сила, как правило, одного этнического происхождения. В настоящее время сегментированный характер рынка труда проявляется преимущественно в первой форме.

Для анализа того, как "работает" концепция сегментированного характера рынка труда в современных условиях, привлечем данные по таким параметрам: объем и национальные источники иммиграции, социальный и профессионально-квалификационный состав прибывшей рабочей силы, статус иммигрантов, их занятость и оплата труда.

Общий среднегодовой объем иммиграции в современном мире исчисляется несколькими миллионами, в том числе около 1 млн. - легальные иммигранты. В среднем 40-60 % иммигрантов оседает в США и Канаде⁶, в странах — импортерах рабочей силы Западной Европы - около 12 %. В Соединенные Штаты на протяжении 70-х годов ежегодно прибывало более 500 тыс. чел.⁸ (по оценкам экспертов, в 80-е годы среднегодовой объем составит не менее 795—970 тыс.)⁹, в Канаду - свыше 140 тыс.¹⁰, в страны Западной Европы — около 1 млн.

Основными национальными источниками иммиграции в отмеченный период являлись: а) для США - страны Азии, Латинской Америки и Европы; б) для Канады — страны Азии и Европы; в) для Западной Европы — страны Юго-Восточной Европы, Северной Африки, Азии. В США, например, в 1979 г. въехало 189 193 иммигранта из Азии (или более 40 % всех иммигрантов), 262 542 чел. (1978 г.) из стран Западного полушария, из них свыше 50 тыс. из Мексики, 60 845 чел. из стран Северной и Западной Европы¹²; в Канаду - за период 1979-1981 гг. - 170 625 чел. из Азии, 120 117 - из Европы, далее идут США (около 30 тыс.), Южная Америка (свыше 13 тыс.)¹³; в Западной Европе больше всего иммигрантов — выходцы из Турции, Марокко, Алжира, Вест-Индии, Испании, Греции, Югославии, Португалии, Туниса. В Великобритании, например, проживает свыше 700 тыс. выходцев из Вест-Индии, во Франции - 805 тыс. алжирцев, 492 тыс. марокканцев, в ФРГ - 1 млн. 552 тыс. турок.

Приведенные данные относятся лишь к легальным иммигрантам. Но в странах - импортерах рабочей силы пребывает значительное количество нелегальных иммигрантов, которых необходимо учитывать при анализе концепции сегментированного характера рынка труда.

В последней переписи населения США (1980 г.) было выявлено 2,06 млн. нелегальных иммигрантов, а по подсчетам специалистов их там находится 7,82 млн¹⁵. В другой североамериканской стране — Канаде — их насчитывается около 200 тыс.¹⁶, а в западноевропейских странах более 2 млн. Основными источниками нелегальной иммиграции для США и Канады является Мексика и страны Карибского бассейна, для Западной Европы — страны Северной Африки.

Такое распределение доноров иммиграции подтверждает сохранение в

современных миграционных процессах открытой В.И. Лениным закономерности: эмиграция из менее развитых в экономическом отношении стран в более развитые. Что касается структуры занятости иммигрантов, то она ограничена физическим, малоквалифицированным трудом. Так, 73 % испаноязычных иммигрантов США были заняты этим трудом¹⁸, а в общей сложности 91,8 % мексиканцев США за период 1975-1980 гг. были представлены в категории "синих воротничков"¹⁹, В Западной Германии квалификационная занятость иммигрантов характеризовалась такими данными (1979 г.): неквалифицированная рабочая сила - 52 %, полуквалифицированная - 33,5, квалифицированная — 14,5 % (для коренных жителей ФРГ эти показатели были соответственно: 33,3, 27,3, 39,4).

В конце 70-х годов основная масса пришедшей рабочей силы ФРГ была сосредоточена в следующих отраслях: промышленность (свыше 58 %), сфера обслуживания (14,7 %), строительство (10,3 %), причем, она выполняла низкооплачиваемую работу, а всего 2,4 % иммигрантов получили мест в государственных учреждениях. Подобная картина занятости характерна с небольшими вариациями для иммигрантов в Канаде, Франции, Великобритании. Основная масса иммигрантской рабочей силы (в странах Европы) сконцентрирована в таких отраслях промышленности, как фарфорофаянсовая, кожевенная, текстильная, пищевая, а также в строительстве - она, по крайней мере, на 15 % превышает наличие здесь рабочей силы коренных национальностей. Перечисленные отрасли промышленности, по утверждению западных исследователей, являются отраслями с "наибольшей интенсификацией труда (а также с низшим, чем в среднем, уровнем производительности) и менее прибыльными, а, следовательно, большинство из них с низшей чем в среднем заработной платой". В США так называемые "иммигрантские отрасли промышленности" (их перечень практически совпадает с приведенным для Европы с добавлением сельского хозяйства) также отмечаются высокой концентрацией неквалифицированного и полуквалифицированного труда.

Приведенные данные позволяют констатировать важный для анализа рассматриваемой концепции факт: большинство иммигрантов попадает во вторичный сектор рынка труда, что заранее обуславливает их худшее по сравнению с коренными европейскими жителями и представителями господствующих наций в США и Канаде социально-экономическое положение. Прежде всего это проявляется в оплате труда, которая ниже, а в некоторых случаях значительно ниже, чем у названных категорий населения стран - импортеров иммигрантов в силу двух причин: более низкой рентабельности

предприятий, на которых концентрируются иммигранты, и политики социальной дискриминации пришлых рабочих. Для подтверждения данного тезиса приведем некоторые цифры: по официальной статистике, заработок иммигрантов во Франции на 10—12 % ниже, чем у французов (в строительстве он составляет 60 % заработка француза-строителя), а в США оплата труда на швейных фабриках, находящихся в районах наибольшего сосредоточения китайских иммигрантов, в несколько раз ниже, чем на других предприятиях, и даже ниже установленного в стране минимума заработной платы. Еще более отчетливо эта разница проявляется в случае с нелегальными иммигрантами, которые, находясь вне закона, соглашались на любую, самую низкооплачиваемую работу.

Внешняя характеристика ситуации с пришлой рабочей силой в полиэтнических странах капиталистического мира, на первый взгляд, подтверждает объективность выводов, вытекающих из концепции сегментированного характера рынка труда, - о предопределенности судьбы иммигрантов, ограничивающей их трудовую деятельность вторичным сектором. Во многих исследованиях буржуазных авторов данный вывод обосновывается социальным и профессионально-квалифицированным составом иммиграции. Действительно, большинство континентов новых иммигрантов — это низкоквалифицированная рабочая сила. Однако сегодня иммиграция, оставаясь по своему характеру преимущественно трудовой, в определенной степени состоит из высококвалифицированных специалистов, работников умственного труда и т.д. Данное обстоятельство позволяет оспаривать утверждающееся концепцией сегментированного характера рынка труда мнение о закономерности включения иммигрантов в трудовую деятельность на уровне вторичного сегмента. Более того, исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что в последнее время в североамериканских и европейских странах физическим, низкооплачиваемым трудом вынуждены заниматься и те иммигранты, кто таковым не занимался в стране эмиграции. Показательным в этом плане является положение иммигрантов из стран Азии в США: в 70-х годах сюда прибыло значительное количество китайцев с дипломами о высшем образовании, но, как отмечают советские исследователи, "из-за различных преград, чинимых американскими федеральными и штатными властями, открытого и подспудного расизма этим людям не удастся найти работу по специальности. 20 % из них вообще остаются без работы; остальным пришлось "переквалифицироваться" в дворников, мусорщиков, посудомоек". В настоящее время во Франции насчитывается около 10 тыс. иммигрантов, которые заняты трудом, не соответствующим их специальности.

Концепция сегментированного характера рынка труда подводит теоретическое обоснование под практические действия предпринимателей, ориентируя их на замену одних контингентов пришлой рабочей силы другими, как правило, из одного и того же региона. Ротация рабочей силы во вторичном сегменте в значительной степени осуществляется в виде "закрытого цикла": на высвободившиеся места (в связи с окончанием контракта, вынужденной депортацией) нанимаются преимущественно ранее безработные иммигранты или новые контингент рабочей силы, прибывающие по новым контрактам, к тому же представители коренных национальностей зачастую не соглашаются выполнять низкооплачиваемую работу, которой в основном занимаются иммигранты. Такая политика найма пришлой рабочей силы позволяет удерживать иммигрантов в рамках вторичного сегмента и практически исключает возможность их продвижения вверх по лестнице социальной мобильности. Правда, в США, Канаде, европейских странах бывают и исключения, когда часть иммигрантов попадает в первичный сектор капиталистического рынка труда, но такое явление не столь частое. Канадский социолог Л. Уонг, исследуя ситуацию с распределением так называемых временных иммигрантов или "гостевых рабочих" пришел к выводу, что из 108 040 чел., въехавших в страну в 1982 г., основная часть сконцентрировалась в "первичном секторе. Однако, как подчеркивает автор, это произошло в результате прибытия из США значительного контингента художественной интеллигенции, работников науки и т.п. Если же исключить американскую иммиграцию, то выходцы из других стран находили работу преимущественно во вторичном секторе. В определенные периоды наблюдается проникновение иммигрантов и представителей национальных меньшинств даже в элитарные слои бизнеса, однако это явление — чрезвычайно редкое и их доля незначительна. Показательными в этом отношении являются данные исследования элиты корпораций г. Торонто (Канада), проводившегося в 70-х годах: в 100 крупнейших корпорациях было выявлено всего 20 бизнесменов неанглосаксонского происхождения (из общего количества 325), которые занимали посты директоров корпораций и только один из них был директором нескольких корпораций; менее 10% высших должностей в сфере обслуживания занимали выходцы из этнонациональных групп.

Некоторые западные исследователи, например М. Хехтер и С. Либерзон, увязывают распределение рабочей силы по соответствующим сегментам с культурно-психологическим расположением к тому или иному виду труда³². Однако абсолютизация данного критерия оправдывает дискриминацию иммигрантов на рынке труда. Кроме того, здесь просматривается тенденция

смещения акцентов в анализе социальных явлений, подменяющая социально-классовые понятия понятиями этнокультурного порядка. Подобные размышления приводят к методологически неверным выводам о причинах появления сегментированного рынка труда в полиэтнических странах Запада. Социальная стратификация иммигрантов в странах проживания определяется в первую очередь социально-экономическими условиями, в том числе и тем обстоятельством, какое место на рынке труда правящие круги отводят новым контингентам пришлой рабочей силы.

Политика закрепления иммигрантов во вторичном секторе кроме экономических преследует и идеологические цели. Концентрируя значительную часть выходцев из стран Азии, Африки, Латинской Америки в определенных отраслях, предприниматели создают так называемую этническую конкуренцию, генерирующую напряженные, порой конфликтные, ситуации в иммигрантской среде, даже среди выходцев одной и той же группы, перерастающие в этнический антагонизм³³. Данную тактику предпринимателей, особенно в условиях довольно высокого уровня безработицы среди иммигрантов (во Франции, например, он составляет более 8 %, в ФРГ — около 15 %), можно рассматривать как проявление открытой в свое время Ф.Энгельсом тенденции натравливания в капиталистическом мире одной национальности на другую. Кроме того, сама концепция сегментированного характера рынка труда, представляя как объективную закономерность закрепление за иммигрантами малоквалифицированного и низкооплачиваемого труда, вызывает негативное отношение у представителей господствующих наций, даже одного и того же социального происхождения, к попыткам иммигрантов преодолеть эту предопределенность. В этом случае мы сталкиваемся с завуалированными стремлениями правящих кругов полиэтнических стран капитала расколоть трудящихся по национальному признаку, не допустить формирования единого фронта антимонополистической борьбы представителей разных этнонациональных групп на социально-классовой основе. Этому стремлению как нельзя лучше призваны отвечать новейшие попытки обосновать наличие в рамках даже вторичного сектора капиталистического рынка труда своих отдельных сегментов, представленных иммигрантами определенных стран и регионов.

Таким образом, концепция сегментированного характера рынка труда с ее разновидностями является попыткой интерпретации сложившейся в полиэтнических странах капитала своеобразной ситуации на рынке рабочей силы с позиций господствующего класса в контексте современных плюралистических теорий ("этническое возрождение", теория

социологического интеракционизма и др.) этносоциального развития этих стран. Их цель — подведение теоретической базы под преднамеренно проводимую политику закрепления иммигрантов на низших ступенях социальной иерархии буржуазного общества, распространение и утверждение в среде трудящихся стран иммиграции мысли о закономерности низкого социально-экономического статуса выходцев из других регионов, нагнетание напряженности в отношениях как между представителями господствующих наций и иммигрантскими группами, так и внутри иммиграции.

V.B.Evtukh

CONCEPTION OF THE SEGMENTED CHARACTER OF THE LABOUR
MARKET IN THE POLYETHNIC COUNTRIES

SUMMARY

Numerous statistical data attracted by the author have permitted him to analyze a position of immigrants at the labour market in the developed capitalist countries and to give a versatile consideration of modern antisocialist bourgeois theory of the segmented employment which is aimed at substantiation of discrimination of the ethnic national minorities in the sphere of labour relations.

Литература

1. Tabbarah Riad. Prospects of International Migration // International Social Science Journal. - 1984. - Vol. 36. - N 3. - P. 426.
2. Piore M. Notes for a Theory of Labor Market Stratification // Edwards R., Reich M., Gordon D. (eds.). Labor Market Segmentation. - Lexington (Mass), 1975. - P. 125.
3. Ленин В.И. Национальный вопрос в нашей программе // Полн. собр. соч.-Т. 7. - С. 239.
4. См. : Berrocal L. Marche du travail et mouvements migratoires. — Bruxelles, 1983. - P. 158.
5. Zunz Oliver. American History and the Changing Meaning of Assimilation // Journal of American Ethnic History. - 1985. - Vol. 4. - N 2. - P. 64.
6. Wong Lloyd. Canada's Guest workers: Some Comparisons of Temporary Workers in Europe and North America // International Migration Review. — 1984. - Vol. 13.-N1.-P. 86.
7. Подсчитано по: Tabbarach R. Op. cit.: The Courier UNESCO. - 1985. - September. - P. 4.
8. Reimen David. An Unintended Reform: The 1965 Immigration Act and Third

World Immigration to the United States // Journal of American Ethnic History.- 1983. / ol. N1. -P. 25.

9. The New York Times. - 1982. - 13 June.

10. Подсчитано по: Richmond A. and Rhyme D. Ethnocultural Social Indicateon for Canada: A Background Paper. - 1982, September. - Table 2, 1.

11. The Courier UNESCO. - 1985. - September. - P. 4.

12. Reimers David. Op. cit. - P. 10, 20, 24. .

13. Richmond A. and Rhyme D. Op. cit.

14. Time. - 1983. - December 12. - P. 9.

15. Passel Jeffery, Woodrow Karen. Geographic Distribution of Undocumented Immigrants: Estimates of Undocumented Aliens Counted in the 1980 Census by State // International Migration Review. - 1984. - Vol. 18. -- N 3. -- P. 642, 648.

16. Globe and Mail. - 1983. - 4 March.

17. Horizont. - 1983. - N20.

18. Marshall Adriana. Immigrant Workers in the Labour Market: a Comparative Analysis // International Social Science Journal. - 1984. - Vol. 36. - N 3. - P. 504.

19. Nelson C. and Tienda M. The Structuring of Hispanic Ethnicity: Historical and Contemporary Perspectives // Ethnic and Racial Studies, - 1985. - Vol. 8. - N 1. - P.65

20. Honekopp Elmar and Ullman Hans. The Status of Immigrant Workers in the Federal Republic of Germany // Immigrant Workers in Europe : Their Legal Status. -- Paris: The UNESCO Press, 1982. - P. 132.

21. Ibid. - P. 130.

22. Marshall A. Op. eit. - P. 505.

23. См. Євтух В.Б. Без права на майбутнє. - Львів.- Изд-во при Львов, унте, 1985. - С 24-25.

24. См.: Шлепаков АМ., Смирнова Л.Н. США: ""похищение умов" в прошлом и настоящем. - М.: Наука, 1983.

25 Marshall A. Op. cit. - P. 503.

26. Севастьянов Е.П., Корсакова Н.Е. Позолоченное гетто. Очерки из жизни в США эмигрантов из Китая, Кореи и Японии. - М. : Наука, 1983. - С. 40.

27. Trybuna Ludu. -1986. - 7 stycznia.

28. Berrocal L. Op. cit. - P. 158-159.

29. The Courier UNESCO. - 1985. - September. - P. 20.

30. Wong Lloyd. Op. cit. - P. 92.

31. Kelner M. Ethnic Penetration into Toronto's Elite Structure // Social Stratification: Canada. - Scarborough, 1973. - P. 100.

32. Hechter M. Group Formation and the Cultural Division of Labor // American

Journal of Sociology. - 1978. - Vol. 83. - N 2. - P. 300;

33. Lieberson S. A Piece of the Pie. Blacks and White Immigrants since 1880. - Berkley, 1980. - P. 379.

34. Bonacich Edna. A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market // American Sociological Review. - 1972. - Vol. 37. - N 5. - P. 549.

35. Энгельс Ф. Герману Шлюгеру в Нью-Йорк // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. - Т. 38. - С. 273.

Опубліковано: Зарубежний мир: соціально-політичні та економічні проблеми. – Вып. 13. – Киев : Наукова думка, 1987.

ЗА ЧЕРТОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА

Обездоленные... Второсортные граждане... Аутсайдеры... Парии общества. Когда-то введенные в обиход публицистами, эти названия сегодня прочно закрепились за национальными меньшинствами и иммигрантами, проживающими в США, Канаде, странах Западной Европы. А их немало в составе населения разных государств — только в США, например, проживает более 28 миллионов негров, 18 миллионов выходцев из испаноязычных стран, миллион индейцев и эскимосов, несколько миллионов иммигрантов и их потомков; в Западной Европе, в основном в Великобритании, ФРГ, Франции, Швеции, последних насчитывается почти 20 миллионов. В общей сложности — это люди, этническое происхождение и порой цвет кожи, обычаи и нравы, культура и психология которых отличаются от представителей господствующих наций. И подавляющее большинство из них находятся на самых низких ступенях социальной иерархии капиталистического общества, вернее на самом его дне, как метко подметил в своей новой книге о судьбе турецких иммигрантов известный западногерманский журналист и писатель Гюнтер Вальраф. Сотни подтверждений такому выводу можно легко найти в любой сфере общественной жизни эксплуататорского общества — будь то ФРГ, Великобритания, Канада или другая страна, на территории которой существуют национальные меньшинства и иммигранты. Сегодня, например, доходы жителей индейских резерваций США в 4—5 раз ниже, чем по стране в целом, а средние доходы черных американцев составляют чуть более 60 процентов средних доходов белых, у американцев латиноамериканского происхождения они не достигают 70 процентов. Согласно данным исследования Комиссии по правам человека в провинции Онтарио (Канада), доходы семей цветных иммигрантов и коренных жителей этой страны, как минимум, на 25 процентов ниже, чем у белого населения. Судоходные компании Великобритании, как правило, платят цветным морякам в 5 раз

меньше, чем белым, хотя рабочий день у них длиннее на четыре часа. По официальным данным, заработок иммигрантов во Франции на 10—30 процентов ниже, чем у представителей коренной национальности, а продолжительность рабочего дня опять же больше; многим иммигрантам в ФРГ труд оплачивается в шесть раз ниже, чем это предусматривалось договорами.

Естественно, такие низкие доходы сказываются и на благосостоянии этих категорий населения, они-то и отбрасывают выходцев из других стран на самое дно общества. У национальных меньшинств США значительно выше, чем у белых, процент лиц, живущих «ниже уровня нищеты»: у испаноязычных американцев в 2,5 раза, у негров — в 3,5; а 50 процентов индейцев вообще живут ниже официально установленного «порога бедности». Эти подтверждения можно было бы дополнить и другими данными, свидетельствующими о нищенском существовании цветных американцев. Миллионы их лишены права на жилище, около четверти негритянских семей обитают в домах, не соответствующих элементарным санитарно-гигиеническим нормам, около трети жилищ американцев мексиканского происхождения находятся в аварийном состоянии, а во многих индейских поселениях, вопреки рекламным заявлениям о райской жизни в резервациях, подобных жилищ — 90 процентов.

Как правило, многие помещения, в которых живут иммигранты со своими семьями, неоднозначно говорят, что здесь проживает иностранная рабочая сила. Скажем, в ФРГ более 30 процентов итальянских, турецких и греческих иммигрантов нашли пристанище во временных помещениях и бараках. Привычными для больших индустриальных центров Франции стали иммигрантские бидонвили — кварталы из жести, картона и других подсобных материалов. Или там же, во Франции, например, стали известны случаи, когда жилье нанимается группой иммигрантов. Чтобы сэкономить заработанные деньги, рабочие находятся в таком помещении только во время сна, а затем уступают его другим нуждающимся. Те же, кому удастся найти недорогое постоянное жилье, вынуждены ютиться целой семьей в одной комнате. С такими случаями довольно часто сталкивалась комиссия ЮНЕСКО, обследовавшая жилищные условия африканских иммигрантов в Париже. В так называемом иммигрантском доме на улице Леона-Мориса Нордмана в комнатухе площадью в 6 кв. м. проживает четыре человека. Спят они на деревянных скамейках, здесь же готовят пищу. К тому же здесь нет окон и какой-либо вентиляции.

Следствием безденежья, ужасных жилищных условий стали массовые заболевания, высокая смертность, особенно детская. Вообще проблема детей,

наверное, наиболее острая из всех существующих проблем для национальных меньшинств и иммигрантов и в США, и в Канаде, и в любой западноевропейской стране. Американский экономист Л. Олсон подсчитал: для того, чтобы в США в нормальных условиях вырастить молодого человека до 22-летнего возраста, родившегося в 1980 году, родителям понадобится 226 тысяч долларов, а на воспитание девушки — 247 тысяч долларов. Это не под силу миллионам американских семей, тем более национальных меньшинств. Поэтому в США и Канаде такие родители вынуждены отдавать детей на воспитание в государственные учреждения. К тому же многие такие семьи не могут обеспечить своим детям и полноценное образование для дальнейшей трудовой деятельности. В США, к примеру, выявлено, что большое количество молодых людей не в состоянии заполнить анкету, необходимую для трудоустройства. По официальным данным, в этой стране 34,3 миллиона взрослых практически не умеют читать, 26 миллионов — писать, 52,1 миллиона — считать. Так называемая функциональная неграмотность в значительной степени свойственна выходцам из национальных меньшинств. Подтверждение тому тот факт, что 56 процентов американцев латиноамериканского происхождения и 44 процента негров не умеют ни читать, ни писать на английском языке.

В век научно-технического прогресса, когда образование играет все большую роль и от него во многом зависит благосостояние, мы видим, что у национальных меньшинств США практически нет перспектив на улучшение своего социально-экономического положения, поскольку их образовательный уровень и качество образования остаются низкими. Так, средний уровень образования индейцев составляет всего 5 классов, пятая часть черных, треть американцев латиноамериканского происхождения, а пуэрториканцев — половина не имеют и 8-классного образования. Для сравнения вспомним, что среди белого населения таковых в 2—3 раза меньше.

Не лучше положение дел с образованием и в иммигрантской среде западноевропейских стран. Так, около половины детей иммигрантов, обучающихся в школах ФРГ, не получают аттестат об их окончании в результате низкого уровня знаний и только очень малая часть таких детей получает высшее образование. У молодежи национальных меньшинств и иммигрантского происхождения незавидная судьба и в плане трудоустройства, о чем свидетельствуют бесконечные примеры. Вот некоторые из них. Во французском городе Венисьо, где сосредоточена значительная часть иммигрантов из Северной Африки, 70 процентов молодых людей трудоспособного возраста не имеют работы. Комиссия за расовое равенство в

Великобританії установила, що 85 процентів чорної молодіжї Лондона отчаялись найти хоть какое-нибудь занятие. Более половины негритянской молодіжї США находятся в статусе безработных. В некоторых индейских резервациях США и Канады уровень безработицы достигает 70 процентів. К упомянутым выше примерам можно добавить и нетерпимое отношение к выходцам из других стран, искусственно подогреваемое представителями местных властей и господствующих наций. Характерно в этом плане высказывание 20-летнего турка Эйупа Сила, проживающего в Западном Берлине: «Когда я прихожу на биржу труда, я знаю, что здесь есть рабочие места, потому что служащие предоставляют их немцам. Но как только подходит моя очередь, в ответ на мой вопрос я слышу слова: «Извините, у нас ничего нет».

В особенно бедственном положении в современном капиталистическом мире находятся так называемые нелегальные иммигранты и их дети. Таковых в странах Северной Америки и Западной Европы насчитывается около 12 миллионов человек. Их называют рабами XX века, поскольку только они за мизерную плату соглашаются выполнять самую грязную, самую трудоемкую работу. Эти люди — чаще всего выходцы из Латинской Америки, Северной Африки и Турции — лишены каких бы то ни было прав, они живут в постоянном страхе быть обнаруженными властями и выдворенными за пределы страны, а в результате утратить иллюзорные надежды на улучшение своего материального положения в новой стране, куда они прибывают, поддаваясь увещаниям вербовщиков дешевой рабочей силы. Да и по пути в ту или иную страну их обирают сотни маклеров — известно, что за нелегальный переход через границу из Мексики в США профессионалы-маклеры требуют от каждого мексиканца 2 тысячи долларов. В самой же стране — будь то США, Канада, Франция — торговцы, пользуясь безвыходным положением нелегалов, сдирают с них огромные проценты за покупку товаров в кредит, домовладельцы — за сдачу внаем жилья, их постоянно шантажируют, а работодатели обращаются с ними, как с животными. Подобную ситуацию с нелегалами в ФРГ описал в своей книге Г. Вальраф: «Я знал коллег (Г. Вальраф скрывался под маской турецкого иммигранта Али Левента Синирлиоглу.— В. Е.), которые работали месяцами, а содержались как рабочий скот. Один 20-летний коллега регулярно трудился по 300—350 часов в месяц, поскольку стало обычным явлением, что Шериф, как турки прозвали бригадира, сразу после окончания смены снова заставлял рабочих вкалывать. Некоторые работали по 15—16 смен в неделю, другие по 40 часов подряд. Если вдруг нелегалам выпадали свободные суббота и воскресенье, они почти непрерывно спали...» Западные социологи

установили непосредственную связь между уровнем занятости и углублением морального кризиса капиталистического общества. Увеличение безработных на один миллион на протяжении пяти лет вызывает около 50 тысяч преждевременных смертей, более 60 тысяч психических заболеваний, не менее 14 тысяч тюремных заключений. И если, скажем, буржуазная пресса сообщает, что 60 процентов краж в странах Западной Европы совершают выходцы из Северной Африки или что возросла преступность среди иммигрантской молодежи, то одной из основных причин этого является бедственное положение этой категории населения, а не досужие домыслы буржуазной пропаганды о предрасположенности цветного населения США, Канады, Великобритании, иммигрантов в этих странах к преступности. Негры и испаноязычные американцы, например, приговариваются к более суровым наказаниям, чем белые, совершившие одинаковые нарушения закона. К тому же в негритянских гетто и индийских резервациях правовые органы осуществляют постоянный надзор и полицейские провокации, аресты и привлекают к судебной ответственности негров, индейцев даже за незначительные нарушения.

Пользуясь попустительством официальных властей и буржуазной фемиды, шовинистически настроенные элементы совершают прямо-таки злодейские акты насилия над иммигрантами и их семьями, особенно цветными. Согласно докладу лорда Скармена, который обследовал ситуацию с преступностью в Великобритании, полиция ежегодно регистрирует около 7000 актов насилия в отношении цветных граждан, а, по данным журнала «Тайм», иммигранты из Вест-Индии подвергаются расистским актам насилия в 36 раз чаще, чем белое население, выходцы же из азиатских стран — в 50 раз. Власти ФРГ, Великобритании, Франции, Канады по примеру США осуществляют постоянный контроль за деятельностью национальных меньшинств и иммигрантов, особенно их организаций. В нужный момент они перекрывают доступ выходцам из этих категорий населения к высшим эшелонам власти, управления производством и общественными процессами. Поэтому возможности влияния национальных меньшинств и иммигрантов на процессы экономического и общественного развития в странах проживания минимальны. И если их передовые слои активизируют борьбу за улучшение социально-экономического положения своих собратьев, то они сталкиваются с огромными трудностями, чинимыми самими властями и шовинистически настроенными слоями общества проживания. Причем правящие круги прибегают к применению самых крайних мер — травле и нередко даже физической расправе над лидерами движений социального протеста, в которых объединяются

представители национальных меньшинств и иммигрантов. Последнее стало традиционной чертой «демократических» обществ западного мира: это убийство Мартина Лютера Кинга, двойное пожизненное заключение лидера американских индейцев Леонарда Пелтиера (США), слежка за выходцами из восточнославянских стран, посещающими соц-страны (Канада), насильственная депортация неугодных властям «возмутителей спокойствия» (ФРГ, Франция).

И все же, несмотря на жестокую эксплуатацию, гонения и преследования, трудящиеся иммигрантские слои, представители национальных меньшинств борются за право на элементарное человеческое достоинство, которого их лишает капиталистическое общество. Во главе этой борьбы идут коммунисты, требующие равноправия для всех без исключения граждан – будь то цветных или белых, такого равноправия, которое может обеспечить единственно демократическое общество – общество победившего социализма.

*Опубліковано: Контрасты. – Київ : Молодь, 1987. –
С. 36- 42.*

КАПІТАЛІСТИЧНЕ СУСПІЛЬСТВО І МОЛОДЬ: ПРОБЛЕМИ 80-х

Радянські люди середнього покоління, безумовно, пам'ятають події травня 1968 р. у Франції. Спочатку студенти з Латинського кварталу (район Парижа, де вони вчаться і живуть), а згодом і робітнича молодь бурхливо висловлювали своє невдоволення ставленням суспільства до пекучих проблем молодого покоління. Франція кінця 60-х років не була єдиною країною в капіталістичному світі, де спостерігався справжній вибух соціальної й політичної активності молоді, у більшості своїх виявів спрямований проти існуючого ладу. Певною мірою така ситуація визривала і в США, Великобританії, ФРН.

По-різному трактувалися ці події буржуазними ідеологами, що воліли бачити у них якусь випадковість, а джерела неспокою серед студентської й трудящої молоді — лише в особливостях психології і характеру молодої людини, якій властивий дух непокори й протесту. Проте які б аргументи не наводилися на захист такої концепції, очевидним став факт, що виступи молоді дають привід поміркувати над питанням демократичності капіталістичного суспільства по відношенню до неї, чи насправді зацікавлені правлячі кола західних держав у розв'язанні гострих проблем, з якими вона постійно стикається.

У пропонованих роздумах про сьогоденні проблеми ми, звичайно, будемо виходити з подій і фактів поточного моменту. Та згадка про події майже двадцятилітньої давності зовсім не випадкова. Весь минулий період практично не позначений гострими соціальними й політичними виступами західної молоді, принаймні такими, які можна було б порівняти з французьким травнем 1968 р. Виняток, безумовно, становить активізація її участі у боротьбі за мир. 1970-ті роки були періодом появи й швидкого поширення серед молодого покоління хіппі, панків, релігійно-містичних течій.

Різною мірою, в найрізноманітніших виявах ці так звані аполітичні рухи

залишаються прикметою і нинішнього десятиліття. Та вже друга половина 80-х років дає чимало прикладів, які спонукають до порівнянь з найбільш яскравими сторінками в історії боротьби молоді Заходу за належне їй місце в суспільному розвитку своїх країн. У цьому контексті можна було б згадати весняні (1987 р.) виступи студентів Іспанії, участь молодих французів у боротьбі робітничого класу, рух західнонімецької молоді проти невиправданої екологічної політики свого уряду тощо.

Наростання невдоволення своїм становищем означає, на нашу думку, формування нової хвилі молодіжних виступів, які змусять правлячі кола та ідеологів країн Заходу перейти від фіксації фактів дискримінації молоді (а таких у буржуазній літературі й засобах масової інформації достатньо) до спроб якимось чином поліпшити її статус у капіталістичному суспільстві. Це об'єктивна закономірність. Інша річ, що буржуазне суспільство, його панівна верхівка, як переконує в цьому історія, силкуватимуться «розв'язати» гострі проблеми в рамках горезвісної західної демократії.

Давайте спробуємо розібратися, чому все-таки останнім часом у капіталістичному світі приділяється досить велика увага молодіжним проблемам. Почнемо з деяких узагальнюючих моментів, які, на нашу думку, дають змогу усвідомити мотиви цієї уваги.

За підрахунками експертів ООН, на початку 80-х років молоді люди у віці від 15 до 25 років (запам'ятаємо, лише в цьому віці) становлять 860 млн., або 20% населення земної кулі, а на кінець другого тисячоліття їх уже налічуватиметься близько одного мільярда. Соціологи, що займаються дослідженням вікової структури населення, подають цікаві дані, які спонукають до конкретних міркувань над сучасними і майбутніми проблемами демографічної ситуації у світі,— йдеться про так званий медіанний (середній) вік населення тієї чи іншої країни, регіону чи цілих континентів. Перед нами така картина: середній вік жителів планети на початку 80-х становив близько 23 років, а в різних її регіонах відповідно: в СРСР — 29,3, у Європі—32,5, в Азії —21,2, в Америці — 23,2 в Африці — 17,8 року.

Висновок з наведених цифр однозначний — у складі переважної більшості країн молодь становить значну частину населення, як правило, більш як 50%. Очевидним є й інший висновок: нинішня молодь— це могутній економічний, політичний потенціал майбутнього розвитку тієї чи іншої країни. Для тих, хто сьогодні керує державою, питання про те, яким чином буде реалізовуватися цей потенціал, набирає надзвичайної ваги. І тут навіть не такою важливою є протилежність засад соціально-економічних систем —це властиво для керівництва як соціалістичних, так і капіталістичних країн. А ось

у підході до створення умов реалізації можливостей молоді (маються на увазі всі без винятку сфери суспільного життя) названа протилежність дає себе знати.

У промові на XX з'їзді ВЛКСМ М. С. Горбачов підкреслив: «Головна партійна турбота, якщо говорити про проблеми молодіжного руху країни сьогодні,— відкрити молоді найширшу перспективу. Розкрити перед нею двері навстіж скрізь — на всіх напрямках економічного і науково-технічного прогресу, соціальної творчості, духовного розвитку» (Горбачов М. С. Молодь — творча сила революційного оновлення: Виступ на XX з'їзді ВЛКСМ 16 квітня 1987 р.— К.: 1987.—С. 13).

У цьому виражена суть марксистсько-ленінського підходу до розв'язання молодіжних проблем: через першочергову реалізацію соціально-економічних прав молоді людини як громадянина країни до задоволення її духовних запитів. До того ж молодь, згідно з марксистською концепцією, не залишається якимось стороннім спостерігачем, вона є активним учасником цього процесу. Радянське суспільство, перебудовуючись, безумовно, буде ефективніше використовувати в цьому напрямі наявні можливості й шукати нові резерви.

Сьогоднішня дійсність капіталістичного світу висвічує зовсім протилежний підхід у питаннях формування ставлення до молоді. Ця протилежність виявляється не стільки в самому факті занедбаності молодіжних проблем і непривабливому становищі більшості юнаків і дівчат навіть у найбільш розвинених капіталістичних країнах, скільки у свідомому прагненні панівної верхівки у своїх інтересах регулювати процес реалізації того економічного й політичного потенціалу, який несе в собі молоде покоління. Як це здійснюється на практиці?

Оскільки показники соціально-економічного порядку є найважливішим індикатором рівня соціального самопочуття, то почнемо з того, наскільки капіталістичне суспільство задовольняє потребу молодих людей у праці. Сьогодні навіть найзапопадливіші апологети капіталізму не заперечують того факту, що «молодіжне» безробіття стало справжнім соціальним лихом для буржуазного суспільства. На середину 80-х років у капіталістичних країнах налічувалося понад 30 млн. безробітних (в окремих країнах рівень безробіття становив від 8,3 до 12,4%). Стабільно високим він залишається і в нинішньому році — в середньому 11%. Що ж стосується молоді від 15 до 24 років, то він значно перевищував середньостатистичні показники як у цілому для капіталістичного світу, так і окремих країн: у США — від 15 до 22%, у ФРН — 10,8%, у Великобританії — 23,2%, у Канаді — 20% усіх молодих людей цього віку не мали змоги працювати. (Наводячи такі цифри, ми зовсім не

протиставляємо молодь старшому поколінню, тут також не дуже втішна ситуація).

Стабільно високі показники безробіття дають підстави твердити, що це — результат ідеологічно цілеспрямованої політики правлячих кіл, вияв того самого процесу регулювання суспільних явищ у молодіжному середовищі, про які згадувалося вище. У таких країнах, як Сполучені Штати Америки, Великобританія, Західна Німеччина, Франція та ін., вистачає ресурсів, щоб подолати проблему безробіття (скажімо, зменшити витрати на гонку озброєнь і вивільнені кошти віддати на створення додаткових робочих місць; виділити кошти на перекваліфікацію тих, хто в результаті науково-технічного прогресу втратив роботу, і т. д.), та вони не поспішають цього робити.

Безробіття в руках правлячої еліти перетворюється в ефективний важіль регулювання процесу формування соціальної й політичної активності трудящих, зокрема молоді. Наявність великої резервної армії праці дозволяє відмовляти під різними приводами, наприклад у ФРН, активним учасникам антивоєнного руху, борцям за соціальні права дискримінованих верств населення. Вряди-годи, створюючи додаткові робочі місця, підприємці при наявності великої кількості безробітних мають змогу залучати дешеву робочу силу, а буржуазні ідеологи використовують цю обставину для нагнітання неприязні до вихідців з інших країн у молодіжному середовищі, що, звичайно, дає змогу маніпулювати свідомістю молодих людей. За таких умов легко можна нав'язати юнакам і дівчатам фальшиві уявлення про реальності сучасного світу. Особисті зустрічі автора з молоддю Сполучених Штатів, ФРН, Іспанії, Італії, Франції та багатьох інших країн дають право на таке твердження. Зокрема, під час дискусій, що відбувалися в Культурно-інформаційному центрі Української РСР на XII Всесвітньому фестивалі молоді і студентів (Москва, 1985 р.), молоді французи, іспанці, італійці висловлювали сумніви щодо повідомлень про те, що в Радянському Союзі немає безробіття, що всі члени суспільства мають змогу реалізувати своє право на працю.

Така хибна думка серед молодих людей Заходу симптоматична — вона показує, наскільки буржуазним ідеологам удається насадити в їхніх умах думку про те, що з безробіттям як з якимось фатумом не може впоратися жодне суспільство. Або інший приклад. Нерідко, особливо в капіталістичних країнах, доводиться чути, що гонка озброєнь — це благо для тих, хто шукає роботу, вона, мовляв, забезпечує зайнятість мільйонам. Що ж, за даними американських спеціалістів, асигнування на воєнні потреби протягом року дозволяють відкривати трохи більше п'яти мільйонів робочих місць. Та є й інші підрахунки: коли б ці асигнування спрямувати у цивільні галузі промисловості,

то кількість нових робочих місць становила б понад сім мільйонів. За підрахунками західноберлінського Інституту німецької промисловості, кошти, вкладені у цивільне виробництво, створюють на 49,4% більше робочих місць, ніж капіталовкладення у воєнні галузі.

Поширюючи у молодіжному середовищі фальшиві уявлення про реалії сучасного капіталістичного світу, західна пропаганда виконує цілком конкретне соціальне замовлення панівного класу — змусити юнаків і дівчат миритися з тим становищем і тією незавидною роллю, яку їм відводить буржуазне суспільство. Бажання представити останнє як оплот демократії відчувається, скажімо, у широкій пропаганді певних заходів урядів ряду капіталістичних країн, які нібито прагнуть поліпшити становище молодого покоління. У США, наприклад, гучно рекламують так звані програми літньої зайнятості молоді. В період з травня по вересень у зонах високого рівня молодіжного безробіття створюються додаткові робочі місця. Однак таке явище варто розглядати скоріше як черговий ідеологічний маневр, ніж як ефективний засіб боротьби з безробіттям. У цьому переконує і той факт, що підприємці виплачують мізерну заробітну плату, і те, що ці програми охоплюють далеко не всі дві тисячі зон підвищеного рівня безробіття.

На подібні поступки правлячі кола змушені йти не тому, що зацікавлені у ліквідації «соціального лиха номер один», як називають безробіття на Заході, а тому, що прагнуть запобігти ще більш небажаним наслідкам цього явища. Зростання кількості безробітних, їхнє безперспективне становище вже сьогодні спонукає молодь до акцій, що турбують захисників експлуататорського ладу. Зокрема, безробітні збиралися на свої з'їзди у США, ФРН, а в Канаді та у деяких інших країнах Заходу створюються ініціативні групи безробітних, які мають на меті об'єднати всіх обездолених і намітити чітку програму дій у боротьбі за можливість працювати. Правлячі кола, звичайно, розуміють небезпеку, що загрожує їм, адже ліквідація безробіття неможлива без докорінної зміни засад капіталістичного суспільства.

Негативні соціальні наслідки безробіття посилюються ще й катастрофічним морально-психологічним розладом, що панує у молодіжному середовищі. Західні вчені підраховали, що збільшення чисельності безробітних на один мільйон протягом п'яти років означає близько 50 тис. передчасних смертей, понад 60 тис. психічних захворювань, не менш як 14 тис. ув'язнень. А це знову ж таки суперечить пропагандистським міфам про переваги буржуазного способу життя над соціалістичним. Здійснюючи половинчасті заходи, панівна верхівка західних країн силкується дещо збити гостроту соціальних проблем, стримати процес активізації рухів соціального протесту

молоді, замаскувати справжній стан речей. Певною мірою їм це вдається, та події 80-х років засвідчують, що далеко не завжди (наприклад, згадувані виступи молоді Іспанії, Франції, ФРН).

Останнім часом стали відомі й інші вражаючі факти, які зривають маску добропорядності й демократичності з капіталістичного суспільства. На перший погляд здається малоімовірною та обставина, що Сполучені Штати за рівнем письменності перебувають на 49 місці у світі. Сьогодні у США кожен восьмий підліток у віці до 17 років не вміє ні читати, ні писати; 51 млн. дорослих не закінчили середньої школи, а ще 15 млн. навчалися у школі менше 8 років.

До речі, в інших країнах Заходу становище у галузі освіти не набагато краще: у ФРН, наприклад, 1,4 млн. чоловік не вміють ні читати, ні писати. Природно, що переважна більшість з них — вихідці з трудових верств місцевого населення і трудящі-іммігранти, котрих підприємці в гонитві за дешевою робочою силою вербують у країнах Азії, Латинської Америки, Африки, обіцяючи їм всілякі пільги, в тому числі й надання можливостей їхнім дітям навчатися. Усе це дає підстави говорити про те, що записане у конституціях США, ФРН та інших країн право на освіту на практиці не реалізується.

Соціально-економічні, адміністративно-правові та інші чинники створюють такі умови, за яких для певних верств населення право на освіту залишається справжньою фікцією. Особливо коли мова йде про вищу освіту. В багатьох університетах і коледжах США плата за навчання становить 8—9 тис. доларів, а в так званих престижних, як от Гарвардський чи Принстонський, — понад 10 тис. До речі, під час відвідин Принстонського університету в минулому році нам повідомили, що за останні роки плата за навчання у ньому зросла майже на 10 процентів.

Глибокі знання, які дають такі престижні навчальні заклади, вихідцям із малозабезпечених сімей недоступні. Незначний прошарок дітей трудящих — характерна особливість вузів не лише з такою репутацією, як згадувані, а й багатьох інших: у ФРН їх усього 15%, у Франції—12%; ще менше у вузах Швеції, Італії, Японії.

Наявність у вузах певної кількості вихідців з трудових верств вказує на тенденцію, характерну для капіталістичних країн на нинішньому етапі їх розвитку: «В буржуазному суспільстві в сучасну епоху,— підкреслюють радянські дослідники,— інтелігенція стає масовим прошарком, досить-таки строкатим за своїм складом. Панівний клас не тільки висуває із свого середовища людей, які професійно займаються наукою, мистецтвом, літературою, а й певною мірою вбирає в себе освічені елементи з інших класів,

у тому числі вихідців із пролетаріату» (Социально-экономическая и политическая дискриминация трудящихся в капиталистическом мире.— К., 1980.— С. 160). Такий факт буржуазні ідеологи також використовують з метою пропаганди «демократичності» капіталістичного суспільства. Хоча знову ж таки шлях цей у дітей трудящих надто складний — серед безробітних, навіть з вищою освітою, переважна більшість саме їх.

Ті юнаки і дівчата, батьки яких не в змозі оплачувати їхнє навчання у вузах, можуть, звичайно, за сприятливого збігу обставин, одержати стипендію від держави, навчального закладу, наукових фондів, підприємств чи яких-небудь благодійницьких організацій. Однак цей шанс вдається використати не всім бажаним, бо, як, правило, стипендії у вузах капіталістичних країн отримують лише 10—25% студентів. Та, зрештою, стипендію необхідно ще й «відробити». У США і ФРН, наприклад, її потрібно повернути повністю протягом 10 років після закінчення вузу. Ті випускники, що залишаються без роботи тривалий час, потрапляють, отже, у скрутне становище.

Останнім часом у країнах Західної Європи, США складається парадоксальна ситуація — при зростанні кількості безробітних з дипломами про вищу освіту (свого часу італійський журнал «Еуропіо» повідомляв, що якби вишикувати всіх безробітних випускників вищих учбових закладів країни в колону по двоє, то утворилася б черга від Рима до Неаполя) зростає конкурс у вузи. Пояснюється це просто — багато молодих людей на Заході у такий спосіб відкладають на певний час вирішення своєї долі в надії на краще.

Реальність капіталістичних країн не дає підстав для сподівань на поліпшення становища щодо зайнятості молоді. На XXVII з'їзді КПРС зазначалося, що «у різних суспільно-політичних системах науково-технічна революція обертається різними її гранями і наслідками. Капіталізм 80-х років, капіталізм віку електроніки й інформатики, комп'ютерів і роботів викидає на вулицю нові мільйони людей, в тому числі молодих і освічених» (Матеріали XXVII з'їзду КПРС — К., 1986.— С 11).

За умов, коли суспільство не може розв'язати найпекучіші проблеми, запропонувати реальну демократичну альтернативу (тимчасові, половинчасті заходи, про які, зокрема, йшлося вище, тут не допоможуть), молодь шукає виходу самостійно. Одна її частина — передовий загін трудової молоді — вбачає цю альтернативу в активізації боротьби за реалізацію своїх соціально-економічних і політичних прав, інша включається в різного роду рухи, скажімо, в неоорієнталістські релігійні течії типу «Церква об'єднання», «Діти бога», займається шоу-бізнесом, під впливом ідеології якого ідеалом свого життя вважає участь у різних розвагах.

Зростає кількість і тих, що, зневірившись абсолютно в усьому (як бачимо, капіталістичне суспільство дає безліч підстав для такої зневіри), вдаються до вживання наркотиків. Хвиля морально-психологічного розладу, що властива значній частині юнаків і дівчат у капіталістичному світі, живить такі течії молодіжного руху, які або ж безпосередньо стверджують ідеологію фашизму, як-от молодіжні організації Національного фронту у Франції та Великобританії, Ку-клукс-клан у Сполучених Штатах, неофашистські угруповання у ФРН, або ж близько змикаються з цією ідеологією і пропагують її засобами поп-мистецтва.

Останнім часом це особливо однозначно виявляється у діяльності рок-груп, зокрема такого напрямку, як «хеві метал». Скажімо, популярний рок-ансамбль «Пінк-Флойд» співає пісню про Гітлера. Легалізована фашистська свастика стала атрибутом сьогodнішніх панків. Звичайно, це крайнє праве крило сучасного молодіжного руху на Заході, воно не таке чисельне, але час від часу посилюється. На жаль, інколи туди примикають і ті, хто знаходиться на роздоріжжі.

Співвідношення (передусім у кількісному плані) між соціально активною молоддю і тією її частиною, що перебуває під впливом дрібнобуржуазної ідеології, виразником якої можна вважати релігійно-містичні, попартистичні рухи, не на користь першої. Така ситуація — це результат об'єктивних закономірностей розвитку капіталістичного суспільства. Його засади не дозволяють молоді, невдоволеній своїм становищем, повною мірою виявити соціальний потенціал. Використовуючи арсенал засобів (від матеріальних до політично-правових) свого впливу на формування світоглядних позицій юнаків і дівчат, буржуазне суспільство тримає під постійним контролем процеси, які відбуваються у молодіжному середовищі. З цією метою воно вдається й до послуг тих сил, які, як підкреслювалося у промові М. С. Горбачова на XX з'їзді ВЛКСМ, намагаються підкинути фальшиві цінності, збити з правильної дороги молоду людину, відвернути її від активної політичної боротьби, від участі в соціальних процесах, штовхнути її у світ обивательщини, щоб вона була політично знекровленою.

Саме таку мету й переслідують буржуазні ідеологи, переконуючи молодь у тому, що, наприклад, не можна побороти безробіття, що головне для юної особи — це можливість вдовольнити свої егоцентричні інтереси, що досить поринути у світ містики і розваг, як соціальні проблеми залишаться позаду, і под. Тому для молодих людей, як силкуються довести буржуазні ідеологи, нібито природним є потяг до різних екзальтованих рухів, у яких вони, мовляв, повністю себе виявляють. Однак є чимало прикладів, які суперечать такій

позиції і свідчать, що багато юнаків і дівчат беруть участь у різних товариствах, не маючи перед собою іншої альтернативи.. Так, в американській пресі з'явилися повідомлення про нову течію в молодіжному русі штату Каліфорнія під назвою «заповзятливі роботяги». Коли у цих молодих людей з'явилася можливість повноцінно трудитися, вони відмовилися від участі в екзотичних течіях і віддають свій час праці.

Обов'язковим у процесі обробки умів молодого покоління є намагання вибити думку про те, що існує ідеал, до якого можна прагнути — соціалістичне суспільство. Ворожі нам західні ідеологи нападають на соціалізм, силкуються його очорнити. Ці спроби особливо посилюються сьогодні, коли за умов гласності й демократизації радянського суспільства стають відомими негативні явища, що мали у нас місце. Піднімаючи їх на хвилю антирадянщини, значно перебільшуючи їх розміри й загрозу для соціалізму, наші противники силкуються переконати громадян західного світу, передусім молодь, у тому, що капіталізму і соціалізму властиві одні й ті ж молодіжні проблеми. При цьому наголос робиться на наркоманії, злочинах, проституції й зовсім не згадується про великі можливості, які має наше суспільство у їх викорененні.

У цьому контексті варто сказати, що, незважаючи на масовий наступ буржуазної пропаганди на молоде покоління, їй далеко не завжди вдається добиватися запланованих результатів. Значна частина молоді, власне, ті, хто схильний до аналізу, зіставлення явищ суспільного розвитку, не піддаються на облудні міфи. Показовою щодо цього була реакція студентів університету м. Лінкольн (столиця штату Небраска, США) на демонстрування горезвісного телесеріалу «Америка». «Нам показують групу обірваних, нещасних людей,— говорили студенти,— і хочуть переконати, що країна стане такою через десять років після російської окупації. Але ж сьогоднішні бездомні виглядають набагато гірше. Нам показують майбутню чергу за гнилими помідорами, та набагато трагічніший вигляд має сьогоднішня черга за безплатною юшкою» (Цит. за: Чопоров Э. Не судите об Америке по Америке...— Комс. правда.— 1987.—28 февр.).

Подібних свідчень незгоди молоді не тільки з фальсифікаторським трактуванням подій суспільного життя, а й реальним її становищем у світі капіталу чимало. І, напевно, найпереконливішим є те, що вона не мириться з роллю аутсайдерів капіталістичного суспільства, а прагне завоювати собі гідне місце на шляхах активної боротьби.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ”: (16-20 ИЮНЯ 1986 Г В ТАЛЛИНЕ)

С 16 по 20 июня 1986 г. в Таллине состоялась международная конференция «Этнические процессы в современном мире». Конференция была организована Международным центром исследований и документации по общественным наукам и Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. В работе конференции приняли участие ученые из Бельгии, Великобритании, ВНР, ГДР, Западного Берлина, Норвегии, НРБ, ПНР, СССР, СФРЮ, США, Франции, Швеции. Конференция проходила на базе Института истории АН Эстонской ССР.

Доклады и дискуссии на конференции были посвящены пяти главным темам: теоретические проблемы этничности, нация и государство, нация и культура, нация и самосознание, этничность малых национальных групп в иноэтнической среде. Названные темы охватывают широкий круг актуальных проблем современной этнологической науки, это уже само по себе предопределило заинтересованное их обсуждение. Особенно живую дискуссию вызвали теоретические доклады пленарного заседания, на котором выступили академик Ю. В. Бромлей (СССР) — «Основные виды этнических общностей», проф. Эрнест Геллнер (Великобритания) — «Национализм и две формы сплочения в сложных обществах», Ф. Риггс (США) — «Этничен ли национализм?», И. С. Кон (СССР) — «Этническая идентификация в свете исторической, кросс-культурной ситуативной психологии». В названных докладах содержался богатый материал для дискуссии как по понятийно-терминологическому аппарату современной этнологической науки, так и ее концептуальной структуре. В самих докладах и в ходе их обсуждения проявились различия в подходах к анализу этнических явлений у советских и западных исследователей. Данные различия определяются в первую очередь

различиями в критериях, которые кладутся в основу концептуального анализа того или иного явления.

В докладе Ю. В. Бромлей, а также в его ответах на вопросы подчеркивалось, что для советских ученых в анализе проблем этничности исходной точкой служит социально-экономическая детерминированность феноменов общественной жизни. В то же время западная этнология, за редкими ее исключениями, основное внимание сосредоточивает на анализе этнокультурных и психолого-поведенческих аспектов проявления этничности. Ю. В. Бромлей, уделив главное внимание анализу основных видов этнических общностей (племена, характерного для первобытного строя; народности, формирующейся в рабовладельческой и феодальной формациях; нации, зарождающейся с развитием капиталистических отношений и интенсификацией экономических отношений), подчеркнул сопоставимость этих понятий и сказал, что таким трехчленным делением не исчерпывается многообразие существующих этнических общностей. К ним можно было бы добавить, например, переходные этнические группы, как правило, иммигрантского происхождения. Поскольку типологизация этнических общностей осуществляется на основе этноса, то Ю. В. Бромлей в своем докладе остановился на его теории. Учитывая сложность данного феномена, докладчик предложил пользоваться термином «этнос» в узком смысле слова (этникос) и в широком (этносоциальный организм). К первому относятся все группы данного этноса, независимо от места их обитания, а второе понятие всегда сопряжено с государством (этнополитическим организмом). Методологически важно не допускать при анализе этноса (как в узком, так и в широком его понятии) смешения предпосылок его происхождения, с одной стороны, компонентов его стабильного существования, с другой. Такое смешение, с которым нередко приходится сталкиваться, весьма усложняет выявление природы и содержания и самих типов этнических общностей. В этой связи, подчеркнул Ю. В. Бромлей, возникает необходимость дальнейшего научного поиска соответствующей терминологии и совершенствования понятийно-терминологического аппарата.

Данная проблема является актуальной и для западной этнологии. Она рассматривалась также в докладе Э. Геллнера в контексте его теоретических рассуждений о природе национализма и его роли в полиэтничных странах. Касаясь вопроса о формировании нации, Э. Геллнер подчеркивал важность таких ее компонентов, как общая культура, общее прошлое, память и т. д. Одним из основных тезисов его доклада был тезис о том, что национализм порождается неравноправным положением культур разных этнонациональных групп в обществе. При этом под термином «национализм» Э. Геллнер, что

характерно для всей западной науки, понимает проявление этнических чувств, движений, связанное с необходимостью борьбы за сохранение и развитие своеобразной культуры отдельных этнических образований в условиях полиэтнического общества.

Поиском точной терминологии для определения тех или иных этнических явлений был отмечен доклад Ф. Риггса. Основная мысль докладчика сводилась к тому, что исходным пунктом в выработке понятийно-терминологического аппарата должна стать идентификация концепций, понятий, а затем к ним следует подбирать соответствующие термины из существующего словарного запаса. Если же такого не оказывается, то авторы, занимающиеся исследованием этнонациональных процессов, вправе предложить новый термин для обозначения рассматриваемого феномена. Ф. Риггс проиллюстрировал свою концепцию выработки понятийно-терминологического аппарата на примерах, взятых из экспериментального издания Словаря этнических терминов, подготовленного Комитетом концептуального и терминологического анализа (СОСТА) при Международном совете социальных наук. В качестве основных понятий были названы такие термины, как этническая общность, этническая организация, этнический определитель, этнонационализм, этногосударство, транснациональные общности и др. В ходе обсуждения доклада (в котором приняли участие С. А. Арутюнов, Л. М. Дробижева, Э. Геллнер) были высказаны соображения о рациональном соотношении ономастического и семантического аспектов в предлагаемых терминах, необходимость привлечения к такой деятельности специалистов разных отраслей знаний, объектом исследования которых является этничность.

Остановившись на проблеме этнической идентификации в современной этнологии, И. С. Кон обратил внимание на важность учета исторического опыта и конкретной ситуации, в которой пребывает индивид или группа индивидов. В этом плане особую значимость приобретают психолого-поведенческие стереотипы, концентрирующие в себе и исторический опыт и реакцию представителя той или иной этнической общности на ситуацию, в которой в силу обстоятельств данная общность находится. Поскольку на формирование психологии, частично отражающейся в поведении, решающее влияние оказывают социально-экономические, политические и этнокультурные факторы, то историческая кросскультурная психология открывает дополнительные возможности через уточнение мотивации соответствующей модели поведения определить сущность этнической идентификации и ее место в современных этнонациональных процессах.

Дискуссия по теоретическим вопросам исследования этнических

процессов в современном мире нашла свое продолжение и в связи с обсуждением конкретных тем, в первую очередь «Нация и самосознание». По этой теме было представлено 4 доклада — Л. М. Дробижевой (СССР)— «Динамика культуры и национальное самосознание народов СССР», М. Каспера (ГДР) — «О структуре и функциях самосознания национальных меньшинств», Д. Филипова (НРБ) — «Нация и культурная идентичность», С. Уолмэн (Великобритания) — «Этничность и процесс формирования границ».

Л. М. Дробижева обосновала правомерность предлагаемого ею набора явлений культуры, которые служат источниками функционирования национального самосознания: язык, традиционная и современная культура, общность происхождения, историческая память, национальные интересы. Причем в зависимости от ситуации может меняться как количество базовых признаков, так и их значимость. Культура в широком смысле этого понятия является той сферой, которая, с одной стороны, формирует национальное самосознание, а с другой,— в которой оно проявляется со всей очевидностью. Встречающиеся порой у некоторой части населения предрассудки, по мнению Л. М. Дробижевой, можно интерпретировать как гиперболизацию национального самосознания, объясняющуюся, в частности, культурным консерватизмом.

Огромное значение культуры для формирования национального самосознания лужицких сорбов ГДР подчеркивалось в докладе М. Каспера. В частности, он выделил этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции культуры. Реализация возможностей, которые для сорбского меньшинства предоставило социалистическое государство, стимулировала развитие сорбского языка и культуры, в частности интереса к культурным традициям. Это факт особо примечательный, поскольку сорбская традиционная культура, которая формировалась в ходе вековой борьбы против социального и национального угнетения, стала важным структурным элементом национального самосознания этого меньшинства. На его формирование позитивное влияние оказывает процесс взаимодействия сорболужицкой культуры с культурой всего населения ГДР.

Отмечая органическую взаимосвязь понятий «нация» и «культурная идентичность», Д. Филипов предложил выявлять эту взаимосвязь достаточно широко: от начала процесса формирования наций и до его завершения. При этом была дана историческая ретроспектива эволюции содержания термина «нация». Д. Филипов в ходе концептуального анализа показал, что самосознание в процессе формирования нации играет значительную роль и оно не только развивается вместе с развитием нации, но и фиксирует отдельные

этапы этого развития на этом пути.

С. Уолмэн построила свой доклад на результатах конкретно-социологического исследования, проведенного в двух районах Лондона с полиэтничным составом населения. Основное внимание было уделено связи этнических границ и самосознания жителей этих районов, проявляющегося в их взаимодействии в быту и на производстве. Речь шла о разных возможностях адаптации, разной реакции на вновь прибывающих, о влиянии гетерогенных и гомогенных общин на этнические границы и т. д. С. Уолмэн подчеркнула, что определяющим фактором этнических процессов, и в частности межэтнических отношений, является структура промышленного развития районов и возможности занятости. Ухудшение этих показателей на рубеже 1980-х гг. привело к углублению противоречий во внутреннем развитии районов, что негативно сказалось и на межэтнических отношениях. У Л. М. Дробичевой и В. Б. Евтуха вызвал сомнение тезис С. Уолмэн о том, что ухудшение ситуации, в первую очередь, во взаимоотношениях между представителями различных этнонациональных групп не связано непосредственно с цветом кожи населения этих районов. Ведь конкретные примеры той же Великобритании, где определенными кругами довольно активно культивируются шовинистические настроения с расистским оттенком, подтверждают наличие такой зависимости².

Оживленный интерес участников конференции вызвали доклады по теме «Нация и государство». С ними выступили С. Деветак (СФРЮ) — «Институциональные пути и средства совершенствования межэтнических отношений в Югославии», У. Бьорклунд (Швеция) — «Этничность и государство благоденствия», М. Хейберг (Норвегия) — «Этнический национализм и отношения патроната клиентелы в Средиземноморской Европе», Х. Роберте (Великобритания) — «К вопросу о кабийской проблеме в современном Алжире», Г. Бабиньски (ПНР) — «Этнические движения в индустриальных обществах — новое течение или борьба за равенство?». Одной из основных мыслей названных докладов было то, что теперь, когда значение этнического фактора в полиэтничных странах возрастает, заметно повысилась роль государства в регулировании этнонациональных процессов. Собственно последним и определяется научный интерес к данной проблеме¹. Доклады и их обсуждение показали, как эти вопросы решаются в двух противоположных социально-экономических системах. С. Деветак отметил, что конституционная и политическая система СФРЮ предлагает на современном этапе новые возможности для решения различных аспектов отношений между нациями и национальностями. Предпосылки для этого заложены в создании оптимальных

социальных и политико-экономических условий для их прогресса, с учетом их интересов во всех сферах жизни. Для полной реализации таких возможностей созданы специальные органы (комиссии и комитеты) на различных уровнях — от коммун до скупщин республик.

У. Бьорклунд поставил вопрос о роли современного буржуазного государства в этнонациональных процессах. Это государство он рассматривал как «государство благоденствия». Докладчик обосновывал мысль о том, что современное буржуазное государство в полиэтнических странах делает много для реализации возможностей развития культуры этнонациональных групп, улучшения их положения в обществе совместного проживания. Одним из аргументов в пользу позитивной роли государства в этом направлении, по У. Бьорклунду, является тот факт, что этнические факторы превратились в признанный феномен социальной и культурной политики, и вопросы, связанные с существованием этничности, можно обсуждать открыто и на всех уровнях; государство разрешает деятельность этнических организаций, осуществляет мероприятия по обучению в школах детей иммигрантов на родном языке (например, финские школы в Швеции). Однако в выступлении У. Бьорклунда не была дана оценка эффективности паллиативных мер буржуазного государства для улучшения социально-экономического положения и политического статуса этнонациональных групп, что, естественно, позволило выступившим в дискуссии (С. А. Арутюнов, Л. П. Кузьмина, В. Б. Евтух, С. Деветак) поставить под сомнение выдвинутый докладчиком основной тезис — о позитивной роли буржуазного государства. Тем более, что в последнее время все в большей степени проявляется несостоятельность Программы «позитивных действий» (США), политики «многокультурности» (Канада), Программы «неотложных мер» (ФРГ).

Анализ причин и истоков этнических движений в индустриальных обществах, содержащийся в докладе Г. Бабиньского, указывает на то, что дискриминация этнонациональных меньшинств в капиталистических странах является одним из главных обстоятельств, порождающих эти движения. К тому же, их активизация в отдельных странах, например, США, Канаде, Великобритании, явно свидетельствует о неспособности буржуазного государства решить проблемы, связанные с существованием на их территории национальных меньшинств и этнических групп. Г. Бабиньски проследил также эволюцию этнических движений — зарождаясь на этнической основе и ставя задачи этнокультурного развития, они на определенном этапе перерастают в движения за равноправие. Последнее обстоятельство позволяет рассматривать их в контексте движений социального протеста.

Националистические движения в Средиземноморской Европе, имеющие место в последнее время. М. Хейберг оценивает с точки зрения теории неравномерного развития государства-патрона и зависимой страны или региона. В докладе высказывалась мысль, что различные экономические уровни и подчиненность государства-клиента вызывают к жизни националистические движения, направленные на изменение существующих отношений патроната-клиентелы. В качестве показательного в этом плане примера приводились отношения между Францией и Корсикой.

Этническая дискриминация в различных сферах общественной жизни является источником зарождения движений за равноправие с доминирующим в обществе большинством (в западной литературе чаще всего их именуют националистическими движениями) не только в индустриально развитых, но и в развивающихся странах. Подтверждением тому стал доклад Х. Робертса, в котором было показано, как проводимая алжирским государством политика арабизации спровоцировала движение кабиллов, в значительной степени включившее черты, характерные для этнических движений вообще.

По теме «Нация и культура» обсуждалось 7 докладов — Ю. Ю. Кахка и Э. Э. Ранника (СССР) — «Интернационализация образа жизни в условиях больших городов по материалам Эстонской ССР», К.В. Янсен (СССР) — «О художественной культуре Советской Эстонии и ее этнических аспектах», Э. Нидерхаузера (ВНР) — «Язык и история. Национальные традиции в Восточной Европе», П. Влаховича (СФРЮ) — «Этническое многообразие балканских народов и этнос в свете антропологии», П. Ван де Краена (Бельгия) — «Язык и культура», Ж. Кюизень (Франция) — «Французская этнография и музеи», К. Вердери (США) — «Исчезновение этнического сообщества: трансильванские немцы». Докладчики подчеркивали многообразие связей между нацией и культурой, этносом и культурой и проявление этого многообразия в самых различных аспектах. Ю. Ю. Кахк и Э. Э. Ранник, привлекая данные социологического исследования, проводившегося в Эстонии, показали эту связь на демографической ситуации в больших городах республики, подчеркнули роль культуры (художественной и профессиональной) в процессе интернационализации образа жизни. Основной вывод исследования — культурные интересы населения больших городов (эстонцев и русских) очень близки, что способствует их культурным контактам и культурному взаимообогащению, а также активизирует сами процессы интернационализации.

К. В. Янсен обратила внимание на примечательное явление — в условиях индустриального развития, урбанизации в Эстонии не исчезает, а в последнее

время даже возрастает интерес к традиционной культуре эстонского народа. Это, в частности, проявляется во время традиционных фестивалей песни, в которых участвует много жителей не только сельской местности, но и городов (и что особенно важно — молодежи), народных игр и ритуалов, которые можно наблюдать в Эстонском государственном парке-музее (Таллин), в проведении дней старого города и т. п. В этих элементах культуры с наибольшей очевидностью проявляются этнические черты, что, безусловно, помогает более глубоко изучить и понять этническую историю республики.

Важность изучения культуры прошлого, используя наблюдающийся интерес к ней у значительной части населения Франции, подчеркнул Ю. Кюизенъе. Правда, его концепция изучения этнологии по образцам, представленным лишь в музеях, вызвала возражение у участников дискуссии (Ю. В. Бромлей, С. А. Арутюнова, Ф. Риггса и др.), поскольку она сужает источниковую базу наших знаний, а идеализация традиционной культуры вступает в противоречие с современными этническими процессами, на которые большое влияние оказывает научно-технический прогресс.

В ходе обсуждения темы «Нация и культура» большое внимание уделялось анализу роли отдельных элементов культуры, преимущественно духовной, например, языка. И это оправдано, поскольку языковые аспекты этнических процессов и в прошлом (этому был посвящен доклад Э. Нидерхаузера), и в настоящем (доклад П. Ван де Краена) играли и играют важную роль. В Бельгии, например, в этнолингвистических проблемах сфокусировались противоречия современного этнонационального развития страны, в частности, отношений между фламандской и валлонской общинами. Культура, ее различные элементы имели большое значение для формирования этносов в разных регионах мира. Антропологические исследования, осуществляемые учеными Югославии, подчеркнул в своем докладе П. Влахович, выявляют многоплановость взаимосвязей между этносами и культурами. Последние позволяют проследить истоки этнического многообразия балканских народов и вместе с тем определить те элементы, которые в некоторой степени сближают эти народы. Наглядно этот тезис был проиллюстрирован на примере этнографического описания этносов и их частей, населяющих Балканский полуостров.

В докладе К. Вердери содержалась попытка проследить с позиций западной антропологии феномен этничности на примере трансильванских немцев на протяжении нескольких веков. Участники дискуссии (Ю. В. Бромлей, С. А. Арутюнов, Э. Нидерхаузер) высказали свое несогласие с тезисами К. Вердери о том, что специфичное самосознание народов актуально

не для всех человеческих общностей, что наука должна рассматривать этничность как явление идеологического порядка, а также со слишком узкой трактовкой докладчицей понятия «культура».

Логичным завершением конференции, с точки зрения последовательности обсуждения актуальных проблем этнических процессов в современном мире, было рассмотрение темы «Этничность малых национальных групп в иноэтнической среде». Ведь эти группы в определенной степени являются индикатором обоснованности общетеоретических положений современной этнологии, на их примере с достаточной очевидностью можно проследить судьбы этничности. Эта проблема в последнее время привлекает все большее внимание исследователей современных этнонациональных процессов, о чем свидетельствовали представленные доклады — И. С. Гурвича (СССР) — «Микроэтнические группы в СССР», Л. П. Кузьминой (СССР) — «Старообрядцы на трех континентах», Ч. Вилперт (Западный Берлин) — «Микрообщество или этническая общность», П. Лоизоса (Великобритания) — «Эпизод межобщинной резни на Кипре 1974 г.», М. Макдональд (Великобритания)—«Кельтское этническое родство и проблема бретонского элемента».

Опыт Советского Союза по решению проблем малых этнонациональных групп, представленный в докладе И. С. Гурвича, вызвал всеобщий интерес. Поскольку в союзных и автономных республиках нашей страны существует много небольших групп некоренных национальностей, то докладчик предложил для их определения ввести термин микроэтнические группы. Он более точно, по сравнению с ранее использовавшимися терминами, отражает сущность данного явления. В докладе подчеркивалось, что реализация социальных, экономических и культурных возможностей, предоставленных социалистическим государством, позволила этим группам преодолеть такие проблемы, как неграмотность, вековая отсталость, стимулировала их экономическую активность и межэтнические отношения на равноправной основе. Совсем иная судьба у малых национальных групп, проживающих в инонациональной среде капиталистических стран. Показателен в этом плане пример турецких иммигрантов в ФРГ и Западном Берлине, о которых речь шла в докладе Ч. Вилперт. Используя дешевую рабочую силу, буржуазное общество не предоставляет достаточных возможностей для социальной мобильности и поддержания этничности турецких иммигрантов. Сложность их положения, отмечалось в докладе, заключается в том, что они находятся в промежуточном состоянии между двумя обществами — проживания и происхождения. Данное обстоятельство оказывает решающее влияние на своеобразие форм сохранения

этничности, снижает их активность, как в поддержании этничности, так и в социальных движениях.

Анализируя эпизод резни на Кипре в деревне Аргаки (июль 1974 г.), П. Лоизос пытался представить ее в некотором роде логическим завершением неизбежной этнической розни между туркоязычной и грекоязычной общинами. Такое обобщение вызвало возражение (Л. П. Кузьминой, В. Б. Евтуха), поскольку без анализа остались другие важные внешние источники, стимулировавшие описанный эпизод на Кипре, а также имеющее место у значительной части населения обеих общин стремление к преодолению этнического антагонизма.

Своеобразием постановки вопроса и методикой анализа кельтской проблемы в современной Франции отмечался доклад М. Макдональд. Исходная позиция ее анализа — рассматривать проблему так, как она существует в сознании кельтского этнического меньшинства, как отмечалось участниками дискуссии (Ю. В. Бромлей, С. Уолмэн, И. С. Кон, М. Каспер и др.), субъективна по своей сути и не позволяет отразить реально существующую картину процессов внутри кельтского меньшинства и его отношений с доминирующим большинством.

В докладе Л. П. Кузьминой, посвященном русским старообрядческим общинам и их традициям на трех континентах — азиатском, американском и европейском, были затронуты интересные в научном плане вопросы, которые ждут углубленного исследования. В частности, о взаимосвязи социально-экономического и этнического факторов в сохранении этнокультурных черт одного и того же порядка в условиях разных стран, о формах и каналах передачи этнической информации как в поколенном, так и в пространственном разрезе, об истоках живучести старых традиций и судьбах практически изолированных от источников генерирования этничности малочисленных этноконфессиональных групп (например, иммиграции).

Конференция в Таллине стала еще одним позитивным примером сотрудничества советских и западных ученых, занимающихся исследованием этнических проблем в современном мире.

1. Ethnicity. Inter COCTA Glossary. Concepts and Terms Used in Ethnicity Research (Pilot Edition)/Ed. F. W. Riggs. Honolulu, 1985.

2. См.: Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. Киев, 1984. С. 36—86; 154—182; Рабочее движение Великобритании: национальные и расовые проблемы. М., 1982.

3. См.: Шлепаков А. Н. Расово-национальные проблемы США: итоги и перспективы исследования советских американистов//Изучение национальных

отношений в зарубежных странах. М., 1985. С. 176.

*Опубліковано: Советская этнография. – 1987. – № 2.
– С. 134-139.*

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ
“РОЛЬ ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ”:
(1-3 ДЕКАБРЯ 1986 Г. В ПРИНСТОНЕ (США))

С 1 по 3 декабря 1986 г. в Принстоне (США) проходил советско-американский симпозиум на тему «Роль этничности в современных обществах». Он проводился в рамках программы сотрудничества между Академией наук СССР и Американским советом познавательных обществ (Комиссия по гуманитарным и социальным наукам; Подкомиссия по этнографии и антропологии). Организаторами четвертого по счету советско-американского симпозиума по этничности выступили Бюро международных исследований и обменов (IREX, США) и Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. В состав делегации советских ученых входили Л. М. Дробижева — председатель, зам. директора Института этнографии АН СССР, заведующие отделами этого института Ю. В. Арутюнян, М. Н. Губогло, В.И. Козлов; В. Б. Евтух (Киев, Ин-т социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР); Р. С. Карапетян (Ереван, Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР). С американской стороны в работе симпозиума принимали участие М. Балзер (Ин-т Гарримана по изучению Советского Союза); М. Фишбах (Джорджтаунский ун-т), Дж. Хайем (ун-т им. Дж. Хопкинса); Р. Хованнесян (Калифорнийский ун-т, Лос-Анджелес); С. Либерзон (Калифорнийский ун-т, Беркли); Б. Мед и син — директор Центра по изучению коренных жителей — Калгарский ун-т (Канада) С. Минц (ун-т им. Дж. Хопкинса); директор Центра межкультурных исследований по фольклору и этномузыкологии университета Техаса Х. Лемон, С. Янигасако (Стэнфордский ун-т), Л. Мюллинз (Школа биомедицинского образования, Нью-Йорк), Ф. Риггс (Гавайский ун-т).

Со вступительным словом к участникам симпозиума обратились руководители делегаций: от США — С. Минц и от СССР — Л.М. Дробижева,

отметившие большое значение подобных симпозиумов в развитии научных контактов между учеными СССР и США, их вклад в исследование национальных (этнических, в терминологии западных ученых) проблем в современном мире, углубление знаний о культуре, образе жизни народов. Во время работы симпозиума было заслушано 11 докладов (5 представлены советскими учеными, 6 —американскими).

С первым докладом выступил один из крупнейших теоретиков проблем этничности в США, основатель так называемой школы «новой этнической истории»¹ Дж. Хайем; его тема — «Этничность в Америке: общий взгляд». Отмечая заметную роль этнического фактора на протяжении последних 20 лет в общественной жизни Соединенных Штатов, Дж. Хайем высказал мнение, что значение этого фактора в середине 1980-х годов снижается. Даже представители отдельных этнических групп, согласно его оценке, постепенно утрачивают интерес к идее сохранения этничности в инациональной среде, и волна «этнического возрождения»² идет на спад. Применительно к нынешней этнонациональной ситуации в США мнение докладчика отражает усиливающиеся в США ассимиляционные настроения, попытки возвращения к прежним моделям в этносоциальном развитии страны, в частности к концепции «плавильного котла». При этом Дж. Хайем, являясь теоретиком циклов американского нейтивизма, выступал как сторонник его возрождения и инкорпорирования им крайне негативного отношения к иммигрантам и их потомкам. Докладчик остановился также на соотношении феноменов «классовое» и «этническое». Правда, понятие «класс» он выводит из отношения не к средствам производства, а к власти и привилегиям. Дж. Хайем предложил интересную в научном плане, оригинальную типологизацию этнических групп на основе степени их связей с ядром: группы с четко выраженными границами и слабым лидерством; группы со слабо выраженными границами и сильным лидерством; группы с расплывчатыми границами и нечетко выраженным лидерством; группы с четко выраженными границами и сильным лидерством. В качестве примеров в обозначенном нами порядке приводились такие группы: амиши, американцы ирландского происхождения; евреи, проживающие в США; карпаторусины. В ходе дискуссии по докладу подчеркивалось, что предложенная схема не бесспорна. Она, в частности, не учитывает процессов социального расслоения внутри групп и возможностей пополнения новыми контингентами. Тем не менее ее

¹ Vecoli R. Return to the Melting Pot: Ethnicity in the United States in the Eighties// J. Amer. History. 1985. V. 5. № 1. P. 15.

² Smith A. Ethnic Revival. Cambr., 1981.

можно использовать для определения степени интенсивности трансформации разных этнонациональных групп.

В докладе «Этническое в культуре и национальное самосознание народов СССР» Л. М. Дробижева показала, что на современном этапе для национальных общностей, имеющих свои государственные образования в СССР, не может идти речь о деэтнизации. При социально-политическом и идеологическом единстве, существенном сходстве в познавательной культуре, в культуре досуговой, семейно-бытовой, соционормативной у народов СССР сохраняются этнически специфические черты. Они «питают» национальное самосознание, которое имеет тенденции к росту в связи с повышением социального и культурного уровней развития народов. В докладе был рассмотрен ряд вопросов; вызвавших затем оживленную дискуссию: культурные традиции и их сохранение последующими поколениями, миграции национальностей Советского Союза и возможности сохранения этнических особенностей культур. Докладчица отметила, что в последнее время все больший вес в формировании национального самосознания приобретает отношение к историческому прошлому. Сравнивая этнокультурное развитие русских, узбеков, грузин, молдаван, эстонцев, Л. М. Дробижева обратила внимание на то, что на разных этапах формирования национального самосознания приоритет отдавался различным культурным индикаторам. Отвечая на вопросы М. Балзер, Р. Хованнесяна, Х. Лемона, М. Н. Губогло, докладчица разъяснила сущность соотношения терминов «шовинизм», «национализм» в понимании советских ученых, определила понятие «этнокультурные черты», рассказала о методике проведения этносоциологических исследований в СССР.

Вопросам взаимоотношения представителей различных этнонациональных групп в США был посвящен доклад С. Либерзона «Стереотипы: их значение для расового и этнического взаимодействия». Докладчик отметил широкое распространение в своей стране национальных стереотипов, в том числе негативных стереотипов афроамериканцев, испаноязычных американцев. Особенно отчетливо стереотипы выявляются на уровне взаимодействия доминантной группы, представленной выходцами из Англии, и других этнических групп. С. Либерзон объяснял рост значения этнических стереотипов сверхчувствительностью белых американцев. Это проявилось, например, в отношении к иранским иммигрантам в период, когда американские граждане находились в качестве заложников в Иране. Выступавшие в дискуссии Дж. Хайем, Х. Лемон, Л. Мюллинз подтвердили высказанные докладчиком мысли, обратив внимание на то, что негативные

стереотипы отражаются на возможностях развития и положении тех или иных меньшинств и групп в американском обществе. И американские, и советские ораторы (Л. М. Дробижева, В. И. Козлов, В. Б. Евтух), участвовавшие в прениях, не согласились с докладчиком, который в качестве первопричины распространения негативных стереотипов некоторых этнонациональных групп выдвигает этнокультурные и этнопсихологические факторы. Примеры из жизни, скажем, цветного населения США показывают, что такие стереотипы порождаются конкретной социально-политической обстановкой.

Ю. В. Арутюнян свой доклад посвятил теме «Национальные особенности социального развития в СССР». В нем было продемонстрировано, что общие для всей страны социальные процессы, связанные с урбанизацией, индустриализацией, а затем с научно-технической революцией, интеллектуализацией общества, имели свои национальные вариации. Одни и те же социальные группы и слои у народов с разным историко-культурным прошлым (в докладе использовались сравнительные данные по таким народам, как русские, эстонцы, узбеки, молдаване) обладают специфическими культурными характеристиками и известным своеобразием ценностных ориентации. Процессы этносоциального развития в нашей стране вызвали большой интерес у американских ученых, о чем можно судить по множеству вопросов, поступивших докладчику. Участники симпозиума интересовались ролью государственной политики в создании соответствующих условий для сохранения и развития национальных особенностей разных народов (Л. Мюллингз), характером взаимодействия представителей различных этнонациональных групп, проживающих в рамках одной республики (Р. Хованнесян), соотношением подлинных образцов традиционной культуры и их стилизации в поколенном срезе (Б. Медисин) и др. М. Фишбах, известный американский специалист по социально-демографическим проблемам, выступая в прениях, отметил несовершенство публикуемой в СССР статистики, что порой усложняет получение объективной картины демографических аспектов этнонациональной ситуации.

В. И. Козлов выступил с докладом «Этнокультурные факторы в жизнеобеспечении народов СССР». Кардинальный вопрос, поставленный докладчиком,— о важности межпоколенной передачи этнической информации. При этом сделано различие между целенаправленной, формализованной и спонтанной передачей информации, подчеркивалось разнообразие ее форм. В. И. Козлов обратил внимание на то обстоятельство, что степень жизнеобеспечения этносов или их частей зависит в первую очередь не от их размеров, а от социально-экономических условий их существования. Особенно

отчетливо это прослеживается при сравнении особенностей этносоциального развития СССР и США. Доклад вызвал заинтересованное обсуждение как американских (М. Фишбах, Дж. Хайем, Х. Лемон, Ф. Риггс, С. Янигасако), так и советских (Л. М. Дробижева, М. Н. Губогло, В. Б. Евтух) участников симпозиума. В ходе дискуссии обсуждались характеристики понятия «этнос», вопросы о возможностях сохранения этнического своеобразия народов СССР в условиях сближения их социального, экономического и культурного уровня, о достижениях малочисленных народов СССР во всех областях общественной жизни и т. д.

Три из одиннадцати докладов были близки по своему предмету и методике изложения материала — в них речь шла о трех национальных меньшинствах Соединенных Штатов Америки. Это доклады С. Янигасако — «Азиатско-американский вопрос: трансцендентальный ориентализм», Х. Лемона — «Мексиканский вопрос в США: ретроспективный анализ этничности» и Л. Миллингз — «Афроамериканцы сегодня». Все эти доклады имели в основном информативный характер. Они содержали множество конкретных данных о положении указанных меньшинств в американском обществе. В докладах Х. Лемона и Л. Мюллингз подвергались критическому анализу программы «позитивных действий». Эти программы не принесли ожидаемых результатов, но способствовали, по мнению докладчиков, обострению отношений между цветными и белыми американцами, поскольку расистско-шовинистические круги рассматривают их как «дискриминацию наоборот» (т. е. эти программы, как они считают, направлены против белого населения). Несостоятельными оказываются и программы «двухязычного обучения», предназначенные преимущественно для американцев мексиканского происхождения (они охватывают только 2% детей мексиканоамериканцев³). Несколько выше, чем в среднем по стране, образовательный уровень выходцев из азиатских стран, особенно из Японии, Китая и Кореи. По мнению С. Янигасако, он обусловлен тем, что значительная часть молодежи этих стран, приезжая в США на учебу, остается здесь на постоянное жительство. К этому следует добавить, что среди собственно иммигрантов из названных трех стран довольно значителен процент людей с высоким уровнем образования.

В докладах С. Янигасако и Х. Лемона рассматривался важный вопрос о взаимосвязи между такими явлениями, как временная рабочая сила (временные иммигранты) и этничность. Выдвинутый ими основной тезис доклада

³ Евтух В. Б., Шамшур О. В. Програми «етнічної спадщини» та «білінгвізму» в школах США// Радянська школа. 1985. № 3. С. 90.

заключається в тому, що, об'єктивно являясь носителями мексиканської етнічності або етнічності представителів азіатських країн, тимчасові і нелегальні іммігранти не сприяють оживленню і підтриманню цього феномена в США. Вони, як правило, не приймають участя в етнічних організаціях, їх установки орієнтовані на скоріє повернення на батьківщину, і тому їх зв'язь з основним ядром згадуваних національних меншин непевна або ж взагалі відсутня. Х. Лемон визначив етнічність тимчасових і нелегальних іммігрантів як «негативну етнічність», оскільки вони в силу свого положення змушені зазвичай поводитися так, що сприяють формуванню або зміцненню вже існуючого негативного стереотипу мексиканоамериканця.

В обговоренні розглянутих доповідей взяли участь практично всі присутні на симпозиумі вчені. У В. І. Козлова, М. Н. Губогло, В. Б. Євтуха принципове заперечення викликало те, що С. Янігасако розглядає всіх виходців з азіатських країн як єдиного етнічного утворення, об'єднуючи їх на основі походження з одного регіону, і ігнорує етнічні особливості виходців з окремих країн Азії. В прениях відзначалося також, що соціально-економічне положення розглянутих трьох груп населення США свідчить про їх дискримінацію во всіх сферах суспільного життя. Проводя порівняльні дослідження етносоціального розвитку в СРСР і США — а саме це напрям вважається одним з головних в співробітництві радянських і американських етнологів, за словами В. І. Козлова, — необхідно враховувати важливу різницю між двома країнами. СРСР включає різні етноси, в той час як США — частини етносів, основне ядро яких знаходиться за межами американського етнополітичного організму.

Доповідь М. Н. Губогло «Лінгвістичний фактор в соціально-культурному процесі у народів СРСР» була присвячена етнолінгвістичним аспектам національного розвитку в нашій країні. Визначаючи важливість цього фактора в сучасному етнічному взаємодії, М. Н. Губогло підкреслює, що в Радянському Союзі створені умови для розвитку національних мов, велику увагу приділяється вивченню російської мови як мови міжнародного спілкування. В доповіді відзначалося наявність певної тенденції — оволодіння представниками некорінної для радянських республік національності мовою корінної національності. В певній мірі це свідчить про високий рівень соціально-культурного розвитку колись відсталіх народів, створивши за роки радянської влади свою високу національну художню культуру. Дані про конкретне вивчення

языков народов СССР вызвали интерес у С. Либерсона; М. Балзер проявила внимание к интралингвистическому развитию языков малочисленных народов СССР, Х. Лемон — к регулированию языковых процессов в нашей стране, Ф. Риггс — к статусу национальных языков в системе высшего образования и т. д.

В докладе Р. С. Карапетяна «Социально-культурная характеристика населения г. Еревана» шла речь о консолидационных процессах в среде армянского населения города, формирующегося за счет мигрантов из сельской местности и других республик, а также из-за пределов страны. При обсуждении доклада американские исследователи (М. Фишбах, Р. Хованнесян, Дж. Хайем) интересовались интенсивностью контактов в разных сферах общественной жизни между представителями коренной и некоренных национальностей, особенностями миграционных процессов внутри города и из других городов и сел в Ереван и ролью этнических факторов в этих процессах.

Два доклада на симпозиуме в значительной степени были посвящены методологии и методике этнологических исследований. Это доклад Ф. Риггса «Концептуальный аппарат исследования современных этнических процессов» и Б. Медисин — «Этничность в среде индейцев Аляски: методика исследования». Ф. Риггс проинформировал участников симпозиума о работе над составлением глоссария под общим названием «Этничность», в котором предприняты попытки уточнения этнологических терминов и концепций. По его словам, для успешного завершения этой работы и в будущем потребуются координация усилий ученых, занимающихся исследованием этнонациональной проблематики в разных странах. Такая координация, в частности, возможна и в рамках двусторонних советско-американских симпозиумов, ставших уже традиционными международными конференциями, а также в ходе выполнения совместных проектов.

Б. Медисин отметила, что в изучении возможностей сохранения этничности индейцев в обществах североамериканских стран важное значение приобретают такие проблемы, как этнолингвистические (в переписи Канады обозначено 300 племен, что само по себе указывает на множество языков и диалектов), проблема ривайвализма (изучения традиционной культуры индейцев, сохраняющейся в условиях ассимиляции), проблема алкоголизма, процессы формирования паниндейской общности, объединительные движения и участие индейцев в движениях социального протеста.

Во время пребывания в США делегация советских ученых имела возможность при содействии IREX и по приглашению профессора Калифорнийского университета Р. Хованнесяна посетить Лос-Анжелес и встретиться с учеными-этнологами, работающими в этом университете и в

университете Южной Калифорнии. В ходе дискуссий, состоявшихся в университетах, была обсуждена методика этносоциологических исследований, осуществляемых американскими и советскими учеными. В дискуссиях приняли участие известные в США исследователи А. Лайт, Дж. Сабах, М. Бозоргмер, Р. Декмеджян и др. Особый интерес у обеих сторон вызвало использование этнической статистики в изучении национальных процессов, скажем, по последней (1980 г.) переписи населения США. Заинтересованно обсуждались вопросы о факторах, влияющих на сохранение этничности в индустриальных обществах, государственном регулировании этносоциальных процессов. По общему мнению, подобные встречи ученых-обществоведов СССР и США способствуют не только глубокому теоретическому осмыслению современных процессов общественного развития и обмену научными идеями, но и вносят значительный вклад в сотрудничество ученых наших стран, во взаимопонимание между нашими народами.

*Опубліковано: Советская этнография. – 1987. – № 6.
– С. 127-131.*

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БОГИНА Ш. А. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ
ПРОЦЕССЫ В США (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.). –
МОСКВА : НАУКА, 1986.**

Исследование посвящено периоду, далекому от нашего времени, но актуальному и в научном, и в идеологическом плане, ибо демонстрирует истоки проблем США, связанные с многоэтническим составом населения. Используя данные переписей разных лет, документальные источники, научную и популярную литературу, автор довольно полно отразил роль этнического разнообразия в этногенезе американского народа. Конкретный материал книги дает возможность сделать обоснованный вывод о том, что «межэтническая рознь в той или иной степени представляет характерную черту американской истории». И все же, по мнению автора, формирование американской нации стало возможным благодаря общности исторического опыта у жителей колоний. Ш. А. Богина трактует понятие исторического опыта в широком смысле, включая в него не только факт совместного проживания на одной территории выходцев из разных стран, но и общность социальной судьбы и борьбу за политическую независимость. В книге повествуется о сложности формирования американской культуры. Интересный материал представлен в последней части монографии, в ней речь идет об афро-американцах, их месте и роли в процессе формирования американской нации.

*Опубликовано: США: экономика, политика,
идеология. – 1987. – № 10*

БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

ВВЕДЕНИЕ

Сфера межнациональных отношений, как и вся совокупность проблем, объединяемых понятием «национальный вопрос», закономерно принадлежит к числу сложнейших в мировой истории. Не иссякает ее острота и в условиях современного мира. «Живучесть» проблемы определяется социально-экономическими противоречиями, присущими тому или иному типу общества. Нередко, однако, острота и сложность в отношениях между людьми и сообществами, принадлежащими к различным расам, нациям, этническим группам, воспринимаются в обыденном сознании как извечная категория, определяющая несовместимость, конфликтность или отчужденность между ними, не поддающаяся точному анализу, оценке причин взаимосвязей и разнохарактерных проявлений в процессе межнационального общения. Марксизм-ленинизм не только показал возможность познания этого процесса, но и начертал конкретные пути гармонизации национальных взаимоотношений, устранения из них неравенства, отчужденности, предубеждений и предрассудков.

Внимание основоположников марксизма-ленинизма к национальному вопросу было постоянным и отнюдь не диктовалось конъюнктурно-политическими соображениями. Именно это утверждают их многочисленные «оппоненты» в прошлом и настоящем. Другие же, не отваживаясь на прямую теоретическую конфронтацию с марксистским учением, стремятся внедрить тезис о его относимости лишь к эпохе «старого» капитализма. А поскольку, по их логике, он кардинально трансформировался, то и объяснение современным

явлениям следует искать па иных путях, с иных исходных позиций, чем это делает марксизм.

В теоретическом наследии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина неоднократно подчеркивалась принципиальная противоположность буржуазного национализма и пролетарского интернационализма. В. И. Ленин охарактеризовал их как «выражающие две политики (более того: два мирозерцания) в национальном вопросе»¹. Это основополагающее ленинское указание предполагает оценку теории и практики национальных отношений в современном буржуазном обществе в их сочетании и соотношении.

Настоящая работа представляет собой результат изучения тех процессов, которые имеют место в сфере национальных отношений в основных развитых капиталистических странах и которые являются предметом научных исследований, осуществляемых в Институте социальных и экономических проблем зарубежных стран АН Украинской ССР. Активизация этнонациональных процессов в последние два десятилетия, сопровождающаяся обострением национальных проблем², вызвала усиленный интерес у западных исследователей, она стимулировала внимание широкой зарубежной общественности, а также стала предметом озабоченности у правящих кругов капиталистических стран с многоэтничным составом населения. Научный интерес к этническим проблемам в современном мире определяется повышением роли этнического фактора в общественной жизни многих стран, необычностью, а порой и неожиданностью, ситуаций, в которых он проявляется. Феномен «этнического возрождения» — так в зарубежной этносоциологической литературе отмечена особенность этнонациональных проблем в современном капиталистическом мире³ — настолько многогранен и сложен, что потребовалось более углубленное и пристальное изучение всего комплекса этнонационального развития, чем это осуществлялось до середины 60-х гг. Поэтому и неслучайно, что в последующий период для западной научной мысли характерно появление огромного потока социологической, исторической, этнографической, лингвистической литературы, предметом изучения которой является «этническое возрождение». В 70—80-е гг. публикуют свои работы известные американские исследователи этнической истории и современных этнонациональных проблем (Н. Глейзер, Д. Хайем, О. Хэндлин, В. Грин, С. Либерзон, Э. Бонасич, Р. Шермерхорн и др.); канадские ученые (А. Ричмонд, Д. Портер, У. Ньюман, Л. Дридгер, Х. Пальмер), западноевропейские исследователи (Д. Рекс, М. Бэнтон, С. Уолмэн, Ч. Вилперт и др.). Концепции названных авторов, изложенные в работах указанного периода, критически анализируются в гл. III. Они освещают, конечно же, с

разной глубиной и свойственной каждому манерой изложения и интерпретации материала, самые различные аспекты современных этнонациональных процессов — роль иммиграции в социально-экономическом и культурном развитии полиэтнических стран, адаптацию новых контингентов переселенцев в обществе проживания, межэтнические отношения и многое другое. Интерпретируя в рамках буржуазной методологии те или иные аспекты «этнического возрождения», большинство из упомянутых зарубежных авторов значительное внимание уделяют анализу самого явления и меньше говорят об истоках и причинах, очевидных и более скрытых, этого феномена. Вместе с этим в работах ведущих авторов наблюдается попытка концептуализации своих рассуждений, построения претендующих на обобщение концепций, как, например, концепции интеграционного развития межэтнических отношений или концепции конфликта во взаимодействии представителей различных этнонациональных компонентов населения той или другой страны. Более того, некоторые концепции, скажем «культурного плюрализма» (США), «многокультурности» (Канада), «этничности» предлагаются в качестве основы для моделей этносоциального развития полиэтнических стран. Концентрированное изложение наиболее устоявшихся взглядов ведущих буржуазных ученых содержится в энциклопедических изданиях, каковыми, например, являются «Гарвардская энциклопедия этнических групп» или «Словарь расовых и этнических отношений»⁴

Огромный поток научной и популярной литературы в более широком смысле является своеобразным отражением и общественного внимания к современным этнонациональным проблемам. Правда, последнее, по нашему мнению, нашло свое гораздо более полное воплощение в активизации деятельности разного рода этнических организаций, культурной жизни в иммигрантской среде и в высшей своей форме в движениях социального протеста национальных меньшинств и этнических групп⁵. С усилением их борьбы за свои права связан и тот повышенный интерес к этнонациональным проблемам со стороны правящих кругов США, Канады, Великобритании и других стран, который наблюдается в последнее время. Мотив этого интереса очевиден — поиск путей снятия остроты национальных проблем, их регулирования на государственном уровне. В этом плане выдвигаемые буржуазными исследователями концепции, если не в полной мере, то частично, берутся правящим классом на вооружение, инкорпорируются в их политическую доктрину. И это, безусловно, те из них, которые способствуют усилению позиций господствующего класса, его идеологии в общественной жизни полиэтнических стран.

Не предворяя тех оценок и характеристик, которые, собственно, и составляют содержание книги, представляется уместным выделить ряд общих черт, свойственных в целом конгломерату буржуазных концепций и доктрин межнациональных отношений. Их немало, но при внешнем многообразии применяемых приемов и методов в исходных теоретических позициях прослеживается определенная общность. Она, с одной стороны, состоит в обилии локальных, эмпирических исследований, посвященных одной, двум, реже большему количеству этнических групп, населяющих обычно ограниченную территорию, чаще всего тот или иной город. Такие объекты изучения, к примеру, как итальянцы в Чикаго, пакистанцы в Лондоне, выходцы из Карибских стран или украинцы в Торонто, условно приводимые здесь, тем не менее, типичны для этого направления. Большая или меньшая степень концентрации демографического и социально-статистического материала, динамики изменений, происходящих в группах или общинах, наблюдений над типами общения, уровнями ассимиляции — все это представляет немалый интерес. При этом авторами применяются вполне современные методы обработки информации, включая машинные. Многофакторный анализ, моделирование, сложные корреляции нередко встречаются в этих работах как доминирующие или в комбинации. Лишенные, однако, единых методологических подходов, единой методики, они не дают возможности для крупномасштабных обобщений. Вот почему даже высокая исследовательская техника, отличающая некоторые из них, в конечном счете дает лишь единовременную фактографическую картину, не позволяет оценить подлинную тенденцию и направленность изменений, происходящих в межгрупповых отношениях.

Следующий тип: работы, претендующие на теоретичность, обычно не оснащаются сравнительно-сопоставительными данными, применяемыми лишь в качестве частных, фрагментарных иллюстраций, «подстраиваемых» под схему. Здесь, как правило, преобладающим является тезис о глобальном характере межнациональной, межрасовой напряженности и конфликтности, якобы не зависящем от принадлежности того или иного государства к различным общественным системам. Соглашаясь, таким образом, признать неблагополучие в расово-национальной сфере, авторы, принадлежащие к этому направлению, прибегая к формуле «как везде», выполняют апологетическую функцию применительно к капиталистической системе, камуфлируют ее несостоятельность в этой сфере. В то же время наличествует явное стремление перенести явления и процессы, характерные для мира капитала, на совершенно другую социально-экономическую почву, доказывая, таким образом, их

всеобщность. Одновременно преследуется и другая цель — попытка дискредитации социалистической системы, которой, дескать, также присуща неразрешимость национального вопроса, непреодолимость межнациональных конфликтов.

Применительно к нашей стране наиболее ходкими в этом контексте являются рассуждения о «преемственности» политики царской России в условиях страны социализма, о «насильственной русификации». Наряду с введенными относительно недавно в политико-идеологическую лексику терминами «этноцид» и его слагаемое «лингвоцид», говорят и пишут о нарастающем «мусульманском затоплении» страны. В русле «правозащитных» кампаний возводятся в ранг типичных, определяющих совершенные в годы войны несправедливые и давно осужденные действия в отношении ряда автономных районов или осложнение ситуации в Нагорном Карабахе и вокруг него. Игнорируется при этом тот непреложный факт, что партия и государство давали и дают надлежащую оценку этим фактам, не считая принципиальную решенность национального вопроса адекватной беспроблемности в сфере межнациональных отношений, неоднократно теоретически и практически — привлекала внимание к преодолению местничества, консервативных обычаев, упущений в интернационалистском воспитании. Но столь же непреложна и та, извращаемая и замалчиваемая на Западе истина, что Советское государство преодолело не имеющий прецедента в истории путь от господства неравенства и взаимоотношения к этническому равноправию, к взаимодействию и взаимообогащению наций и народностей. Многие было сделано и для теоретического обобщения этого богатого опыта, как и для разработки общетеоретических аспектов национального вопроса в целом, хотя они требуют еще более углубленного осмысления. Именно так видятся достигнутые рубежи в сфере межнациональных отношений, исторические уроки пройденного в этом смысле пути, задачи, возникающие на нынешнем этапе. В докладе «Октябрь и перестройка: революция продолжается» М. С. Горбачев отмечал: «Революция проложила путь не только к юридическому, но и социально-экономическому равноправию наций, сделав необычайно много для выравнивания экономического, социального и культурного развития всех республик и регионов, всех народов. Одним из величайших завоеваний Октября является дружба советских народов. Она сама по себе — уникальное явление в мировой истории». И далее: «Национальные отношения в нашей стране — это живой вопрос живой жизни... Мы намерены более глубоко проанализировать и обсудить эти вопросы в ближайшем будущем с учетом того, что вносит в жизнь страны перестройка, демократизация, новый этап ее развития»⁶

Многосложность и острота современных идейно-теоретических битв по проблематике межнациональных отношений делают, по нашему убеждению, обоснованным и актуальным новое обращение к оценке того арсенала, которым располагает западная этносоциология и политология. Именно этому и посвящена предлагаемая книга. Авторы данной монографии сфокусировали внимание на самом процессе формирования концепций буржуазных исследователей и их сущности относительно вышеуказанных аспектов этнонационального развития полиэтнических стран капиталистического мира. Отдельные ее разделы посвящены анализу расистских концепций, которые в значительной степени внедряются в практику, как, скажем, в политике господствующего белого меньшинства Южно-Африканской Республики; освещению концептуального осмысления западными этносоциологами межэтнических отношений, а также анализу механизма использования теоретических построений в процессе государственного регулирования национальных отношений.

Поскольку процессы этнонационального развития полиэтнических стран капиталистического мира являются предметом исследований ученых-марксистов и видных деятелей коммунистических партий — Г. Холла, Г. Уинстона, Г. Аптекера, В. Перло (США), У. Каштана, С. Уолша, А. Кларка (Канада), Ф. Харта, Р. Майлза (Великобритания) и других, то в настоящей работе предлагается также анализ позиции марксистских исследователей в национальном вопросе как демократической альтернативы буржуазным концепциям. Выводы марксистских исследователей базируются на комплексном анализе социальных и этнокультурных факторов, что обеспечивает объективное отражение современных явлений в национальных отношениях капиталистических стран.

При написании монографии был учтен опыт советских исследователей, занимающихся изучением этнонациональных проблем в странах капиталистического мира. В этой связи следует отметить, что советская историография располагает в настоящее время довольно солидным научным багажом, включающим теперь уже десятки монографий и множество статей, в которых рассмотрены самые различные аспекты современной этнонациональной ситуации, основные направления развития национальных отношений в полиэтнических странах Запада⁷. Советские исследователи, освещая указанные вопросы, в той или иной степени излагают позицию буржуазных авторов. Правда, в таких работах концепции национальных отношений не являются предметом специального анализа.

В 80-е гг. в отечественном обществоведении появились исследования,

посвященные анализу буржуазных концепций национальных отношений в капиталистических странах, среди них работы Т. В. Таболиной, С. А. Червонной и авторов настоящей монографии, а также исследование З. С. Чертиной, посвященное критике буржуазных концепций национальных отношений в СССР⁸. В них содержится анализ социологических концепций этнических процессов и интерпретация феномена обострения национальных противоречий в США, Канаде (концепции «англоконформизма», «плавильного котла», «культурного плюрализма»), даны оценки концептуального и понятийно-терминологического осмысления современного этносоциального развития у зарубежных авторов.

Критика несостоятельности буржуазных концепций острых этнонациональных проблем – как в упоминавшихся работах, так и в данном исследовании – основывается на общетеоретических трудах видных советских ученых. Так, работы академика Ю. В. Бромлея по теории этноса и этническим процессам в современном мире дают целостную их картину, освещают закономерности и особенности их развития в различных социально-экономических системах⁹. Марксистско-ленинская методология анализа сложных явлений в сфере национальных отношений позволяет объективно оценить выдвигаемые западными учеными концепции, уяснить их идеологическое назначение и определить их научную и практическую значимость в условиях эксплуататорского общества. Исследования видного советского этнографа Ю. П. Аверкиевой дают ключ к пониманию эволюции взглядов зарубежных обществоведов, преимущественно американских антропологов, на особенности этнонациональной ситуации и ее изменения, методологических устоев концепций буржуазных этнологов¹⁰.

Продолжая разработку темы критики буржуазных концепций этносоциального развития, авторы монографии основное внимание сосредоточивают на тех аспектах, которые характерны преимущественно для 80-х гг. Данной работой не исчерпывается все многообразие сложного исследовательского объекта. Очевидно, что изменения и новые явления в этносоциальном развитии стран с полиэтничным составом населения требуют и иной их интерпретации буржуазными авторами, что дает возможность проследить уже на новом временном отрезке их эволюцию.

В написании коллективной монографии приняли участие: А. Н. Шлепаков (введение, глава I, заключение), В. Б. Евтух (введение, главы II и IV, заключение), О. В. Шамшур (глава III). Научно-вспомогательную работу выполняли Т. И. Косолапова и И. А. Мингазутдинов.

Г Л А В А П
**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ
ЭТНОСОЦИОЛОГИИ: МОДЕЛИ И РЕАЛЬНОСТЬ**

§ 1. Общие тенденции в исследовании межэтнических отношений

В структуре буржуазных исследований этнонациональных проблем развитых стран капиталистического мира межэтнические отношения в последнее время во все большей мере выдвигаются на передний план. Кстати, ведя речь о межэтнических отношениях в контексте анализа буржуазных концепций национальных отношений, следует сосредоточить свое внимание на сформировавшейся (объективно и субъективно) системе отношений между представителями различных этнических образований в конкретных условиях их совместного проживания на территории одного этнополитического организма. Концентрация исследовательского интереса буржуазных ученых на межэтнических отношениях в 70—80-е гг. (показателем чего является появление значительного количества работ) имеет свое объяснение, по крайней мере, в этом убеждает наш опыт изучения проблематики, в практике современных этнонациональных процессов и попытках их интерпретации. Если, скажем, к середине 70-х гг. в буржуазной социологии, преимущественно американской, наметилось определенное накопление знаний о сущности этнического фактора в жизни полиэтнических стран и на этой основе отмечалось развитие общей теории национальных отношений, то вопросы отношений между представителями разных национальных меньшинств и этнических групп оставались практически вне поля зрения. Исключение составляет, пожалуй, исследование отношений между неграми и белым населением США, и то по очень ограниченному спектру проблем. Правда, нельзя отрицать того факта, что буржуазная социология и раньше пыталась вникнуть в содержание межгрупповых отношений. Такие попытки наблюдались, в частности, в американской социологии в 20—30—50-е гг.¹ В последующем изложении основных концепций межэтнических отношений по конкретным направлениям будет дана критическая оценка этим попыткам. На наш взгляд (это утверждают и буржуазные авторы в работах 60-х гг. и последующего периода), западная социология не была готова к концептуальному анализу общих этнонациональных проблем, так остро проявившихся в капиталистическом обществе в 60—70-е гг., не говоря уже о частных их аспектах — таких, как межэтнические отношения². Когда же буржуазные исследователи предложили первичные интерпретации

этнонациональных процессов в полиэтнических странах (имеется в виду характеристика феномена «этнического возрождения» в 60—70-е гг.), то была заложена основа для анализа отдельных аспектов этих процессов. Здесь необходимо отметить примечательную особенность — анализируя отдельные аспекты, например, межэтнические отношения, буржуазные социологи оставались в плену концепций, возникших в самом начале попыток интерпретации активного проявления этнического фактора в общественной жизни разных стран, когда концепции строились на результатах изучения верхнего, видимого, слоя феномена и не учитывались реальные причины, его порождавшие.

Подобный подход выявил несовершенство буржуазной методологии изучения общественных процессов. В ходе такой интерпретации обнаружилась явная противоречивость между теоретическим осмыслением явлений в этносоциальном развитии и реальной практикой. Дополнительного объяснения требовала распространившаяся в научной литературе Запада и среди общественности мысль о культурно-психологических различиях континентов населения США, Канады, западноевропейских стран как первоосновы, приведшей к обострению этнонациональных проблем в названных странах, поскольку со временем стало очевидным, что этнокультурные и этнопсихологические особенности хотя и играют определенную роль в обострении отмеченных проблем, но отнюдь не главную и определяющую. Дополнительные «доказательства» буржуазные социологи начали искать и в отдельных аспектах национального развития полиэтнических стран, тем самым создавая зачастую иллюзию проникновения в сущность проблемы, иллюзию стремления вскрыть истинные причины того или иного явления.

Отмечая наличие такого подхода в западной этносоциологии в качестве преобладающего, необходимо подчеркнуть, что в конце 70-х — в 80-е гг. появились работы, авторы которых стремятся к объективному отражению этнических явлений, возникающих, в частности, в ходе взаимодействия представителей различных народов (например, Ф. Риггс (США) в области теории концепций этничности; С. Уолмэн (Великобритания), изучающая роль этничности в межэтнических контактах в быту и на производстве; Ч. Вилперт (Западный Берлин) в работах о положении иммигрантов в ФРГ³). К каким результатам пришли буржуазные социологи в исследовании отдельных аспектов современных этнонациональных проблем, мы проследим в ходе анализа сформировавшихся концепций межэтнических отношений. При этом отметим, что буржуазные социологи, а еще более конкретно этносоциологи, не едины в своих интерпретациях сложившихся отношений между

представителями различных этнических образований. Порой их точки зрения расходятся довольно резко, иногда они пользуются неоднотипной терминологией, высказывают противоречивые мысли о перспективах развития межэтнических отношений и их влияния на формирование этнонациональной ситуации в той или иной стране капиталистического мира.

Предметом исследования в настоящей главе будут вопросы, связанные с выяснением сущности попыток интерпретации межэтнических отношений буржуазными этносоциологами в условиях возрастания роли этнического фактора в общественной жизни стран Западной Европы и Северной Америки. Значительное внимание будет уделено соотнесению теоретических построений с реальной практикой с целью определения сущности и научной значимости выдвигаемых концепций, а также анализу методик исследования и их применения в рамках существующей методологии буржуазной науки.

Хотя объектом анализа выступают буржуазные концепции, тем не менее в наших размышлениях и оценках мы будем исходить из концепции межэтнических отношений в полиэтнических странах, вырабатывающейся отечественной этносоциологией. Речь идет в первую очередь о структуре этих отношений, включающих такие компоненты, как межэтнические контакты, межэтническое общение, межэтнические связи, межэтническое взаимодействие⁴. В предложенном перечне они расположены в порядке их значимости как в плане влияния на формирование этнонациональной ситуации в стране, так и в плане научного анализа отдельных составных межэтнических отношений. При этом важное значение, на наш взгляд, приобретает осознание факта, что действие перечисленных компонентов проявляется на двух уровнях — индивидуальном и групповом. Данное обстоятельство помогает более четко определить значимость установок на межэтнические контакты и их результатов в контексте изменения этнонациональной ситуации.

В ходе анализа результатов межэтнических отношений, скажем, в таком аспекте, как возможные пути преодоления конфликтных ситуаций, напряженности в национальных отношениях и т. п., немаловажное значение имеет характеристика социальной и этнокультурной среды, в которой осуществляются межэтнические контакты, общение, связи и взаимодействие. Тем более что в последнее время буржуазные исследователи обращают на нее все большее внимание.

Учитывая изложенное выше, мы попытаемся осуществить наш критический анализ буржуазных концепций межэтнических отношений по следующим направлениям: а) отношения между доминантной и подчиненной группами; б) отношения между этнонациональными группами коренного и

иммигрантского происхождения; в) отношения между представителями разных групп, пребывающих в статусе подчиненных. Перечисленные направления составляют как бы горизонтальный срез в структуре анализа межэтнических отношений. Различные формы этих отношений реализуются в процессе производства, в быту, общественной жизни, местах поселения и т. д. Названные возможности осуществления межэтнических контактов, связей и взаимодействия представляют вертикальный срез анализа исследуемой темы. Предложенная нами схема анализа буржуазных концепций межэтнических отношений позволяет, с одной стороны, конкретизировать его объектно-предметную зону, а с другой — выработать системный подход в критике существующих концепций, строящихся зачастую на разнопорядковых критериях.

Такой подход требует некоторого ознакомления с самой методикой исследования межэтнических отношений буржуазными учеными, с тем понятийно-терминологическим аппаратом, которым они пользуются при анализе явлений в национальной сфере общественной жизни. На этих аспектах мы остановимся, предваряя изложение сущности самих концепций межэтнических отношений.

В буржуазной социологии межэтнические отношения в основном рассматриваются через призму теорий символического и социального интеракционизма (взаимодействия). Насколько позволяют судить работы американских и канадских исследователей (именно в социологии этих стран данная теория приобрела наибольшее распространение), под социальным интеракционизмом понимается взаимодействие между представителями различных этнических образований на личном и групповом уровне, возникающее в процессе производства, участия в общественной жизни и т. д. Символический интеракционизм, трактуемый Х. Блумером (именно он в 1937 г. ввел в научный оборот этот термин) как взаимодействие в достижении какой-либо цели, в котором большую роль играют символы, в нашем анализе охватывает скорее сферу культуры, психологии и поведения разных контингентов населения полиэтнических стран⁵.

Констатируя разделение интеракционизма в буржуазной социологии на социальный и символический, не следует рассматривать их как самостоятельные теории. Они представляют скорее два аспекта одной социологической теории, так как сами межэтнические отношения нельзя рассматривать отдельно в социальной сфере и сфере культуры и психологии. Вычленение этих сфер в отдельную зону исследования допустимо лишь в плане изучения конкретного проявления тех или иных сторон такого феномена, как

межэтнические отношения. Сделанное замечание приобретает реальное значение, если учесть, что большинство буржуазных социологов сознательно акцентируют внимание на этнокультурной сфере и на основе результатов анализа межэтнических отношений в ней делают заключение о сущности их содержания вообще. Методологически это, безусловно, неверно, так как заведомо приводит к ложным выводам, скажем, об основных причинах конфликтного развития межэтнических отношений.

Поскольку, как становится очевидным, взаимодействие предполагает безусловное наличие контактных ситуаций, то в работах западных социологов значительное место отводится определению их характера и содержания. Кстати, в буржуазной этносоциологии, если речь идет о межэтнических отношениях, преимущественно предполагается наличие контакта между людьми с различными лингвистическими и культурными традициями. «Межэтническое взаимодействие,— утверждают авторы одной из первых комплексных книг, посвященных проблемам межэтнических отношений,— это взаимодействие в условиях этнических различий»⁶. По Р. Бретону, условия, в которых возникает первый контакт, определяют в дальнейшем характер межэтнических отношений, т. е. приведут они к «этнической сегментации» или «этнической однородности»⁷. В данном контексте речь идет о возможностях интеграции и сепарирования разнородных этнических элементов в условиях полиэтнического государства. Не отрицая важной роли первых контактов между представителями различных этносов для судеб формирования этнонациональной ситуации в стране совместного проживания, тем не менее нельзя согласиться с предложенным выводом. История иммиграции в США, Канаду, а также Великобританию и другие западноевропейские страны дает множество подтверждений тому, что процесс сегментации усиливался по истечении некоторого срока пребывания в названных странах выходцев из других стран и определенного периода контактирования их с представителями господствующего этнического большинства.

Нетерпимость к иностранцам (туркам, грекам) с особой силой проявилась в ФРГ в 70-е — начале 80-х гг., хотя они прибывали в страну и в 60-е гг. У такого поворота событий есть свои причины — они коренятся в ухудшении условий экономического развития ФРГ, вызвавшем рост безработицы. Другим примером в этом плане могут служить отношения ядра американской нации к японцам во время второй мировой войны, когда участие Японии в войне на стороне фашистской Германии активизировало антияпонские настроения, что в конечном итоге усилило изоляцию японских иммигрантов и их потомков, т. е. японский сегмент проявлялся в общественной жизни США более отчетливо. В

этой связи, очевидно, не следует акцентировать внимание на значении первичных контактов и только на основе анализа их содержания делать выводы, подобные выводам Р. Бретона. В таком анализе необходимо учитывать влияние конкретных социально-экономических и политических условий.

В западной, преимущественно американской, социологии выделяется 3—4 типа контактных ситуаций, при которых сформировался современный этнический состав населения стран Западной Европы и Северной Америки. Одной из классических контактных ситуаций является возникшая в результате завоевания смежных территорий, вследствие чего в составе государства появляются группы населения, «которые существуют уже как общества со своими социальными и институционными системами»⁸. Данная ситуация была характерна в более ранние времена для США (известно, что в 40-х гг. XIX в. мексиканские провинции и территории Техас, Калифорния, Новая Мексика были аннексированы Соединенными Штатами, здесь устанавливались порядки, господствовавшие в американском государстве)⁹.

Пожалуй, самым распространенным типом контактных ситуаций в современных условиях представляется тот, который формируется в результате иммиграционных потоков в разные страны. Особенность таких ситуаций заключается в том, что в контактах участвуют как иммигранты более ранних периодов, в известной степени интегрировавшиеся в окружающую среду, так и вновь прибывающие контингенты. В рассматриваемой контактной ситуации формирующиеся иммигрантские группы сталкиваются с необходимостью взаимодействия в первую очередь с господствующим этническим образованием, а затем с себе подобными. Причем на характер их отношений значительное влияние оказывает то обстоятельство, что вновь прибывающие объективно являются катализаторами этнического фактора в общественной жизни принимающих стран. В первую очередь имеется в виду то, что этнические черты у них ощущаются более очевидно, а этнические чувства более обострены, чем у их соотечественников, прибывших раньше и в определенной степени адаптировавшихся к новым условиям существования. Заметим, западные исследователи только в последнее время (80-е гг.) в своих концепциях межэтнических отношений обращают внимание на этот фактор. О своеобразии трактовки его значения для этнонациональной ситуации речь пойдет несколько ниже, когда будут анализироваться конкретные концепции.

Среди множества полиэтнических стран современного капиталистического мира только в некоторых можно наблюдать контактные ситуации, в которых участвуют две и более крупные этнические общности с различными языками и культурами (типичным примером в этом плане является

Канада с ее англоканадской и франкоканадской нациями). В этом случае отношения между ними принимают также форму доминантной и подчиненной групп. Однако с той разницей, что крупная франкоканадская этническая общность оказывает более мощное сопротивление стремлению господствующей общности полностью подчинить ее своему влиянию. В отношениях между франкоканадской и англоканадской нациями конфликтность с особой силой проявилась в 60—70-е гг., когда на порядок дня правящей (с 1976 г.) в Квебеке партией был поставлен вопрос об отделении провинции и выходе ее из Канадской конфедерации¹⁰. Здесь концепция конфликтности в межэтнических отношениях получила свое безусловное подтверждение.

Эксперты по теме «Роль средств массовой информации в многорасовом обществе», выполнявшейся под эгидой ЮНЕСКО в конце 60-х гг., выявили еще одну контактную ситуацию, назвав ее парадоксальной. Это ситуация, в которой «этнонациональные группы обладают одним и тем же языком и одной общей культурой, что и господствующее этническое образование, но тем не менее рассматриваются как таковые, которые в рамках всего государства могут формироваться в разнородные группы. Такое состояние отличия может проявляться вполне очевидно, когда эти группы вдобавок еще имеют и собственные язык и культуру»¹¹. Подобная ситуация частично наблюдается в Бельгии, Великобритании и при определенных обстоятельствах может привести к территориальной сепарации. Имеются в виду фламандцы (Бельгия), валлийцы, шотландцы (Великобритания), которые при близости культуры и языка с основной этнической общностью обладают множеством особенностей в этнолингвистическом, этнокультурном и этнопсихологическом плане¹².

При всем различии источников возникновения перечисленных контактных ситуаций и сторон, в них участвующих, характерной особенностью для них всех является то, что одна из контактирующих групп обычно — доминирующая, а другая — подчиненная. Буржуазные исследователи в своих работах в этом аспекте реально отражают действительность эксплуататорского общества, в котором господствующие этнические образования, как правило, это нации, представляют собой доминантную сторону, а угнетаемые нации, национальные меньшинства и этнонациональные группы — подчиненную. Примером подобного контактирования являются контакты коренных жителей и английских и французских колонизаторов в Северной Америке, где туземное население подчинялось воле переселенцев из Европы, или отношения между японскими иммигрантами и ядром американской нации, когда первые представляют собой подчиненную группу, а вторые — доминантную. По

убеждению известного американского исследователя этнорасовых отношений С. Либерсона, отношения подчиненности и доминантности возникают тогда, «когда группы, находящиеся в контакте, обладают различными возможностями насаждения своих изменений другой группе; одна из этих групп будет «доминантной», а другая — «подчиненной» в плане поддержания или развития соответствующего окружения»¹³. Наиболее распространенной концепцией доминантной группы в западной социологии является предложенная Р. Шермерхорном: «доминантная группа — это коллектив (в нашем контексте — этнический коллектив.— *Авт.*) в рамках общества, который, обладая властью, выступает как хранитель и стимулятор контролируемой системы ценностей и распределяет блага в обществе»¹⁴.

Следует отметить, что в капиталистическом обществе в большинстве случаев доминантная группа использует сложившуюся систему для насаждения своих культурно-эстетических ценностей и поведенческих ориентаций, контролируя и направляя в выгодное для себя русло действия подчиненной группы через экономические отношения, политические органы и т. д. На этом основании советские и зарубежные марксистские авторы пришли к выводу, что капитализм создает такие условия, которые вынуждают подчиненные группы отказываться от своеобразных этнокультурных черт. На наш взгляд (основания для такой позиции дает анализ нынешней этнонациональной ситуации в странах Запада), подобная тенденция сохраняется и сегодня с той только разницей, что и в научной литературе, и в действительности насильственный характер умело вуалируется.

Буржуазные исследователи, манипулируя терминологическо-понятийным аппаратом, а правящие круги и их идеологи полумерами правительств, якобы свидетельствующих о демократичности буржуазного общества в национальном вопросе (Программа позитивных действий в США; политика многокультурности в Канаде; Программа неотложных мер в ФРГ и т. д.), пытаются создать иллюзию возможности бесконфликтной, добровольной интеграции выходцев из различных стран мира в принявшее их общество. Но сам комплекс социально-экономических и политических отношений при капитализме не позволяет коренным образом изменить сложившуюся систему взаимодействий между доминантной и подчиненной группами, при которой первая (конечно же, речь идет о ее верхушке) будет применять насилие в отношении второй, когда стоит вопрос о реализации ее интересов. Действительность США, Канады, Великобритании, ФРГ, да и других полиэтнических западноевропейских стран дает множество тому примеров, о чем будет сказано ниже.

Несколько парадоксальной может представиться подобная ситуация: в названных странах, возможно несколько меньше в ФРГ, описанные выше отношения доминантности и подчиненности между представителями разных этнических образований существуют довольно длительное время, а их научное осмысление и концептуализация начались относительно недавно: в 50-е гг. в США (с интенсификацией в 60—80-е гг.), в 60-е гг. в Западной Европе. Сложившаяся ситуация объясняется, как отмечалось выше, степенью проявления этнического фактора в общественной жизни западных стран и появление в связи с этим исследовательского интереса к нему.

В социологической литературе США, Канады, западноевропейских стран отношения между доминантной и подчиненной группами чаще всего трактуются как отношения между большинством и меньшинством. Такая терминология, очевидно, появилась как отражение практики межэтнических отношений, когда более крупные этнические образования осуществляют политику подчинения меньших по количеству членов этнических образований. Как правило, в современном капиталистическом мире, за исключением ЮАР, самое большое этническое образование является господствующим — англосаксонцы в США, англоканадцы в Канаде, англичане в Великобритании и т. д. Впервые понятие «меньшинство» в научную терминологию вошло в начале 30-х гг., и им определялись как расовые, так и культурные группы США. Причем в то время и длительный период после него основное внимание исследователей концентрировалось на американских неграх. Возможно, это объясняется тем, что в отношениях господствующего большинства и негритянского меньшинства наиболее остро проявлялись конфликтные ситуации. А по мнению американских ученых, взаимодействие между меньшинством и большинством всегда предполагает те или иные форму и степень конфликта, даже в периоды относительно стабильного приспособления к существующим условиям неравенства¹⁵.

Отношения между доминантной и подчиненной группами в американской социологии, а в последнее время и в исследованиях европейских авторов анализируются на основе современных теорий стратификации и на основе кросс-культурного подхода (рассмотрение явления в разных культурных системах) к изучению этнонациональной ситуации в полиэтнических странах. Социальная стратификация в буржуазной литературе определяется как дифференциация населения в иерархии социальных слоев. На базе этой дифференциации осуществляется неравномерное распределение прав и привилегий¹⁶. Сопоставление господствующего ядра американской нации и негритянского населения по названным параметрам обнаруживает

значительную между ними разницу как в социальной иерархии американского общества (они представляют собой соответственно два противоположных полюса — верхний и нижний), так и в плане распределения прав и привилегий.

Американские исследователи, в частности Дж. Симпсон и Дж. Ингер, соглашались с тем, что «социально-классовое положение оказывает на развитие личности значительное влияние», но вместе с тем считают: «... к объяснению особенностей личности социально-классовым положением следует подходить с осторожностью»¹⁷. В этом своем высказывании они ссылаются на заключение известного буржуазного исследователя проблем социальной стратификации Б. Барбера о том, что «люди, принадлежащие к любому из классов, могут отличаться от себе подобных в плане других своих социальных ролей, и потому что эти другие роли, по-видимому, имеют более важное значение для формирования их личности, чем их классовое положение»¹⁸. Среди отличительных черт расовые и этнические особенности контактирующих групп возводятся в некий абсолют. Так, Дж. Симеон и Дж. Ингер не усматривают разницы в употреблении таких терминов, как «каста», «расовая каста», «расовый класс» или «социальные классы»¹⁹. Здесь явно просматривается попытка подмены классовых понятий понятиями расово-этнического порядка, что характерно для буржуазной науки, занимающейся изучением этнонациональных проблем²⁰.

Очевидно и другое: при внешней социализации исследований межэтнических отношений в большинстве случаев преимущество отдается факторам не социально-классовым, а скажем, культурным, этнорасовым и т. д. Правда, в буржуазной этносоциологической науке нет недостатка в призывах в изучении этнической стратификации обращать внимание на «социальные условия, которые вызывают различные примеры стратификации — класс, статус, власть», на «сравнительные исследования, с целью установления типов социальных условий, определяющих различные формы этнической стратификации»²¹. Но вслед за такими призывами, или предворяя их, идут утверждения, довольно характерные для западных исследователей, проливающие свет на цену цитировавшихся высказываний: аргументы о классовом конфликте мало что объясняют в межэтнических отношениях²². В таком подходе явно просматривается изъян изучения межэтнических отношений преимущественно через призму (и с позиций) доминантной группы, ее определяющего влияния на формирование этих отношений и соответствующей социальной стратификации меньшинств. В последнем аспекте речь идет о том, какое место в иерархии социальных и производственных отношений, да и в обществе в целом, господствующее

большинство отводит подчиненному меньшинству — скажем, в соответствии с буржуазной теорией двойственного характера рынка труда²³. Подавляющее большинство афроамериканцев в США, иммигранты в этой и других странах в силу своего низкого общеобразовательного и профессионально-квалификационного уровня, а также этнокультурных характеристик попадают во вторичный сектор, чем и определяется их более низкая в сравнении с доминантной группой социальная мобильность. В силу низкого социального статуса, который буржуазное общество отводит, например, иммигрантам, и их ограниченных возможностей как дискриминируемого меньшинства представители вторичного сектора практически лишены перспективы преодолеть барьеры на пути к социальной мобильности, которая создает новые условия стратификации.

Новым явлением в исследовании отношений на уровне доминантной и подчиненной групп представляются отдельные попытки их изучения и с позиции последней, в частности — ее возможностей влияния на формирование детерминированных норм поведения, принятия решений и т. д. со стороны большинства. Ч. Вилперт (Институт социологии Технического университета, Западный Берлин) пришла к выводу, вполне подтверждающемуся социальной практикой западногерманского общества, как и обществ других иммигрантских стран, что основой влияния меньшинства на большинство является необходимость поиска определенных категорий рабочей силы за пределами границ своего государства²⁴. Но поскольку именно доминантная группа определяет эти категории, то она, выдвигая ряд требований к рабочей силе, еще в доиммигрантском периоде ограничивает возможности влияния меньшинства на изменение позиции большинства в межэтнических отношениях. Ведь предъявляемые требования, основываясь на так называемой детерминистской идеологии господствующего большинства, учитывают не только уровень потребности в иммигрантах той или иной квалификации, но и ее этнонациональное происхождение, классово-политическую ориентацию, культурные характеристики. Подобная методика — взгляд на межэтнические отношения с позиций подчиненной группы — с особой силой подчеркивает отсутствие в современном буржуазном обществе перспектив для существенного улучшения ее социально-экономического положения и политико-правового статуса, создания условий для повышения социальной роли дискриминируемых меньшинств.

Некоторым прогрессом в изучении отношений между этнорасовым большинством и меньшинством можно рассматривать положение о колониальном характере их взаимодействия. Некоторые этносоциологи США

рассматривают нынешнее состояние этих отношений и их перспективу на основе относительно новой теории внутреннего колониализма, так как усматривают в них много сходных черт с отношениями, устанавливающимися между колонией и империей²⁵. Эти аналогии прослеживаются в резких различиях социально-экономического положения и политико-правового статуса афроамериканцев и белых, в их занятости, уровне образования, доходах, жилищных условиях и т. д. Подобные обстоятельства определяют сущность отношений между этими двумя категориями населения США, характернейшей чертой которых является уже не просто потенциально присутствующий конфликт, как говорят буржуазные авторы, а явный антагонизм. Сходная ситуация свойственна и отношениям между английской нацией и валлийской и шотландской нациями, которые по существу являются внутренними колониями. О таком же статусе свидетельствует значительно низкий по сравнению с английской нацией уровень экономического развития, дискриминационное положение трудящихся, выражающееся в более низких доходах, худших жилищных условиях, низшем, чем в среднем по стране, образовательном уровне и т. д.²⁶. В положении внутренних колоний находится также коренное население США и Канады²⁷.

Поскольку буржуазные исследователи не только в США, но и в других капиталистических странах свои выводы строят на основе теории использования человеческого капитала (Дж. Беккер и др.) и двойственного характера рынка труда (П. Дерингер, М. Пиор и др.), то и перспективы развития отношений между неграми и белыми в Соединенных Штатах, угнетенными и господствующей нацией в Великобритании, иммигрантами из африканских и азиатских стран и этническим большинством в западноевропейских государствах определяются в их рамках. Необходимо иметь в виду, что хотя, на первый взгляд, исследователи в основу своих рассуждений кладут экономические отношения, они в названных теориях сознательно ограничивают возможности влияния экономического фактора на межэтнические отношения. Во-первых, обе теории в основном ориентированы на проблемы занятости в урбанизированных районах США, где черные географически изолированы от пояса, в котором размещены предприятия, и соответственно имеется определенный спрос на рабочую силу. Во-вторых, большинство буржуазных ученых, характеризуя ситуацию с занятостью негров, исходят из личных качеств рабочих и, более того, ими определяют незначительное представительство афроамериканцев в так называемом первичном секторе экономики — секторе, где представлена высококвалифицированная и высокооплачиваемая рабочая сила. В странах Западной Европы большинством

ученых применяются те же критерии для анализа отношений между господствующим большинством и иммигрантами в рамках названных выше теорий.

Индивидуальные культурные и психологические характеристики представителей групп, участвующих в отношениях, в буржуазных концепциях приобретают превалирующее значение. С точки зрения методологии буржуазной науки, эти параметры якобы позволяют установить причины конфликтности в отношениях между доминантной и подчиненной группами, которые, как правило, сводятся к этнокультурным и этнопсихологическим различиям тех или иных этнических образований. Правда, в последнее десятилетие в американской социологии усилились дискуссии по поводу того, являются ли различные образцы поведения этнонациональных групп результатом различий в их социальных структурах, формирующихся под влиянием социально-экономических условий их существования, или они определяются исторически детерминированными культурными системами²⁸. Однако эта дискуссия остается пока на уровне терминологическом, особенно это касается роли социальных факторов, поскольку подавляющее большинство западных этносоциологов придерживаются идеи приоритетности этнокультурных и этнопсихологических факторов над социально-экономическими в плане выяснения истоков напряженности в отношениях между группами, представляющими разные социокультурные системы.

Попытки психологизации межэтнических отношений с особой откровенностью проявляются в концептуализации стереотипов поведения. При этом следует отметить, что в наметившихся в послевоенное время направлениях исследования этнических отношений в США (усиленная разработка проблем предубеждений и дискриминации; анализ положения меньшинств исключительно как жертв, увязка прогресса в этнических исследованиях с отсутствием конкретных данных по отдельным группам) вопросы психологии поведения играли главенствующую роль. В настоящем анализе мы остановимся на основных идеях буржуазных ученых, касающихся значения этнопсихологических параметров в развитии межэтнических отношений, в первую очередь этнических стереотипов и этнических предубеждений, ибо они являются предметом особенно пристального внимания многих буржуазных исследователей.

Среди большого количества определений этнических стереотипов для нашего анализа мы выбрали то, которое можно вывести из общесоциологического определения, широко распространенного в западной литературе, а именно: «стереотипом является сумма знаний (идея или вера)

определенной части социального мира»²⁹.

Стереотип, как правило, формируется на основе очень незначительной информации³⁰, в данном случае информации о представителях различных этносов, находящихся во взаимодействии в процессе производства, в быту, общественной жизни. Подтверждением тому являются бытующие в массовом сознании американцев краткие характеристики представителей некоторых этнонациональных групп: негры — ленивцы; итальянцы—макаронники; поляки — глупцы; мексиканцы — мокрые спины и т. д. Приведенные названия — свидетельство распространения негативных стереотипов и одно из проявлений превосходства ядра американской нации над национальными меньшинствами и этническими группами.

Канадские социологи обоснованно утверждают, что «общественное мнение и правительственные круги классифицируют индейцев, метисов и инуитов как придаток к природным ресурсам, которыми следует управлять и очень сильно улучшать их качество»³¹. В этой позиции отражается прямо-таки шовинистический стереотип, который сформировался в течение длительной жестокой эксплуатации и дискриминации коренного населения Северной Америки европейскими колонизаторами. Данная ситуация еще раз убеждает в том, что негативные стереотипы формируются на основе предубеждений доминантной группы в отношении подчиненных групп или меньшинств. Под предубеждениями подразумевается «негативное», базирующееся на нелогичности отношение к отдельным этническим группам и их членам»³². Этнические стереотипы складывались в результате контакта представителей меньшинства и большинства, но в последующем они передавались из поколения в поколение и сейчас возникает множество ситуаций, когда непосредственного контакта не существует, а стереотипы продолжают существовать.

В данном контексте уместно отметить, что эксперты по расовым отношениям в исследовании «Роль средств массовой информации в многорасовом обществе», проводившемся под эгидой ЮНЕСКО, на основе изучения материалов прессы полиэтнических стран констатировали: если в них речь идет о предубеждениях, то только в связи с доминантной группой, а подчиненная группа как будто не может иметь предубеждения³³. Эта ситуация вполне объяснима, поскольку доминантная группа, точнее, ее верхушка, обладая реальной властью, в том числе имея в своем распоряжении и прессу, использовала их для насаждения негативных стереотипов в отношении подчиненных групп. К тому же, в западной социологии, за редкими исключениями, отношения между господствующим большинством и

меньшинством рассматривается с позиции большинства.

В исследованиях некоторых буржуазных ученых о влиянии этнических стереотипов и этнических предубеждений на межэтнические отношения в условиях капиталистического общества сохраняется некий идеалистический подход к интерпретации процесса. Действительно, нет оснований оспаривать утвердившуюся мысль о том, что представления этнонациональных групп друг о друге играют немаловажную роль в содержании (конфликтного, бесконфликтного) взаимодействия между ними. Однако сомнительной представляется мысль С. Либерзона о том, что осознание стереотипов других о себе может несколько смягчить напряженность в отношениях и в этом плане предлагаемая схема контроля за своим поведением выглядит даже наивной³⁴. За ее рамками остаются социальные и экономические факторы, определяющие содержание межэтнических отношений. Ведь, как бы ни важны были психологические аспекты поведенческих ситуаций, они являются следствием экономического неравенства и неудовлетворительного социального самочувствия меньшинства в процессе отношений с господствующим большинством. К признанию этого очевидного факта приходят некоторые буржуазные ученые. Так, уже упоминавшийся Р. Бретон и другие канадские авторы считают, что «неравноправный обмен (в ходе взаимодействия доминантной и подчиненной групп.— *Авт.*) на постоянной основе является источником негативного отношения и может привести к конфликту»³⁵.

В свете данного высказывания, подтверждение которому без труда можно найти в практике отношений между господствующим этническим большинством и дискриминируемым меньшинством не только в Канаде, но и в США, западноевропейских странах, уязвимость изложенной выше позиции проявляется особо явно. Ведь и С. Либерзон, и другие приверженцы этой теории в своих рассуждениях не принимают в расчет социальную дифференциацию индивидуумов, объединяемых под терминами «большинство» и «меньшинство». Поскольку социальная практика имеет большое значение в формировании стереотипов и, на наш взгляд, еще большее в их корректировке, то необходимо вести речь о существовании разных этнических стереотипов у разных социально-классовых слоев этнонациональных групп, как доминантных, так и подчиненных. Во всяком случае, они не всегда совпадают у представителей правящей верхушки и трудящихся этих групп. Хотя нельзя отрицать и того факта, что под влиянием средств массовой информации, буржуазной идеологии на определенном отрезке времени они могут совпадать, у правящих кругов и трудящихся господствующего большинства в отношении негров (США), азиатских

иммигрантов в Великобритании, турок Западной Германии и т. д.

На основе проводившихся в США конкретно-социологических исследований установок на этническое общение, некоторые социологи приходят к утверждению, что белое население высказывает мнение о снижении уровня расовых предубеждений, хотя с другой стороны, афроамериканцы придерживаются противоположной точки зрения³⁶.

Существование двух высказанных мнений — явление закономерное. Если рассматривать уровень проявления расовых предубеждений в 20-е гг. нынешнего столетия и сравнивать с первым десятилетием после второй мировой войны, то мы увидим, что в первом случае они проявлялись в более резких формах, чем во втором. В 20-е гг. Ку-клукс-клан превратился в самую большую нейтивистскую организацию и вел чрезвычайно активную шовинистическую деятельность. С этой организацией американские исследователи связывают процесс так называемой интеллектуализации расизма и вместе с тем, добавим, поиска изоциренных методов нагнетания ксенофобии в отношении афроамериканцев, иммигрантов. Некоторое снижение уровня проявления расовых предубеждений в послевоенный период сменилось его подъемом в 60-е, а затем в начале 80-х гг.³⁷, что вызвано обострением борьбы против национального неравенства. Такое развитие событий ставит под сомнение возможность искоренения расовых предубеждений в американском обществе, да и в эксплуататорских обществах вообще. Кстати, отражая в данном аспекте объективно существующие реальности, известные социологи США Л. Диннерштайн и Д. Раймерз именно так оценивают перспективу расовых предубеждений в своей стране. Они считают: «Существование предубеждений является напоминанием того, что много людей просто-напросто не принимаются доминирующей культурой (а в более широком смысле социальной системой.—*Авт.*)». Правда, делая такое объективное признание, эти авторы тут же добавляют, что существование предубеждений «отражает также крушение надежд тех, кто недоволен собой, потому что они не желают или не могут терпимо относиться к отличиям, присущим другим»³⁸. Здесь явное стремление снять с американского общества ответственность за наличие в нем «отверженных» и причину их неблагополучного состояния отнести на их же счет.

Попытки оправдания эксплуататорского общества за дискриминационное положение национальных меньшинств, иммигрантов характерны и для других стран. Они, в частности, прослеживаются и в построении концепции межэтнических отношений, и в разработке их понятийно-терминологического аппарата. Так, американские этносоциологи (Р. Апостл, Ч. Глок, Т. Пьяцца, М.

Суэцл) предлагают заменить термин «расовые предрасположения» термином «расовая позиция», который включает в себя восприятие, толкование, моделирование поступка. То есть расовая позиция формируется на базе того, как воспринимаются различия между белыми и черными, какое они приобретают толкование и как белое население реагирует на угнетенный статус негров³⁹. Причем в этой структуре второй уровень — толкование — представляется самым важным. Для нас такое утверждение и особенно причины, определяющие превосходство белых над черными, имеют специальный интерес. Они помогают найти ключ к объяснению стремления подмены понятия «расовые предрасположения» понятием «расовая позиция», которое, на наш взгляд, менее социально определенное, чем понятие предрасположение. Такой подход позволяет сместить акценты на индивидуальные характеристики выбора типа поведения в отношении афроамериканцев и сводить его к индивидуальным особенностям трактования существующего феномена, оставляя без внимания социально-классовые факторы, влияющие на действия белого населения. Подобная установка в анализе межэтнических отношений, в данном случае между афроамериканцами и белыми, предполагает и соответствующий результат — найти «аргументы» для не вызывающей возражений констатации, если не попыток убеждения, естественности превосходства белой расы над черной. Приведем примеры ответов белого населения на поставленный в ходе обследования вопрос: «Какая, на ваш взгляд, основная причина того, что белые лучше черных?» Значительная часть опрошенных обосновывала превосходство первых тем, что негры не так усердны в своих устремлениях, как белые; другая часть связывала это с тем фактом, что черные происходят из менее способной расы; некоторые участники обследования указывали на то, что к такому положению привело длительное пребывание в рабстве и дискриминированном статусе и поэтому неграм трудно вырваться из низших слоев. Довольно большое количество участвовавших в опросе всю беду негров видят в том, что они прививают своим детям ценности, отличающиеся от тех, которые могут способствовать их успеху в современном американском обществе⁴⁰.

В анализированном социологическом исследовании, как и во многих других, не отражено то важное обстоятельство, в каких же условиях формировались высказываемые точки зрения. Последнее помогло бы определить и возможную реакцию на сложившуюся ситуацию в отношениях между рассматриваемыми группами населения полиэтнических стран. Но такова методология буржуазной науки — она не позволяет выйти за строго очерченные рамки анализа того или иного феномена, ибо в противном случае

можно будет установить истинные причины и виновников сложившегося неприглядного положения и рассуждать о путях его улучшения. Правда, в некоторых исследованиях буржуазных ученых такие попытки наблюдаются — например, Ф. Гаспар и С. Шрайбер говорят о необходимости совершенствования правительственной политики, создания соответствующих условий для прогресса цветного населения и т. д.⁴¹ Однако это исключение из общего правила, и далее указания названные авторы не идут, но зато в последние годы наблюдаются усиленные попытки теоретического обоснования позитивной роли буржуазного государства в регулировании этнонациональных отношений и снижения уровня конфликтности и напряженности в отношениях между представителями различных этносов, совместно проживающих в рамках одного этнополитического организма. Эта тенденция, к примеру, особо четко проявилась в докладе У. Бьорклунда (факультет социальной антропологии Стокгольмского университета) на международной конференции «Этнические процессы в современном мире», проходившей в г. Таллине (15—21 июня 1986 г.)⁴².

Такая точка зрения, как и результаты упоминавшегося социологического исследования, могут способствовать культивированию мысли, что негативные предубеждения в отношении негров, да и иммигрантов с цветной кожей, присущи самой природе большинства населения. В буржуазной этносоциологической литературе появились даже термины, отражающие сущность этого якобы всеобщего явления. Так, социологи Великобритании в анализе межэтнических отношений пользуются понятием «общераспространенный расизм», который якобы свойственен всему населению⁴³. По мнению некоторых английских авторов, в частности сотрудничающих в рамках Центра современных культурных исследований (Лондон), для английского общества характерен «осознанный расизм», базирующийся на практике ежедневной жизни. По их убеждению, его можно наблюдать не только в контексте целенаправленных манипуляций правящим блоком, который генерирует здравомыслящие идеи. Осознанный расизм может корениться в практической действительности и в ситуациях, в которых находится рабочий класс и которые возникают в процессе ежедневной жизни»⁴⁴.

Характерными проявлениями такого расизма является, скажем, мнение, что «черная кровь» заразная, что культура черных неприемлема для британского общества, что цветные иммигранты импортируют социально-экономические проблемы и т. д. На основе этих домыслов, упорно распространяемых правящими кругами и их идеологами, формируются знания

у представителей господствующего этнического большинства о своих партнерах, с которыми они в силу объективных условий совместного проживания или совместной работы вынуждены вступать во взаимодействие. В ходе последнего зачастую обнаруживается, что представления этнического большинства подчиненной группы и о ценностях и устоях социального мира не совпадают. Отсюда возникает (если еще не сформировалось) или углубляется отчуждение в отношениях между ними⁴⁵, в последнее время принимая крайние формы — конфликта и антагонизма на этнорасовой основе.

В середине 70-х гг. в терминологическом арсенале буржуазных исследователей появляется понятие «белый этнический расизм»⁴⁶. Его проявление не ограничивается только доминантной группой, а он якобы присущ и другим этническим группам белого населения. Таким образом, буржуазные ученые утверждают мысль о «всеядности» расизма и о его неэлитарном происхождении, т. е. о том, что он не является порождением идеологии правящих кругов. Действительно, в условиях обострения национального вопроса в развитых капиталистических странах наблюдается усиление напряженности в отношениях не только между доминантной и подчиненными группами полиэтнического общества, но и между подчиненными этнонациональными группами. Это особенно четко проявляется в условиях сокращения производства и спада спроса на рабочую силу, в том числе на пришлую, что, кстати, имеет место во всех полиэтнических странах Западной Европы и Северной Америки. То, каким образом данное обстоятельство влияет на современную этнонациональную ситуацию и как западные исследователи трактуют этот процесс, будет изложено в последующих параграфах настоящей главы.

Следует иметь в виду, что в буржуазной социологии, и прежде всего в американской, межэтнические отношения рассматриваются в основном через призму отношений большинства с меньшинством, или доминантности и подчиненности. Что касается, скажем, отношений между различными этнонациональными группами, пребывающими в статусе подчиненных, то они практически не выделяются в объект специального исследования. Хотя, по нашему убеждению, эти отношения играют немаловажную роль в формировании этнонациональной ситуации в той или другой стране. Правда, в исследованиях американских, канадских, некоторых западноевропейских ученых содержится характеристика отдельных аспектов отношений данного уровня. В последующем, при рассмотрении конкретных концепций межэтнических отношений, мы остановимся на анализе трактовок буржуазными этносоциологами отношений между подчиненными группами.

Из схем межэтнических отношений, предлагаемых западными исследователями, например — Р. Шермерхорном, Ван Амерсфортом и др., и концентрирующихся вокруг отношений большинство — меньшинство, выпадает и такой важный аспект, как взаимодействие коренного населения и иммигрантских групп: в США и Канаде индейцев и эскимосов с этническими группами (итальянской, украинской, польской и т. д.), в Великобритании — валлийцев и иммигрантов из Вест-Индии, шотландцев и тех же иммигрантов и т. п. Дело в том, что эти отношения отличаются некоторым своеобразием, вытекающим из различного их правового статуса (гражданин страны проживания или иммигрант), хотя в плане отношений с большинством обе названные категории населения находятся в подчиненном положении. Однако неправомочным было бы утверждение, что в буржуазной этносоциологии нет попыток конструировать и другие схемы, чем, скажем, наиболее распространенная и авторитетная схема упоминавшегося выше Р. Шермерхорна, строящаяся на принципах силы — власти и размере групп.

В отличие от названной схемы, которая предполагает ассимиляцию доминантной группой меньшинства, Р. Коэн считает, что межэтнические отношения могут осуществляться не только на базе доминантности и подчиненности, но и на относительно равноправной и неассимилятивной основе ⁴⁷По нашим представлениям, такой процесс может иметь место только в отношениях между подчиненными группами (этнонациональные группы, не принадлежащие к господствующему большинству; коренное население, находящееся в угнетенном положении, иммигранты) или в отношениях между представителями доминантной и подчиненной групп одного и того же социально-классового происхождения. Но даже в этих рамках наблюдаются определенные отклонения. Последнее, безусловно, подтверждает сложность феномена межэтнических отношений, ситуативный характер и их зависимость от процессов внутреннего развития страны с полиэтничным составом населения. На характер межэтнических отношений оказывает влияние также международная обстановка, и в частности — отношения между странами, выходцы из которых проживают в рамках одного полиэтничного государства.

Обзор общих тенденций в исследовании современных межэтнических отношений в полиэтничных странах капиталистического мира указывает на безусловное возрастание научного интереса у представителей различных сфер гуманитарных знаний (приоритет принадлежит все-таки социологам) к отношениям между этнонациональными группами как части этнической проблематики. Они рассматриваются в основном в рамках существующих социологических теорий, например, интеракционизма, через призму отношений

доминантных и подчиненных групп, причем в направлении от доминантной к подчиненной группе. Имеющиеся попытки вести исследования в обратном порядке не стали пока системой, хотя, по нашему мнению, эта методика может обнаружить много неизвестных до сих пор ситуаций, влияющих на характер взаимодействия двух партнеров и на процесс формирования нынешней этнонациональной ситуации в США, Канаде, Великобритании, ФРГ, Франции и др. странах. В упоминавшихся исследованиях ученых разных стран можно обнаружить, что в своих рассуждениях и выводах об отношениях между группами они оперируют четырьмя классами факторов, которые в свое время определил известный американский социолог Дж. У. Оллпорт: исторические, социально-культурные, личностные и ситуационные⁴⁸. Однако, как показывает анализ работ американских, канадских и западноевропейских авторов, в сочетании все четыре класса практически не встречаются, а, как правило, отдается предпочтение одному-двум, в последнее время все чаще культурным и личностным, реже историческим и ситуационным (в широком смысле этого слова, а не в ограничении понятия «ситуация» узкими рамками местности, группы и т. д.), и уж совсем редко социальными. Отсутствие такого сочетания в выяснении характера межэтнических отношений и перспектив их развития — наиболее уязвимое место их интерпретаций буржуазными исследователями. В результате игнорирования взаимодействия различных факторов — от культурно-личностных до социально-классовых — создается картина, неадекватно отражающая существующую действительность современного состояния межэтнических отношений. При последующем анализе наиболее распространенных концепций межэтнических отношений мы постараемся соотнести их основные положения с практикой, что поможет реально оценить их научную, политическую и идеологическую значимость. Существующие ныне в западной социологии концепции можно разделить на две группы: 1) концепции интеграционного развития отношений и 2) концепции их конфликтного развития. В следующих параграфах речь пойдет об этих концепциях и их вариациях.

§ 2. Концепция интеграционного развития межэтнических отношений

Появление концепции интеграционного развития межэтнических отношений связано с представлениями буржуазных ученых, политиков и идеологов правящего класса о возможностях вращивания (интеграции) выходцев из различных стран мира в основную ткань американского, канадского общества или обществ других полиэтнических стран, представленную господствующим этническим большинством. Наиболее активно эта концепция

дискутируется в западной этносоциологической литературе, начиная с середины 60-х гг., хотя попытки осмысления интеграционного взаимодействия этнонациональных групп (и не только на уровне доминантной — подчиненной) имелись и в более ранние периоды⁴⁹. Концепция интеграционного развития анализируется американскими этносоциологами и их коллегами из других стран в сравнении с концепцией конфликтного развития межэтнических отношений. Автономное их рассмотрение позволяет, на наш взгляд, более ощутимо выявить содержание одной и другой, особенно их идеологический подтекст.

В зарубежной литературе концепция интеграционного состояния межэтнических отношений в полиэтнических странах встречается под несколькими названиями. Д. Хортон (США) называет ее теорией обычного (нормального) развития этих отношений⁵⁰, П. Ван ден Берге (США) предпочитает пользоваться термином «функционализм»⁵¹, Р. Шермерхорн (США) именуется эту концепцию «системой теорий»⁵², Э. Лайфер (США) — «перспективой развития»⁵³, в работах некоторых канадских авторов она называется «концепцией социетальной сплоченности»⁵⁴. Упомянутые различные названия, однако, не означают большого различия в трактовке западными этносоциологами данного феномена. Основная их суть в том, что в условиях сосуществования представителей различных этносов на территории одного и того же этнополитического организма возможна их интеграция в основное этническое образование, с которым они находятся во взаимодействии. Отмеченная главная идея всех интерпретаций позволила нам объединить их под одним названием «концепция интеграционного развития межэтнических отношений». Кстати, американские исследователи, например Р. Дарендорф, пользуются термином «интеграция» не только в ходе анализа данной концепции как реальности развития межэтнических отношений, но и для ее названия⁵⁵.

Поскольку узловым понятием в рассматриваемой концепции является «интеграция», то кратко остановимся на его содержании, наиболее часто употребляемом в зарубежной этнологической литературе. Р. Шермерхорн определяет интеграцию как «процесс, посредством которого части или элементы общества включаются в активное и координируемое сотрудничество с имеющими место занятиями и целями доминантной группы»⁵⁷. При этом интеграцию он отделяет от центробежных тенденций, на определенных этапах характерных для полиэтнических обществ. По его мнению, интеграция предполагает удовлетворение вырабатываемых этническими группами людей принципов своего существования в рамках государства: для одних групп это

может быть автономия, для других — ассимиляция или полная инкорпорация⁵⁸. В этом дополнительном определении указывается уже сам результат взаимодействия этнических групп, или, другими словами, уровень состояния этого взаимодействия на тот или иной период. В таком определении интеграции явно обнаруживается чисто механический подход, без учета обстоятельств (в первую очередь социально-классовых), влияющих на характер как самого процесса взаимодействия, так и его результатов. Если с этой позиции рассматривать возможности интеграции, скажем, индейцев, эскимосов в американское или канадское общества, то перспектив у них нет, поскольку их основные занятия далеко не совпадают с таковыми доминантной группы. Мало что может добавить в выяснении реальных причин бесконфликтной интеграции одних групп или их представителей в основное этническое большинство и сдерживание других даже концепция «культурного соответствия». По тому же Р. Шермерхорну, а такой точки зрения придерживаются многие буржуазные исследователи, если характерные черты ценностей подчиненных групп имеют общее с таковыми господствующей, то интеграция (координация целей) будет облегчена: если же эти ценности контрастируют или находятся в противоречии, то интеграция будет осложняться⁵⁹.

Совпадение или несовпадение характерных ценностных свойств доминантной и подчиненной групп (в первую очередь культура, психология, быт), безусловно, оказывают влияние на процесс интеграции, но не в такой мере, и уж не решающее, как пытаются утверждать некоторые зарубежные авторы. Ибо, исходя из подобных теоретических построений, невозможно объяснить неудавшуюся попытку интегрировать франкоканадцев англоканадской общностью, хотя в культурном, бытовом и психологическом развитии выходцев из Великобритании и Франции при всех их различиях нетрудно обнаружить множество сходного — именно в основных видах занятий и ценностных ориентации. Тем не менее, сегодня мы констатируем четко проявляющееся противопоставление англоканадской нации франкоканадской, тот разрыв в их статусе в канадском обществе, который позволяет говорить об отсутствии сплоченности в Канадской конфедерации. Хотя противоречия в отношениях между этими двумя этносоциальными общностями (нациями) в последнее время с особой силой проявляются в этнокультурной, а точнее — в этнолингвистической сфере⁶⁰, все же главным генерирующим источником такого состояния в их взаимодействии являются факторы социально-экономического развития⁶¹.

В анализе концепции интеграционного развития межэтнических отношений, кстати, у Р. Шермерхорпа и у других упоминавшихся авторов она

замыкается на уровне отношений доминантности и подчиненности, важное место занимает трактовка наличия в современном индустриальном обществе этнического своеобразия в его социальном развитии и привязанности к нему значительного количества граждан этого общества (например, в США, Канаде, Великобритании и т. д.). Приверженцы концепции интеграционного развития рассматривают этническое своеобразие как «остаточное» явление. По мнению многих западных авторов, развитие современного рынка труда непременно размывает существующее этническое своеобразие, и оно с прогрессом экономического развития сводится к минимуму и становится не столь заметным⁶². Аргументом в этом плане для буржуазных исследователей служит утверждение о том, что движущим мотивом в ориентации этнических групп являются поиски соответствующего места в экономической структуре. В этих поисках, по Э. Лайферу, этнические характеристики теряют для индивидуума свое значение, поскольку они не играют никакой роли в механизме складывания и развития рынка труда⁶³.

Подобные выводы вполне закономерны для сторонников концепции интеграционного развития межэтнических отношений, так как конечную их цель они видят в интегрировании меньшинства в большинство. Наличие же этнического своеобразия явно не способствует достижению цели, и буржуазные авторы, развивая названную концепцию как возможную, приемлемую для западных полиэтнических стран, игнорируют, чаще завуалированно, а иногда и открыто, значение этнического в социальных процессах. Но не только констатация факта такого игнорирования в буржуазных исследованиях или ссылка на очевидное оживление этнического фактора в странах Запада дает нам право на оспаривание высказанной мысли. Хотя и этих аргументов достаточно, чтобы ставить ее, по крайней мере, под сомнение. Важно, на наш взгляд, здесь другое обстоятельство, которое позволяет утверждать обратное тому, в чем пытается убедить Э. Лайфер. Учитывая этнический состав не только всего населения тех или иных западных стран, но в первую очередь принимающих участие в производственном процессе, можно говорить, что этничность (такие ее характеристики, как происхождение и приверженность тому или другому виду труда, сложившаяся в результате разделения труда) части рабочей силы, например, иммигрантов оказывают влияние на сам производственный процесс, производственные отношения, и следовательно — на рынок труда. Безусловно, по конечным результатам процесса производства (станок, электроприбор и т. д.) трудно определить этническую принадлежность участников этого процесса, но, привлекая имеющиеся на этот счет данные, можно утверждать о ее значении для производственных отношений, морального климата,

формирующегося в ходе производственного процесса.

Тот факт, что сегодня на Западе, в частности в ФРГ, Франции и других странах существуют отрасли, в значительной степени зависящие от иммигрантской рабочей силы, подтверждает высказанные предположения. Так, в середине 80-х гг. в Федеративной Республике Германии иммигранты, по данным Федеративного министерства по труду и социальным вопросам, составляли такой процент всех занятых: в сталеплавильной промышленности — 23,6; рыбной промышленности—19,8; гостиничном хозяйстве и учреждениях питания—19,2; текстильной промышленности—16,7⁶⁴. В общей сложности в 10 отраслях хозяйства ФРГ работающие иммигранты значительно (на 4,5% —14,1%) превосходили средний показатель доли иностранных рабочих в общем числе занятых, составляющий 8,5% ⁶⁵. Такая концентрация иммигрантской рабочей силы в отдельных отраслях вносит своеобразие в ситуацию на рынке труда, порождает конкурентность (добавим, умело регулируемую работодателями с целью снижения и без того низкой стоимости пришлой рабочей силы) в отношениях между представителями различных этносов.

Более подробно о социальных и политико-идеологических последствиях этих особенностей формирования современного капиталистического рынка труда речь пойдет в следующем параграфе, здесь же мы обращаем внимание на тот аспект, который связан с интеграционными процессами. Пришлая рабочая сила со своеобразными этническими характеристиками является реальностью современных производственных отношений, она составляет значительный потенциал, а ее постоянная дискриминация во всех сферах социально-экономической жизни требует, по крайней мере, немалого отрезка времени для интеграции в западногерманское общество или общество любой другой страны капиталистического мира. Нынешняя политика предпринимателей, поддерживаемая правящими кругами западных стран и выражающаяся в ориентации на временную рабочую силу с последующей ее заменой новыми контингентами⁶⁶, ставит под сомнение действенность интеграционистской концепции межэтнических отношений на уровне доминантной и подчиненной групп, когда речь идет об иммигрантском компоненте состава населения западных стран. Мероприятия, типа «Программа неотложных мер» правительства ФРГ, направленные на подготовку иммигрантов и их детей к реэмиграции⁶⁷, наряду с политикой ротации рабочей силы объективно способствуют сохранению этничности и в будущем. Безусловно, такое сохранение этничности правящие круги той же ФРГ, как и в других странах, пытаются использовать в своих классовых интересах, в первую очередь в целях

разъединения рабочего класса по этнонациональным признакам. Подобные процессы характерны и для стран Северной Америки — в Канаде и США постоянно увеличивается доля временных рабочих в составе всей пришлой рабочей силы⁶⁸. В социологической литературе для характеристики такого подхода к импорту рабочих был введен даже специальный термин — «ориентированная на договорную рабочую силу система»⁶⁹.

Выше мы остановились только на одном аспекте, связанном с возможностями реализации концепции интеграционного развития межэтнических отношений — наличии постоянного притока рабочей силы из других стран с своеобразными этническими чертами. Рассматривая это обстоятельство как важный генератор этничности в обществе поселения, абсолютизировать его в качестве такового, очевидно, не следует. Это замечание увязывается с дифференцированной оценкой самой иммиграции, в первую очередь ее социально-классового состава, мотивов эмиграции и в этой связи установок на контакты с иммигрантами более ранних периодов и поддержание этничности посредством участия в этнических организациях, мероприятиях, проводимых иммигрантскими общинами и т. д. Здесь же необходимо помнить о том, что доиммигрантский опыт (представление об обществе иммиграции, возможностях сохранения своей культуры, а также социальной мобильности) имеет большое значение для постиммигрантского периода⁷⁰ и, в частности, установок на адаптацию в новом окружении. Эти установки будут анализироваться при рассмотрении такого феномена, как «этническая солидарность». Что касается других, кроме иммигрантского, компонентов населения и их участия в интеграционных процессах, то они станут предметом анализа в контексте оценки значения условий стабильного состояния полиэтничной системы. Со стабильностью связывают перспективы интеграционного развития межэтнических отношений такие западные теоретики, как Ф. Барт (США), а за ним Ф. Нильсен (США).

Анализ условий стабильности полиэтничных систем позволил Ф. Барту выделить три их группы: 1) стабильными являются такие полиэтничные системы, в которых группы занимают определенные ниши или секторы деловой активности; 2) группы вовлечены в одну и ту же деловую активность, но развивают ее на определенной территории; 3) группы могут занимать различные и дополняющие главные ниши⁷¹. Из данной схемы становится очевидным, что такая постановка вопроса в условиях капиталистического общества возможна исключительно в теоретическом плане. Концентрация производства в руках незначительного числа крупных промышленников или концернов не позволяет проникать в промышленную элиту представителям

подчиненных этнонациональных образований, тем более, что имеются ввиду не единичные случаи, а относительно весомое количество их представителей, которые смогли бы обеспечить своей группе если не равноправное сотрудничество, то, по крайней мере, стабильное функционирование своих ниш деловой активности. Идет речь о функционировании ниш, заполненных представителями групп, которое обеспечивает удовлетворение их потребностей, в том числе связанных и с этническим происхождением!

Об ограниченных возможностях занять равнозначные или независимо, в некоторой степени автономно существующие ниши, представителями господствующей (доминантной) и подчиненной групп свидетельствуют результаты исследования этнического состава руководства крупных фирм городской агломерации г. Торонто (Канада). В высшем руководстве фирм выходцы из других (не господствующих) групп были представлены минимально, их доля была значительно ниже, чем процент в общем количестве населения Канады⁷². Хотя не во всех случаях такие сравнения (имеется в виду представительство в какой-либо отрасли деловой активности и в составе всего населения страны) отражают адекватную картину феномена, но они указывают на возможные пути развития тенденции. В данном случае сравнение фиксирует дискриминированное положение национальных меньшинств в плане их возможностей обеспечивать функционирование этнических подсистем, или ниш, по терминологии тех же Ф. Барта и Ф. Нильсена.

Чрезвычайно трудно в практике капиталистического хозяйствования найти и другие ситуации стабильного (бесконфликтного) развития межэтнических отношений, принимая в расчет предложенную Ф. Бартом классификацию стабильных ситуаций. Взаимодействие, осуществляемое на уровне доминантности и подчиненности (а именно этот уровень является преобладающим в схемах буржуазных авторов), не предусматривает, например, стабильно застывшего разделения территорий с одинаковой деловой активностью как доминантной, так и подчиненной группы. Доминантная группа, об этом свидетельствуют и многочисленные факты из истории сосуществования представителей различных этносов в рамках одного государства, в силу устремлений к укреплению своего господствующего положения не позволяет подчиненной группе приблизиться к занимаемым ею позициям в обществе. Скажем, англоканадская нация, прежде всего ее верхушка, всегда стремилась подчинить себе всю экономическую и общественно-политическую жизнь франкоканадской нации. Такое стремление было характерно еще и до формирования наций, когда на территории нынешней Канады существовали английские и французские колонии⁷³.

Поскольку и в других странах и в более ранние периоды их истории, и на нынешнем этапе практически невозможно отыскать в чистом виде стабильных систем межэтнических отношений, то применение предлагаемых буржуазными исследователями схем всегда должно сопровождаться определенными комментариями. Когда мы ведем речь о схеме Ф. Барта, то ее можно рассматривать как «работающую» на очень определенном отрезке времени и в конкретных условиях. Она не может претендовать на универсальность и особенно в плане сегодняшнего состояния этнонациональных проблем западного мира, характернейшей особенностью которого является их обострение. В данной ситуации конструируемая схема как возможная не выдерживает проверки практикой. В этой связи необходимо, отметить, что и Ф. Барт, и другие западные этносоциологи (Р. Шермерхорн, Ф. Нильсен, Э. Лайфер) рассматривают концепцию интеграционного развития межэтнических отношений не как единственно возможную. Значительное место в своих работах они уделяют и более распространенной и, на наш взгляд, более реально отражающей современную этнонациональную ситуацию, в частности состояние межэтнических отношений, концепции конфликтного их развития. Однако объективная констатация того или иного феномена не означает объективной его интерпретации, на что мы обратим особое внимание при анализе упомянутой концепции.

С точки зрения сегодняшнего индустриального развития полиэтнических стран капиталистического мира интеграционная концепция межэтнических отношений, казалось бы, должна срабатывать эффективно. Ведь одна из исходных ее позиций — индустриализация, научно-технический прогресс, способствуя вовлечению представителей различных этносов в единый процесс производства, активизирует их взаимодействие, ускоряет процесс структурной ассимиляции выходцев из других стран⁷⁴. Однако на практике это влияние оказалось чрезвычайно противоречивым, что, очевидно, связано и с противоречивым характером научно-технической революции в условиях капиталистического общества. В 60-80-х годах, когда НТП действительно превратился в один из важнейших факторов социально-экономического развития общества, оказывающих воздействие и на другие сферы его жизни, этнонациональные проблемы в странах Запада начали обостряться, порой довольно резко (например, в Канаде, США, Франции, Великобритании). В этот период как будто происходил возврат к тем временам, когда этнические подсистемы в рамках полиэтнических государств являлись достаточно устойчивыми.

В таких условиях приобретали значимость схемы ассимиляции

(концепцію інтеграційного розвитку міжетнічних відносин можна розглядати як «працюючу» в межах теорії асиміляції), висунутий в свій час американськими дослідниками в середині ХХ в. В сучасних інтерпретаціях етнонаціональної ситуації присутні характерні риси схеми її аналізу, запропоновані Л. Уорнером і Л. Сроулом (США). Згідно їх концепції, чим більше відмінності між культурами приймаючого суспільства і іммігрантів, тим сильніше етнічна соціальна система і, відповідно, — тим довше триває період, необхідний для асиміляції етнічних груп. І навпаки, цей період значно скорочується, якщо культурні відмінності між абсорбантами і абсорбованими не настільки очевидні. За таким же принципом визначається значення расових відмінностей для асиміляції представників різних етносів. За думкою Л. Уорнера і Л. Сроула, особливо довгим буде процес асиміляції в тому випадку, якщо і культурні, і біологічні характеристики етнонаціональних груп різко відрізняються від таких приймаючого суспільства (або домінуючої групи)⁷⁵. Дослідники етнічних процесів останнього десятиліття, як і їх попередники, аналізуючи ситуацію з точки зору культурного плюралізму, головний акцент роблять на етнокультурні відмінності взаємодіючих груп, які, як вважають, підтримують інтеграційне розвиток міжетнічних відносин.

З даним твердженням можна було б погодитися, якщо б воно не висунулося як головне в оцінці нинішнього стану етнонаціональних проблем. Марксистський аналіз проблем етнонаціонального розвитку західноєвропейських і північноамериканських країн однозначно вказує на те, що соціальні причини визначають його основні тенденції, а етнокультурні вносять своєрідність у проявлення того чи іншого феномена цього розвитку. Скажемо, сьогодні ми спостерігаємо загострення відносин між пануючим більшістю і підкореним меншістю не тільки при наявності різких відмінностей в їх культурному розвитку, але і в тих випадках, коли ці відмінності не настільки контрастні: наприклад, шотландці — англичани; валлійці — англичани; валлоны — французи. Звичайно, існують певні відмінності в сфері їх культури і побуту, але вони значно менше, ніж у тих же англичан і вихідців з країн Азії або іммігрантів з північноафриканських країн і французів. Але, як можна переконатися на численних фактах сучасного стану національних відносин в тій же Великобританії або Франції, в першому випадку напруженість у відносинах не менше, а може бути і більш чітко виражена, ніж во другому.

Збереження своєрідних етнокультурних рис протягом

длительного периода пребывания в инациональной среде мы рассматриваем как особого вида реакцию на отношение этой среды к группам иного этнического происхождения. Изменения в этой реакции (попытки усилить свою этничность посредством активизации деятельности организаций, обучения родному языку и т. д.) являются выражением стремления сохранить себя как группу в условиях дискриминационного положения и принудительной ассимиляции. Сфера этнической культуры является той областью, по которой довольно четко определяется уровень социального самочувствия: чем выше этот уровень, тем меньше потребности у представителей других этносов искать «пристанище» в среде своей культуры (имеется в виду не эпизодическое потребление этнической культуры, а активная деятельность по ее сохранению и развитию), и наоборот. Возможно, этим фактором объясняется и то обстоятельство, что, скажем, иммигранты с более высоким социальным статусом, уровнем образования, профессионально-квалификационной подготовки, получая ту же работу и то положение, на которые они рассчитывали, в массе своей не проявляют активности в плане поддержания этничности в инациональной среде. Показательным в этом контексте является то, что молодые люди с высшим образованием, прибывающие в страны поселения, учреждают свои организации не по этническому признаку, а по профессиональным интересам, причем в них входят представители разных стран⁷⁷. Конечно, такое происходит не во всех случаях, но наличие данного явления говорит о новых тенденциях в процессе развития этничности, которые следует учитывать в определении перспектив интеграции меньшинств.

Западные социологи, исследуя взаимодействия этнонациональных групп в условиях «возрождения» этничности в плане его интеграционного развития, не едины в своих утверждениях о сдерживающей роли этничности в межэтнических отношениях. Ф. Барт, например, приходит к выводу, что «культурные различия могут сохраняться в ходе межэтнических конфликтов и в состоянии взаимозависимости»⁷⁸. Однако такое утверждение в определенной степени вступает в противоречие с положениями концепции интеграционного развития межэтнических отношений, которые предусматривают, что меньшинство, вливаясь в большинство, адаптируется к нему, в том числе и в культурном плане. А это в условиях господства одной группы населения над другой обязательно ведет к потере своеобразных черт подчиненной группы. Недаром позиция интеграционистов подвергается острой критике со стороны лидеров «этнорегиональных» движений — таких, как квебекские сепаратисты, кельтское движение⁷⁹, которые выступают за сохранение этнокультурного своеобразия франкоканадцев, возрождение кельтского языка и культуры во

Франции и Великобритании. Правда, это примеры экстремальных ситуаций — движение за сохранение этничности в данных случаях, особенно в Квебеке (Канада), базируются на идеологии сепаратизма. Но они все же оттеняют противоречия интеграционистской концепции и заставляют задуматься над вопросом — возможна ли в условиях капиталистического общества предполагаемая интеграция меньшинства в большинство? Стремление и других этнонациональных групп (итальянцев в США и Канаде, турок и греков в ФРГ, выходцев из латиноамериканских и азиатских стран в США и т. д.) к сохранению своей этничности дает дополнительные аргументы для отрицательного ответа на поставленный вопрос. Конечно же, не следует переоценивать возможности этого стремления — оно может оставаться только внешним проявлением желаний, но не подтверждаться практической деятельностью выходцев из тех или иных стран. И вместе с тем даже его существование стимулирует рост этнического самосознания, что в конечном итоге может стимулировать оживление этнических черт в быту и культуре.

Приверженность части представителей того или иного этноса в инонациональной среде своему этническому своеобразию с точки зрения интеграционистской концепции объясняется географической или социальной изоляцией⁸⁰. Данное объяснение, особенно в его первой части, может быть принято только частично. Действительно, в первое время после образования североамериканских государств — США и Канады — переселенцы из европейских, а затем и других стран имели возможность поселяться компактно, сохранять в своих анклавах черты быта и культуры страны происхождения. Постепенно в ходе освоения территорий этих государств возможности изолированного поселения сокращались, и сегодня можно говорить лишь об относительной географической изоляции выходцев из других стран, позволяющей формировать некую изолированную этнокультурную среду.

Еще более ограниченными были эти возможности для иммигрантов в западноевропейских странах, поскольку они прибывали, как правило, в густонаселенные ареалы и вынуждены были поселяться внутри сформировавшихся из местного населения кварталов, то есть сразу попадали в инонациональную среду. Варианты компактного поселения были незначительными и за редкими исключениями позволяли выходцам из той или иной страны селиться гомогенно.

Конечно, в сегодняшних американских, канадских городах, а также городах других стран можно встретить кварталы, где сосредоточивается значительная часть представителей национальных меньшинств и иммигрантов, но они находятся в постоянном межэтническом взаимодействии как внутри

кварталов, так и за их пределами. Даже сохраняющиеся сегодня «иммигрантские кварталы» в Париже, Марселе, Гамбурге, Лондоне и других городах западноевропейских государств в этническом плане гетерогенны — в них проживают выходцы из разных стран мира⁸¹. Это характерно и для Соединенных Штатов и Канады. Показательным в данном контексте является пример этнического расселения в Южном Чикаго (США): в 1900 г. здесь проживали выходцы из Северной Европы, ирландцы, поляки, немцы, скандинавы, славяне, в 1970 г. к ним прибавились мексиканцы, негры, итальянцы⁸². Правда, отмечались попытки выходцев из разных стран поселиться компактно внутри отдельных кварталов Южного Чикаго, но это не означало их географической изоляции, а географическое расстояние является настолько незначительным, что оно не могло существенно влиять на взаимодействие, то есть географический фактор не является препятствием на пути их взаимодействия. Канадские исследователи отмечают, что даже для негритянского меньшинства, когда-то селившегося в Канаде компактно, характерно размывание границ этнических кварталов. Сейчас в таких канадских городах, как Торонто и Монреаль, отсутствуют четко определенные границы негритянских гетто⁸³.

В этом контексте речь идет не о формах и характере (конфликтный, бесконфликтный) взаимодействия, а о том, что оно имело место в быту, на производстве, общественных местах. Поскольку места поселения выходцев из других стран не отгорожены какими-то барьерами или пространством и от места поселения представителей доминантной группы, то можно утверждать о незначительном влиянии географического фактора на этническое взаимодействие и на этом уровне. Некоторые западные исследователи, приняв во внимание названные выше обстоятельства, еще в середине 60-х гг. выдвинули мысль о том, что отдельное поселение не является обязательной предпосылкой образования этнической подсистемы. Этническая группа может сохранять свою идентичность (своеобразие) и этническую сплоченность при отсутствии экологической базы⁸⁴. Сегодня это наблюдается среди этнодисперсных групп⁸⁵ украинского, итальянского, греческого и другого происхождения в США, Канаде, иммигрантов во Франции и Великобритании и т. д.

Несколько другой характер приобретает феномен так называемой социальной изоляции в сохранении черт этнического своеобразия той или иной группы и соответственно во взаимодействии различных групп. Прежде чем выяснить роль упомянутого феномена, хотелось бы дать некоторые пояснения самого термина «социальная изоляция»; кстати, Э. Лайфер, пользующийся этим термином, не дает его трактовки, ставя в один ряд по значимости в сохранении

этнического своеобразия с географической изоляцией. На наш взгляд, более удачно употребление в нашем контексте термина «социальная сегрегация», которым пользуются и зарубежные исследователи. Сам термин «сегрегация» в буржуазной этносоциологической литературе трактуется как «решение доминантной группы отделить себя ... от того или иного меньшинства»⁸⁶. Социальная же сегрегация представляет собой такую ситуацию, «в которой две этнические группы живут рядом друг с другом и находятся в постоянном взаимодействии друг с другом, но только на высокоформализованной базе»⁸⁷. Это значит, что взаимодействие может ограничиваться отдачей и принятием к исполнению приказов, но может охватывать и более широкую сферу деятельности, что имеет место в современных отношениях между доминантной и подчиненной группами. Одним из проявлений социальной сегрегации во взаимодействии групп является наличие определенной дистанции между ними во всех сферах общественной жизни: например, в занятости, оплате труда, жилищных условиях, возможностях доступа к культурным ценностям и образованию и т. д. Факты, представляющие социальную сегрегацию, можно найти в большом количестве исследований как советских, так и зарубежных авторов⁸⁸. Такая дистанция является не только следствием более низкого образовательного и профессионально-квалификационного уровня, но в первую очередь дискриминации подчиненных групп, без которой немыслима социальная сегрегация.

Очевидно, такое восприятие «социальной изоляции» наиболее реально, когда речь идет о ее влиянии на сохранение этнического своеобразия — стремление к сохранению такового, как уже отмечалось, является одной из форм реагирования меньшинства на дискриминируемое отношение к нему со стороны большинства. В контексте изложения материала, упоминавшимся Э. Лайфером, «социальная изоляция» выступает скорее как сознательное стремление меньшинства изолироваться от большинства. В последнем случае мы имеем дело с сепаратизмом, а не социальной сегрегацией.

Такой подход к трактовке тех или других аспектов этнических взаимоотношений характерен для концепции интеграционного их развития. Уверенность ее интерпретаторов в ее торжестве, как нам видится, базируется на вере во всемогущество буржуазного общества в плане преодоления различий (в их видении в основном культурно-психологических) между взаимодействующими сторонами в направлении ассимиляции большинством. Буржуазные ученые высказывают веру в «модернизирующееся» индустриальное общество, которое будет стирать различия между этнонациональными группами. Для определения такой перспективы Н. Глейзер и Д. Мойнихен (США) ввели специальный

термин («либеральная вероятность»). Согласно этой концепции, общая система образования и средств массовой коммуникации, единые в рамках всей страны экономическая и политическая системы, будут способствовать стиранию тех черт, которые отделяют одну группу от другой⁸⁹. Благо, что эти авторы не отрицают вообще наличие в будущем индустриальном обществе различий. Они считают, что «либеральная вероятность» в условиях исчезновения этнокультурных различий перерастет в «радикальную вероятность». Под последней подразумевается сохранение классовых различий, которые заменят ныне существующие племенные, языковые, религиозные и национальные⁹⁰.

У названных авторов получается так, что в нынешнем полиэтническом обществе США не существует никаких других различий, кроме этнокультурных, которые-де только в будущем могут быть заменены классовыми. Но действительность США, как и других западных стран с гетерогенным населением, свидетельствует о наличии социально-классовых конфликтов⁹¹, которые усиливают конфликты и на этнокультурной основе, особенно между доминантной и подчиненной группами. Более того, углубление социально-классовых противоречий сказывается и на усилении напряженности между этнонациональными группами, находящимися в подчиненном статусе (об этом подробнее в §3).

В контексте рассматриваемых нами вариантов концепции интеграционного развития взаимодействия между доминантной и подчиненной группами следовало бы вспомнить и возможно не столь популярную ныне, но тем не менее встречающуюся культурно-эволюционную теорию изменений Л. Моргана. Исследуя индейцев Северной Америки, он еще в начале XX в. пришел к выводу, что для вхождения коренных жителей в индустриальное общество им придется пройти три стадии в своем развитии: охотничье хозяйство, пастушье и земледельческое. Однако в новейшее время наблюдаются случаи очень быстрого (неэволюционного) перехода от охотничьего хозяйства к индустриальному труду. Кстати, в последние годы создались предпосылки (например, индустриальное освоение Севера) для активного процесса пролетаризации коренного населения⁹². Но, как справедливо утверждают канадские исследователи, стратегия доминантности никогда не предусматривала ассимиляции индейцев ни в англоязычную, ни во франкоязычную культурные общности⁹³. Правящие круги удерживали коренное население в круге занятий, соответствующих докапиталистическому способу производства, что, естественно, изолировало их от большинства канадского общества. Такую ситуацию Дж. Гальтунг назвал «структурным насилием»⁹⁴. Становится очевидным, что на пути эволюции индейцев

выдвигались искусственные преграды, когда же эти преграды были сняты объективной необходимостью развития Канадского Севера и прерий, то коренные жители начали включаться в хозяйственную жизнь индустриального общества, минуя стадии, обозначенные в культурно-эволюционной теории изменений.

Таким образом, существование концепции интеграционного развития межэтнических отношений в условиях обострения этнонациональной ситуации в странах капиталистического мира связано со всесильем ассимиляторских возможностей буржуазного общества. Характерная особенность этих концепций (вернее вариантов концепции) — она применяется к анализу отношений только на уровне доминантности и подчиненности; причем доминантной группой выступает господствующее этническое большинство, а подчиненной — меньшинство. Из этой концепции выпадают отношения между этнонациональными группами, представляющими в отношении господствующего большинства дискриминируемое меньшинство (например, американцами итальянского происхождения и американцами польского или любого другого происхождения; иммигрантами из североафриканских стран и турецкими иммигрантами в ФРГ и т. д.). В последнем случае тоже возможно образование связки большинство — меньшинство, что является отражением чисто количественных показателей и не предполагает доминантности с присутствующей дискриминацией подчиненной группы.

Концепция интеграционного развития межэтнических отношений в настоящее время не является господствующей в западной этносоциологии, что в определенной степени связано с обострением национального вопроса в развитых капиталистических странах, подвергшем сомнению возможность такой перспективы (безконфликтной интеграции) в условиях эксплуататорского общества. Данное обстоятельство сказалось и на том факте, что в современной этносоциологии практически нет исследователей, которые являлись бы приверженцами этой концепции как единственно возможной. Как правило, концепцию интеграционного развития межэтнических отношений большинство этносоциологов стран Западной Европы и Северной Америки рассматривают наряду с другими концепциями, в частности, концепцией конфликтного состояния межэтнических отношений. Последняя является предметом анализа следующего параграфа настоящей главы.

§ 3. Концепция конфликта и межэтнические отношения

Данная концепция, существуя в западной социологии наряду с концепцией интеграционного развития этнических отношений, в последнее

время приобретает все большее распространение. Данная концепция как научная интерпретация отношений между представителями различных этносов имеет свои вариативные названия: конкурентная концепция, концепция силового конфликта, концепция принуждения, концепция диалектического развития. Вариантность рассматриваемой концепции зависит от воззрений того или иного исследователя не только на отдельные нюансы в трактовке феномена межэтнических отношений, но и связываемых с ними перспектив состояния этих отношений. Последующий анализ позволит остановиться на характерных чертах этих воззрений. Сейчас же мы предварим этот анализ кратким экскурсом в генезис концепции конфликта, пользуясь синонимом «концепция конфликтного развития межэтнических отношений».

Рассматриваемая нами концепция сформировалась на базе общесоциологической теории конфликта, в частности, межгруппового конфликта. Собственно говоря, она из него выросла. Ее базисные построения были взяты для анализа ситуации, в большинстве своем напряженной, а порой и конфликтной, в отношениях между группами, объединенными этническим происхождением и отличающимися друг от друга своеобразием этнокультурных черт, которые проявляются в быту, на производстве, в процессе общения.

Разработка теории конфликта именно в том аспекте, который непосредственно предшествовал появлению концепции конфликта в межэтнических отношениях, началась в 30-е гг. в американской социологии (Дж. Доллард). Затем она была продолжена в 40-е гг. в работах Дж. Мирдала, О. Кокса и других американских исследователей, посвященных анализу межэтнических отношений в США.

Мы же свой анализ концепции конфликтного развития межэтнических отношений строим на основе работ, появившихся в 60—80-е гг., и не только потому, что предметом исследования настоящей монографии является указанный период. Главным критерием такого отбора выступает то обстоятельство, что до 60-х гг. буржуазными учеными не было создано системной концепции конфликта в межэтнических отношениях. Это были скорее попытки, безусловно, приблизившие выработку и применение данной концепции для анализа этнонациональной ситуации в полиэтнических странах, но не предложившие ни строго научно-концептуального арсенала, ни конкретной методики исследования такого феномена, как межэтнические отношения, именно на уровне межгруппового взаимодействия. Объяснение этому факту можно найти в этнонациональном развитии западных стран с полиэтническим составом населения: сама конфликтность в отношениях между

разными этнонациональными группами (в первую очередь между господствующим большинством и дискриминированным меньшинством) в 30-е, да и в 50-е гг., была выражена не столь очевидно. Можно говорить о том, что в названные периоды сохранялись источники ее генерирования, но внешние обстоятельства сдерживали ее проявление с такой силой, как это имеет место в последнее двадцатилетие.

Возможность выявления источников и характеристики накопления потенциала конфликта у буржуазных авторов была сужена в силу ограниченности их методологии. Это, однако, не значит, что исследователи, о которых пойдет речь в нашем анализе, обладают другой, отличной от своих предшественников методологией. Что касается методики интерпретации того или другого явления, то она порой может различаться. Закономерности внутреннего развития Соединенных Штатов, Канады, западноевропейских стран таковы, что время от времени они выталкивают на поверхность экономические, социальные, этнокультурные проблемы, созревающие в самих устоях капиталистического общества и некоторое время как бы находившиеся в тени. Так произошло в 60-е гг. с проблемами этнонационального развития. И вот когда они появились, по выражению В. И. Ленина, на авансцене политической жизни⁹⁵, тогда буржуазные этносоциологи и приступили к их анализу и конструированию различных концепций и моделей. На этом этапе, когда явление стало настолько объемным, что позволило строить концепции, основываясь только на анализе его верхнего слоя, буржуазная методология предоставляет возможности, казалось бы, довольно свободной и объективной интерпретации явления. Поэтому и не случайно, что, начиная с 60-х гг. концепция конфликтного развития межэтнических отношений приобретает все больший вес в исследованиях, и уже не только американских и канадских авторов, но и западноевропейских⁹⁶.

В самом названии концепции (как и в предыдущем случае, мы все варианты концепции одного и того же содержания объединяем под одним названием) отражена объективная сторона современных межэтнических отношений в капиталистическом обществе — присущая им конфликтность. Правда, мы должны сделать некоторое пояснение: рассматриваемой концепцией, которая является доминирующей, не исчерпывается все содержание межэтнических отношений, и применять ее для анализа необходимо дифференцированно. В отношениях между доминантной и подчиненной группами ее параметры практически соответствуют реальному состоянию дел. Что касается отношений на уровне подчиненных групп, то данная концепция не учитывает возможностей социально-классовой базы

трудовых слоев различных этнонациональных групп для их сплочения в борьбе за свои права. К тому же, как мы отмечали выше, концепция конфликта является не единственной в буржуазной этносоциологии; здесь «работает» концепция интеграционного развития межэтнических отношений, а также концепция «этнической солидарности». О первой речь шла в предшествовавшем параграфе, а вторая будет проанализирована в следующей главе.

Сущность концепции конфликтного развития межэтнических отношений (это мы заключаем из определений ведущих в этой области зарубежных исследователей) сводится к тому, что она, анализируя феномен, исходит из стремления различных этнонациональных групп занять одни и те же ниши деловой активности, завладеть одними и теми же недостающими ресурсами, осуществлять контроль над средствами достижения поставленных целей⁹⁷. По С. Либерзону, уже само положение той или иной этнической группы в полиэтническом обществе является важным источником конфликта⁹⁸. Действительно, в американском или канадском обществах, как и обществах других западных стран, существует множество этнонациональных групп местного и иммигрантского происхождения, отличающихся по своему социально-экономическому положению и политическому статусу. Наиболее очевидна эта разница между господствующим большинством и подчиненным меньшинством, о чем уже говорилось выше. Определенные различия в социально-экономической сфере можно обнаружить, сравнивая положение выходцев из определенных регионов Земного шара, находящихся в рамках одного этнополитического организма (государства). Не вдаваясь в подробный анализ их социально-экономического положения (по данному вопросу существует обширная литература, уже цитировавшаяся в данной главе), мы отметим некоторые закономерности. Так, в Соединенных Штатах афроамериканцы занимают худшие позиции, чем в целом белое население; среди белого населения по социальным индексам выходцы из восточноевропейских стран и их потомки традиционно занимают более низкое положение, чем выходцы из северо-западных стран Европы; в худшем положении (не говоря уже в отношении господствующего большинства) находятся выходцы из стран Юго-Восточной Азии в странах Западной Европы, чем в этих же странах представители европейских государств и т. д. Таковую их позицию в обществах проживания определил ряд факторов, в том числе низший по сравнению с представителями господствующего большинства общеобразовательный и профессионально-квалифицированный уровень, являющийся следствием экономического развития стран выезда, политика дискриминации их правящей

верхушкой, особенности их этнокультурного развития и психолого-поведенческие стереотипы и др.

Говоря о том, что само положение этнической группы в обществе является источником конфликта и принимая эту аксиому, следует обратить внимание на неравноправное положение в нем различных групп. Конфликт, с чем соглашаются некоторые буржуазные ученые, возникает преимущественно там, где существует экономическое неравенство. Поскольку в большинстве случаев особой силой оно проявляется при сравнении доминантной и подчиненной групп, то и конфликты, как правило, возникают на этом уровне. Экономические основы конфликта со всей очевидностью проявились в отношениях между англоканадской и франкоканадскими нациями (Канада), английской и шотландской, английской и валлийской нациями (Великобритания), господствующим англосаксонским ядром американской нации и афроамериканским национальным меньшинством (США), фламандцами и валлонами (Бельгия) и т. д. Усиливая свое экономическое господство, основное этническое большинство перечисленных стран вместе с тем концентрировало в своих руках и контроль над всеми другими сферами общественной жизни. При этом усиливалась эксплуатация и дискриминация трудящихся как в целом в стране, так и в отношении национальных меньшинств и этнических групп. В таких условиях стал очевидным факт неравноправия в процессе взаимодействия во всех областях, что стимулировало возникновение мощного конфликта между господствующим большинством и подчиненным меньшинством.

Такова примерно трактовка развивающегося и ныне конфликта в отношениях на уровне доминантности и подчиненности. Однако буржуазные исследователи, в определенной степени объективно отражая конфликтную ситуацию (по крайней мере, фиксируют ее наличие, соглашаются с фактом неравенства как условия существования конфликта и некоторое другое), не показывают его социальной природы. Конфликт они трактуют в бихевиористских традициях — он, по их мнению, свойственен природе человека и проявляется тогда, когда, упрощенно говоря, появляются два претендента на одно и то же место, предмет и т. д. Согласно теории «силового конфликта», конфронтация возникает тогда, когда один претендует на то, что имеет другой. Такая конфронтация в данном случае неизбежна, поскольку две взаимодействующие стороны сосредоточивают свое внимание и усилия на тех объектах, которые необходимы для их выживания или связаны с их чувством достоинства¹⁰⁰.

По Р. Шермерхорну, обе стороны стремятся к контролю за средствами,

обеспечивающими удовлетворение потребностей сторон. При этом явно необходимо применение силы — не обязательно в физическом смысле, хотя и такое в эксплуататорском обществе применяется постоянно (например, введение федеральных войск в провинцию Квебек в 1970 г., подавление негритянских выступлений в США), а законодательной власти, юридических санкций и т. д. Так как такой властью обладает господствующее этническое образование, то данная теория применительно к внутригосударственной ситуации предполагает разрешение конфликта в пользу господствующего большинства.

Следовательно, подчиненные группы лишены какой-либо перспективы в соревновании за овладение контролем над средствами достижения целей. Капиталистическая действительность подтверждает эту мысль. Но такая перспектива у угнетенных национальных меньшинств может появиться при условии объединения своих усилий и соединения их с общей антимонополистической борьбой трудящихся.

С точки зрения теории силового конфликта, все этнические группы «пребывают в боевой позиции, борясь за свою жизнь, свою идентичность, за свой престиж, находясь под постоянным давлением, которое угрожает их выживанию, их свободе или их жизненным шансам в этом ненадежном мире»¹⁰¹. Такое признание довольно точно, хотя несколько и метафорично, отражает сущность положения и взаимодействия с основным этническим большинством этнонациональных групп в таких странах, как США, Канада, Великобритания, Франция. Однако его автор, идя за С. Либерзоном¹⁰², применяет его только к анализу ситуации, когда большинство подчиняет себе меньшинство в результате завоевания и когда большинство навязывает свою волю (свои политические и экономические институты) туземному населению. В другом случае, если, скажем, мигранты подчиняются большинству, т. е. приезжают в ту или иную страну и принимают «добровольно» его социально-экономические и политические устои, нет места для конфликта.

Развитие событий в последние двадцать лет опровергает такое утверждение: мы сейчас наблюдаем обострение (например, в США, Канаде) конфликтной ситуации во взаимодействии не только господствующего большинства с подчиненными силой контингентами населения, но и с этническими группами, образовавшимися на их территории в результате миграции. Характерно, что активизация движения этнических групп в США и Канаде произошла под влиянием борьбы франкоканадцев и афроамериканцев за свои права. Все вместе создало нестабильную ситуацию в отношениях между большинством и меньшинством. О нестабильных ситуациях говорят и западные

ученые, однако они ограничивают их формирование только конкуренцией двух групп за одну и ту же нишу. На современном этапе нестабильная ситуация — результат широкого движения (в разных формах — от попыток сохранения самобытной культуры до участия в акциях социального протеста) национальных меньшинств и этнических групп за восстановление социальной справедливости.

Безусловно, конфликтная ситуация — это апогей напряженности в межэтнических отношениях, которая является их характерной чертой. Поскольку, согласно концепции конфликтного развития, в межэтнических отношениях присутствует конкуренция, то она в значительной степени и определяет развитие конфликта. Наиболее очевидно конкуренция проявляется в занятости и среди таких контингентов населения, как иммигранты и их потомки. Современный научно-технический прогресс с его автоматизацией и компьютеризацией производства порождает избыток рабочей силы. Причем в среде национальных меньшинств и иммигрантов он, как правило, значительно выше, чем у представителей коренных национальностей (для стран Западной Европы) и господствующих наций США и Канады. В ФРГ к середине 80-х гг. уровень безработицы среди иностранных рабочих составлял 14,9% (в среднем по стране 9,5%)¹⁰³; в 70-е гг. безработица у индийцев и пакистанцев Канады была в два раза выше, чем в среднем по стране и достигала 12%¹⁰⁴. Значительно выше среднестатистических показатели безработицы для иммигрантов, проживающих на территории Франции (в 1979 г. для алжирцев, например, они составили 14,2%)¹⁰⁵, Великобритании (безработица среди выходцев из азиатских стран в 1984 г. достигла 20%)¹⁰⁶ и других стран.

И в то же время в страны Западной Европы и Северной Америки постоянно прибывают новые контингенты рабочей силы. Они усиливают конкуренцию на рынке труда, внося нестабильность в межэтнические отношения. Здесь следует остановиться на анализе самого характера этой нестабильности. Такой феномен необходимо рассматривать на двух уровнях: а) доминантной и подчиненной групп; б) подчиненных групп. Поскольку доминантная группа (ее верхушка) обладает реальной властью, то она оказывает влияние на характер нестабильности в отношениях с подчиненной группой в связи с конкуренцией за рабочие места. Одним из проявлений такого влияния стала сформировавшаяся своеобразная структура потребления рабочей силы, или, более широко, своеобразный рынок труда, который в западной социологической литературе именуется «двойственным рынком труда». Гипотезу о существовании его выдвинул в 60-х гг. М. Пиор¹⁰⁷, а в начале 70-х ее развивали П. Дерингер и другие американские и западноевропейские

ученые¹⁰⁸.

Сущность концепции «двойственного характера рынка труда» сводится к определению последнего как состоящего из двух секторов или сегментов — первичного и вторичного, — заполняемых рабочей силой в соответствии с ее профессионально-квалификационным уровнем. При этом первичный сектор заполняется высококвалифицированной рабочей силой (специалисты с высшим образованием, управленческий аппарат, представители науки, художественная интеллигенция и т. д.), а вторичный — малоквалифицированной рабочей силой, что отражается и на оплате труда.

Согласно утверждениям западных исследователей, значительное количество иммигрантов в силу своего социально-профессионального состава автоматически попадает во вторичный сектор. Во всяком случае, в этом секторе, если брать общий объем иммигрантов в странах Западной Европы и Северной Америки, выходцы из других стран сконцентрированы в большей степени (в процентном отношении), чем коренное население европейских стран и представители американской и англоканадской наций в США и Канаде.

Например, 73% испаноязычных иммигрантов США были заняты в 1980 г. малоквалифицированным трудом¹⁰⁸. В ФРГ в 1979 г. квалификационная занятость иммигрантов характеризовалась такими показателями: неквалифицированная рабочая сила — 52%, полуквалифицированная — 33,5, квалифицированная — 14,5%¹⁰⁹. В США, в Канаде, Великобритании, Франции и других полиэтнических странах есть отрасли промышленности, где иммигранты составляют значительную часть рабочей силы — фарфорофаянсовая, кожевенная, текстильная, пищевая и некоторые другие.

Заметим, что во вторичный сектор попадает не только малоквалифицированная рабочая сила. В нем находится определенная часть высококвалифицированной рабочей силы, в условиях возрастающей конкуренции вынужденная заниматься неквалифицированным трудом. Советские исследователи отмечали, что в Соединенных Штатах многим выходцам из Китая с дипломами о высшем образовании «из-за различных препон, чинимых американскими федеральными и штатными властями, открытого и подспудного расизма не удается найти работу по специальности. 20% из них вообще остаются без работы; остальным пришлось «переквалифицироваться» в дворников, мусорщиков, посудомоек»¹¹¹. Во Франции в настоящее время насчитывается около 10 тыс. иммигрантов, которые заняты трудом не по специальности¹¹².

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что правящие круги регулируют потоки рабочей силы, направляя ее в выгодное для себя русло. К

тому же, периодическая ротация пришлой рабочей силы позволяет предпринимателям удерживать ее во вторичном секторе. Буржуазные исследователи такую концентрацию пришлой рабочей силы во вторичном секторе пытаются объяснить некой специализацией той или иной группы, приверженностью ее представителей к определенному виду труда. Последняя складывалась на протяжении длительного времени под влиянием культурных традиций. Американские ученые в 70-х гг. обследовали представителей национальных меньшинств и этнических групп по занятости, включив в обследование 441 вид занятости¹¹³. Согласно результатам, в отдельных сферах представители одних групп имели преимущество перед другими, но, как правило, все они значительно в количественном отношении превосходили выходцев из господствующего ядра американской нации в тех сферах, где концентрировался малоквалифицированный труд. На основе этого М. Хехтер делает вывод о зависимости такого распределения от культурно-психологических характеристик представителей этнонациональных групп¹¹⁴. Конечно, этнокультурные и психологические характеристики играют определенную роль в выборе занятости, но в условиях высокого уровня безработицы этот выбор чрезвычайно ограничен. К тому же, правящие круги ведут политику закрепления национальных меньшинств и этнических групп на таком уровне, который обеспечивает устойчивую дистанцию между ними и господствующим этническим большинством в социальной иерархии.

Таким образом, «двойственный рынок труда» выступает своего рода регулятором отношений между большинством и меньшинством и является средством социального контроля во взаимодействии двух партнеров, к которому, по утверждению западных социологов, стремятся конкурирующие стороны. Причем этот контроль в силу обладания властью находится в руках доминантной группы. Обострение конфликта в данном случае наступает тогда, когда находящиеся во вторичном секторе национальные меньшинства и иммигранты не желают больше мириться с существующим положением и в разных формах (протест, забастовка) заявляют о своем желании улучшить свой статус.

На базе экономического конфликта формируется конфликт и в других сферах, например, в этнокультурной, где он проявляется в нагнетании напряженности и нетерпимости в отношении представителей доминантной группы к подчиненной, а также наоборот. В таких условиях, скажем, особо враждебно представители господствующего этнического большинства относятся к тем чертам, которые отличают подчиненную группу от него. Недаром в моменты напряженной ситуации рождаются и распространяются

оскорбительные прозвища, активизируются выступления расистско-шовинистических элементов против допуска в страну новых иммигрантов и за депортацию уже в определенной степени адаптировавшихся в стране поселения. В 70—80-е гг. шовинистические группировки кроме провозглашения лозунгов типа «Будущее принадлежит нам», «Иммигранты— вон из страны!» переходят к актам физического насилия над выходцами из других стран, особенно цветными. Так, в 80-е гг. в Канаде (Торонто) было зарегистрировано несколько убийств молодых рабочих-иммигрантов из Ямайки, насилию постоянно подвергаются выходцы из южноазиатских стран. Подобные настроения и акции учащаются в Великобритании— согласно докладу лорда Скармена, который по поручению министерства внутренних дел обследовал состояние с преступностью в стране, британская полиция регистрирует ежегодно около 7 тыс. актов насилия в отношении цветных граждан. По данным журнала «Тайм», иммигранты из Вест-Индии в 36 раз чаще, чем белое население, подвергаются актам насилия, а выходцы из азиатских стран — в 50 раз¹¹⁵. Обострились отношения между коренными французами и цветными иммигрантами в канун предвыборной кампании во Франции в начале 1986 г.¹¹⁶. Примером усиления напряженности в отношениях между коренными и некоренными жителями ФРГ (и не только цветными) на основе экономических, психолого-поведенческих мотивов являются результаты опроса, проведенного видным западногерманским социологом Фолькером Ронге: 82% населения этой страны встречают недоброжелательно или враждебно иммигрантов из ГДР¹¹⁷.

О том, что в основе напряженности в отношениях между господствующей этнической общностью и этническим меньшинством лежат экономические причины, однозначно свидетельствует сама история этих отношений в странах капиталистического мира. В период стабилизации капиталистического производства в США в 20-е гг. нынешнего века, «индустриального бума» в Канаде в 50— 60-е гг., относительно стабильного развития экономики западноевропейских стран в 60-е (именно в эти периоды иммиграция поощрялась властями) не наблюдалось такой напряженности, как, скажем, в годы «великой депрессии» (экономического кризиса 1929—1933 гг.) или в настоящее время. Правда, В. Грин (США) пытается оспаривать общеизвестную истину, утверждая, что в годы «депрессии» классовые и расовые напряжения были не столь очевидными¹¹⁸. Но даже в буржуазной литературе имеется немало доказательств, опровергающих такую мысль. Так, авторы исследования коренных жителей района Аппалач, проводившегося в середине 70-х гг., пришли к заключению, что в благоприятных условиях

экономического развития снижается уровень враждебности и стимулируется их интеграция в американское общество¹¹⁹. Относительно спокойной была этнонациональная ситуация в 50— начале 60-х гг. в Канаде и т. д.

Однако не следует полагать, что в периоды относительно стабильных ситуаций в развитии отношений между доминантной и подчиненной группами напряженность совсем отсутствовала или, более того, не было для нее причин. Она в эти периоды проявлялась не в столь явных, а порой и резких формах, как это имеет место сегодня. Но причины, генерирующие национальные проблемы, являются постоянным спутником капиталистического образа жизни, они коренятся в самой социальной природе эксплуататорского строя и в определенных условиях, как, например, под воздействием научно-технической революции, проявляются в обострении этнонациональных проблем.

В отношениях между доминантной и подчиненной этническими общностями в последние годы все в большей степени проявляется нейтивистская идеология, которая, по определению известного американского исследователя этнонациональных проблем Д. Хайема, заключается «в явно выраженной оппозиции в отношении к меньшинствам на основе их иностранного происхождения»¹²⁰. В настоящее время с усилением шовинистических тенденций в нейтивизме он все в большей мере идентифицируется с расизмом¹²¹ и произрастает на новой волне возрождения национализма¹²² и консерватизма во внутренней политике капиталистических государств. Последнее обстоятельство дало основания западным социологам определять нейтивизм как неонейтивизм и говорить о формировании в США и других странах капиталистического мира неонейтивистских умонастроений¹²³. Интересными, на наш взгляд, в плане подтверждения этой тенденции являются данные обследования, проведенного среди канадских студентов в 1971 и в 1981 гг. Если в 1971 г. за исключение из канадского общества истиндйцев, филиппинцев и коренных жителей высказались соответственно 5, 6 и 7% опрошенных белых, то в 1981 г. эти показатели выглядели так: 36, 37, 33%¹²⁴. О возрастании нейтивистских тенденций свидетельствует и активизация деятельности ку-клукс-клана (США), «национального фронта» (Великобритания), неонационалистских группировок в ФРГ и т. д. Их усиление в условиях распространения неонационалистической идеологии и неоконсерватизма¹²⁵, безусловно, и в дальнейшем будут оказывать негативное влияние на состояние отношений между господствующими нациями и угнетенными национальными меньшинствами и иммигрантами. Основания для данного предположения дает обостряющаяся борьба за рабочие места в условиях НТР и дискриминационная политика правительств капиталистических

стран в открытой и все больше завуалированной формах в отношении национальных меньшинств и этнических групп, стимулирующая неоимпериалистские тенденции.

В таких обстоятельствах, когда очевидно превалирование экономических факторов, усиливающихся политико-идеологическими, в формировании характера отношений между доминантной и подчиненной группами, причины межгрупповой враждебности следует искать в первую очередь в социально-экономической сфере общественной жизни. Хотя большинство буржуазных исследователей и фиксирует значение экономического неравенства, все же основное внимание они концентрируют на психолого-поведенческих критериях, выводя из них характер самого конфликта. Здесь откровенно в силу вступает метод психоаналитической интерпретации явлений, распространенный в буржуазной этнопсихологии. Согласно этому методу, «межгрупповая враждебность истолковывается... как проекция собственных неприемлемых внутренних побуждений предубежденного человека на внешнюю группу»¹²⁶. И, безусловно, применение его для анализа межэтнических отношений неприемлемо без выяснения причин, обуславливающих характер их развития.

В западной этносоциологии в рамках концепции конфликтного развития межэтнических отношений применяется немало и других подходов для объяснения этого сложного феномена. В частности, существуют попытки связывать удачу или неудачи меньшинств в капиталистическом обществе с индивидуальными психологическими и культурными ориентациями на достижения. Согласно разработанной Б. Роузенем схеме для исследования социальной мобильности, важное значение приобретают три фактора — психологический (мотивация достижений), культурный (ценностная ориентация) и желаемый уровень общего и профессионального образования.

Этот комплекс Б. Роузен назвал «синдромом достижений»¹²⁷, под психологическими и культурными ориентациями понимая «психологическую необходимость (индивидуума — *Авт.*) выделиться, его желание вступить в конкурирующую расу, обладающую высшим статусом, и его изначальное желание воспринять высшие ценностные ориентации. . . »¹²⁸.

Действительность капиталистического строя практически не позволяет реализоваться «синдрому достижений» в полной мере. Как было показано выше, верхушка доминантной группы возводит всяческие преграды на пути к достижению равенства угнетенными меньшинствами. И главным препятствием является то, что как в идеологии, так и в социальной практике, из числа основных условий, обеспечивающих это равенство, исключаются те, которые

определяются отношением к средствам производства¹²⁹.

Концепция «синдрома достижений» явно не работает в плане определения реальных возможностей достижения равенства с доминантной группой. Но она идеологически выгодна правящему классу, поскольку позволяет сместить акценты в ответственности за существующее положение с общества на индивидуум.

Выше в основном речь шла о конфликтной ситуации в отношениях между доминантной и подчиненной группами и ее интерпретации буржуазными исследователями. Но межэтнические отношения не исчерпываются только этими двумя группами. У представителя того или иного этноса, попавшего в инациональную среду, кроме возможности интеграции со своим этническим окружением, имеются две другие — интеграция в местную общность (скажем, ядро господствующей нации, этническое большинство) или интеграция с представителями других (не господствующих и не одинакового происхождения) групп¹³⁰. Последний вид интеграции предполагает взаимодействие с выходцами из разных этносов в местах расселения, на производстве и т. д., что является также важным компонентом межэтнических отношений. Концепция конфликта в настоящее время в значительной мере характерна и для этих отношений, поскольку по Д. Ноэлю, теоретику происхождения этнической стратификации, различные группы могут взаимодействовать и формировать стабильные образцы отношений без сверхсубординации¹³¹.

Развитие такого рода отношений — неизбежность современного этносоциального развития полиэтнических стран капиталистического мира, так как представители различных этносов проживают на территории одного и того же государства, зачастую в соседстве друг с другом (выше приводился пример Южного Чикаго), работают на одних и тех же предприятиях, посещают одни и те же общественные места, мероприятия и т. д. В зарубежной этносоциологии пока мало исследований, посвященных данному аспекту межэтнических отношений, на что, в частности, обращает внимание и Р. Бретон. Говоря о Канаде, он подчеркивает, что «относительно мало сделано для выработки концептуальной структуры, которую можно было бы использовать для анализа различных типов коллективов, а также того, как эти различия влияют на отношения этнических коллективов друг с другом»¹³².

Что касается концепции конфликтного развития межэтнических отношений, то она в определенной степени может быть применена к анализу некоторых их аспектов между равнодействующими сторонами. Поскольку конкуренция на рынке рабочей силы в первую очередь касается представителей

подчиненных групп, то она влияет и на отношения между ними. Для современного капиталистического рынка труда свойственна высокая степень так называемой этнической конкуренции. Ее порождают следующие обстоятельства: а) существование в капиталистической экономике отраслей, в значительной мере зависящих от иммигрантской рабочей силы; б) высокий процент безработицы в среде национальных меньшинств и иммигрантов; в) политика нанимателей иностранной рабочей силы, предусматривающая закрепление национальных меньшинств и иммигрантов в рамках определенных отраслей и профессиональных групп.

«Этническая конкуренция», усиливающаяся под влиянием научно-технической революции, характерна не только для межгрупповых отношений, но и для отдельно взятых групп. Показательными в этом плане являются результаты обследования канадскими этнологами португальских семей, проживающих в южной части реки Оканеган (провинция Британская Колумбия). Даже в промежутке не столь длительного пребывания в Канаде (в названной провинции с 1955 г.) ощутимо ослабление чувства родства и связей внутри «разветвленной семьи», характерной для португальцев. И это несмотря на то, что португальская иммиграция в Канаду, как правило, является семейной, а расселяется она в таких пределах, которые позволяют быстрее устанавливать контакт. Основными причинами, вызывающими ослабление чувства родства, как установили исследователи, выступают соперничество за более высокий статус в новом обществе, экономическое соперничество, в первую очередь — за получение работы¹³³.

«Этническая конкуренция» в свою очередь порождает «этнический антагонизм», выражающийся в углубляющейся напряженности в отношениях между группами и ведущий к противопоставлению одной группы другой. Он, в частности, проявился во время принятия и осуществления в США Программы позитивных действий, политики многокультурности в Канаде. Согласно Программе позитивных действий, выходцам из латиноамериканских, азиатских и африканских стран предоставлялись определенные преимущества в виде квот при приеме в вузы, на работу. Сразу же после этого последовали нападки со стороны представителей не только господствующей нации, но и некоторых этнических групп белого населения друг на друга и обвинения в том, что у одной группы якобы больше преимуществ перед другой¹³⁴. Особенное сопротивление осуществлению «позитивных действий» оказывала верхушка господствующей нации¹³⁵, а шовинистические круги США окрестили эти паллиативные мероприятия правительства «дискриминацией наоборот», так как якобы при их осуществлении страдает белое население.

Подобные примеры характерны и для стран Западной Европы, где на базе неравномерного распределения рабочих мест между прибывающими контингентами рабочей силы, несмотря на предварительные договоренности при ее вербовке, культивируются негативные стереотипы отношения одной группы к другой, ведущие порой к конфликтам¹³⁵. Кстати, такая манипуляция пришлой рабочей силой является составной частью политики найма в полиэтнических странах западного мира, она стимулирует «этническую конкуренцию», «этнический антагонизм». При этом достигаются две цели: а) предприниматели получают возможность нанимать дешевую рабочую силу, стабилизировать ее себестоимость, а если и повышать ее, то в незначительных размерах (избыток иммигрантской рабочей силы позволяет им это); б) возводятся труднопреодолимые препятствия (в результате нагнетания этнической неприязни) на пути формирования единого фронта антимонополистической борьбы представителей различного этнонационального происхождения.

В буржуазной этносоциологической литературе данные явления также находят свое отражение. В теоретическом плане концепцию «этнического антагонизма» начала разрабатывать Э. Бонасич (США). Согласно ее представлениям, понятие «антагонизм» «охватывает все уровни межгрупповых конфликтов, включая идеологию и убеждения (такие, как расизм и предубеждения), поведение (например, дискриминация, линчевание, восстания) и институты (законы, увековечивающие сегрегацию)»¹³⁷. Подчеркивается, что «этнический антагонизм» возникает там, где существует разделенный рынок труда по этнической линии, т. е. выходцы из одной этнонациональной среды занимают более высокие позиции, чем выходцы из другой. «Этнический антагонизм,— утверждает Э. Бонасич,— является специальным продуктом конкуренции, которую порождает разница в стоимости рабочей силы»¹³⁸.

К этому определению следует добавить, что правящие круги умело регулируют эту стоимость, сохраняя разницу между стоимостью рабочей силы первичного и вторичного секторов. А именно: ничтожные затраты на обучение пришлой рабочей силы, на ее социальное и медицинское обеспечение, практическое отсутствие затрат на переквалификацию и другие факторы, способствующие удержанию себестоимости этой категории рабочей силы на довольно низком уровне.

Э. Бонасич, как и другие американские авторы, в большинстве случаев феномен «этнического антагонизма» склонна рассматривать как атрибут отношений между большинством и меньшинством. Однако, как было замечено выше, он свойственен и отношениям на уровне подчиненных групп, но формы

его проявления не столь очевидны, как в первом случае,— он не принимает, скажем, форм силового столкновения, но может проявиться в такой форме, как штрейкбрехерство, особенно в периоды обострения борьбы между трудом и капиталом.

Канадские социологи разработали схему зависимости уровня антагонизма от уровня конкуренции за соответствующее положение в обществе. Из этой схемы следует: 1) для неконкурирующих групп, где ни одна из них не рассматривается только как ресурс процесса производства, уровень антагонизма непосредственно зависит от разницы в социальной власти (чем больше эта разница, тем ярче выражен антагонизм); 2) для конкурирующих групп разница в социальной власти обратно пропорциональна уровню антагонизма (чем меньше эта разница, тем сильнее расизм и этнические предубеждения); 3) уровень межгрупповых конфликтов обратно пропорционален межгрупповому антагонизму (чем больше контакт, тем меньше антагонизм); 4) в конкурентных ситуациях, где разница в степени власти незначительна, уровень межгрупповых контактов соответствует уровню антагонизма (чем больше конкурирующих контактов между группами, обладающими одинаковой властью, тем выше уровень антагонизма); 5) в тех случаях, когда разница в степени власти значительная, уровень межгрупповых контактов изменяется прямо пропорционально, однако не основательно, уровню антагонизма (можно предположить, что в таких ситуациях связь между характером контактов, расизмом и этническими предубеждениями является позитивной, но находится на сравнительно низком уровне)¹³⁹.

Данной схемой не всегда можно измерить этнонациональную ситуацию в той или иной стране, в частности, процесс нарастания «этнического антагонизма». В ней среди прочих факторов не учтены такие, как зависимость уровня антагонизма от социально-класовой дифференциации внутри контактирующих групп, влияние на перерастание этнической напряженности в антагонизм ситуации на рынке труда, не выяснена роль общности социальной судьбы представителей разных этнонациональных групп, а также влияние политики правящих кругов на формирование межэтнических отношений. Хотя сама попытка вывести концепцию с учетом социальной власти, конкуренции, структуры рабочей силы и контактов— явление, заслуживающее внимания, особенно на фоне подавляющего психолого-культурологического подхода.

Следует отметить, что сторонники конфликтной концепции межэтнических отношений сосредоточивают внимание на одном их аспекте — а именно том, который отражает напряженность, антагонистичность в их взаимодействии. Более того, многие приверженцы этой концепции в «открытых

напряжениях» видят движущую силу этнических процессов и всячески пытаются доказать их полезность¹⁴⁰.

Данное утверждение требует особых комментариев. Оно, на наш взгляд, очень четко фиксирует маневренность, приспособляемость буржуазной науки в складывающейся обстановке. В условиях, когда ни за какими теориями невозможно скрыть конфликтное развитие национальных отношений в капиталистических странах, и поскольку конфликты, в том числе и на этнической основе, неизбежны в эксплуататорском обществе, то для буржуазной науки выгодно доказать их полезность. Одни, как в выше цитированной книге, говорят об этом прямо, другие называют конфликтное развитие межэтнических отношений диалектическим¹⁴¹, что опять же связывается с поступательным развитием. Однако, поскольку сами этнические процессы по своему существу неоднотипны (объединительные, разъединительные и т. д.)¹⁴², то не всегда представляется возможным определить, когда же «открытые напряжения» составляют их движущую силу. Скажем, напряжения, ведущие к этническому антагонизму, стимулируют центробежные тенденции, результатом которых может быть сегментированное развитие полиэтнического общества. Кстати, некоторые американские ученые (среди них Р. Поленберг), явно переоценивая центробежные тенденции в современных этнических процессах, поспешили объявить, что «этническое возрождение» привело к образованию «сегментного» общества¹⁴³. К тому же, учитывая тот факт, что формирование той же американской, англоканадской, франкоканадской наций не завершено, упомянутые напряжения могут сдерживать объединительные процессы и консолидацию наций.

Выше отмечалось, что характернейшей чертой буржуазной концепции конфликтного развития межэтнических отношений является акцентирование влияния на этнокультурных различиях контактирующих сторон. Из этих различий западные исследователи выводили сущность самой концепции, ее значимость для анализа современной этнонациональной ситуации. Такой подход обуславливается тем обстоятельством, что конфликты между людьми зачастую фокусируются именно на национальных, религиозных, расовых, лингвистических и культурных различиях. Поэтому во многих конкретно-социологических исследованиях фиксируется высокая степень напряженности во взаимодействии по этнической линии¹⁴⁴, а в тени остаются по существу важнейшие и определяющие ее генераторы. Традиционность данной интерпретации сохраняется и в сегодняшних работах буржуазных этносоциологов, она превалирует в них, что вполне соответствует методологии буржуазной науки. Преодоление односторонности в изучении сложных

явлений этнонационального развития могло бы открыть путь к отражению реально существующей картины межэтнических отношений и их перспектив.

В буржуазной этносоциологической литературе нет недостатка в работах, посвященных анализу конфликта в межэтнических отношениях, но практически не рассматриваются системно бесконфликтные ситуации в отношениях между представителями различных этнонациональных групп. На наш взгляд, это два аспекта одного и того же процесса, развивающегося в условиях полиэтничного состава населения. Превалирование первого над вторым (как в действительности, так и в теоретическом осмыслении ситуации межэтнических отношений) отражает ограниченные возможности эксплуататорского общества в ликвидации причин, порождающих напряженность и антагонизм во взаимодействии различных групп. С этим обстоятельством мы связываем спорадичность буржуазных исследований ситуаций бесконфликтного развития межэтнических отношений и их незначительное количество. Ибо имеющиеся в действительности примеры бесконфликтного сосуществования представителей разных групп, особенно в среде подчиненных, их совместных выступлений против неравенства не столь часты, как обратные, и они скорее предоставляют основу для теоретических размышлений о перспективах развития межэтнических отношений. Правда, в данном случае уже в рамках другого социального строя, построенного на основе равноправия (экономического, политического, культурного), дружбы и взаимопомощи. Таковым является социалистическое общество.

В следующем параграфе мы проанализируем попытки буржуазных авторов интерпретации возможностей бесконфликтного развития межэтнических отношений в основном на уровне групп, находящихся в подчиненном положении, и соотнесем их с возможностями реальной действительности.

§ 4. Этническая и классовая солидарность в межэтнических отношениях

Концепция этнической солидарности разрабатывается западными этносоциологами сравнительно недавно — с середины 70-х гг. Их внимание в данном случае сосредоточено на факте сплоченности в ходе совместных действий выходцев из одной и той же страны в условиях инонационального окружения, особо остро ощущаемой при попытках сохранения своей идентичности, и в некоторой степени в действиях против социальной дискриминации и угнетения. Современная буржуазная этносоциология рассматривает отдельные этнические группы как нечто монолитное, без

присущих им внутренних социально-классовых различий. Впервые в американской этносоциологии обратили на них внимание Б. Дункан и О. Дункан в конце 60-х гг., исследуя изменения в занятости членов этнических групп¹⁴⁵.

В настоящем анализе мы будем пользоваться наряду с термином «этническая солидарность» и термином «межэтническая солидарность». Первый из них отражает сущность объединительных процессов по сохранению этнического своеобразия на уровне отдельных групп, а второй — на уровне межгруппового контакта. Собственно говоря, в первом случае речь идет о понятии этнической солидарности в ее узком смысле, а во втором — в широком. Основанием для введения в научный анализ термина «межэтническая солидарность» являются следующие обстоятельства: 1) в ходе межэтнических контактов формируются предпосылки для объединения усилий на межгрупповом уровне, особенно, когда речь идет о движениях социального протеста; 2) использование термина «этническая солидарность» в узком смысле может способствовать представлению о суженной базе процессов объединения представителей этнических групп в борьбе за сохранение как самобытности каждой группы, так и за равноправие всех этнонациональных групп. Такое уточнение требует также другого принципиального пояснения авторской позиции в анализе концепции этнической солидарности (в первую очередь в части, касающейся движений социального протеста) — основой межэтнической солидарности выступают социально-классовые корни угнетения и дискриминации этнонациональных меньшинств и этнических групп господствующим большинством. Социально-классовые факторы являются также предпосылкой объединения представителей угнетаемых меньшинств с таковыми господствующей нации и этнического большинства. Высказанные в общей форме положения будут конкретизированы в ходе анализа феноменов этнической и классовой солидарности в межэтнических отношениях и в интерпретации буржуазными исследователями.

Среди факторов, определяющих внутригрупповую (этническую) солидарность в ее узком значении, западные исследователи выделяют следующие: 1) условия расселения; 2) характер занятости, 3) деятельность этнических организаций. Каждый из упомянутых факторов в той или иной степени в зависимости от конкретной ситуации приобретает приоритетное значение.

В XIX в. для США и Канады было характерно компактное расселение прибывающих в эти страны иммигрантов. В то время выбор места поселения новыми контингентами переселенцев определялся наличием этнической

общины. Этот выбор был связан с тем, что ранние иммигрантские поселения, как правило, могли предоставить работу в самом поселении или поблизости от него, на их территории находились церкви, места времяпрепровождения и т. д., обеспечивавшие поддержание этнокультурной среды, сходной с таковой в стране выезда. Однако уже в конце XIX в., и особенно во второй половине XX в., характер расселения изменяется: в сегодняшней Америке, например, остается мало районов, где сосредоточено большое количество выходцев одного и того же этнического происхождения, позволяющие формировать поселения с четко очерченными этническими границами. Иными словами, иммигранты и их потомки в значительной степени расселены дисперсно, хотя в определенных случаях наблюдается их концентрация в тех или иных районах. Для проживающих вне своего этнического окружения характерна более высокая степень ассимиляции, чем для тех, кто проживает в зоне концентрации выходцев из одной и той же страны. К таким выводам пришел С. Либерзон, исследуя этнические образцы расселения иммигрантов в американских городах¹⁴⁶.

Вместе с тем, концентрация представителей этнонациональных групп в том или другом районе, если даже и имеет место, не ведет механически к возникновению феномена этнической солидарности. Для его достижения, как показывает практика, необходима активная деятельность лидеров этнических общин. В значительной степени, по Р. Бретону, прочность межэтнических связей внутри таких общин зависит от их институциональной наполненности, т. е.

от наличия в них институций (организаций, клубов, изданий и т. д.). Предлагая схему такой зависимости, он исходит из предпосылки, что, трансплантируясь из одной страны в другую, иммигрант пытается реконструировать систему своих межличностных отношений. Однако, как засвидетельствовали и сами результаты обследования выходцев из других стран, проживающих в Монреале, такой мотив оказывается не столь прочным связующим звеном. Характерно, что даже на начальном этапе адаптации к новым условиям только 60% опрошенных искали возможности установления межличностных связей со своими соотечественниками, а 20% сразу же ориентировались на контакты с местным населением. Причем со временем наблюдается следующая картина: вновь прибывшие разрывают связи со своим этническим окружением и усиливают их с местным населением¹⁴⁷. Это обстоятельство, очевидно, во многом объясняет тот факт, что в США, да и в Канаде, и еще в большей степени в странах Западной Европы практически не существует этнических общин с завершенной институциональной наполненностью, то есть наличием такого количества и в таком наборе институций, которые

могли бы удовлетворять специфические потребности, связанные с этническим происхождением их членов¹⁴⁸.

Согласно утверждениям Р. Бретона, наибольшее влияние на степень прочности внутригрупповых связей имеют следующие институции: организации, занимающиеся социальным обеспечением; периодические издания; церковь. Развивая концепцию институционной наполненности этнических общин, автор определяет такие формы ее влияния на внутригрупповые связи: 1) попытки лидеров этнических групп замкнуть их членов в рамках определенной общины (с этой целью они оказывают вновь прибывшим помощь в поиске работы, обучении языку страны поселения, организации досуга и т. д.); 2) расширение сети личных связей путем привлечения в этнические организации новых членов из однородного по происхождению окружения (это ведет к стимулированию этнического сознания); 3) активизация деятельности лидеров этнических организаций по поддержанию этнического своеобразия¹⁴⁹.

Безусловно, отмеченные факторы способствуют внутригрупповой сплоченности, но их действие не настолько значительно, чтобы делать выводы об их универсальности. Тем более (о чем упоминалось в предыдущих параграфах), что в условиях индустриального развития внутригрупповые связи не в состоянии обеспечить тот уровень социального самочувствия, к которому стремятся прибывшие в ту или другую страну иммигранты, по крайней мере, более высокий, чем был у них в стране выезда. В современных условиях этнические общины не обладают ни достаточными материальными ресурсами, ни культурными возможностями, чтобы удовлетворять в полной мере потребности своих членов, в первую очередь обеспечение работой, образованием, свободное времяпрепровождение и т. д. Поэтому наблюдается постоянный выход представителей этнических общин за их рамки и интеграция в окружение из местного населения или другого этнического происхождения. Данный процесс происходит повсеместно в полиэтнических странах капиталистического мира и он ослабляет внутригрупповые связи и ставит под вопрос существование этнических общин как чего-то организованного с менее или более определенными границами в будущем. Такую перспективу мы связываем не только с неэффективностью институционной наполненности, но и с процессами ассимилирования этническим большинством меньшинства в целом, в которых определяющую роль играет социально-экономический строй.

Конечно же, было бы неверным отрицать факт участия вышедших за пределы своих этнических групп иммигрантов и их потомков в тех или иных

акциях этих групп. Тем более в условиях «этнического возрождения». Не являясь членами этнических групп, проживая вне этнических общин, они все же в определенных случаях могут демонстрировать свою принадлежность к той или другой группе. Однако, на наш взгляд, их декларирование этничности практически не стимулирует внутригрупповой солидарности, поскольку они не состоят в постоянном контакте с основным ядром этнической группы, не принимают постоянного участия в работе этнических организаций. Их этничность и ее проявление сугубо ситуативны, и она демонстрируется только тогда, когда она им выгодна,— скажем, для получения каких-либо преимуществ от программ «позитивных действий» (США), многокультурности (Канада). Для определения таких иммигрантов и их потомков, а также представителей иного, чем господствующее большинство, этнического происхождения можно воспользоваться предложенным известным английским исследователем Э. Смитом термином «этническая категория»¹⁵⁰. Если этническая группа, по Э. Смигу, обладает четырьмя главными признаками — чувством одного происхождения; знанием своей истории и верой в общую судьбу; одной или несколькими культурными характеристиками, присущими всей группе; чувством коллективной солидарности, то у этнической категории эти чувства развиты слабо, она не имеет объединяющих в одно целое своих организаций¹⁵¹. Добавим к этому, что основным признаком, который условно позволяет отнести данную категорию к этнической группе, является ее происхождение, порой ею же самой не осознаваемое.

Таким образом, о непосредственном влиянии институциональной наполненности на внутригрупповые связи можно говорить лишь у той части членов этнической группы, которые, принимая участие в деятельности организаций, в семье и в быту поддерживают и развивают этническое своеобразие. Практически она не имеет никакого значения для той части, которая подпадает под определение этнической категории. Для подтверждения не очень высокого уровня связей выходцев из других стран с этническими организациями, представляющими наиболее весомые институции этнических общин, приведем данные обследования иммигрантов во Франкфурте-на-Майне (ФРГ). Было установлено, что около 40% выходцев из других стран поддерживают контакт с организациями своих соотечественников. Среди них особой активностью в этом плане выделяются турки, греки и итальянцы. Но даже из всех контактирующих с иммигрантскими организациями турок непосредственное участие в их деятельности принимали лишь 50%¹⁵². Скажем, Турецкий народный дом, хорошо знакомый для 68% иммигрантов, посещало всего 20%¹⁵³.

Кроме прочего, концепция Р. Бретона не учитывает социально-классовой дифференциации внутри каждой этнической группы, что позволяет более точно определять роль институций в процессе внутригруппового сплочения. Скажем, в группах, объединяющих выходцев из славянских стран, социально-классовая дифференциация проявлялась в том, что возникли организации этнической элиты и трудовых слоев иммиграции. Например, Товарищество объединенных украинских канадцев (ТОУК) является организацией трудящихся-иммигрантов и их потомков, а Комитет украинских канадцев возник на основе националистических элементов, сотрудничающих с правящими кругами страны и представляющих элитарную верхушку выходцев с Украины и их потомков. Деятельность ТОУК и других прогрессивных иммигрантских организаций в этой стране, США, западноевропейских странах, с одной стороны, направлена на сплочение трудящихся своей этнической группы в борьбе против эксплуатации, а с другой — на единение усилий с усилиями трудовых слоев других этнических групп. О том, что данная тенденция была и остается характерной чертой деятельности прогрессивных сил украинского происхождения, свидетельствует высказывание одного из их бывших лидеров Матвея Шатульского: «Мы не стремились к отделению себя от канадского народа. Наоборот, наши организации и наша пресса стали тем мостом, по которому мы принесли большие достижения культуры и искусства украинского народа в сокровищницу канадского народа»¹⁵⁴. Отмеченная тенденция характерна и для трудящихся других этнических групп. Данное обстоятельство — один из аргументов для введения в научное использование термина «межэтническая солидарность». Конкретные примеры, раскрывающие его сущность, будут приведены в последующем изложении.

Преувеличение роли институциональной наполненности и призывы к ее достижению могут привести к обособлению этнических групп и их разъединению по этническим признакам, что, безусловно, скажется и на борьбе трудящихся различного происхождения за социальную справедливость. Замыкание в рамках интересов одной группы и всяческое выпячивание преимуществ одной группы над другой (такое явление имеет место в условиях «этнического возрождения»; это явление, на наш взгляд, удачно охарактеризовано введенным У. Диллоном термином «этнический нарциссизм»)¹⁵⁵ противопоставляет одну группу другой, способствует развитию антагонизма между ними. Хотя внутригрупповая солидарность, развивающаяся на социально-классовой основе, играет весьма позитивную роль, поскольку, как было показано на примере с лицами украинского происхождения, она способствует повышению социально-политической активности, в данном

случае процесс солидарности не завершается на своей группе, а предполагает выход за ее рамки.

Для подобного рода внутригрупповой этнической солидарности хорошие предпосылки создаются на производстве. Западные социологи в своих исследованиях подчеркивают значение концентрации представителей тех или иных этнонациональных групп в определенных отраслях занятости для формирования групповой солидарности, они считают это обстоятельство одним из главных потенциальных ее источников¹⁵⁶. Во-первых, поскольку поведение в определенной степени ассоциируется с экономическим статусом, то можно ожидать сходного образа жизни; во-вторых, сходность в занятости предполагает общие социальные и экономические интересы, и поскольку характер занятости связан с классовым сознанием, то на этой основе возможна групповая солидарность среди работающих в одной и той же сфере; в-третьих, людям, занятым на одном предприятии или в одной сфере, свойственен относительно высокий уровень межличностных отношений, определяющийся их производственными отношениями. Кроме того, в производственной сфере наиболее четко проявляется и социальная роль этничности. По С. Уолмен, в этой сфере "...возможно выявить условия, в которых этничность используется как средство определения специальных целей занятости и в которой также возможно рассматривать этничность как преломление культурных традиций и символических ценностей, при помощи которых отдельные люди идентифицируют себя по отношению к «другим»¹⁵⁷. Добавим, что именно производственная сфера позволяет выявить закономерности влияния социальных и этнических факторов на взаимодействие представителей различных групп, и в первую очередь обстоятельства, в которых этничность может служить средством разъединения трудящихся в борьбе за социальное равенство. В предыдущем параграфе было показано, как неблагоприятная ситуация на капиталистическом рынке труда (безработица, сокращение производства и т. д.) порождает негативные явления в межэтнических отношениях, которые многие буржуазные исследователи (сторонники концепции конфликта) возводят в абсолют. Тем самым исключается возможность коллективных действий представителей разных этнонациональных групп в достижении более высокого социального статуса в обществе проживания.

В зарубежной этносоциологии, однако, имеются исследования, которые подтверждают тенденцию к преодолению преград, возникающих на этнической основе, и организации совместных действий против дискриминации. Речь идет о тенденции формирования этнической солидарности в ее широком смысле. В

данном случае основой объединения является социальная дискриминация выходцев из разных этнонациональных групп. Правда, западные социологи, скажем М. Хехтер, Д. Фридман, М. Аппельбаум, развивая теорию коллективных действий этнических групп, несколько преувеличивают роль мотивов участия в коллективных действиях индивидов. Теория коллективных действий предполагает, что «если члены этнических групп занимают определенные позиции в классовой структуре или структуре занятости, а также на рынке труда (особенно если эти позиции неблагоприятные), и когда они осознают свое сходное положение, то дело только времени, но коллективные действия будут иметь место». Упомянутые авторы считают, что «индивид может присоединиться к ним лишь в том случае, если он ожидает выгоду от своего участия, превышающую затрачиваемые усилия»¹⁵⁸.

В данной интерпретации коллективные действия этнических групп ставятся в зависимость от воли, определяемой интересами индивидов. Причем очевидна тенденция к сведению этих действий к разовым явлениям, поскольку удовлетворение тех или иных интересов отдельных представителей этнических групп означает их отход от коллективных действий. Если брать за основу анализа перспектив коллективных действий предложенную концепцию, то не приходится говорить о стабильной тенденции их развития и об их эффективности. Сама же история борьбы угнетенных национальных меньшинств и этнических групп, особенно в США, неопровержимо подтверждает тот факт, что эта борьба достигает тогда весомых результатов, когда существует четкая платформа политических и социальных требований и определены конечные ее цели. Эти обстоятельства являются решающими для сплочения представителей различных этнонациональных меньшинств и групп. В данном случае социально-классовые факторы играют главенствующую роль — они составляют прочную основу для объединения.

Открытая марксизмом-ленинизмом закономерность о невозможности добиться национального освобождения без освобождения социального представляется важным основанием для анализа соотношения между социальными и этническими факторами в коллективных действиях этнонациональных групп. Национальное угнетение выходцев из других стран в полиэтнических государствах Северной Америки и Западной Европы является одним из факторов, стимулирующих их объединение, но его стабильность и эффективность должна связываться с социально-классовыми факторами. Ведь сами этнонациональные группы неоднородны в социальном плане, и в предполагаемых коллективных действиях у их верхушки и у трудовых слоев конечные цели будут различными. Одного общего национального

происхождения (для отдельных групп) и свойственного всем группам национального угнетения недостаточно для прочного союза, последний возможен для тех, у кого общая социальная судьба.

Именно трудящиеся слои инационального происхождения являются наиболее дискриминируемыми категориями населения в эксплуататорском обществе, и общность их социальной судьбы проявляется со всей очевидностью; это и предопределяет возможность их объединения на стабильной основе сходного социально-классового положения. Однако на практике эта возможность не всегда реализуется в полной мере. В условиях обострения национальных проблем в западном мире и возрастании роли этнического фактора в общественной жизни полиэтнических стран наблюдается некоторая приоритетность этнонациональных критериев перед социальными в объединении усилий в борьбе против угнетения. Многие лидеры национальных движений в полиэтнических странах (в это понятие мы включаем движение национальных меньшинств и этнических групп за равноправное положение с господствующим этническим большинством) сосредоточили свои усилия на решении вопросов, связанных исключительно с национальным развитием (за завоевание автономии, решение этнолингвистических проблем и т. д.). Данная тенденция была свойственна для лидеров негритянского движения в США, квебекских сепаратистов, украинских буржуазных националистов в Канаде, выдвинувших концепцию «третьей силы», под которой они на основе иного, чем английское и французское, национального происхождения пытались объединить иммигрантов и их потомков из других стран.

В таких попытках очевидно влияние националистической идеологии, которая всегда направлена на то, чтобы ослабить роль социально-классовых факторов в объединении представителей разного этнонационального происхождения, проживающих в одном государстве. Всплеск национальных движений и превалирование в них на определенном этапе мелкобуржуазной, зачастую националистической идеологии¹⁵⁹, создали благоприятные условия буржуазной науке для использования этнической терминологии в трактовке социальных явлений, подмены классовых понятий этническими¹⁶⁰. Но поскольку даже на волне этничности невозможно полностью скрыть значение социально-классовых факторов для развертывания борьбы за социальное и национальное равноправие, то буржуазные теоретики прибегают к завуалированным попыткам такой подмены. В частности, известный канадский исследователь Д. Портер считает, что «классовое неравенство остается в тени и трудно поддается анализу, когда в социальной структуре наблюдается

этническая разнородность»¹⁶¹. Н. Глейзер и Д. Мойнихен (США) более откровенны в своем стремлении изъять из научного лексикона классовые понятия. Они прямо заявляют, что на смену классу приходят «формы социальной идентификации и конфликтов, в основе которых лежит этничность»¹⁶². Ибо, по их утверждениям, на современном этапе этнические группы якобы превращаются в какие-то автономные формы социальной жизни, способные к самообновлению и самотрансформации независимо от процессов, происходящих в обществе проживания. В подобном ключе строит рассуждения и Д. Шнаппер из Центра исторических исследований при Практической школе высшего образования (Франция). Он приходит к выводу, что у иммигрантов, проживающих на территории США и Франции, формируется своеобразная «иммигрантская культура», в системе которой классовое и социальное происхождение не играет никакой роли¹⁶³.

Правда, в последнее время буржуазные исследователи все чаще пользуются понятием «класс», но они его выводят не из отношения к собственности, а из социально-экономического статуса. Отсюда появляются такие термины, как «средний класс», «трудящийся класс» и другие.

В приведенных примерах, а таких в буржуазной этносоциологии множество, явно прослеживается стремление авторов представить этнонациональные группы как нечто однородное в социально-классовом плане, а также утвердить приоритетность этнических факторов над социальными. Культивирование подобного восприятия социальных явлений (этническая среда не является исключением) в общественном сознании, безусловно, негативно сказывается и на уровне социальной активности выходцев из других стран.

К снижению этого уровня стремятся буржуазная идеология и пропаганда, усиленно рекламирующие некоторые уступки капиталистического государства национальным меньшинствам и этническим группам в сфере культуры, образования.

Удержанию в кругу сугубо этнонациональных интересов многомиллионной армии угнетаемых меньшинств, которые составляют огромный потенциал широко разворачивающихся в странах Запада движений социального протеста, способствует концепция этнической солидарности. Последняя в трактовке упоминавшихся выше авторов является доминирующей, если речь идет о возможностях сплочения выходцев из других стран в борьбе за равноправие. Ограниченность такого мышления со всей очевидностью проявляется при анализе взаимодействия представителей различных этнонациональных групп в плане налаживания коллективных действий, направленных против социального и национального угнетения.

В работах некоторых западных исследователей содержатся утверждения о том, что именно солидарность национальных меньшинств, иммигрантов, базирующаяся на социальной основе, играет важную роль в эффективности их борьбы. Английские авторы К. Саттон и С. Макески, исследуя развитие миграционных процессов и формирование расового и этнического сознания у выходцев из Вест-Индии, пришли к выводу, что общность социальной судьбы является главным фактором формирования у них нового сознания. Концепция «общности судьбы», по утверждениям авторов, неизвестна жителям Вест-Индии, но, как только они попадают, например, в США, то они в ходе сравнения своей повседневной жизни с жизнью черного и белого населения остро ощущают сходство судьбы выходцев из разных стран Вест-Индии. На следующем этапе формирования нового этнического сознания такое сходство судьбы вест-индийцами выделяется уже и с выходцами из стран Карибского бассейна¹⁶⁴. Однако пока еще очень трудно иммигрантам из этих стран преодолеть барьер на пути их единения с трудовыми слоями белых иммигрантов. Здесь, безусловно, сказывается насаждаемая правящими кругами ненависть в отношении цветного населения, которая порождает ответную реакцию у цветных иммигрантов.

Несмотря на традиции расовой ненависти и их негативное влияние на процесс взаимодействия представителей различных этнонациональных групп устойчиво в этих отношениях проявляется, и другая тенденция — попытка преодоления этнорасовых барьеров. Примеры тому приводятся в цитированной книге У. Корнблума¹⁵⁵. Причем основой снижения уровня этнорасовой напряженности выступает опять-таки социальный фактор — общий опыт работы на сталеплавильном предприятии и необходимость борьбы за улучшение условий труда и жизни. Еще одним свидетельством успешной реализации таких попыток может быть участие лиц украинского происхождения Канады, как и других этнических групп, в днях протеста, проводимых по инициативе канадских профсоюзов. Показательной в этом отношении является позиция лидеров ТОУК, изложенная в послании своим отделениям с призывом принять активное участие в забастовке 14 октября 1976 г., в частности: «Много наших членов принадлежат к профсоюзам и различным группам рабочего движения. Много других осознают свою ответственность и поддерживают общие цели рабочего движения. Основные интересы общества, которым наше Товарищество служило на протяжении прошедших пятидесяти восьми лет, неотделимы от интересов рабочего класса и всех трудящихся страны»¹⁶⁶.

В Федеративной Республике Германии иностранные рабочие принимали

активное участие в мощных забастовках рабочих крупных промышленных центров страны — Дуйсбурга, Оснабрюка, Кельна. В Великобритании стремление к объединению усилий иммигрантов разного происхождения с особой силой проявилось в 80-е гг. в движении против расовой дискриминации, за запрещение деятельности «национального фронта». Одной из самых мощных совместных акций во Франции была кампания под лозунгом «SOS — расизм!» (ноябрь, 1985 г.), завершившаяся митингом в Афинском театре в Париже¹⁶⁷.

Если моноэтнические организации являются важным инструментом объединения выходцев из одной и той же группы, в рамках которых формируется этническая солидарность, то многонациональные организации стимулируют процессы межэтнической солидарности. К последним, например, в ФРГ, можно отнести Международный комитет иностранцев, Немецкое общество иностранных рабочих, Союз инициативных групп иностранных рабочих и т. д. В Соединенных Штатах эффективной «формой объединения демократических сил... которая позволяет привлекать широкие слои (населения.— *Авт.*) для решения конкретных проблем»¹⁶⁸, выступают коалиции социального протеста¹⁶⁹. В тех же США имеются конкретные примеры того, как участие в совместных акциях помогает преодолевать барьеры на пути формирования единого фронта антимонополистической борьбы, в частности, возникающие на этнорасовой основе.

Так, в 80-е гг. происходит процесс слияния «черных кокусов» (негритянских профсоюзных групп, появившихся в период активизации борьбы афроамериканцев за свои права и существовавших отдельно) с профсоюзами белых рабочих, в результате чего образуются единые отраслевые профсоюзы. Лидеры «черных кокусов» пришли к выводу о том, что существование отдельных групп ведет к расколу рабочего класса по расовым признакам и усложняет достижение цели их борьбы — ликвидации социального и национального угнетения. На наш взгляд, наблюдающаяся активизация американских профсоюзов в отстаивании прав трудящихся и подъем борьбы рабочего класса¹⁷⁰ будут способствовать процессу объединения трудовых слоев национальных меньшинств и этнических групп на социально-классовой основе, будут стимулировать классовую солидарность трудящихся США различного этнонационального происхождения. Процессы интеграции иностранных рабочих в единую классовую организацию профсоюзов имеют место и в других полиэтнических странах. В ФРГ, например, к концу 70-х гг. свыше 34% работающих иностранцев были членами отраслевых профсоюзов¹⁷¹, которые входят в Объединение немецких профсоюзов.

На нынешнем этапе, однако, не следует переоценивать возможности

единения представителей этнонациональных групп населения западных стран на социально-классовой основе. Данный процесс, по нашему мнению, лишь начинается, а имеющиеся примеры подтверждают, что единение на такой основе открывает реальные перспективы в борьбе за исправление социальной несправедливости в отношении многих миллионов граждан инационального происхождения. На пути такого объединения и утверждения классовой солидарности в качестве главной концепции во взаимодействии этой категории населения западных стран возникает немало трудностей как объективного, так и субъективного характера. И одним из основных препятствий, как отмечалось выше, является культивирование негативных этнических стереотипов в многонациональной (многоэтнической) среде, стимулирующих этнорасовую неприязнь, а порой и антагонизм. В этом обстоятельстве можно искать причину, почему большинство буржуазных исследователей касается только проблем этнической солидарности в узком смысле понятия и практически не подвергает анализу намечающиеся тенденции уже не только формирования, но и укрепления межэтнической солидарности.

Методологическая база буржуазной науки не позволяет объективно оценить значение этнорасовых факторов во взаимодействии различных групп населения, их подчиненную роль в отношении классовых факторов. Поэтому одни авторы скептически относятся к возможности преодоления этнорасовой неприязни и напряженности, особенно в отношениях между господствующим большинством и подчиненным меньшинством, и образования их единства вообще, другие же — рассматривают реальной такую возможность на определенном уровне, например — в рамках объединения выходцев из одного региона. Такие исследователи или не знают о существовании движений, объединяющих, скажем, цветных и белых в США (например, так называемые новые организации совместных действий — негритянско-польская конференция Кливленда, Конгресс мирной общины Гэри и др.)¹⁷², или просто игнорируют их роль в объединительных процессах. Последнее может быть связано с тем, что подобные организации ставят перед собой цели, которые выходят за рамки требований решения только этнокультурных проблем, они ведут активную деятельность за улучшение социальных условий жизни этнонациональных групп. К рассмотрению же этих аспектов буржуазная этносоциология обращается не очень охотно.

В исследованиях буржуазных этносоциологов последних лет значительное внимание уделяется изучению уровня этнорасовой напряженности с привлечением таких показателей, как пол, возраст, доходы и др. Результаты таких исследований позволяют определить некоторые причины,

а также пути преодоления существующей напряженности в межэтнических отношениях. Характерными в этом плане являются данные социологических исследований влияния уровня образования на межгрупповые отношения. Так, проводившееся в 48 штатах США исследование засвидетельствовало следующую тенденцию — чем выше уровень образования, тем ниже уровень этнорасовых предубеждений. Если среди опрошенных выпускников средних школ 58% желали бы жить только в «белом» окружении, то среди выпускников высших учебных заведений таких оказалось 20%¹⁷³.

Отсюда можно сделать вывод о том, что буржуазная школа, где формируется мировоззрение подрастающего поколения, является одним из основных очагов культивирования расовой неприязни. Причем результаты подобных исследований, осуществленных в Канаде, показали, что в 1981 г. уровень предубеждений среди канадских школьников в отношении цветного населения был выше, чем в 1971 г.¹⁷⁴ Мы данную тенденцию связываем с повышением уровня безработицы в 70-е гг. и возрастанием конкуренции за получение рабочих мест и усилением расистских настроений среди белого населения, что не замедлило сказаться и в школьной среде. Значительная разница в уровне предубеждений среди выпускников средних школ и колледжей в определенной степени объясняется разницей в возможностях трудоустройства, а также достижения удовлетворительного социального статуса этими категориями. Хотя в 70-е гг. повысился уровень безработицы и среди специалистов с высшим образованием, однако среди тех, кто имеет среднее образование, он выше. Более низкий уровень конкуренции со стороны цветного населения в силу того, что значительно ниже в его среде процент людей с высшим образованием, является, на наш взгляд, одной из основных причин снижения уровня этнорасовых предубеждений.

Таким образом, исследования подобного рода, фиксируя уровень этнорасовых предубеждений, вместе с тем указывают на среду их культивирования. Правда, в исследованиях буржуазных ученых не содержатся попытки выяснения основных причин, порождающих напряженность не только между господствующей и подчиненными группами, но и между группами, находящимися в подчиненном статусе. Однако в последнее время в работах западных исследователей появляются робкие попытки предложить рецепты преодоления этнорасовых убеждений. Они в первую очередь касаются школы и в некоторой степени средств массовой информации. Отмечая, что школьные учебники Канады содержат материал, стимулирующий этнорасовые предубеждения, а сама школьная атмосфера порой их активизирует, Д. Макдугэлл предлагает сократить такой материал в учебниках; учителям, по его

мнению, следует обращаться к разъяснению социальных и исторических корней предубеждений, давать больше позитивной информации о существующих на территории страны этнонациональных группах, вызывать сочувствие к судьбе национальных меньшинств и этнических групп¹⁷⁵. Одним из важных средств снижения уровня этнорасовых предубеждений является так называемое кооперативное обучение представителей меньшинства и большинства, базирующееся на однопорядковом их статусе, позитивных чувствах, взаимном интересе и т. д. Эти факторы, по мнению социологов, стимулируют в ходе обучения взаимодействие, которое способствует снижению уровня предубеждений на длительное время¹⁷⁶.

Характерно, что в данном случае, как, кстати, и в отношении средств массовой информации, не ставится вопрос о полном преодолении негативных стереотипов и предубеждений во взаимодействии представителей различных меньшинств, и в первую очередь — между господствующей и подчиненными группами, а лишь о снижении их уровня. Очевидно, такая постановка вопроса для буржуазной науки закономерна, потому как искоренение этнорасовой предубежденности в условиях эксплуататорского общества невозможно, оно ассоциируется уже с другой социально-экономической формацией. Методология буржуазной науки не приемлет подобных ассоциаций. Данное обстоятельство сказывается и на сути упомянутых выше предложений по снижению этнорасовой предубежденности — позитивная позиция авторов ограничивается сферой психолого-поведенческих ориентаций школьников и направлена в основном на формирование терпимости в отношении друг друга. Вне их анализа остается вопрос о возможностях школы в формировании социально-классовой платформы взаимодействия представителей различных этнонациональных групп населения полиэтнических стран капиталистического мира.

Итак, в буржуазных концепциях межэтнических отношений рассматривается в основном проблема сплочения внутри группы, реже предметом анализа западных социологов является процесс (или возможности) объединения действий представителей различных этнонациональных групп, направленных на улучшение своего статуса в обществе проживания. Причем последнее осуществляется, как правило, на основе такого фактора, как инациональное происхождение, которое в капиталистическом обществе предопределяет дискриминацию со стороны господствующего этнического большинства. Понятие этнической солидарности, которым оперируют буржуазные исследователи, сужает возможности объединения усилий инациональных групп в сохранении своей идентичности и в борьбе за

завоевание более высокого социального статуса. Такие возможности могут быть реализованы на базе классовой солидарности. Однако в исследованиях буржуазных авторов вопросы классовой солидарности представителей различных этнонациональных групп практически не разрабатываются. Хотя в их работах порой содержатся данные, свидетельствующие о такой солидарности; тем более действительность полиэтнических стран, процессы этнического взаимодействия дают множество примеров классовой солидарности (некоторые из них приводились в ходе нашего изложения). Отмечая важность этнической (межэтнической) солидарности во взаимодействии (коллективных действиях) этнонациональных групп, мы рассматриваем ее подчиненной в отношении к классовой солидарности, поскольку речь идет о возможности и перспективах освобождения многомиллионных масс (трудовых слоев) населения инонационального происхождения от национального и социального угнетения. Через призму такого соотношения рассматривают современную этнонациональную ситуацию марксистские исследователи в западных странах.

Г Л А В А IV ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА БУРЖУАЗНЫМ КОНЦЕПЦИЯМ

Анализ теоретических основ буржуазных концепций межэтнических отношений и их использования в политике западных полиэтнических государств однозначно свидетельствует о том, что предлагаемые буржуазными учеными и практиками интерпретации национальных отношений не отражают объективной картины последних. Следовательно, и строящиеся на их базе модели этносоциального развития не соответствуют действительности. Это обстоятельство предоставляет большие возможности для построения и утверждения в обществе выгодных для господствующего класса моделей этого развития. В данном контексте осмысление некоторыми зарубежными исследователями сущности этнонациональных процессов на основе методологии марксизма-ленинизма приобретает особое значение. Во-первых, оно демонстрирует наличие демократической альтернативы в интерпретации сложных проблем этнонационального развития западных стран, а соответственно и принципиально отличных от буржуазных рецептов путей их решения. Во-вторых, глубина и реалистичность марксистского анализа социально-классовых основ развития национальных отношений в капиталистическом обществе позволяют с большей определенностью (при их

сопоставлении) выявить несостоятельность буржуазных концепций. Основания для таких утверждений дает практика социалистических стран, где марксистские концепции воплощаются в жизнь.

В таком ракурсе в настоящей главе и рассматриваются марксистские интерпретации национальных отношений в развитых капиталистических странах, что, безусловно, не предполагает детализированного их анализа. Последнее обуславливается еще и наличием в опубликованных ранее работах тех или иных аспектов состояния национального вопроса (например, источников его обострения) в условиях эксплуататорского общества ¹.

В новой редакции Программы КПСС, утвержденной XXVII съездом Коммунистической партии Советского Союза, отмечается: «Выдающееся завоевание социализма — разрешение национального вопроса. Победа Октября навсегда покончила с национальным гнетом и неравноправием наций и народностей. Огромную роль сыграло объединение на добровольных началах свободных равноправных народов в едином многонациональном государстве — Союзе Советских Социалистических Республик. В ходе социалистического строительства обеспечен быстрый экономический, социальный и культурный прогресс бывших национальных окраин. Ушла в прошлое национальная рознь, нормой жизни стали братская дружба, тесное сотрудничество и взаимопомощь всех народов СССР»². Вот что дало воплощение в жизнь марксистско-ленинской теории национального развития страны, на территории которой проживают многие нации, народности, этнонациональные группы. Все это стало возможным благодаря упорной и настойчивой борьбе прогрессивных сил общества, во главе с коммунистами, за реализацию теоретических установок К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина в сфере национальных отношений, в социальной практике при четкой определенности основополагающих направлений этой борьбы. К. Маркс и Ф. Энгельс в свое время сделали фундаментальный вывод, указывающий путь к решению национального вопроса: «В той мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой»³. Этот путь лежит через уничтожение социального гнета, что открывает возможности преодоления на этой основе всех порочных явлений в сфере национальных отношений, порождаемых эксплуататорским обществом. Данные положения марксистско-ленинской теории по национальному вопросу кладутся в основу определения перспектив его решения в буржуазном обществе.

Становление и развитие марксистских концепций в рассматриваемых нами странах непосредственным образом связано с деятельностью

коммунистических партий. С одной стороны, они отражают результаты их практической борьбы за решение национального вопроса, а с другой — попытки теоретического осмысления особенностей и закономерностей этнонационального развития полиэтнических стран на разных этапах их истории. Поэтому программы коммунистических партий, а также другие официальные документы, в первую очередь их разделы, касающиеся анализа этнонациональной ситуации в своих странах, на наш взгляд, представляют наиболее концентрированное изложение марксистских концепций национальных отношений. В этой связи в контексте нашего анализа документам уделено особое внимание. Заметим, что их научное оформление и развитие определялось самой практикой сосуществования национальных меньшинств и иммигрантов в рамках одного этнополитического организма, в ходе которой наблюдается как усиление их угнетения, так и обострение отношений между выходцами из разных стран мира.

Необходимость сплочения представителей различных национальностей, которые составляют огромный потенциал движений социального протеста, в едином фронте анtimoнополистической борьбы предопределило интенсификацию углубленного теоретического анализа возможностей и путей достижения такого единства. Последнее, а также попытки буржуазных исследователей борьбу за социальные права подменить борьбой за удовлетворение некоторых требований в этнокультурной сфере и приписать приоритетность в формировании единого фронта борьбы этнонациональных групп чисто этническим факторам, требует четкой расстановки акцентов. К этому стремятся марксисты — ученые и практики при освещении вопросов, связанных с борьбой за реализацию прав всех наций, национальных меньшинств, этнонациональных групп. Руководители коммунистических партий стран указанных регионов поставили свои подписи под важным выводом и призывом Международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве (1969 г.): «Мы, коммунисты, выступаем против любых форм угнетения наций и национальных меньшинств, высказываемся за то, чтобы каждая нация или национальная группа развивала собственную культуру и язык, мы твердо защищаем право всех наций на самоопределение»⁴. Для стран Западной Европы и Северной Америки, отличающихся чрезвычайно пестрым этническим составом населения, данное положение имеет огромное значение в плане выработки стратегии коммунистов в национальном вопросе.

Для Соединенных Штатов, например, важным представляется выяснение места и роли в американском обществе крупных (по количеству) национальных меньшинств (афроамериканцев, американцев мексиканского происхождения,

коренных жителей). Как раз перечисленные категории населения относятся к наиболее угнетаемым и дискриминируемым, и вместе с тем они составляют внушительную часть всего населения США — до 20%. Американские ученые-марксисты осознают, что от отношений между этой частью населения страны и англосаксонским ядром, занимающим господствующее положение в американской нации, в значительной степени зависит состояние национальных отношений в США. Не случайно поэтому в программных документах и в работах марксистских авторов этому аспекту уделяется особое внимание. Концепция американских марксистов сводится к тому, что поскольку названные меньшинства, как, кстати, и иммигранты и их потомки, вовлечены в хозяйственную, политическую и культурную жизнь страны и вносят свой вклад в ее развитие, то они имеют полное право на равноправие в этой стране. В Программе Коммунистической партии США, одобренной XXII Национальным съездом (август 1979 г.), в частности, говорится, что «афроамериканцы составляют неотъемлемую часть той ткани, из которой соткана наша нация, они внесли выдающийся вклад в развитие экономики, социальной жизни и культуры американского народа с первых дней существования нашей страны»⁵. В своих концепциях буржуазные теоретики, безусловно, не обходят вниманием такое многочисленное национальное меньшинство, однако они, сосредоточивая его на анализе тех или иных реально существующих явлений в их жизни, не очерчивают четкие его границы и их взаимосвязь с широким контекстом национальных процессов.

Исходя из предложенной концепции, американские коммунисты важнейшим в своей теоретической и практической деятельности считают решительную борьбу за ликвидацию тех причин, в результате которых национальные меньшинства, в том числе и афроамериканцы, и иммигранты оказались в дискриминированном положении. Сущность этой борьбы, которая, по мнению коммунистов США, должна завершиться реализацией равноправия в социальной практике, выражена в Главной политической резолюции XXIII Национального съезда Компартии США: «Борьба за полное и безусловное экономическое, политическое, общественное и культурное равенство тесно связана со всеми потоками борьбы за социальный прогресс. Как нация, как народ, мы будем бороться до тех пор, пока не покончим с этой позорной системой расового и национального угнетения. Борьба против расового и национального угнетения неразрывно связана с классовой борьбой. Она неотделима от антигосударственно-монополистической борьбы. Она является ключевым вопросом общей борьбы за демократию»⁶. Здесь мы отчетливо ощущаем коренную противоположность марксистской концепции возможности

решения обострившихся национальных проблем буржуазным интерпретациям сложной современной этнонациональной ситуации: если марксисты первопричину обострения национального вопроса в капиталистическом мире усматривают в социально-классовых устоях общества, то буржуазные ученые и идеологи усиленно ищут ее во вторичной сфере — этнонациональных (культурных, психологических, биологических) особенностях и различиях национальных меньшинств и этнических групп, населяющих США.

Подобная противоположность характерна не только для буржуазных и марксистских концепций национальных отношений в США, но и в других полиэтнических странах капиталистического мира. Ведь в Канаде, Великобритании, во Франции национальные меньшинства и иммигранты также находятся в неравноправном с представителями господствующих наций положении, которое является прямым следствием социальной политики. По этому поводу в Основной резолюции XXV съезда Коммунистической партии Канады (февраль, 1982) «Новый курс для Канады» отмечалось: «Все трудящиеся иммигранты подвержены экономической эксплуатации и дискриминации. Иммигранты из Великобритании, США и белые из бывших английских колоний испытывают наименьшие страдания, они быстрее других втягиваются в основной поток канадской жизни. Тем же европейцам, которые не говорят ни по-английски, ни по-французски, приходится наниматься на низкооплачиваемую работу, не охваченную профсоюзами. Черные, выходцы из Индии и других азиатских стран довольствуются тем, что осталось от рынка труда, и они вдвойне страдают от расовой дискриминации, сверхэксплуатации и безработицы»⁷. Об особом угнетении трудящихся-иммигрантов говорится и в докладе Генерального секретаря Французской коммунистической партии Жоржа Марше на XXV съезде ФКП (февраль, 1985 г.)⁸, о неравноправном положении выходцев из других стран в Великобритании в материалах XXXV съезда Коммунистической партии Великобритании (ноябрь, 1977 г.)⁹.

Поэтому определение истоков неравноправного положения представителей различных народов, проживающих в рамках одного государства, в марксистских концепциях национальных отношений занимает центральное место. Ибо их экономическая эксплуатация, социальная и политическая дискриминация оказывают решающее влияние на формирование этнонациональной ситуации в полиэтнических странах и порождают те непреодолимые в рамках капиталистического общества проблемы, с которыми национальные меньшинства и иммигранты сталкиваются во всех сферах общественной жизни. В этом плане марксистские концепции национальных отношений не ограничиваются лишь фиксацией результатов воздействия

социальных условий на уровень и содержание межнациональных отношений, но и проникают вглубь самого процесса, ведущего к формированию той или иной ситуации. Буржуазные ученые строят свои концепции, как было показано в предыдущих главах, преимущественно на анализе явления как такового, не пытаясь вскрыть те причины, которые его вызвали к жизни.

Для коммунистов Канады, например, как в практической, так и в теоретической деятельности важным является не только фиксация факта неравноправного положения франкоканадской нации, но и отражение этого положения на отношениях между англоканадской и франкоканадской нациями в целом и отдельными их представителями на различных уровнях. Такой подход позволяет установить особенности процесса формирования идеологических, политических и этнопсихологических ценностных ориентаций в отношении друг друга. А затем и определить возможные пути преодоления негативных стереотипов в отношениях между этими двумя нациями, как, кстати, и представителями других национальных меньшинств и этнических групп. Отсюда становится понятным, почему в марксистских интерпретациях национальных отношений немалое место отводится характеристике современного этнонационального состава населения полиэтнических стран с особым вниманием на статусе тех или иных этнических формирований — нация, национальное меньшинство, этническая группа и т. д. Показательной в таком контексте является концепция канадских коммунистов, практиков и теоретиков, изложенная в принятой на XX съезде (1971) Программе Коммунистической партии Канады: «В Канаде существуют две нации: франкоканадская, проживающая в Квебеке, и англоязычная нация. Каждая из этих двух исторически сложившихся наций обладает национальной идентичностью и сознанием, на формирование которых оказали влияние культурные традиции этнических групп нефранцузского, неанглийского происхождения, иммигрировавших в страну и в значительной степени слившихся с этими двумя нациями»¹⁰. В этом определении содержится важная мысль для понимания не только самого характера национального состава населения страны, но и развития отношений между различными его компонентами: ядром этих наций стали выходцы из Англии и Франции, но в их формировании большую роль сыграли иммигранты и их потомки из других стран. Далее в

Программе есть еще одно чрезвычайно важное для уяснения процесса складывания отношений между канадскими нациями и иммигрантами положение, а именно: «Хотя главной тенденцией среди иммигрантов и их потомков является интеграция в канадскую жизнь и слияние их с двумя

нациями, в то же время существует сильная тенденция сохранения этнической идентичности, в частности, в области языка и культуры. Этот двусторонний процесс — длительный, он влияет на канадскую культуру в целом и обогащает ее»¹⁰.

Диалектическая взаимосвязь событий и явлений в национальных отношениях — отличительная черта марксистских концепций. Поэтому мы не видим в них такого категорического деления на сторонников интеграционистского и конфликтного развития межнациональных отношений, как это, например, свойственно теоретическим интерпретациям межэтнических отношений буржуазными учеными. В данном случае наличие альтернативных возможностей их развития, указываемых марксистскими исследователями, особо четко оттеняет ограниченность методологической базы буржуазной науки о национальных отношениях в полиэтнических странах капиталистического мира.

Для выяснения путей преодоления этнонациональных проблем, в частности, возникающих в ходе взаимодействия двух частей Канады — англоязычной и франкоязычной, огромное концептуальное значение приобретает определение сущности (в политико-правовом и национальном аспектах) англо- и франкоканадской общностей. Ведь в буржуазных концепциях этносоциального развития страны практически до 60-гг. Канада рассматривалась как однопациональное государство, иными словами, признавалось существование лишь англоканадской нации и игнорировалось наличие франкоканадской. Это отражало точку зрения господствующей верхушки англосаксонцев: в стране существует одна нация, которая соединила в себе две культуры (в широком понимании смысла этого термина) — французских и английских переселенцев. И это оказывало определяющее влияние на рассмотрение всей системы национальных отношений в стране с точки зрения доминантного взаимодействия. А это в свою очередь способствовало утверждению в общественном мнении детерминированности господствующего положения англоканадцев в канадском обществе. Основываясь на марксистско-ленинском учении о нациях, канадские марксисты доказали, что на территории Канады существуют две нации, сложившиеся в ходе исторического развития страны. В 60-е гг. в научную литературу и практику деятельности Компартии Канады были введены специальные термины для названия двух наций: *Canadian* («канадиан») — англоканадской и *canadien* («канадиэн») — франкоканадской. При этом марксистские исследователи установили, что каждая из них сформировалась в процессе консолидации, соответственно, выходцев из Англии и Франции, а также

абсорбции ими иммигрантов из других стран. Н. Кларк, анализируя этнонациональные процессы в стране, в том числе формирования канадских наций, отмечал, что «меньшие национальные группы в значительной степени сливаются с ними (двумя нациями.— *Авт.*), внося свой вклад из собственных культурных и национальных традиций»¹². Данное открытие имело чрезвычайное значение при постановке вопроса о равноправном статусе обеих наций в рамках Канадской федерации.

В плане критики теоретических основ буржуазных концепций большой вес приобретают попытки марксистских авторов внести четкость в определение тех понятий и терминов, которыми сегодня пользуется этнологическая наука, прежде всего в части, касающейся национальных отношений. В частности, речь идет о сущности двух канадских наций, а также такого понятия, прочно вошедшего в научный оборот у исследователей-обществоведов, как «этническая группа». Главными признаками этнических групп, в отличие от понятия «нация», У. Каштан считает следующие: «Этнические группы живут в разных частях Канады. Они не представляют собой устойчивой общности на базе общего языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общей культуре. Они, вообще говоря, являются частью или английской, или французской Канады»¹³.

Такая определенность в понятиях позволяет более объективно и реалистично подходить как к оценкам самих этнонациональных процессов, так и к участию в них различных категорий населения и, в частности, проблем, вытекающих из социально-экономического и политического статуса представителей нации, национальных меньшинств, этнических групп. Скажем, причисление некоторыми буржуазными авторами, а порой и лидерами индейского движения, формирующейся в Канаде паниндийской общности к нации, ведет иногда к противопоставлению индейцев англоканадской и франкоканадской нациям (как, кстати, и объединение под общим названием «третий компонент» или «третья сила» иммигрантов и их потомков неанглийского и нефранцузского происхождения). Выяснение социальной и этнической сущности данной общности, анализ консолидационных процессов в индейской среде не позволяет пока делать выводов о паниндийской общности как о сформировавшейся нации. У. Каштан пишет по этому поводу: «что касается индейцев и эскимосов, то в строго научном смысле в настоящий момент они не являются нациями, хотя таковыми они могут стать. У них нет общего языка, общей экономической жизни или территории, они разбросаны по многим частям страны и по разным племенным образованиям»¹⁴.

Отмечая существование перспектив перерастания паниндийской

общности в нацию, А. Дьюхерст эти перспективы связывает с иным социальным строем, ибо, по его мнению, «чрезвычайно сомнительно, что такое развитие может произойти в условиях капиталистической Канады»¹⁵. Отсюда вытекают, и марксистами довольно четко формулируются, конкретные требования в борьбе за обеспечение прав коренных жителей как национального меньшинства. Они включают «полное уважение их автономии с учетом регионального самоуправления и, не в последнюю очередь, право голоса в определении экономического развития и распределения его результатов в тех районах, где они проживают, основываясь на полномочном принятии решений по всем вопросам, касающихся их как коренных жителей»¹⁶.

Такая постановка вопроса коренным образом отличается от той, которую предлагают на основе своих концепций этнонационального развития буржуазные ученые и идеологи, поскольку они замыкаются на этнокультурной сфере. В частности, политика многокультурности в Канаде, по мнению многих канадских исследователей, оказалась несостоятельной именно в силу того, что она в центр внимания поставила этнокультурные факторы, проигнорировав социальные. А последние, как убедительно доказали коммунисты этой страны, играют главную роль в складывающейся напряженной этнонациональной ситуации в Канаде.

Перспективы развития национальных отношений и в других полиэтнических странах ученые-марксисты и лидеры коммунистических партий западных стран увязывают с социальными условиями, оказывающими определяющее влияние на этнонациональные процессы и формирование соответствующих общностей. В Великобритании, которую можно рассматривать как многонациональную страну, поскольку здесь существуют английская, шотландская и валлийская нации¹⁷, такая закономерность проявляется со всей очевидностью: обострившиеся социально-экономические противоречия особо явно проявились в уровне развития национальных районов— Англии с населением более 47 млн человек, Шотландии — 5 млн, Уэльса — 2,5 млн человек, а также части Ирландии. Забвение экономических и социальных интересов этих районов и проживающих на их территории наций, их дискриминация в составе Великобритании породили конфликтные, напряженные отношения между шотландской¹ и валлийской нациями, с одной

¹ Встречающееся в советской литературе название «шотландское национальное меньшинство» (см.: Гроздова И. Н. Шотландцы: Тенденция этнического развития // Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. — М.: Наука, 1981. — С. 11) можно рассматривать в плане количественного его соотношения с господствующей английской нацией.

стороны, и английской — с другой.

Отстаивая интересы угнетенных наций, британские коммунисты, тем не менее, видят возможность их осуществления на практике через объединение усилий трудящихся всех наций, не исключая и английской. В Программе КПВ «Путь Британии к социализму», в частности, говорится: «Парламентская структура должна быть преобразована таким образом, чтобы обеспечить эффективный, добровольный союз английской, шотландской и валлийской наций»¹⁸.

Выдвинутая британскими марксистами концепция улучшения состояния национальных отношений в стране основывается на марксистском принципе «права наций на самоопределение, т. е. права наций определять пути своего развития, характер и формы отношений с другими нациями»¹⁹. И если коммунисты Великобритании в одно и то же время выступают в «поддержку права народов Шотландии и Уэльса определять свою судьбу, включая право на создание отдельного, полностью независимого государства, если народы того пожелают»,²⁰ и говорят об объединении усилий всех наций страны, то здесь нет никакого противоречия. В таком подходе национальный вопрос рассматривается с позиций интересов рабочего класса, да и трудящихся в целом. Такие проблемы Шотландии и Уэльса, как безработица, замораживание заработной платы, неуверенность в завтрашнем дне, плохие жилищные и другие социальные условия, упадок языка и культуры, характерны не только для этих национальных районов, они «волнуют рабочий класс и трудящихся всей страны и порождены господством британского монополистического капитализма»²¹.

Таким образом, британские марксисты, как и марксисты других полиэтнических стран капиталистического мира, одной из главных задач в борьбе за реализацию своих концепций национальных отношений усматривают в создании широкой коалиции трудящихся всех национальностей. Данный аспект практической и теоретической деятельности коммунистических партий, исследователей приобретает особое значение, если учесть, что буржуазия всегда умело и эффективно использовала расизм и шовинистические настроения для натравливания представителей одной нации, одного народа, одной этнонациональной группы на другие нации, народы, группы. Эту тенденцию в национальных отношениях в условиях эксплуататорского общества в свое время открыл Ф. Энгельс, отмечая, что в Соединенных Штатах «буржуазия умеет гораздо лучше, чем австрийское правительство, натравливать одну национальность на другую — евреев, итальянцев, чехов и т. д. на немцев и ирландцев и каждого из них на всех остальных»²².

На современном этапе эта тенденция особенно остро проявляется в условиях научно-технического прогресса, когда возрастает конкуренция за рабочие места, увеличивается безработица, в результате трудностей экономического развития капитализма закрываются все новые и новые предприятия. Ее усилению способствуют, безусловно, и теоретические изыскания западных этносоциологов, пытающихся внушить мысль о существовании некоего «всеохватывающего синдрома расизма».

Поэтому не случайно в марксистских концепциях национальных отношений значительное место отводится научному анализу современного расизма и шовинизма. Марксистские ученые в противовес буржуазным вскрывают истинные причины существования расизма и шовинистических настроений в полиэтнических странах капитала. Они не ограничиваются только биологическими причинами, его порождающими, а рассматривают это явление в социальном контексте. Известный американский исследователь-марксист Г. Аптекер в результате изучения сущности расизма пришел к однозначному выводу о том, что «расизм — социальный феномен»,²³ порожденный самой природой американского общества, а теоретические рассуждения буржуазных идеологов, строящиеся на измышлениях о якобы особой «специфике негритянской расы», необходимы правящему классу для того, чтобы «оправдать существующие в капиталистическом обществе политическую неразвитость, моральную дикость, алчное стяжательство и социальную несправедливость»²⁴. Другой американский ученый-марксист В. Перло на конкретном анализе экономических отношений в стране доказал, что расизм зарождается и возвращается в процессе неравномерного партнерства представителей различных народов в экономической жизни. Как показывает В. Перло на примере афроамериканцев, без экономического равенства не может быть равенства и в других сферах общественной жизни,²⁵ что в конечном итоге ведет к культивированию расистских настроений.

Такую закономерность в развитии национальных отношений отмечают марксистские исследователи и в других странах. Ухудшение экономического положения в 70—80-е гг. привело к вспышке расизма в Федеративной Республике Германии, что дало повод западногерманскому писателю и историку П. Шютту в подзаголовке своей книги «Мавр сделал свое дело...» поставить риторический вопрос «Существует ли расизм в Федеративной Республике Германии?» На множестве примеров из различных сфер жизни западногерманского общества автор показывает, как расизм становится одной из составных частей политического развития ФРГ. П. Шютт распространение расизма в стране связывает также с моральным кризисом общества: «Я

полагаю,— отмечает автор,— что усиливающаяся недружелюбность людей в совместной нашей жизни, в будничном общении друг с другом как в семье, так и в общественных местах имеет в более широком смысле нечто общее с ростом расистских настроений. Этот неорасизм в моих глазах является не в последнюю очередь выражением кризиса межличностных отношений, неким феноменом, сопутствующим прогрессирующему отчуждению людей друг от друга»²⁶.

Эта ситуация, искусственно подогреваемая правящими кругами и идеологами расизма, имеет далеко идущие последствия, что неоднократно отмечали марксистские исследователи. Главная ее опасность состоит в том, что, как подчеркивалось в резолюции по расизму на XXXIV съезде Коммунистической партии Великобритании, в условиях авторитарного государства возрастает роль расистских идей как средства раскола рабочего класса, особенно в периоды кризиса капитализма и растущей безработицы²⁷.

Данное обстоятельство, характерное для всех полиэтнических капиталистических стран, выдвигает необходимость и неотложность усиления борьбы с расизмом и шовинизмом в современных условиях — как на практическом, так и на теоретическом уровнях,— учитывая усиливающиеся попытки господствующего класса привлечь ученых для идеологического обоснования расистских позиций и вытекающих из этого соответствующих действий. Такую необходимость марксисты увязывают и с построением своих теоретических концепций межэтнических (межгрупповых) отношений, поскольку, как записано в Программе Компартии США, «борьба против идеологии и практики расизма объединяет все расовые и национальные группы рабочего класса нашей страны в деле защиты их общих интересов. Она позволяет в максимальной степени сконцентрировать усилия народа на оказании противодействия власти монополистического капитала»²⁸.

Однако задача объединения остается чрезвычайно сложной, что учитывают как руководители коммунистических партий, так и марксистские исследователи. Им приходится решать ее на двух уровнях — теоретическом и практическом. В первом случае речь идет о формировании позиции в отношении возможностей такого объединения на основе борьбы против расизма, а также о разоблачении несостоятельности буржуазных теорий и моделей национальных отношений. Последние усиленно пропагандируются и насаждаются в общественном мнении как единственно приемлемые, и это создает дополнительные трудности в разъяснении сущности и реальной перспективы осуществления марксистских концепций среди широких слоев трудящихся, и в первую очередь господствующих наций, а также представителей национальных меньшинств и этнических групп.

Поэтому коммунисты полиэтнических стран капиталистического мира усиливают свою работу непосредственно в среде национальных меньшинств, этнических групп иммигрантского и местного происхождения. В свое время коммунисты Канады разработали конкретную программу такой деятельности²⁹. Программа содержала теоретические основы оценки сложившейся в стране этнонациональной ситуации и роль в ее формировании двух канадских наций и множества этнических групп. При этом стержневым выступал вопрос о правильном соотношении процессов, происходящих внутри каждого этнического образования и в стране в целом. Подчеркивалось, что самое главное — не отделять политическое развитие в той или иной национальной общине от политического развития всей страны. Ведь события международной жизни — состояние войны или мира, события экономической жизни, демократические процессы, включая и принятие новой конституции², оказывают влияние и касаются всех канадцев. А реакция жителей этих общин определяется их классовой позицией, как и реакция других канадцев»³⁰. Отсюда — основным направлением деятельности коммунистов среди канадцев инонационального происхождения является разъяснение мысли об объективной закономерности «взаимодействия событий, касающихся всех канадцев и событий, относящихся к одной или нескольким национальным группам»³¹.

Это, безусловно, наряду с практической деятельностью требовало и дальнейших теоретических поисков в осмыслении этнонационального развития Канады, что уже в свою очередь выдвигало как одну из главнейших задач опровержение буржуазных теорий, усиленно культивируемых в то время в стране. М. Коэн, в частности, подчеркивал в этой связи: «Мы противостоям попыткам и идеям реакционных националистов в различных этнических группах, которые, по существу, выступают в союзе с реакционными правящими кругами и стремятся сохранить раскол и барьеры между народами Канады. Мы не принимаем неверные теории «мозаик» и «культурного плюрализма», которые пытаются определить и закрепить в общественном мнении будущее развитие Канады не как двухнационального государства, а как многонациональной страны, похожей на сшитое из отдельных лоскутов одеяло. Любая уступка этой идее наносит большой вред, потому что она игнорирует реальность и необходимость считаться с этой реальностью»³².

² В Канаде до 1982 г. действовала конституция под названием Акт о Британской Северной Америке, принятая британским парламентом после образования доминиона Канада в 1867 г., а 17 апреля 1982 г. парламент этой страны принял канадскую конституцию, именуемую Актом о конституции 1982 г. (см.: Сороко-Цюпа О. История Канады.— М.: Высшая школа, 1985.— С. 291—293).

Теоретический аспект деятельности канадских марксистов в настоящее время приобретает еще большую актуальность в связи с усиливающимися попытками буржуазных ученых и идеологов конструировать «универсальные» модели этносоциального развития страны, в частности — и на основе «культурного плюрализма». Марксисты усматривают в культивировании этих идей целенаправленные попытки правящих кругов ввести в заблуждение общественное мнение и предложить рецепты национального развития страны, которые, кстати, на каком-то отрезке времени могут способствовать ослаблению остроты этнонациональных проблем. Вскрывая эти искусно маскируемые цели господствующего класса, XXV съезд Компартии Канады обращал внимание на следующие особенности воздействия подобных теорий на общую ситуацию: «Канада проводит политику поддержки культур многих народов, действительно поощряющую сохранение языка и традиций этих народов. Вместе с тем, власти подогревают национализм. Этим достигаются три цели. Во-первых, затуманивается центральный национальный вопрос в Канаде, а именно – права франкоканадцев. Во-вторых, рабочие отделяются друг от друга стеной подозрения, тем самым правящему классу легче проводить политику по принципу «разделяй и властвуй». В-третьих, правительственное финансирование, средства массовой информации и реклама создают тепличные условия для процветания буржуазной культуры и традиций, тогда как борьба за пролетарскую культуру и традиции ведется в трудных условиях»³³.

Смещение акцентов в интерпретации явлений в сфере национальных отношений, что особенно чувствуется в трактовке сущности «этничности» (ее буржуазные ученые ищут в культурных различиях, которые являются характерными чертами индивидуума и в значительной степени проявляются в психологии в процессе межэтнического общения) представляет собой опасность как в теоретическом, так и в практическом плане. Поэтому марксистские исследователи, в своих концепциях обращая внимание на порочность такого подхода, доказывают, что «этничность» является порождением реальной действительности и ее сущность должна определяться социально-экономическими факторами развития буржуазного общества. «Этничность,— утверждают канадские ученые-марксисты А. Кассин и А. Гриффит,— является специальным социальным продуктом. Она — характерная черта канадской капиталистической социальной формации, которая (черта.— *Авт.*) появилась в результате вступления в организованные отношения в экономической и общественной жизни людей, прибывших из разных стран. Этничность родилась в процессе деятельности, проявляющейся в общественной жизни. Она представляет собой отношение социального и экономического

неравенства»³⁴. Этнические различия, присущие выходцам из разных стран, таким образом, проявляясь в социальной практике, наполняются содержанием, которое определяется существующим строем³⁵. Данный вывод имеет огромное методологическое значение не только для определения самой (социальной) сущности понятия «этничности», но и для анализа всей современной этнонациональной ситуации и межэтнических отношений— не только в Канаде, но и в других полиэтнических странах капитала.

В том внимании, которое сейчас уделяется марксистами всех полиэтнических стран Западу критике буржуазных теорий и уяснению собственных теоретических позиций, отражается истинная их забота о формировании концепций, соответствующих объективному положению вещей и открывающих реальные перспективы развития национальных отношений. Английский исследователь-марксист Р. Майлз, например, считает, что подчинение производственных отношений культурному процессу при анализе расовых отношений в Великобритании (именно через призму культурных характеристик представителей других народов буржуазной радикальной социологией рассматривается их участие в производственном процессе) является в корне неверным³⁶. Неправомочными представляются также попытки буржуазных ученых анализировать отношения между этническим меньшинством и большинством населения исключительно через призму культуры³⁷.

Для марксистских концепций национальных отношений, в частности в Великобритании, важным является их анализ с учетом всех компонентов населения — как инонационального происхождения, так и представителей господствующей нации, а также угнетаемых шотландской и валлийской. Тот же Р. Майлз, отмечая особенность буржуазной этносоциологии (в более узком смысле социологии расовых отношений) ограничиваться только отношениями «черных масс» с белым населением, считает, что за этим скрывается осознанное стремление ограничить и рамки (и силу) борьбы против расизма, в которой участвуют не только черные и выходцы из других стран, но и широкие слои белого населения Великобритании³⁸. Но поскольку расизм — явление социальное, его истоки лежат в экономическом неравноправии, то и объединение сил происходит на социальной основе, а не на базе биологических и культурных характеристик населения разного этнического происхождения.

Стремясь обосновать необходимость единения разных категорий населения в едином потоке борьбы за социальное и национальное равноправие, марксисты не игнорируют существование национальных меньшинств и этнических групп в рамках одного государства как важного фактора социально-

экономического, политического и культурного развития. Ф. Харт, разъясняя позицию коммунистов Великобритании по данному вопросу, подчеркивал: «Марксисты всегда понимали и поддерживали стремление человечества к тому, что Ленин определил как неизбежное слияние наций. Они всегда считали, что эволюция человечества пойдет в этом направлении. Но процесс этот длительный и сложный. Исторический опыт свидетельствует об огромной силе национального фактора, и, независимо от субъективных взглядов человека на данный вопрос, он существует и будет существовать до тех пор, пока не исчерпает себя до конца»³⁹.

Отмеченное обстоятельство учитывают марксистские исследователи, выдвигая свои концепции этнонациональных процессов, в частности — ассимиляции. Действительно, очевиден факт, что ведущей тенденцией этнонациональных процессов в полиэтнических странах (если их рассматривать с точки зрения перспектив существования этнических групп) является их интеграция в общество проживания и абсорбация господствующей нацией представителей других народов, проживающих на одной и той же территории с ней, т. е. в одном этнополитическом организме. В конечном итоге все это ведет к ассимиляции. С позиции рабочего класса данное явление, как считал В. И. Ленин, — прогрессивное⁴⁰. Но вместе с тем этот процесс в условиях эксплуататорского общества протекает неоднозначно и противоречиво. Х. Лумер, подтверждая общие закономерности ассимиляции, пишет: «Безусловно — главной тенденцией является тенденция к национальному слиянию, к конечному исчезновению отдельных наций через их растворение в больших, интернациональных формах социальных общностей. Это — фундаментальное историческое направление процесса, вытекающее из развития современных производительных сил»⁴¹.

В Соединенных Штатах, как и в других капиталистических странах, процесс ассимиляции осуществляется под воздействием, с одной стороны, национальных уз и национального сознания, а с другой — необходимости интеграции в окружающее общество (принятие его образа жизни, культуры, вступление в смешанные браки и т. д.). В связи с этим Х. Лумер отмечает, что «любое усиление преследования и дискриминации по национальным признакам укрепляет первую тенденцию, в то время как каждый шаг к полной демократии и равенству усиливает вторую тенденцию»⁴². Кстати, Х. Лумер критикует тех, кто, не понимая механизма взаимодействия указанных тенденций, склонен переоценивать действия первой, особенно в условиях обострения национальных отношений. В конечном итоге это ведет к отрицанию ассимиляции как исторически прогрессивного Явления. Американские

марксисты считают, что неверная позиция в отношении ассимиляции (отрицание ее объективного характера, прогрессивности) порождает оппортунистические настроения и открывает дорогу влиянию буржуазной идеологии. Лишь с учетом всех особенностей национального развития США можно выработать правильную тактическую линию в вопросах ассимиляции в частности и национальных отношений вообще.

Марксистские исследователи подчеркивают, что одним из основных положений марксизма в национальном вопросе, что отражено и в их концепциях национальных отношений, является «отрицание любых привилегий какой бы то ни было нации или национальности и требование равенства, взаимного уважения, а не превосходства»⁴³.

Данное положение приобретает особую актуальность в связи с попытками правящих кругов западных стран осуществлять паллиативные меры, как, например, «программы позитивных действий» (США и Канада), неотложная программа мероприятий (ФРГ) и др., которые якобы должны способствовать улучшению социально-экономического положения выходцев из других стран,— те мероприятия, которые, согласно буржуазным концепциям многокультурности или культурного плюрализма, способны преодолеть напряженность в этнонациональной ситуации. В действительности (что подтвердила практика осуществления названных мероприятий в США и Канаде) их вклад в улучшение положения многомиллионных масс этой категории населения остается незначительным, зато заметно возросла напряженность в отношениях между представителями разных национальных меньшинств и этнических групп. Поэтому коммунисты полиэтнических стран Запада в своих концепциях особое внимание обращают на условия, в которых могут быть достигнуты единство действий, совместные выступления местных жителей и иммигрантов и их потомков различного национального происхождения.

Ученые-марксисты, оценивая участие выходцев из других наций в социальной, общественной и политической жизни стран Западной Европы и Северной Америки, особо подчеркивают те моменты, которые способствуют консолидации усилий в борьбе против дискриминации по национальному признаку. Они считают, что социальное происхождение представителей разных наций играет главенствующую роль в процессе их объединения. По этому поводу американский марксист Ч. Клемм, в частности, пишет: «Рабочие — независимо от того, родились ли они за пределами нашей страны или в ней — как класс являются составной частью нашей национальной жизни, главной движущей силой ее будущего. И здесь важно не их происхождение, а то, кому

они служат — народу или капитализму»⁴⁴.

Французские коммунисты, конкретизируя возможные пути объединения представителей коренной национальности и иммигрантов на социальной базе, отмечают такие, как борьба «против любого проявления расизма, за право на постоянную работу, на получение квалификации, на образование, на приличное жилье в городах»⁴⁵. Эти пути типичны и для США, Канады, ФРГ, Великобритании так же, как и тот путь, на котором происходит объединение и на котором акцентирует ФКП: «... прочную основу для объединения представляет собой борьба за мир и разоружение, за новое сотрудничество со странами «третьего мира» с целью дать им возможность залечить язвы нищеты и массовой эмиграции»⁴⁶. Акцентирование внимания на всех этих моментах важно также и в плане критики несостоятельности утверждений буржуазных авторов о приоритете в процессе такого объединения этнического происхождения.

Свидетельством тому, что марксисты — как ученые-теоретики, так и практики — в подобном объединении видят залог успеха осуществления своих концепций национальных отношений, являются материалы съездов коммунистических партий всех без исключения западных стран, теоретические разработки, в которых эти моменты занимают весьма важное место. К цитируемым материалам съездов компартий США, Канады, Франции, Великобритании, подтверждающим высказанную мысль, можно добавить довольно четкое и определенное положение Мангеймского (1978 г.) съезда Германской коммунистической партии по рассматриваемому нами вопросу, занесенное в Программу: «ГКП требует для иностранных рабочих и их семей равноправного участия в политической, социальной и культурной жизни Федеративной Республики. Она решительно борется против любой формы дискриминации и любых попыток с помощью националистической истерии вбить клин между немецкими и иностранными рабочими... ГКП выступает за солидарность и совместные действия немецких и иностранных рабочих»⁴⁷.

Поскольку, по прогнозам марксистских исследователей, в ФРГ и в будущем будет сохраняться относительно высокий уровень применения дешевого труда иностранных рабочих⁴⁸, а значит, и их доля в рабочем классе страны, то вопросы единства и солидарности немецких рабочих и «гастарбайтеров» будут актуальными для рабочего, как и всего демократического движения этой страны. И в этой связи коммунистам предстоит провести огромную работу в среде рабочего класса коренной национальности и пришлых рабочих, ведь «преодолеть расизм как одну из главных язв капиталистической общественной формации может и должен

прежде всего рабочий класс. В его собственных интересах освободить мир от межнациональных и межрасовых конфликтов и объединить все нации и расы в единый фронт борьбы против угнетателей»⁴⁹.

На примере позиции ученых-марксистов в вопросе о возможностях объединения угнетенных национальных меньшинств и иммигрантов в борьбе за свои права со всей очевидностью проявляется связь теории и практики: если речь идет о необходимости объединения общих усилий в борьбе за равенство, то это не только объективное их желание, но и отражение реальной практики — ведь в истории формирования современного этнонационального состава населения таких стран, как США, Канада, Великобритания и других, совместная борьба представителей разных национальностей всегда имела место, и более того, именно такая борьба приносила наиболее ощутимые успехи⁵⁰.

Данное обстоятельство — построение концепций с учетом реалий действительности — отличительная черта марксистских концепций не только в упомянутом аспекте, но и в других. Прежде всего, когда речь идет о перспективах их реализации, которые марксисты связывают с социалистическим строем. И опять же это убеждение строится на базе существующей практики — преодоление межнациональных конфликтов, решение острых этнонациональных проблем, как и национального вопроса в целом, достигнуто в социалистическом государстве — Союзе Советских Социалистических Республик. Реалистичность марксистских концепций определяется одним чрезвычайно важным фактором — они строятся с учетом как источников, порождающих те или иные явления в сфере национальных отношений, так и результатов реализации действия этих источников. При этом первые представляют основу, на которой складывается соответствующая этнонациональная ситуация. Отсюда и обоснованный вывод марксистов о том, что решение этнонациональных проблем в современном капиталистическом мире невозможно без решения экономических и социальных проблем эксплуататорского общества. В этом еще одно типичное отличие марксистских концепций этнонационального развития от выдвигаемых буржуазными учеными и идеологами. Если последние обосновывают возможность частичного разрешения острых национальных проблем в капиталистическом государстве, замену конфликта миром, то первые указывают пути полного решения существующих в буржуазном обществе национальных проблем — через построение социализма.

Марксистские концепции национальных отношений отличаются еще одной характерной чертой — преемственностью основополагающих принципов

их формирования. Это можно со всей очевидностью проследить на примере программных положений коммунистических партий США, Канады, ФРГ и других стран. Например, начиная с 50-х гг. канадские коммунисты развивали и отстаивали концепцию двух наций и интеграцию в них многочисленных национальных групп местного и иммигрантского происхождения⁵¹. Подобное постоянство свойственно и американским коммунистам, отстаивающим свою точку зрения относительно многорасового полиэтнического характера американской нации и необходимости признания вклада в развитие всех национальных меньшинств и иммигрантов; оно характеризует и позицию английских коммунистов, выступающих за равноправие шотландской и валлийской наций; коммунистов Франции, призывающих к объединению представителей различных наций и народов в борьбе за свои права на социальной основе и т. д. На этом фоне особенно очевидно проявляется свойственная буржуазным концепциям конъюнктурная (в угоду господствующему классу) трактовка современных этнонациональных процессов и выработка именно таких моделей этнонационального развития, которые, по словам В. И. Ленина, «могут создать национальный мир в капиталистических государствах»,⁵² т. е. частично приглушить остроту национальных проблем, но не ликвидировать источник их порождения. В этом сравнении еще более четко обнаруживается объективная закономерность выводов марксистских концепций о возможностях и путях решения национального вопроса, их жизненность и классовая преданность интересам широких слоев трудящихся полиэтнических стран капиталистического мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ этнонациональной ситуации в капиталистических странах с многоэтничным составом населения в 70—80-е гг. свидетельствует о ее сложности и неоднозначности. Национальные проблемы в условиях современного западного общества остаются одними из наиболее острых, в чем убеждают сохраняющаяся социально-этническая дискриминация и наличие отчетливо выраженной консервативно-шовинистической тенденции в полиэтнических структурах стран Запада; углубление конфликтности в отношениях между господствующими нациями и угнетаемыми национальными меньшинствами и иммигрантскими группами; активизация борьбы этнонациональных групп за свои права. Этнонациональная ситуация усугубляется под воздействием научно-технического прогресса, входе осуществления которого ужесточается конкуренция за рабочие места и в

первую очередь между местной и пришлой рабочей силой. Искусственно создаваемый дефицит рабочих мест в так называемом вторичном секторе капиталистической экономики, где сосредоточена основная масса иммигрантов, ведет к возникновению и культивированию такого явления в межэтнических отношениях, как этнический антагонизм. Последнее вносит немалые трудности в объединение трудящихся различного национального происхождения в борьбе против угнетения и эксплуатации, способствует расколу многоэтнического пролетариата.

Эта итоговая оценка ситуации в сфере межрасовых и межэтнических отношений еще раз подтверждает основополагающий вывод классиков марксизма-ленинизма о неискоренимости национального неравенства в условиях общества, покоящегося на классовом антагонизме. Производными от этого являются вспыхивающие в различных точках драматические конфликты и практически постоянно действующие очаги напряженности.

Правящие круги развитых капиталистических стран пытаются навязать широкой общественности мысль о том, что якобы национальный вопрос исторически и глобально вообще разрешить невозможно, что он извечен, а значит — не имеет перспективы к кардинальному изменению существующего положения. Цель подобных устремлений очевидна — внушить мысль о бесцельности борьбы за устранение из жизни общества острых национальных проблем и неизбежности смириться с угнетенным положением миллионов граждан другого, чем господствующая нация, этнического происхождения.

Рассмотрение буржуазных интерпретаций этнонациональной ситуации, межэтнических отношений и государственной политики в этой сфере показывает, что последняя в значительной степени инкорпорирует многие моменты, содержащиеся в концепциях западных ученых. В данной взаимосвязи усматривается служебное значение современной зарубежной этнологической науки. Скажем, приверженцы концепции интеграционного развития межэтнических отношений усиленно популяризируют мысль о возможностях бесконфликтной интеграции выходцев из различных регионов мира в основное русло социально-политической жизни стран поселения. Главная идея концепции состоит в том, что капиталистическое общество такие возможности предоставляет, а если и возникают какие-то трения и сложности, то они относятся на счет этнокультурного своеобразия представителей других стран. Сторонники буржуазной концепции конфликтного состояния межнациональных отношений, на первый взгляд, признают факт социальной дискриминации как источник конфликта в межэтнических отношениях, прежде всего между доминирующим большинством и подчиненным меньшинством, но

в конечном итоге все усилия сводятся к утверждению, что конфликт порождается их этнокультурной несовместимостью. После таких признаний становится очевидным, что дискриминация фиксируется как объективно существующая реальность, но в редких исключениях буржуазные исследователи идут дальше и ищут причины, ее порождающие. Распространению расистских предрассудков в странах капитализма способствует не только сама деятельность расистско-шовинистических организаций, типа ку-клукс-клан в США, «Национальный фронт» в Великобритании и Франции, неонацистские группировки в Федеративной Республике Германии и т. д., но и некоторые буржуазные ученые, утверждающие невозможность искоренения расистских убеждений и отстаивающие тезис о всеядности этого феномена, якобы свойственного всему белому населению Великобритании.

Результаты проведенного исследования, в котором подвергаются критическому анализу воззрения многих западных этносоциологов, свидетельствуют о наличии двух тенденций в интерпретации тех или иных аспектов современного этносоциального развития полиэтнических стран капитализма. Исходя из одной и той же методологической базы, одни ученые подходят к освещению этнонациональной ситуации с более консервативных позиций (Р. Шермерхорн, Ф. Нельсен, Э. Лайфер и др.), чем другие, например, сторонники многофакторного подхода (Э. Бонасич, М. Пиоре, П. Дерингер, С. Уолмэн).

В первом случае очевиден канонический подход, явная запрограммированность на доктринизацию концепций и их использование в государственной практике (концепция многокультурности и «третьей силы» в Канаде; «плавильного котла» в США). В другом — наблюдается некоторый отход от устоявшихся канонов буржуазной науки, проявляющийся в попытках привлечь к анализу тех или иных явлений факторы, воздействие которых ранее не учитывалось, как, например, сфера производственных отношений, социальная стратификация, классовое разделение капиталистического общества. Правда, данные попытки, которые можно определить как новые подходы в исследовании этнонациональных проблем, не оказывают решающего влияния на объективизацию их оценки, поскольку, скажем, в определении классов они исходят не из факта отношения групп населения к средствам производства, а отталкиваются от размера доходов, что приводит к методологически неверному выводу о существовании неких высшего, среднего, низшего классов. Данное обстоятельство позволяет легко подменять классовые понятия в их марксистском толковании этническими, и недаром многие

буржуазные авторы так называемую этническую солидарность ставят выше, чем совместные действия трудящихся, базирующиеся на классовой основе.

Расплывчатость терминологическо-понятийных определений явлений в общественной жизни капиталистических стран, стремление придать всеобщность этнонациональным проблемам, независимо от социально-экономических систем, характерная для большинства анализировавшихся в книге буржуазных концепций, влечет за собой попытки строить «универсальные» модели этносоциального развития, якобы приемлемые не только для полиэтнических стран капиталистического мира, но и стран социализма. Подобным попыткам буржуазных идеологов и исследователей дан в советской литературе аргументированный отпор, показана концептуальная несостоятельность подобного моделирования, упрежденность и идеологическая заданность «критики» национальных отношений в социалистических странах с многоэтничным составом населения, прежде всего в СССР¹. Выявленные расхождения в теории и практике национальных отношений в капиталистическом мире не только подтверждают несостоятельность господствующих буржуазных интерпретаций этнонациональной ситуации в своих странах, но и обнажают бесперспективность выдвигаемых западными авторами всеобщих моделей этносоциального развития.

Западная этносоциология и политология, не говоря уже о профессиональных советологах, усмотрела благоприятную возможность оживить постулат о неустранимости межнациональной вражды и конфликтности в СССР, эксплуатирует имевшие место в Казахстане, Прибалтике, Нагорном Карабахе антиобщественные эксцессы, местничество и кумовство, отклонения в кадровой политике и воспитательном процессе, обстоятельно оцененные в партийно-государственных документах последнего времени. Сложности, сопутствующие развитию межнациональных отношений в этих документах отнюдь не умаляются: «Сегодня, когда революционные процессы обновления охватывают все стороны жизни общества, своевременное решение возникающих проблем в сфере национальных отношений приобретает важнейшее значение. Любое проявление шовинизма и национализма, национальной замкнутости и чванства должно рассматриваться как посягательство на величайшее завоевание социализма — братскую дружбу народов, интернациональное единство советского общества»². Названные проявления чужды его природе, сколько бы ни утверждали обратное недруги социализма. Это неоспоримо доказывает 70-летний опыт развития Советского многонационального государства, обеспечившего решение сложнейших проблем искоренения национального неравенства и разобщенности, являющего

собой пример взаимодействия народов в их движении к общей цели. Возникающие на этом пути сложности властно напоминают о необходимости преодоления догматической приверженности к застывшим формулам, постоянного творческого осмысления прошлого и настоящего применительно к нашему опыту, так и в международном контексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

¹ *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // Поли. собр. соч. — Т. 24. — С. 123.

² Государственная политика и обострение национальных отношений в странах развитого капитала. — Киев: Наук, думка, 1979. — 315 с.

³ *Smith A.* The ethnic revival in the modern world. — Cambridge: Cambridge Univ. press, 1981. — 240 p.

⁴ Harvard encyclopedia of American ethnic groups. — Cambridge; London: Harvard Univ. press, 1981. — 25, 1076 p.; *Cashmore E. E.* Dictionary of race and ethnic relations. — London: Routledge and Kegan Paul, 1984. — 294 p.

⁵ Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки. — Киев: Наук, думка, 1985. — С. 62—115.

⁶ Правда. — 1987. — 3 нояб.

⁷ Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. — Киев: Наук, думка, 1984. — С. 87—112.

⁸ *Таболіна Т. В.* Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциальных концепций. — М.: Наука, 1985. — 152 с; *Таболіна Т. В.* Биологизация этнического в американской этносоциологии // Расы и народы. — М.: Наука, 1985. — 15. — С. 56—77; *Червонная С. А.* Обострение национальных противоречий в США и американская социология // Расы и народы. — М.: Наука, 1984. — 14. — С. 130—147; *Шлепаков А. Н.* Расово-национальные проблемы США: итоги и перспективы исследований советских американистов // Изучение национальных отношений в зарубежных странах. — М.: Наука, 1985. — С. 163—177; *Евтух В. Б.* Иммиграция и национальные отношения в истории Канады // Проблемы историографии Канады. — М.: Наука, 1981. — С. 103—132; *Евтух В. Б.* Историография национальных отношений в США и Канаде (60—70-е гг.). — Киев: Наук, думка, 1982. — 160 с; *Євтух В. Б.* Буржуазні теорії асиміляції в історичному розвитку США // Історичні дослідження: зарубіжна історія. — К:

Наук, думка, 1977. — 3. — С. 44—54; *Євтух В. Б., Шамиур О. В.* Буржуазні теорії і концепції етносоціального розвитку США // Народна творчість і етнографія. — 1982. — № 4. — С. 45—48; *Чертина З. С.* Национальные отношения при социализме в буржуазной историографии США. — М.: Наука, 1982. — 141 с.

⁹ *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. — М.: Наука, 1983. — 412 с; *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. — М.: Наука, 1981. — 390 с.

¹⁰ *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. — М.: Наука, 1979. — 288 с.

К главе II

¹ *Young D.* American minority peoples: a study of racial and cultural contacts in the United States. — New York: Harper and Brothers, 1932. — 304 p.; *Lohman J. D., Reitzes.* Note on race relations in mass society // American Journal of Sociology. — 1952. — P. 58; *Wilner D. M., Walkley R., Cook S. W.* Human relations in interracial housing: a study of the contact hypothesis. — Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1955. — 205 p.

² *Симпсон Док., Ингер Дж. М.* Социология расовых и этнических отношений // Социология сегодня. Проблемы и перспективы. — М.: Прогресс, 1965. — С. 417; *Race as news.* — Paris: The UNESCO press, 1974. — P. 56.

³ *Ethnicity. InterCOСТА glossary. Concepts and terms used in ethnicity research/Ed. by Riggs F. W.* — Honolulu; Hawaii, 1985. — 205 p.; *Ethnicity atwork/Ed. by Wallman S.* — London; Basingstoke: The Macmilan press ltd. — 252 p.; *Wilpert C.* International migration and ethnic minorities: new fields for post-war sociology on the Federal Republic of Germany // Current Sociology. — 1984. — Vol. 32. — N 3. — P. 305—352.

⁴ *Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.* Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. — М.: Наука, 1984. — С. 25, 27, 33, 199.

⁵ *Stryker Sh.* Symbolic interactionism: Themes and variations // Social psychology: sociological perspectives / Ed. by Rosenberg M. and Turner R. H. — New York: Basic Books, 1981. — P. 5.

⁶ *Interethnic communication / Ed. Lamar R. E.* Athens: The Univ. of Georgia press, 1978. — P. 5.

⁷ *Breton R.* The structure of relationships between ethnic collectivities // *Driedger L.* The Canadian ethnic mosaic. — Toronto: McClelland and Stewart, 1978. — P. 56—57.

⁸ *Abu-Laban B., Mottershead D.* Cultural pluralism and varieties of

ethnicpolitics//Canadian Ethnic Studies (далее — CES). — 1981. — Vol. 8. — N 3.—P. 47.

⁹ *История США: В 4 т. — М.: Наука, 1983. — Том 1. — С. 326—355.*

¹⁰ *Данилов С. Ю. Двухпартийная система Канады: тенденции развития. — М.: Наука, 1982. — С. 82—88; Евтух В. Б. Политика Квебекской партии в условиях обострения национального вопроса в Канаде // Социальная природа буржуазных партий в современном капиталистическом мире. — Киев: Наук, думка. — 1980. — С. 162—181.*

¹¹ *Race as news. — P. 57.*

¹² *Гроздова И. И. Шотландцы. Тенденция этнического развития // Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. — М.: Наука, 1981. — С. 11—34; Павличук Е. И. Национализм и националистические теории в Бельгии // Критика буржуазных теорий национализма и расизма. — М.: Мысль, 1976. — С. 146—170.*

¹³ *Liebertson S. A societal theory of race and ethnic relations // American Sociological Review (далее — ASR). — 1961. — Vol. 26. — N 6. — P. 904.*

¹⁴ *Schermerhorn R. A. Comparative ethnic relations. A framework for theory and research. — Chicago; London: The Univ. of Chicago press, 1978. — P. 23.*

¹⁵ *Understanding minority — dominant relations. — Sociological contributions / Ed. by James D. F. — Arlington Heights: AHM, 1979. — P. 15.*

¹⁶ *Liebertson S. Stratification and ethnic groups // Sociological Inquiry. — 1961. — N 40. — P. 172.*

¹⁷ *Симпсон Дж., Ингер Дж. М. Указ. соч. — С. 439.*

¹⁸ *Barber V. Social stratification. — New York; Harcourt, Brace. — 1957. — P. 317.*

¹⁹ *Симпсон Дж., Ингер Дж. М. Указ. соч. — С. 440.*

²⁰ *Труфанов И. П. О некоторых тенденциях в исследовании этносоциальных процессов в США // Советская этнография (далее — СЭ). — 1972. — № 4. — С. 175—179; Бадалян И. А. Некоторые методологические аспекты этнической проблематики в работах современных социологов и этнографов Запада // СЭ. — [1976. — № 1. — С. 155—164; Таболина Т. В. Этническая проблематика в современной американской науке. — М.: Наука, 1985. — С. 23—37.*

²¹ *Newman W. Theoretical perspectives for the analysis of social pluralism // The Canadian ethnic mosaic. A quest for identity / Ed. Driedger L. — Toronto-McClelland and Stewart, 1978. — P. 49.*

²² *Ibid.*

²³ *Евтух В. Б. Буржуазная концепция сегментированного характера рынка*

труда в полиэтнических странах капитала//Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы. — Киев: Наук, думка, 1987 — 13 — С. 34—43.

²⁴ *Wilpert C.* Minorities influence on the majority: reactions of the majority in political, institutional and social scientific spheres//Minorities: community and identity/Ed. Fried C — West Berlin: Springer Verlag, 1983. — P. 180.

²⁵ *Race, poverty and the urban underclass / Ed. by Cottingham C.* — Lexington; Toronto: Lexington Books, D. C. Heath and Company, 1982.— P. 22.

²⁶ Государственная политика и обострение национального вопроса в развитых странах капитала. — Киев: Наук, думка, 1979. — С. 146—147; Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. — Киев: Наук. думка, 1984. — С. 154—182.

²⁷ Исторические судьбы американских индейцев. — М.: Наука, 1985. — С. 275—293; Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки. — Киев: Наук, думка, 1985. — С. 36—61.

²⁸ *Schooler C.* Serfdom's legacy: an ethnic continuum //American Journal of Sociology (далее — AJS). — 1976. — Vol. 81. — N 6. — P. 1 265.

²⁹ *Luhman R., Gilman S.* Race and ethnic relations. The social and political experience of minority groups. — Belmont: Wadsworth, 1980. — P. 60.

³⁰ *Ibid.* — P. 61.

³¹ *Breton R., Reitz J., Valentine V.* Cultural boundaries and cohesion of Canada. — Montreal: The Institute for research on public policy, 1980. — P. 76.

³² Harvard encyclopaedia of American ethnic groups. — Cambridge; London:Harvard Univ. press, 1981. — P. 821.

³³ *Race as news.* — P. 56.

³⁴ *Lieberson S.* Stereotypes: Their consequences for race and ethnic interaction//Social structure and behavior: essays in honor of William Hamilton Sewell. — New York: Academic press, 1982. — P. 51.

³⁵ *Breton R., Reitz J., Valentine V.* Op. cit. — P. 13.

³⁶ *Apostle R. A., Glock Ch. Y., Piazza Th., Suelzle M.* The anatomy of racial attitudes. — Berkley; Los Angeles: Univ. of California press, 1983. — P. 1.

³⁷ *Геевский И. А., Червонная С. А.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни США. — М.: Наука, 1985. — С. 79—121.

³⁸ *Dinnerstein L., Reimers D. M.* Ethnic Americans. A history of immigration and assimilation. — New York: Harper and Row, 1982. — P. 144.

³⁹ *Apostle R. A., Glock Ch. Y., Piazza Th., Suelzle M.* Op. cit. — P. 17—18.

⁴⁰ *Ibid.* — P. 40.

⁴¹ *Gaspard F., Schreiber S. C.* La fin des immigrés. — Paris: Seuil, 1984. — P.

157.

⁴² *Евтух В. Б.* Международная конференция «Этнические процессы в современном мире»//СЭ, 1987. — № 2. — С. 134—139.

⁴³ *Husbands C.* „Race" in Britain. — London: Hutchinson, 1982. — P. 19—20.

⁴⁴ *The empire strikes back.* Centre for Contemporary Cultural Studies. — London: Hutchison, 1982. — P. 48—49.

⁴⁵ *Bruwer I. D.* Competing understanding of common sense understanding: a brief comment on „common sense racism" // The British Journal of Sociology. — 1984. — Vol. 35, N 1. — P. 70.

⁴⁶ *Krickus R.* Pursuing the American dream. White ethnics and the new populism. — Bloomington; London: Indiana Univ. press, 1976. — 424 p.; *Petropoulos N.* The „white ethnic racism" thesis//The Greek Review of Social Research. — 1978. - N 32. — P. 90—102. .

⁴⁷ *Cohen R.* Ethnicity: problem and focus in anthropology//Annual Review of Anthropology. — 1978. — N 7. — P. 392.

⁴⁸ *Allport G. W.* The nature of prejudice. — Cambridge: Addison—Wesley, 1954. — P. 13.

⁴⁹ *Таболкина Т. В.* Этническая проблематика в современной американской науке. — С. 80.

⁶⁰ *Horton J.* Commentary and debate. Order and conflict theories of social problems and competing ideologies// (AJS). — 1966. — V. 71. — P. 701—713.

⁵¹ *Berghe Van den P.* Dialectic and functionalism: toward a theoretical synthesis//AS R. — 1963. — Vol. 28. — P. 695—705.

⁵² *Schermerhorn R. A.* Op. cit. — P. 20.

⁵³ *Leifer E. M.* Competing models of political mobilization: the role of ethnicities//AJS. — 1981. — Vol. 87. — N 1. — P. 24.

⁵⁴ *Breton R., Reitz I., Valentine V.* Op. cit. — P. 3.

⁵⁵ *Dahrendorf R.* Class and class conflict in industrial society. — Stanford: Stanford Univ. press, 1959. — P. 161—162.

⁵⁷ *Schermerhorn R. A.* Op. cit. — P. 66.

⁵⁸ *Ibid.* — P. 82.

⁵⁹ *Ibid.* — P. 72.

⁶⁰ *Тишков В. А.* Англо-французское двуязычие в Канаде //СЭ. — 1985. — № 4. — С. 47—56; *Щукина Е. А.* О некоторых итогах лингвистической реформы в Канаде//США: ЭПИ. — 1985. — № 1. — С. 108—113.

⁶¹ Канада на пороге 80-х гг. — М.: Наука, 1979. — 395 с.

⁶² *Ethnicity: theory and experience*/Ed. by Glazer N., Moynihan D. P. — Cambridge; London: Harvard Univ. press, 1975. — P. 7; *Two nations, many cultures:*

ethnic groups in Canada/Ed. by Elliot J. — Scarborough, 1979. — P. 168—169;
Leifer E. Op. cit. — P. 24.

⁶³ *Leifer E.* Op. cit. — P. 24.

⁶⁴ Auslanderpolitik. Fakten, Rechte, Pflichten, Argumente. — Bonn: Bundesminister für Arbeit und Sozialordnung, 1985. — S. 12.

⁶⁵ Ibid. — S. 11.

⁶⁶ *Berrocal L.* Marche du travail et mouvements migratoires. — Bruxelles: Editions de l'université de Bruxelles, 1983. — P. 158—159.

⁶⁷ *Apitzsch G., Dittmar N.* Integration or repatriation? // The Courier. — 1985. — Sept. — P. 18—20; *Oepen M.* Media, migrants and marginalization: the situation in the Federal Republic of Germany // International Migration Review (далее — IMR). — 1984. — Vol. 18. — N 1. — P. 113.

⁶⁸ *Wong L.* Canada's questworkers: some comparisons of temporary workers in Europe and North America // IMR. — 1984. — Vol. 18. — N 1. — P. 85—98.

⁶⁹ *North D. S.* Nonimmigrant workers visiting labor force participants // Monthly Labor Review. — 1980. — Vol. 103. — N 10. — P. 26—30.

⁷⁰ *Heiss I.* Factors related to immigrant assimilation: premigration traits // Social Forces. — 1969. — Vol. 4. — P. 422.

⁷¹ *Barth F.* Ethnic groups and boundaries: the social organization of cultural difference. — Boston: Little Brown, 1969. — 340 p.

⁷² *Kelner M.* Ethnic penetration into Toronto's elite structure // Social stratification: Canada/Ed. Curtis I. S., Scott W. G. Scarborough, 1973. — P. 100.

⁷³ *Тушков В. А.* Освободительное движение в колониальной Канаде. — М.: Наука, 1978. — 384 с; *Сороко-Цюна О. С.* История Канады. — М.: Высшая школа, 1985. — С. 8—13.

⁷⁴ *Євтух В. Б.* Вплив науково-технічної революції на структурну асиміляцію етнічних груп США і Канади // Историчні дослідження (Зарубіжна історія). — К.: Наук, думка, 1976. — 2. — С 71—78.

⁷⁵ *Warner W. L., Srole L.* The social systems of American ethnic groups. — Westport (Con.); Greenwood press, 1976. — P. 284—285.

⁷⁶ *Арутюнян Ю. В., Дробижска Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А.* Указ. соч. — С. 214.

⁷⁷ *Kwong I.* Ethnic organization and community transformation: The Chinese in Winnipeg // Ethnic and Racial Studies. — 1984. — Vol. 7. — N 3. — P. 380—383.

⁷⁸ *Barth F.* Op. cit. — P. 10.

⁷⁹ *Leifer E.* Op. cit. — P. 25.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ *Wallman S.* Living in South London: Perspectives on Battersea, 1871—1981.

— London: Gower, 1982. — P. 9.

⁸² *Kornblum W.* Blue collar community. — Chicago; London: Univ. of Chicago press, 1974. — P. 14.

⁸³ *Understanding Canada. A multidisciplinary introduction to Canadian studies / Ed. by Metcalfe W.* — New York; London: New York Univ. press, 1982. — P. 375.

⁸⁴ *Parenti M.* Ethnic politics and the persistence of ethnic identification//*The American Political Science Review.* — 1967. — Vol. 61. — N 3. — P. 721.

⁸⁵ *Старовойтова Г. В.* О формировании татарской этнодисперсной группы в населении Ленинграда. — СЭ. — 1980. — № 1. — С. 34—45.

⁸⁶ *Luhman R., Giltman S.* Op. cit. — P. 131.

⁸⁷ *Ibid.*

⁸⁸ Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. — Киев: Наук. думка, 1984. — 252 с; Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки. — С. 21—35; *Immigrant workers in Europe: Their legal status.* — Paris: UNESCO. — 1982. — 172 p.

⁸⁹ *Ethnicity: theory and experience.* — P. 7; *Strauss H.* Changing images of the immigrant in the USA//*Amerikastudien.* — 1976. — Jahrgang 21. — Heft 1.—S. 137.

⁹⁰ *Ibid.*

⁹¹ Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. — С. 21—35.

⁹² Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки. — С. 36—61.

⁹³ *Breton R., Beitz I., Valentine V.* Op. cit. — P. 77.

⁹⁴ *Galtung I.* Violence, peace and peace research//*Journal of Peace Research.* — 1969. — N 6. — P. 167—191.

⁹⁵ *Ленин В. И.* Национальный вопрос в нашей программе//*Полн. собр.соч.* — Т. 7. — С. 239.

⁹⁶ *Lieberson S.* A societal theory of race and ethnic relations//*ASR.* — 1961.— V. 26. — P. 902—910; *Schermerhorn R. A.* Comparative ethnic relations. A framework for theory and research. — Chicago, London: The Univ. of Chicago press, 1978. — 325 p.; *Hechter M.* Group formation and the cultural division of labor//*AJS.* — 1978. — Vol. 83. — N 2. — P. 293—318; *Glazer N.* Ethnic dilemmas. 1964—1982. — Cambridge (Mass.), London: Harvard Univ. press, 1983. — 359 p.; *Migration and development. Implications for ethnic identity and political*

conflict/Safa N. I., Du Toit B. (eds.). — The Hague, Paris: Mouton publishers, 1983. — 352 p.; *Rex I.* Race relations and minority groups: some convergences // *Race Relations Journal*. — 1981. — Vol. 33. — N 2.

⁹⁷ Understanding minority — dominant relations. — P. 70; *Schermerhorn R. A.* Op. cit. — P. 40; *Nielsen F.* Op. cit. — P. 79.

⁹⁸ *Liebersohn S.* Stratification and ethnic groups. — P. 175.

⁹⁹ *Геевский И. А., Червонная С. А.* Национальный вопрос в общественно-политической жизни США. — С. 44—78; Отверженные XX века. Положение расовых меньшинств в индустриально развитых капиталистических странах // *Проблемы мира и социализма*. — 1986. — № 7. — С. 92—94; *Євтух В. Б.* Без правана майбутнє. — Львів: Вища школа, 1985. — 82 с; *Immigrant workers in Europe: Their legal status.* Paris: UNESCO, 1982. — 172 p.

¹⁰⁰ *Schermerhorn R. A.* Op. cit. — P. 40.

¹⁰¹ *Ibid.* — P. 51.

¹⁰² *Liebersohn S.* Theory of race and ethnic relations. — P. 904—907.

¹⁰³ *Apitzsch G., Ditimar N.* Op. cit. — P. 20.

¹⁰⁴ *Canadian Ethnic Studies Association Bulletin*. — 1982. — Vol. 9. — N 4. — P. 13.

¹⁰⁵ *Bissekri F.* La situation actuelle de Immigration algerienne face a la crise europeene//L'emigration magrebine en Europe. Exploitation or cooperation? — Alger: Societe nationale d'edition et de diffusion. — P. 96.

¹⁰⁸ *Miles R.* The struggle against discrimination//*The Courier*. — 1985. — Sept. — P. 23.

¹⁰⁷ *Piore M.* Notes for a theory of labor market stratification // *Labor market segmentation* / Ed. Edwards R. Reich M., Gordon D. — Lexington (Mass.), Toronto, London: D. C Heath and Company, 1975. — P. 125.

¹⁰⁸ *Doeringer P., Piore M.* Internal labor markets and manpower analysis. — Lexington, 1973. — 342 p.; *Bosanquet N., Doeringer P.* Is there a dual labor market in Great Britain?//*The Economic Journal*. — 1973. — Vol. 83. — N 330. — P. 421—435; *Edwards R. C, Reich M., Gordon D.* Labor market segmentation. — Lexington, 1975. — 21, 298 p.; *Berrocal L.* Marche du travail et mouvements migratoires. — Bruxelles: Editions de L'universite de Bruxelles, 1983. — 200 p.

¹⁰⁹ *Marshall A.* Immigrant workers in the labour market: a comparative analysis//*International Social Science Journal*. — 1984. — Vol. 36. — N 3. — P. 504.

¹¹⁰ *H'dnekopp E., Ullman H.* The status of immigrant workers in the Federal Republic of Germany//*Immigrant workers in Europe: Their legal status*. — P. 132.

¹¹¹ *Севастьянов Е. П., Корсакова Н. Е.* Позолоченное гетто. Очерки из жизни в США эмигрантов из Китая, Кореи и Японии. — М.: Наука, 1983. — С. 40.

¹¹² *Trybuna Ludu.* — 1986. — 7.01.

¹¹³ *Hechter M.* Group formation and the cultural division of labor // *AJS.* — 1978. — Vol. 83. — N 2. — P. 303.

¹¹⁴ *Ibid.* — P. 300.

¹¹⁵ *Time.* — 1983. — Dec. 12. — P. 9. ¹¹⁰ *Trybuna Ludu.* — 1986. — 3.01.

¹¹⁷ *Лит. газ.* — 1986. — 16 июля.

¹¹⁸ *Green V.* The elusive ethnic in recent interpretation//*Journal of American Ethnic History* (далее — *JAЕН*). — 1983. — Vol. 2. — N 2. — P. 77—78.

¹¹⁹ Our kind of people identity. Community and religion on Chestnut Ridge. A study of Native Americans in Appalachia / Ed. McElwain Th. — Turku, 1981.— P. 12.

¹²⁰ *Higham I.* Strangers in the land: patterns of American nativism, 1860—1925. — New Brunswick: Rutgers Univ. pres, 1955. — P. 4.

¹²¹ *Ward P.* White Canada forever. Popular attitudes and public policy toward Orientals in British Columbia. — Montreal: McGill. — Univ. press, 1978. —P. 10.

¹²² Our kind of people identity. — P. 13. , ""

¹²³ *Vecoli R.* Return to the melting pot: eihnicity in the United States in theeighties//*JAЕН.* — 1985. — Vol. 5. — N 1. — P. 9; *Palmer H.* Patterns of prejudice: a history of nativism in Alberta. — Toronto: McClelland and Stev/art. — 1982. — P. 3.

¹²⁴ *Clifton R., Perry R.* Has ethnic prejudice increased in Winnipeg schools? A comparison of Boggardus social distance scales in 1971 and 1981//*CES.* —1985. — Vol. 17. -N3.-P. 74.

¹²⁵ Идеологическая агрессивность антикоммунизма//*Проблемы мира и социализма.* — 1984. — № 8. ■— С. 50—55; *Замошкин Ю. А.* Национализм и особенности национального самосознания в США//*США: ЭПИ.* — 1986. — № 2. —С. 52—64.

¹²⁶ *Американская социология. Перспективы, проблемы, методы.* — М.: Прогресс, 1972. — С. 323.

¹²⁷ *Rosen B. C.* The achievement syndrome: A psychocultural dimension ofsocial stratification//*ASR.* — 1956. — Vol. 21.

¹²⁸ *Rosen B. C* Race, ethnicity and the achievement syndrome//*ASR.* —1959. — Vol. 24. — N 1. — P. 48.

¹²⁹ Противоречия современного американского капитализма и идейная борьба в США. — М.: Наука, 1984. — С. 215.

¹³⁰ *Breton R.* Institutional completeness of ethnic communities and the personal relation of immigrants//AJS. — 1964. — Vol. 70. — N 2. — P. 193.

¹³¹ *Noel D. L.* A theory of ethnic stratification//Social Problems. — 1968.— Fall. —N 16.

¹³² *Breton R.* The structure of relationships between ethnic collectivities//TheCanadian ethnic mosaic. A quest for identity/Ed. Driedger L. — Toronto: McClelland and Stewart, 1978. — P. 55.

¹³³ *Munzer R.* Immigration, familism and in group competition: a study ofthe Portugese in the Southern Okanagan//CES. — 1981. — N 2. — P. 109.

¹³⁴ 1972 Convention report. — National Confederation of American ethnicgroups. — June 3—4. — Washington. — 5 p.

¹³⁵ *Червонная С. А.* Верховный суд и положение меньшинств // США:ЗПИ.—1978. — № 10.— С. 65—67.

¹³⁶ Time. — 1983. — Dec. 12.— PP. 8—12; Trybuna Ludu. — 1986. — 3.01.

¹³⁷ *Bonacich E.* A theory of ethnic antagonism: The split labor market//ASR. — 1972. — Vol. 37. — N 5. — P. 549.

¹³⁸ Ibid. — P. 554.

¹³⁹ Understanding minority — dominant relation. — P. 70—73.

¹⁴⁰ Ethnic identity in a society. — Chicago, 1976. — P. 39—44.

¹⁴¹ *Berghe Van den P.* Dialectic and functionalism: toward a theoretical synthesis//ASR. — 1963. — Vol. 28. — P. 695—705.

¹⁴² *Бромлей Ю. В.* К типологизации этнических процессов // Проблемы в этнографии. — М.: Наука, 1979. — С. 3—11.

¹⁴³ *Polenberg R.* One nation divisible: class, rase and ethnicity in the UnitedStates since 1938. — New York: Viking press, 1980. — 363 p.

¹⁴⁴ *Gurdin B.* Naturalistic categories of ethnic identity in Quebec//Culture,ethnicity and identity: current issues in research/Ed. by McCready W. C — NewYork: Academic press, 1983. — P. 176.

¹⁴⁵ *Duncan B., Duncan O.* Minorities and the process of stratification//ASR.— 1968. — Vol. 33. — N 3. — P. 356—364.

¹⁴⁶ *Lieberson S.* Ethnic patterns in American cities. — New York: Free Press,1963. — 280 p.

¹⁴⁷ *Breton R.* Institutional completeness... — P. 198.

¹⁴⁸ *Babihiski G.* Wiesz etniczna a procesy asymilacji prezemiany organizacjietnicznych. Zagadnienia teoretyczne i metodologiczne. — Warszawa, Krakow:Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. — 174 S.

¹⁴⁹ *Breton R.* Institutional completeness... — P. 199.

¹⁵⁰ *Smith A.* The ethnic revivial in modern world. — Cambridge:

Cambridge Univ. press, 1981.

¹⁵¹ Ibid.

¹⁵² *Schoneberg U.* Participation in ethnic associations: the case of immigrants in West Germany //IMR. — 1986. — Vol. 19. — N 3. — P. 209.

¹⁵³ *Breitenbach B. von.* Die Funktion von Vereinen im Integrationsprozesse von Arbeiterimmigranten. — Frankfurt-am-Main, 1984. — S. 152.

¹⁵⁴ *Шаткульський М.* Українці в Канаді. — Торонто, 1951. — С. 6.

¹⁵⁵ *Dillon W. S.* E pluribus unum? The cultural drama. — Washington: Smithsonian Institution press, 1974. — P. 51.

¹⁵⁶ *Kriesberg L.* Socio-economic rank and behavior // Social Problems. — 1963. — Vol. 10. — P. 334—352.

¹⁵⁷ Ethnicity at work. — P. 19.

¹⁵⁸ *Hechter M., Friedman D., Appelbaum M.* A theory of ethnic collective action //IMR. — 1982. — Vol. 16. — N 4. — P. 413, 416.

¹⁵⁹ Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки. — С. 62—115.

¹⁶⁰ *Бовина Ш. А.* Национальные отношения в США в освещении новой американской литературы //СЭ. — 1967. — № I. — С. 166—171.

¹⁶¹ *Porter I.* Ethnic pluralism in Canadian perspective //Ethnicity, theory and experience. — P. 288—289.

¹⁶² Цит. по: *Schermerhorn R.* Comparative ethnic relation. — P. 33.

¹⁶³ *Schnapper D.* Centralism et federalism culturels: les emigres italiens en France et aux Etats Unis //Annales: Economies, Societes, Civilisations. — 1974. — N 5. — P. 1 158.

¹⁶⁴ Migration and development. Implications for ethnic identity and political conflict /Ed Safa H., Du Foit B. — The Hague; Paris: Mouton publishers, 1975.—P. 130.

¹⁶⁵ *Kornblum W.* Op. cit. — P. 40—42. ¹⁶⁸ Життя і слово. — 1976. — 4 жовт.

¹⁶⁷ Trybuna ludu. — 1986. — 28.01.

¹⁶⁸ *Геевский И. А., Ершова Е. Н., Червонная С. А.* Зреет движение протеста //США: ЭПИ. — 1981. — № II. — С. 66.

¹⁶⁹ *Геевский И. А., Червонная С. А.* Коалиция организаций социального протеста //США: ЭПИ. — 1979. — № 8. — С. 100—1,06.

¹⁷⁰ *Мейерс Дж.* Подули свежие ветры. О сдвигах в американском рабочем движении //Проблемы мира и социализма. — 1986. — № 8. — С. 53—58.

¹⁷¹ *Bech R., Faust R.* Die sogenannten Gastarbeiter. Ausländische Beschäftigte in der BRD. — Frankfurt-am-Main: Marksistische Blätter, 1981. — S. 173.

¹⁷² *Petropoulos N.* Op. cit. — P. 92.

¹⁷³ *Jachman M., Muha M.* Education and intergroup attitudes: moral enlightenment, superficial democratic commitment or ideological refinement? // ASR. — 1984. — Vol. 49. — N 6. — P. 764.

¹⁷⁴ *Clifton R. A., Perry R. P.* Has ethnic prejudice increased in Winnipeg schools? A comparison of Bogardus social distance scales in 1971 and 1981//CES. — 1985. — Vol. 17. — N 3. — P. 77.

¹⁷⁵ *Mcdougall D.* The reduction of prejudice through education: strategies for action in Canada and implication for research//CES. — 1985. — Vol. 17. — N 3.

¹⁷⁶ *Amir Y.* The role of intergroup contact in change of prejudice and ethnic relations // Katz P. A. (ed.) Towards the elimination of racism. — New York: Pergamon press, 1976. — P. 245—308.

К главе IV

¹ Государственная политика и обострение национальных отношений в странах развитого капитала. — Киев: Наук, думка, 1979. — 315 с; Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. — Киев: Наук, думка, 1984. — 292 с; Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки. — Киев: Наук, думка, 1985. — 160 с.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — С- 8.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Соч. — 2-е изд. — Т. 4. — С, 445.

⁴ Международное Совецание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. — М., 1969. — С. 324.

⁵ XXII Национальный съезд Коммунистической партии США. — М.: Политиздат, 1982. — С. 198—199.

⁶ XXIII Национальный съезд Коммунистической партии США. — М.: Политиздат, 1985. — С. 249—250.

⁷ XXV съезд Коммунистической партии Канады. — М.: Политиздат, 1983 —С. 113.

⁸ XXV съезд Французской Коммунистической партии. — М.- Политиздат, 1985. — С. 72.

⁹ Morning Star. — 1977. — Nov.

¹⁰ The road to socialism in Canada. The Program of the Communist Party of Canada. By the Communist Party of Canada. — Toronto, 1972. — P. 19.

¹¹ Ibid. —P. 23.

¹² *Clarke N.* The English Canadian nation // Viewpoint. — 1967. — Vol. 4 —N

3. — P. 24.

¹³ *Kashtan W.* A just and lasting solution of the national question in Canada is possible//Communist Viewpoint. — 1977. — N 1. — P. 15.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Canadian Tribune. — 1977. — March 21.

¹⁶ *Kashtan W.* A principled approach to the national question//Communist Viewpoint. — 1977. — Vol. 9. — N 3. — P. 7.

¹⁷ *Харм Ф.* Единение, а не раскол. О национальном вопросе в капиталистических странах. — Прага: Мир и социализм, 1981. — С. 3,0.

¹⁸ The British road to socialism. Programme of the Communist party. — London, 1978. — P. 41.

¹⁹ *Харм Ф.* Указ. соч. — С. 35.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. — С. 35—36.

²² *Энгельс Ф.* Герману Шлютеру в Нью-Йорк // *Маркс К., Энгельс Ф.* — Соч. — 2-е изд. — Т. 38. — С. 273.

²³ *Aptheker H.* Imperialism and racism: a Wstory//Political Affairs:—1973. — N 7. — P. 75.

²⁴ *Аптекер Г.* Американский негр сегодня. — М.: Изд. иностр. лит., 1963. — 131 с.

²⁵ *Perlo V.* Economics of racism USA. Roots of black inequality. — New York, 1975. — P. 2.

²⁶ *Шютт П.* Мавр сделал свое дело. Существует ли расизм в Федеративной Республике Германии? — М.: Прогресс, 1985. — С. 163.

²⁷ Comment. — 1975. — Dec. 27.

²⁸ XXIII Национальный съезд Коммунистической партии США. — С. 249.

²⁹ Work of communists in national group communities. National Committee Meeting. Communist Party of Canada. — 1965. — Apr. 23—25. — 9 p.

³⁰ Ibid. — P. 3.

³¹ Ibid. — P. 6.

³² *Cohen M.* On the work of communists among ethnic groups//Discussion. — 1964. — N 3. — P. 13.

³³ XXV съезд Коммунистической партии Канады. — С. 119—120.

³⁴ *Cassin A. M., Griffith A. J.* Class and ethnicity: producing the difference that counts//Canadian Ethnic Studies. — 1981. — Vol. 13. — N. 1. — P. 10.

³⁵ Ibid. — P. 113.

³⁶ *Miles R.* Marxism versus the sociology of „race relations“? // Ethnic and Racial Studies. — 1984. — Vol. 7. — N 2. — P. 221.

³⁷ Ibid. — P. 227.

³⁸ *Schmidt K.* Die Anti-Nazi-League-bedeutender Faktor im Kampf gegen Neofaschismus und Rasismus in Grofibritanien. — Fremdarbeiterpolitik des Imperialismus. Н. 15. Wilhelm Pieck — Universitat. — Rostock, 1983. — 86 S.

³⁹ *Харт Ф.* Указ. соч. — С. 37.

⁴⁰ *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // Поли, собр. соч. — Т. 24. — С. 125, 127, 128.

⁴¹ *Lumer H.* Marxism and assimilation // Political Affairs. — 1965. — N 1. — P 39

⁴² Ibid. — P. 40.

⁴³ *Jackson J.* On certain aspects of bourgeois nationalism // Political Affairs. — 1977. — N 9. — P. 39.

⁴⁴ *Klemm Ch.* The foreign born and the nation // Political Affairs. — 1961. — N 6. — P. 37.

⁴⁵ XXV съезд Французской Коммунистической партии. — С. 72.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Мангеймский съезд Германской Коммунистической партии. — М.: Политиздат, 1979. — С. 311.

⁴⁸ *Bech R., Faust R.* Die sogenannten Gastarbeiter. Ansländische Beschäftigte in der BRD. — Frankfurt-am-Main: Verlag Marxistische Blätter, 1981. — S. 193.

⁴⁹ *Шюмм П.* Указ. соч. — С. 168—169.

⁵⁰ Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. — С. 253—262; *Miles R.* The struggle against discrimination // The Courier. — 1985. — Sept. — P. 23; *Yoneda K.* A brief history of U. S. Asian labor // Political Affairs. — 1976. — N 9. — P. 16.

⁵¹ Pour l'autodetermination du Quebec. Plaidoyer marxiste. — Montreal: Editions Nouvelles Frontières, 1978. — P. 85.

⁵² *Ленин В. И.* Тезисы по национальному вопросу // Поли. собр. соч. — Т. 23. — С. 322.

К заключению

¹ *Куличенко М. И.* Нация и социальный прогресс. — М.: Наука, 1983. — 317 с; *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей. — М.: Политиздат, 1982. — 336 с; Коммунизм и нации. — М.: Наука, 1985. — 351 с; *Горовский Ф. Я., Римаренко Ю. И.* Марксистско-ленинская теория нации и социалистическая практика. — Киев: Вища школа, 1985. — 363 с.

² Постановление Центрального Комитета КПСС «О работе Казахской

республиканской партийной организации по интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся»//Правда. — 1987. — 16 июня.

Введение, главы 2, 4, заключение коллективной монографии: Буржуазные концепции национальных отношений в развитых капиталистических странах / А. Н. Шлепаков, В. Б. Евтух, О. В. Шамиур ; АН УССР, Ин-т социал. и экон. пробл. зарубеж. стран. — Київ : Наукова думка, 1988. — 180 с. — Библиогр.: 165-178.

ВОПРОСЫ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ НА СТРАНИЦАХ “ЖУРНАЛА АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ” (1981-1986 ГГ.)

"Журнал американской этнической истории" (The Journal of American Ethnic History—JAЕН) — один из самых новых исторических журналов в США. К настоящему времени в свет вышли 12 его номеров. Первый появился осенью 1981 г. Издание журнала стало объективной необходимостью в связи с расширением и углублением научного интереса к этнической истории США, имевшим место в 60—80-е годы, а интерес этот, в свою очередь, определялся особенностями этносоциального развития страны.

Движение афроамериканцев — наиболее угнетаемого национального меньшинства США — за свои социальные, гражданские и национальные права дало толчок к росту этнического (национального) самосознания и среди множества других этнонациональных групп страны. Они повели активную борьбу за признание своего вклада в экономическое и культурное развитие США. Одной из ее форм стало движение за сохранение черт и элементов культуры и быта страны происхождения.

Непрекращающийся поток новых иммигрантов в значительной степени стимулировал интерес выходцев из различных регионов мира к своему прошлому, который выразился в оживлении деятельности существовавших ранее и появлении новых этнических организаций, в повышении социальной и политической активности иммигрантов и их потомков, в первую очередь интеллигенции. Все это в западной научной литературе было определено как феномен "этнического возрождения"¹. Многие американские ученые, прежде всего специалисты по иммиграции, большое место в своих работах уделяли анализу современных этнонациональных процессов. Результаты этих исследований публиковались в различных исторических и социологических

¹ Smith A. Ethnic Revival. Cambridge, 1981.

журналах, виходящих в США, — в "Американском историческом обозрении", "Журнале американской истории"², "Американском социологическом обозрении" и некоторых других. Специальными периодическими изданиями, полностью посвященными этническим проблемам, являются "Журнал этнических исследований" и "Этничность". Они публикуют материалы преимущественно по современности. С целью восполнения недостающей информации по истории иммиграции и этнонациональных групп и в ответ на интерес к историческому прошлому различных национальностей США в 1981 г. и был основан "Журнал американской этнической истории".

Он является официальным органом Общества по изучению истории иммиграции (ОИИ), которое было создано в США в 1965 г. для содействия исследованиям по истории иммиграции в США и Канаде: ее причин, условий существования этнических групп в североамериканских странах. В 1985 г. ОИИ насчитывало более 700 членов. Членство в Обществе предполагает подписку на журнал. Сам же журнал издается Консорциумом научных периодических изданий, финансирует его Технологический институт Джорджии. Он выходит два раза в год: в апреле и октябре. О назначении журнала в аннотации к нему говорится следующее: "В центре внимания "Журнала американской этнической истории" находится иммигрантская и этническая история североамериканского народа. Ученые приглашаются к передаче журналу рукописей по миграционным процессам (включая и международный опыт, если он касается миграции и жизни групп), по проблемам адаптации и ассимиляции, отношениям между группами, по вопросам мобильности, политики, культуры, идентичности групп, а также по другим темам, которые освещают иммигрантский и этнический опыт Северной Америки". Как явствует из процитированной аннотации, издатели поставили перед журналом довольно широкий круг целей и задач. О том, как издательские замыслы реализуются на практике, речь пойдет несколько ниже. А сейчас, на наш взгляд, необходимо остановиться на чрезвычайно важном структурно-организационном моменте, в значительной степени определяющем лицо и содержание журнала, а именно - на составе его редколлегии и авторах.

Вокруг журнала сгруппировались самые крупные на сегодняшний день в США исследователи этнонациональной проблематики. Репрезентативность этого издания определяется не только высокими именами членов редколлегии, но и авторитетом научных учреждений. В состав редколлегии, возглавляемой Рональдом Бейером (Технологический институт Джорджии), входят такие

² Об этих изданиях см.: Тишков В.А. История и историки в США. М., 1985.

известные в США и за их пределами (в частности и в СССР) ученые, как ведущий американский специалист по иммиграции профессор Гарвардского университета Оскар Хэндлин, исследователь этнической истории США профессор университета Дж. Хопкинса Джон Хайем, крупный теоретик современных этнонациональных процессов профессор Гарвардского университета Натан Глейзер, авторитетные ученые по иммиграции и этносоциальному развитию США на современном этапе Рудольф Веколи (университет Миннесоты), Виктор Грин (университет Висконсина), Стефан Тернстром (Гарвардский университет), Шарлотта Эриксон (Кембриджский университет) и др. Среди 23 членов редколлегии есть и иностранные ученые, например канадские, — Роберт Харни из университета в Торонто и Ховард Пальмер из университета Калгари. Таким образом, в журнале представлены ведущие научные центры, в которых осуществляются интенсивные и эффективные исследования как этнической истории, так и сегодняшних этнонациональных процессов. Члены редколлегии помимо большой организаторской работы выступают на страницах журнала с проблемными дискуссионными статьями (Р. Веколи, Дж. Хайем, С. Тернстром), а также активно рецензируют опубликованные по тематике журнала и близкие к ней книги американских и зарубежных авторов.

Присланные в редакцию материалы направляются редактору в Школу социальных наук Технологического института Джорджии; а рецензии — редактору отдела Рэндоллу Миллеру, работающему в отделении истории университета Св. Джозефа в Филадельфии. По желанию авторы рукописей могут подписывать их, указывая место работы, ученую степень и звания, а могут оставаться анонимными. Статьи, опубликованные в журнале, реферируются, и их резюме и индексы помещаются в сборнике резюме по истории (Хисторикэл эбстрэктс) в разделах: история и жизнь, социальные и психологические науки, искусство и гуманитарные науки, индекс статей по социальным наукам и индекс статей по искусству и гуманитарным наукам.

Опыт пяти лет издания журнала дает возможность проследить, как воплощаются поставленные перед ним цели. Тематически публикуемые материалы можно разделить на такие разделы: этническая история; современные этнонациональные процессы; дискуссии под названием "Форум"; обзоры и рецензии; справочная информация об авторах, новых публикациях по этнической проблематике, о журналах и других периодических изданиях.

Больше всего места в том или ином номере журнала, выходящего на 120—138 страницах, как правило, отводится материалам по этнической истории. В 12 изданных номерах они занимали от 22 до 65%. Каждый номер содержит две-

три статьи, посвященные исследованию различных аспектов этнической истории — механизму иммиграции в США, формированию этнонациональных групп, роли этнических организаций в процессе адаптации переселенцев к новым социально-экономическим условиям, влиянию иммиграции на организованное рабочее движение и другим проблемам. Редко на страницах журнала печатаются статьи по современности, хотя издатели при учреждении журнала ставили и такую задачу. Они появились только в нескольких номерах и занимали всего до 12% объема.

Среди публикаций двух основных рубрик главное внимание уделялось формированию этнических групп иммигрантского происхождения, например, так называемой "Маленькой Италии" в Чикаго — поселениям итальянских иммигрантов; европейской иммиграции; иммигрантским поселениям пуэрториканцев; образованию на территории США ирландских общин. В таких работах авторы используют разнообразный фактический материал, раскрывающий динамику иммиграции из различных стран мира преимущественно в конце XIX — начале XX в. Поскольку в формировании этнических групп в США, особенно на начальном этапе, большую роль играла религия³, то интерес американских этноисториков к религиозным сюжетам представляется естественным. Назовем здесь статьи о значении церкви в ранних польских поселениях, о просветительской деятельности религиозных деятелей — выходцев из Ирландии, о роли религии в духовной жизни иммигрантов-датчан в XIX в. Отметим, что названные темы для этноамериканистики США не являются новыми, они скорее традиционные, и поэтому новый журнал, обращаясь к ним, не отличается особой оригинальностью. А вот публикация материалов, рассказывающих о социально-экономическом положении рабочих-иммигрантов и их попытках организованного сопротивления эксплуатации, в частности статьи об ирландских рабочих-шахтерах в штате Монтана и о месте кубинских и испанских рабочих в развертывании рабочего движения во Флориде в конце XIX в., — явление примечательное. Факты о дискриминационном положении трудовых слоев иммиграции в прошлом веке развенчивают стереотипизированный в сознании эмигрантов миф о США, как о стране, предоставляющей равные возможности для всех, в том числе и для выходцев из других стран. Правда, изложение материала осуществляется в рамках буржуазной методологии: в нем только фиксируются случаи дискриминации, но

³ См. Кислова А.А. Религия в формировании американской нации. - В кн.: Национальные процессы в США. М., 1973.

практически не исследуются ее механизмы и истоки.

Статей о современном этнонациональном развитии североамериканских стран до настоящего времени в журнале опубликовано было мало. Однако специалисты, занимающиеся исследованием этнических процессов в развитых капиталистических странах, прежде всего в США, обратят внимание на своеобразную постановку в них данной проблемы. В этой связи хотелось бы высказать некоторые комментарии по поводу двух статей: Д. Габачча "Родство, культура и миграция: пример иммигрантов из Сицилии" и Р. Вэколи "Возвращение к плавильному котлу: этничность в США в 80-е годы". Первая из них является очень характерным отражением новых тенденций в исследовании этнонациональных процессов американскими авторами, а именно — изучения факторов, влияющих на сохранение этничности⁴, в этом конкретном случае — родственных связей.

Приводимые в статье Р. Вэколи данные убеждают в том, что в 80-е годы в науке и в общественной мысли США наблюдается возвращение к концепции "плавильного котла" как модели этносоциального развития, казалось бы, уже утратившей свою популярность. Дискуссия Р. Вэколи с другими этноисториками, в частности с основателем "новой этнической истории" Дж. Хайемом, направлена на то, чтобы отстоять концепцию "культурного плюрализма", распространение которой отмечалось в 70-е — начале 80-х годов на волне "этнического возрождения" — активизации деятельности этнических организаций, роста этнического самосознания, интереса к историческим корням иммиграции и т.д. Цитируемые в статье слова Дж. Хайема о спаде волны "этнического возрождения" и его высказывания на советско-американском симпозиуме "Роль этничности в современных обществах" по этому же вопросу имеют основания. Возвращение к старой концепции "плавильного котла" обусловлено идеологией консерватизма во внутренней политике администрации Р. Рейгана, ибо "переплавливание" выходцев из разных стран в единую американскую нацию, являющееся ее стержнем, созвучно основным постулатам консерватизма. Объективная оценка перспектив такого поворота в концептуальном осмыслении этносоциального развития США в значительной степени должна увязываться с судьбами консерватизма⁵, а также с другими

⁴ Эта проблема в последнее время вызывает большой научный интерес у ученых разных стран, о чем, в частности, свидетельствует проведение советско-американских симпозиумов "Факторы, влияющие на сохранение этничности" (Киев, 1985 г.), "Роль этничности в современных обществах" (Принстон, 1986 г.) и международных конференций "Этнические процессы в современном мире" (Таллин, 1987 г.).

⁵ Мельвиль А.Ю. США - сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов. М., 1986.

предпосылками, например, с процессом интернационализации труда в условиях научно-технического прогресса. Иными словами, сегодня в США появились условия, позволяющие возвратиться к концепции "плавильного котла", безусловно, в трансформированном виде.

Дискуссионный характер носят и статьи, опубликованные в разделе "Форум". Правда, пока такой раздел присутствовал только в одном выпуске (1985, т. 4, № 2). Напечатанные в нем материалы были посвящены актуальной для американской этносоциологии теме — сущности ассимиляционных процессов на современном этапе. Оливер Цанц высказал мнение о том, что ассимиляция в США сегодня приобретает несколько иной характер и, несмотря на рост этничности, остается главной тенденцией в этнонациональных процессах американского общества. Сравнивая сущность этничности в XIX в. и во второй половине XX в., О. Цанц открыл закон "двойственной возможности" ее проявления, характерный для прошлого века. По его мнению, в XIX в. существовало две возможности сохранения этничности: в поселениях иммигрантов и в процессе производственной деятельности, поскольку вновь прибывавшим иммигрантам очень часто удавалось работать на предприятии, хозяином которого являлся выходец из одной с ним страны, а большинство рабочих тоже были одного и того же этнического происхождения. Оппоненты О. Цанца Д. Боднар и С. Тернстом полагают, что такие возможности сохраняются в США и сегодня. Данная мысль увязывается у них с некоторой активизацией деятельности "этнических предприятий" в 70—80-е годы, которая стимулировалась волной "этнического возрождения". Не отрицая в принципе вышесказанного, заметим, что подавляющее большинство "этнических предприятий" находится в сфере мелкого бизнеса с незначительным числом работающих и существенного влияния на сохранение этничности в рамках всей иммигрантской группы не оказывает. Кстати, один из американских исследователей данной темы Айвон Лайт⁶ во время дискуссии с советскими учеными в Калифорнийском университете в г. Лос-Анджелес докладом об "этнических предприятиях" корейской группы Лос-Анджелеса подтвердил тот факт, что эти предприятия не выходят за рамки, определяемые понятием "мелкий бизнес".

Два номера являлись тематическими: один был посвящен истории немецкой иммиграции в США (1984, т.4, № 1), другой - эволюции иммиграционного законодательства США (1983, т. 3, № 1). По словам члена

⁶ Light I. Immigrant and Ethnic Enterprise in North America. — Ethnic and Racial Studies, 1984, v. 7, №2.

редколлегии Дж. Хайема, редакция и в дальнейшем планирует издание тематических выпусков, поскольку это предоставляет возможность всесторонне и глубоко обсуждать ту или иную проблему и привлечь к этому ведущих специалистов.

Значительное место в журнале отводится обзорам и рецензиям — почти четвертая часть. Обзоры по конкретным темам включают наиболее известные работы, как правило, касающиеся современной проблематики. Среди тем обзоров были такие, как "скрытая" этничность в свете последних интерпретаций, новые данные о лидерстве в негритянской среде США, новая иммиграция из стран Карибского бассейна, перспективы мексикано-американской этничности в городах, вариантность американского этнического театра. Обзоры содержат не только пересказ тех или иных идей новейших публикаций, но и мнение самих составителей этих обзоров. Порой в них высказываются оригинальные суждения, которые контрастируют с устоявшимися утверждениями и концепциями. Это, в частности, касается расовых отношений и связей представителей различных этнических групп США. В буржуазной американской литературе культивируется мнение о том, что расовые предубеждения и напряженность в межэтнических отношениях являются объективной закономерностью и причины их кроются в так называемой культурной и психологической несовместимости сторон, находящихся во взаимодействии. Один из крупнейших исследователей этнических процессов в современном мире профессор истории Сев еро западного университета Индианы Рональд Коэн, поместив обзор "Воспитание в расовых и этнических общинах"⁷, дал повод задуматься над тем, что существуют возможности для преодоления напряженности, наблюдающейся в отношениях между представителями отдельных этнонациональных групп. Кстати, поиск таких возможностей, по крайней мере снижения уровня напряженности, в последнее время становится предметом исследования в западной этносоциологии⁸. Данное явление отмечает новый подход в интерпретации межэтнических отношений. Правда, предлагаемые меры не выходят за рамки методологии буржуазной науки, что, безусловно, ограничивает практическую ценность предложений и их эффективность.

Новым явлением, на что обращает внимание обзор М. Кантора "Труд,

⁷ Cohen R. Education for Racial and Ethnic Communities. - JAЕН, 1986, v. 5, № 1.

⁸ McDougall D. The Reeducation of Prejudice Through Education; Strategies for Action in Canada and Implication for Research. - Canadian Ethnic Studies, v. XVII, 1985, №3.

промышленность и община: обзор рабочей силы и этничности"⁹, представляется также попытка некоторых американских авторов отказаться от традиционных тенденций в анализе содержания этничности, когда она сводится только к культурно-психологической сфере, и показать влияние на ее характер производственной деятельности. Конечно же, буржуазные исследователи, как свидетельствует и упомянутый обзор, не рассматривают производственную сферу в качестве определяющего фактора межэтнических отношений. А именно в ней стимулируется развитие такого явления, как "этнический антагонизм", когда в условиях избытка рабочей силы, в частности иммигрантского происхождения, усиливается конкуренция за рабочие места, порождающая конфликтные ситуации в межэтнических отношениях¹⁰.

Ценность обзоров обнаруживается не только в определении некоторых тенденций в интерпретации современных этнонациональных процессов, но и в том, что они знакомят (в информативном порядке) с малоизвестными аспектами этнологических исследований, например, с зарождающейся наукой этнометрикой¹¹, базирующейся на использовании статистики в этнических исследованиях", или с библиографией по той или иной теме, скажем, по итальянской иммиграции в США¹², по интерпретации политики ассимиляции американских индейцев¹³.

В разделе рецензий каждого номера читатели имеют возможность узнать о содержании 20—25 новых книг, вышедших за два последних года. Этот раздел частично выполняет одну из задач журнала — знакомит с этническими процессами в соседней североамериканской стране — Канаде. Только здесь мы встречаем материалы о Канаде. Но поскольку объем рецензий небольшой — 2—4 страницы, то, естественно, получить достаточную информацию об этносоциальном развитии Канады представляется невозможным. Характерной особенностью этого раздела является то, что в нем помещаются также рецензии на книги по этнической проблематике, вышедшие и в других странах. Однако для этого непременно соблюдается условие — предметом исследования в них выступают те или иные аспекты этнических процессов в США и Канаде, в

⁹ Cantor M. Work Industry and Community: A Review Essay on Labor and Ethnicity. - JAEH, 1984, v. 3, №2.

¹⁰ Bonacich E. A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market. - American Sociological Review, v. 37, 1972, №5, p.549.

¹¹ Jensen R. Ethnometrics. : i AEH, 1984, v. 3, № 2.

¹² Caroli B.B. Recent Writing in Italy and Italian Emigration to the United States. - JAEH, 1985, v. 5, №1.

¹³ Young M. Quakers, Wolves and Make-Believe White Men: Assimilationist Indian Policy and Its Critics. - JAEH, 1985, v. 4, №2. .

большинстве случаев, как показывает анализ, — это история и современное развитие отдельных этнонациональных групп в этих странах.

В одном из самых малых по объему разделов помещается различного рода краткая информация о новых книгах, о конгрессах по этнонациональной проблематике, проводимых в США и в других странах, об исторических, социологических и междисциплинарных периодических изданиях, публикующих материалы по этнической истории и этносоциологии, о деятельности научных обществ и ассоциаций, занимающихся названными проблемами. Публикуемые в журнале материалы расширяют и углубляют наши знания о путях формирования американской нации, о сложностях и противоречиях современного этносоциального развития североамериканских стран, знакомят с методикой этноисторических и этносоциологических исследований, порой предоставляют в наше распоряжение дополнительные аргументы — фактические данные и характерные высказывания видных американских ученых — для критической оценки методологии буржуазных исследований общественных процессов.

*Опубликовано: Новая и новейшая история / АН
СССР. Ин-т всеобщей истории. — 1988. — № 2. —
С. 170-175.*

ИММИГРАНТСКИЕ ГРУППЫ В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ В УСЛОВИЯХ НТР

В настоящей статье исследуется влияние научно-технического прогресса на иммигрантские группы в таких полиэтничных странах капиталистического мира, как США, Канада, Великобритания, Франция, ФРГ, т. е. тех, где иммигранты составляют значительный процент как в общем населении страны, так и в составе рабочей силы. Основное внимание уделяется современному, так называемому электронному, этапу научно-технической революции, характеризующемуся высокой степенью автоматизации и компьютеризации производственных процессов. Это обстоятельство вызывает новые явления в самих миграционных процессах, в формировании иммигрантских групп, в межэтнических отношениях. Новизна определяется изменениями в производственных отношениях, происходящими в условиях структурных кризисов и кризиса механизма регулирования хозяйственных процессов в капиталистических странах. В частности, начали меняться структура занятости и тип используемой рабочей силы. В этой связи

отмечаются определенная стагнация общего объема рабочей силы в Западной Европе и некоторое его увеличение в Соединенных Штатах ¹.

Перестройка производства на базе внедрения новейшей техники потребовала значительного количества высококвалифицированной рабочей силы — специалистов с высшим и средним специальным образованием, определяющих научно-технический прогресс в сфере производства. К началу 80-х годов специалистов высокой квалификации в США насчитывалось 39,0% от всей рабочей силы, в Англии — 36,6, в ФРГ — 36,0, во Франции — 35,8%. При этом за последнее двадцатилетие их доля увеличилась на 2,5—7,3% ². Вместе с тем при достаточно высокоразвитой экономике в названных странах сохраняется значительное количество рабочих мест с применением малоквалифицированного труда. В США, например, таким трудом занят

каждый 14-й работающий, во Франции — каждый 6-й. При этом советские¹ исследователи отмечают прекращение абсолютного сокращения малоквалифицированной рабочей силы, а в некоторых случаях — ее возрастание³. Особенно это характерно для таких отраслей, где малоквалифицированные работы не связаны с основным технологическим процессом. И, как показывает практика капиталистического хозяйствования, среди основных источников удовлетворения спроса на малоквалифицированную рабочую силу иммиграция играет немаловажную роль.

Данное обстоятельство представляется одной из главных причин того, что развитые капиталистические страны и на современном этапе заинтересованы в пополнении особого рынка труда — рынка неквалифицированной рабочей силы — за счет внешних источников, каковыми в основном являются развивающиеся страны. К тому же стоимость иностранной рабочей силы, как правило, ниже стоимости местной рабочей силы, что является дополнительным источником прибылей для предпринимателей. Далее, эта категория трудящихся практически не защищена ни специальным законодательством стран проживания, ни профсоюзами, и в условиях циклического развития капиталистической экономики их довольно легко уволить при спаде деловой активности, а при ее подъеме опять привлечь к производственному процессу.

В названных выше странах иммигранты составляют сегодня значительную часть населения, что связано как с внушительными масштабами иммиграции (в начале 1980-х годов по оценкам исследователей в миграционных процессах участвовало от 14 до 31 млн человек⁴), так и со снижением естественного прироста населения. В Западной Европе к середине 80-х годов насчитывалось 13—15 млн. иммигрантов, которые составляли от 4 до 14% общего количества населения стран иммиграции. В Соединенных Штатах и Канаде иммигранты составляют 6—8% всего населения⁵. При этом уровень прироста населения западноевропейских стран за счет иммиграции был в 3 раза выше, чем за счет естественного прироста. В странах Северной Америки иммиграция оказывала несколько меньшее влияние на рост населения: в США — до 50%⁶.

Основными национальными источниками пришлої рабочей силы в 70—80-е годы для США являлись страны Азии, Латинской Америки и Европы (преимущественно Италии, Греции); для Канады — страны Азии и Европы; для Западной Европы — страны Южной и Юго-Восточной Европы, Северной Африки, Азии. Из въехавших в 1984 г. в США 544 тыс. легальных иммигрантов

57 тыс. были выходцами из Мексики, 42 тыс.— с Филиппин, 14 тыс.— из Великобритании; в Канаду за период с 1979 по 1981 г. прибыли 170 625 человек из Азии, 120 117 — из Европы; в Западной Европе основную массу иммигрантов составляют выходцы из Турции, Марокко, Алжира, Вест-Индии, Испании, Греции, Югославии, Португалии, Туниса ⁷. Таким образом, и сегодня в условиях научно-технической революции продолжает действовать проанализированная в свое время В. И. Лениным тенденция эмиграции рабочей силы из менее развитых стран в более развитые⁸. Так, за два последних десятилетия число иммигрантов из азиатских стран в США возросло в 14 раз; из 4486 тыс. иммигрантов, проживавших в 1985 г. во Франции, 54% были выходцами из стран Северной Африки⁹.

Отмеченная тенденция связана с необходимостью заполнения рабочих мест, не требующих высокой квалификации, чему больше всего соответствует уровень трудовых ресурсов в перечисленных регионах. Наибольшее количество таких мест сохраняется в текстильной, кожевенной, фарфоро-фаянсовой, пищевой, строительной и некоторых других отраслях промышленности. Иммигранты, занятые малоквалифицированным трудом, по крайней мере на 15% численно превышают здесь представителей коренных национальностей, выполняющих ту же работу. Именно для этих отраслей промышленности, по утверждениям западных исследователей, характерны «наибольшая интенсификация труда (а также более низкий, чем в среднем по стране, уровень его производительности) и меньшая прибыль, а следовательно, меньшая, чем в среднем, заработная плата» ¹⁰.

В современной капиталистической экономике существуют отрасли, в значительной степени зависящие от иностранной рабочей силы. Показательными в этом отношении, кроме вышеназванных, для ФРГ, например, являются сталеплавильная промышленность, где иммигранты составляют 23,6% всей рабочей силы, а также обслуживание гостиниц и ресторанов (19,2%). В стране насчитывается 10 отраслей, в которых число иммигрантов превышает 13% всех работающих там, в целом же по стране они составляют 8% рабочей силы; при этом неквалифицированным трудом заняты 52% иммигрантов, а квалифицированным — 14,5% (соответствующие показатели для немцев — 33,3 и 39,4%) ¹¹. Подобная ситуация наблюдается и в США (здесь используется ручной труд 73% испаноязычных иммигрантов), и в Великобритании, где по данным обследования 1984 г. 73 % мужчин и 83 % женщин — выходцев из стран Карибского бассейна выполняли работу, не требующую высокой квалификации ¹².

Следует отметить, что на освободившиеся места в «иммигрантских»

отраслях промышленности (в результате окончания контрактов или депортации), как правило, набираются контингенты пришедшей рабочей силы, поскольку представители доминирующей коренной национальности в силу указанных выше причин, даже пребывая в статусе безработных, неохотно соглашаются занимать эти места.

Однако все сказанное не означает, что контингенты прибывавших в 70-е — начале 80-х годов состояли исключительно из малоквалифицированной рабочей силы. Среди иммигрантов этого периода имелось определенное количество специалистов с высшим образованием. Скажем, с 1971 по 1975 г. в США въехало около 74 тыс. высококвалифицированных специалистов из стран Азии¹³. Увеличение доли такой категории иммигрантов в 60— 70-е годы определялось потребностями развития капиталистической экономики в соответствии с научно-техническим прогрессом. Однако большинство специалистов вынуждены были заниматься в стране иммиграции малоквалифицированным трудом. Отмечено, что «из-за различных препон, чинимых американскими федеральными и штатными властями, открытого и подспудного расизма этим людям (высококвалифицированным специалистам из стран Азии.— *Б. Е.*) не удается найти работу по специальности. 20% из них вообще остаются без работы; остальным пришлось «переквалифицироваться» в дворников, мусорщиков, посудомоек»¹⁴. Показательным в этом отношении для Канады является сравнение образовательного уровня выходцев из Индии, Пакистана, Бангладеш, Шри-Ланки, Восточной и Центральной Африки, Юго-Восточной Азии, стран Карибского бассейна, островов Фиджи (по данным переписей всех их в Канаде насчитывается около 200 тыс.) с их занятостью. Данные исследования, проводившегося в 1978 г. в Ванкувере, показали, что 16,9% опрошенных имели образование на уровне, не превышающем начальной школы, 27,7 — некоторое время обучались в колледжах, 18,5 — окончили колледжи, 3,1 — получили среднее техническое образование, 7,7 — имели неоконченное университетское образование и 26,2% окончили университеты. В то же время половина выходцев из названных выше стран были заняты неквалифицированным трудом, а в управленческом аппарате и предпринимательской сфере их доля составляла всего 9,1%¹⁵.

Приведенные данные по США и Канаде (подобные им имеются и по другим странам)¹⁶ свидетельствуют о том, что несоответствие образовательного уровня и структуры занятости иммигрантов превращается в 80-е годы в стабильную тенденцию. Это в свою очередь отражает противоречивый характер НТР и неодинаковое воздействие ее последствий на различные категории

населения в плане его занятости: внедрение результатов научно-технического прогресса в производство усиливает дискриминацию в сфере занятости представителей национальных меньшинств и иммигрантов. С одной стороны, их профессионально-квалификационная структура не соответствует требованиям НТР, а с другой — капиталистическая экономика, переживая трудности, не в состоянии предоставить всем иммигрантам рабочие места, соответствующие их образовательному и профессиональному уровню (особенно специалистам высокой квалификации). Последнее обстоятельство вынуждает определенную часть приезжих покидать страну или заниматься малоквалифицированным трудом.

Следует учитывать и тот факт, что иммигранты, получившие одинаковое образование и квалификацию с представителями доминирующих коренных наций, тем не менее в процессе производственной деятельности значительно отстают от последних в плане социальной мобильности. Результаты исследования, осуществленного по заказу Отделения комиссии по правам человека провинции Онтарио (Канада) в начале 80-х годов, однозначно подтверждают наличие такой тенденции: среди 137 человек, в том числе 70 представителей белого населения и 67 негров, выходцев из Азии, Африки и Латинской Америки, окончивших школу управления бизнесом, только 17 темнокожим ее выпускникам удалось в течение последующих пяти лет занять одинаковые с белыми позиции в управленческом аппарате, остальным же пришлось довольствоваться значительно худшим положением. Сходная ситуация характерна для США и западноевропейских стран¹⁷.

Среди множества факторов, определяющих современное социально-экономическое положение иммигрантов в полиэтничных странах, особую роль играет уровень безработицы, который непосредственным образом связан с НТР: автоматизация и компьютеризация производства порождает избыток рабочей силы. Причем в иммигрантской среде он, как правило, значительно выше, чем у местных граждан. В ФРГ к середине 80-х годов при среднем уровне безработицы в стране 9,5% среди иностранных рабочих он достигал 14,9, в том числе у турецких иммигрантов даже 18%. В 70-е годы безработица у индийцев и пакистанцев Канады была в два раза выше, чем в среднем по стране, и достигала 12%. Значительно выше среднестатистического показатель безработицы у иммигрантов во Франции (в 1979 г. у алжирцев, например, он составлял 14,2%), Великобритании (среди выходцев из азиатских стран безработица в 1984 г. достигла 20% — почти вдвое выше, чем у англичан)¹⁸ и США. Иначе говоря, если привилегированным классам и слоям капиталистического общества НТР приносит дополнительные блага, то для

основной массы трудящихся она в значительной мере оборачивается негативными последствиями, оставляя миллионы людей без работы. Как отмечалось в Политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза, «капитализм 80-х годов, капитализм века электроники и информатики, компьютеров и роботов выбрасывает на улицу новые миллионы людей, в том числе молодых и образованных»¹⁹. И это особенно верно для иммигрантской среды.

Непосредственная зависимость иммигрантских потоков от состояния капиталистического рынка труда (изменение под влиянием НТР потребности в рабочей силе определенного профессионально-квалификационного уровня, наличие свободных рабочих мест и т. п.) играет определяющую роль в пополнении существующих этнических общностей иммигрантского происхождения за счет новых контингентов пришлой рабочей силы. В нынешней ситуации это выражается в некотором уменьшении (при сохранении внушительных цифр) общего объема иммиграции. Если в 1974 г. в основных европейских странах — импортерах рабочей силы она исчислялась 6,5 млн., то в 1980 г. составила 6,2 млн. человек²⁰; за десятилетие (1971 — 1981 гг.) уменьшилось количество иммигрантов в Канаду; увеличение иммиграции в отмеченный период в США связано с наличием в ней значительного контингента беженцев, на которых не распространялись квоты. Вместе с тем, определяя перспективы влияния НТР на объемы иммиграции, следует принимать во внимание, что на определенных этапах возможно увеличение количества иммигрантов (такие прогнозы существуют, например, во Франции), которое затем может смениться очередным уменьшением. Тенденция скачкообразного изменения объемов иммиграции находит объяснение в особенностях циклического развития капиталистической экономики, в процессе которого меняются потребности в иностранной рабочей силе.

Поскольку даже в условиях научно-технической революции в капиталистических странах довольно широко применяется малоквалифицированный труд, о чем речь шла выше, то предприниматели заинтересованы в использовании дешевой иммигрантской силы, особенно временной и нелегально прибывающей в ту или иную страну. Есть все основания, на наш взгляд, связывать распространение в 60—80-е годы такого явления, как нелегальная иммиграция, с НТР. Наличие в иммиграционном законодательстве практически всех государств требования о допуске в страну рабочей силы такого профессионально-квалифицированного уровня, который соответствует современному уровню развития производства, вынуждает предпринимателей прибегать к различного рода уловкам и в обход

законодательства вербовать нелегальных иммигрантов, соглашающихся выполнять любую работу за самую низкую плату. Поэтому, скажем, в последней переписи США (1980 г.) было выявлено 2,06 млн нелегальных иммигрантов, а по подсчетам специалистов эта цифра составляет здесь 7,82 млн, в Канаде - около 200 тыс., в западноевропейских странах — более 2 млн ²¹.

Характер наполнения капиталистического рынка труда пришедшей рабочей силой в настоящее время позволяет утверждать, что временная рабочая сила, в том числе прибывающая нелегально, и в последующем будет представлять особый интерес для предпринимателей. Основания для такого предположения дают следующие обстоятельства: она стоит значительно меньше (в себестоимость включается не только зарплата, но и затраты на вербовку, перевозку, предоставление жилья, образование, медицинское обслуживание и т. д.), чем постоянная рабочая сила; лица, входящие в эту категорию, соглашаются на работу в неблагоприятных условиях; они обладают невысокой степенью социальной и политической активности; меньше заинтересованы в установлении контактов с постоянными рабочими, даже того же происхождения,—что в результате негативно сказывается на формировании их классового сознания и участии в движениях социального протеста ²².

Наличие значительной доли временных рабочих в общем объеме иммиграции (по оценкам западных специалистов в Европе они составляют от 10 до 20% ²³) по-особому влияет на современную этнонациональную ситуацию в полиэтничных странах. Эта особенность заключается в ослаблении внутригрупповых связей, поскольку на стремление к поддержанию таковых у временной иммигрантской рабочей силы большое влияние оказывает психологическая установка на скорое возвращение на родину, а также относительно быстрая сменяемость контингентов иммигрантов. К тому же наличие временной рабочей силы, ее частная ротация, преграды, возводимые правительственными кругами на пути ее интеграции в общество страны проживания, прежде всего на пути к получению статуса гражданина, способствуют усилению социальной и профессиональной дифференциации выходцев из одной и той же страны. Конкретно-социологические исследования, проводившиеся в разных этнических общинах Канады, США, европейских стран, подтверждают существование разницы в образовательном уровне, социальном положении, структуре занятости между собственно иммигрантами и их потомками. Названные показатели более благоприятны у канадцев, американцев, граждан других стран иммигрантского происхождения, родившихся в стране проживания. В условиях НТР эта

разница становится особенно заметной в силу того фактора, что родившиеся в стране проживания потомки иммигрантов получают большие возможности в сравнении с собственно иммигрантами и их детьми, родившимися в стране выезда, адаптации к современным требованиям производственных и социально-культурных процессов. В первую очередь речь идет об образовании, как общем, так и профессиональном. Данное обстоятельство способствует большей реализации так называемого синдрома достижений — стремления выходцев из других стран к более высокому социальному статусу, приобщению к культурным ценностям общества проживания и т. д. Можно высказать предположение, что и в будущем такая дифференциация будет сохраняться и даже усиливаться. Основания для этого дают отмеченные выше факторы: сохранение разницы в уровне экономического, особенно технологического, развития между странами эмиграции и иммиграции; дальнейшая автоматизация, компьютеризация и роботизация капиталистического производства будет повышать конкуренцию в получении рабочих мест; стремление предпринимателей рекрутировать в странах иммиграции рабочую силу для выполнения малоквалифицированного труда в странах развитого капитализма.

Эти обстоятельства оказывают значительное влияние на внутригрупповые связи иммигрантов, в частности на их ослабление в поколенном срезе. Последнее в свою очередь вносит дополнительные трудности в сплочении трудовых слоев иммигрантских групп в борьбе за улучшение условий жизни и труда. О том, что связи поколений в иммигрантской среде ослабевают, свидетельствуют, например, результаты обследования канадскими этнологами семей португальских иммигрантов, проживающих в южной части бассейна р. Оканеган (провинция Британская Колумбия). Даже за период не слишком длительного пребывания в Канаде (с 1955 г.) ослабление их внутрисемейных связей довольно ощутимо, несмотря на то что португальская иммиграция в Канаду, как правило,— семейная. Основные причины такого явления — соперничество за более высокий статус в обществе проживания, экономическое соперничество, в первую очередь за получение рабочего места²⁴. Наметившаяся тенденция очевидна и в уменьшении количества представителей второго и третьего поколений иммигрантов в этнических организациях. Исследование иммигрантов во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) показало, что менее 40% выходцев из других стран (в первую очередь это турки, греки и итальянцы) поддерживают контакты с организациями своих соотечественников. Но даже из всех контактирующих с иммигрантскими организациями турок непосредственное

участие в их деятельности принимают лишь 50% ²⁵. Приведенные данные свидетельствуют о том, что для представителей второго и последующего поколений иммигрантов, а с течением времени и первого этнические организации утрачивают свое значение в процессе их адаптации в новом обществе. Эта тенденция в определенной степени усиливается в результате дисперсного расселения иммигрантов в условиях активизации миграционных процессов, вызванной НТР.

Сложившаяся под влиянием научно-технического прогресса ситуация с рабочей силой на капиталистическом рынке труда, в первую очередь структура занятости, предопределила эволюцию иммиграционной политики и иммиграционного законодательства, а также позицию правящих кругов полиэтничных государств в отношении существующих на их территории этнических общностей. Одним из проявлений этой эволюции представляется увеличение в общем объеме иммиграции временных рабочих. Если первоначально оно было характерно для стран Западной Европы, то в последующем оказалось свойственно США и Канаде. По примеру стран — импортеров рабочей силы в Западной Европе в США и Канаде заключаются контракты на пребывание в стране иммигрантов на определенное время (в Канаде наибольший срок — 12 месяцев) в зависимости от ситуации на рынке рабочей силы и категории временных рабочих. Сложившаяся система найма получила в трудах исследователей этой проблемы название «ориентированной на договорную рабочую силу» ²⁶, что, по нашему мнению, наиболее точно выражает ее сущность. Таким образом увеличивается слой представителей инациональных групп, находящихся на территории той или иной страны только определенный отрезок времени. По истечении договора он обновляется за счет трудящихся, как правило, из одних и тех же стран или по крайней мере одного и того же региона ²⁷.

Изменения в потребностях в иностранной рабочей силе на капиталистическом рынке труда вносят некоторые коррективы в принципе ее ротации: контингенты временных рабочих ввозятся в страну до тех пор, пока есть в этом нужда (в последнее время отмечается тенденция к официальному и неофициальному сокращению этих сроков), при неблагоприятной конъюнктуре иностранные рабочие переправляются в страну выезда. Постоянная сменяемость пришедшей рабочей силы вызвала и такую особенность в иммигрантской политике, как подготовка временных рабочих к реэмиграции ²⁸. Данное явление отмечается в странах Западной Европы, в частности в ФРГ, и его суть заключается в усилении внимания правительственных кругов к таким мероприятиям, которые способствовали бы поддержанию своеобразного

национального и культурного облика иммигрантов, что, по их мнению, облегчило бы процесс подготовки к реэмиграции. В так называемую «Программу неотложных мер», кроме финансирования школ, где обучаются дети иммигрантов, учреждения на радио и телевидении программ на языках стран эмиграции и т. д., включено также сокращение сроков, по истечении которых начинают выплачиваться пенсия и другие пособия для работающих в ФРГ иммигрантов (правда, сокращение этих сроков влечет за собой и сокращение пособий). В таком же аспекте следует, очевидно, рассматривать принятие в 1981 г. во Франции закона о праве иммигрантов создавать свои ассоциации. Хотя этот закон официально и не провозглашал своей целью подготовку к реэмиграции, но фактически, предоставляя возможности для расширения культурной деятельности иммигрантских организаций, он этому способствует.

Подобные мероприятия, безусловно, способствуют сохранению этнических черт иммигрантов в обществе проживания и, казалось бы, должны стимулировать развитие этнического сознания и стремление к внутригрупповому единству. Однако сознание статуса временного рабочего становится для значительного количества иммигрантов труднопреодолимой преградой. Двойственный, противоречивый характер влияния упомянутых мероприятий, на наш взгляд, в условиях НТР определяется постоянной конкуренцией за рабочие места не только между представителями господствующих этнических общностей и пришлой рабочей силой, но и внутри отдельных этнонациональных групп, порой даже в пределах общин, связанных родственными узами, что отмечалось выше.

Рассмотренные обстоятельства, на формирование которых большое влияние оказывает научно-техническая революция, усугубляют напряженность в отношениях между различными по своему национальному происхождению компонентами населения капиталистических стран, в первую очередь — между представителями доминирующих коренных наций и пришлой рабочей силой. Эта напряженность — постоянная характерная черта этнонациональной ситуации в странах капиталистического мира, но в условиях НТР становится более осязаемой и порой проявляется в крайне реакционных формах. В 70—80-е годы противники допуска в страну новых контингентов пришлой рабочей силы в США, Канаду, Великобританию, ФРГ, Францию от шовинистических лозунгов типа «Будущее принадлежит нам!», «Иммигранты—вон из страны!» переходят к актам физического насилия над выходцами из других стран, особенно цветными. Так, в 80-е годы в Канаде (Торонто) было зарегистрировано несколько убийств молодых рабочих-иммигрантов с Ямайки,

насилию постоянно подвергаются выходцы из южноазиатских стран. Усилившиеся случаи подобного отношения к иммигрантам дали основания XXV съезду Коммунистической партии Канады (1982 г.) сделать вывод о том, что в стране усиливаются расизм и связанное с ним насилие, направленные прежде всего против новых иммигрантов²⁹. Подобные настроения и акции учащаются и в Великобритании. Согласно докладу лорда Скармена, который по поручению министерства внутренних дел Англии обследовал состояние преступности в стране, британская полиция ежегодно регистрирует около 7 тыс. актов насилия в отношении цветных граждан. По данным журнала «Тайм» иммигранты из Вест-Индии в 36 раз чаще, чем белое население, подвергаются насилию, а выходцы из азиатских стран — в 50 раз. Немало таких случаев регистрируется и в других полиэтничных странах капиталистического мира³⁰.

Степень напряженности в отношениях на уровне «основная этническая общность (доминантная группа) — этническое меньшинство (подчиненная группа)» определяется в первую очередь экономическими факторами, о чем, в частности, свидетельствуют и проводившиеся выше факты. Однако некоторые буржуазные исследователи и идеологи пытаются причины, генерирующие эту напряженность, искать во вторичной сфере, например в культуре, психологии иммигрантов. Они обвиняют последних во всех грехах капиталистического общества, всячески выпячивая проблему так называемой культурной и психологической несовместимости иммигрантов с представителями основных национальностей стран проживания. Такие попытки преследуют цель сокрытия главных источников обострения национальных проблем в полиэтничных странах капитала. Доказанное классиками марксизма-ленинизма положение о том, что экономическое неравенство порождает неравенство и в других областях общественной жизни в условиях НТР проявляется с особой силой. В рассматриваемом нами случае это неравенство при ухудшении экономической ситуации в капиталистических странах фокусируется, в частности, в неприязни друг к другу представителей различных этнонациональных общин. Подтверждением указанной тенденции являются данные обследований, проведенных в Канаде в 1971 и 1981 гг. среди студентов, готовящихся к трудовой деятельности. Если в 1971 г. за исключение из канадского общества индейцев, филиппинцев и аборигенов (индейцев и эскимосов) высказалось 5; 6 и 7% белых, то в 1981 г. эти показатели выглядели таким образом: 36; 37 и 33%³¹. Подобные настроения стимулируются правящими: кругами, как правило, посредством иммиграционной политики, спекуляции предпринимателей фактом возрастания этнического сознания и усилившимися этноцентристскими тенденциями, натравливания одной национальности на другую (вплоть до

использования выходцев из той или другой страны в качестве штрейкбрехеров), целенаправленного насаждения (через средства массовой информации, в производстве и в быту) негативных стереотипов иммигрантов из разных стран, возведения искусственных преград на пути создания полиэтничных организаций, в первую очередь профсоюзов, и т. д.

О том, что в основе напряженности в отношениях между представителями коренных наций и иммигрантов лежат экономические причины, однозначно свидетельствует сама история этих отношений в странах капиталистического мира. В период стабилизации капиталистического производства в США в 20-е годы нынешнего века, «индустриального бума» в Канаде в 50—60-е годы, относительно стабильного развития экономики западноевропейских стран в 60-е годы (именно в эти периоды иммиграция поощрялась властями) не наблюдалось такой напряженности, как, скажем, в годы «великой депрессии» (1929—1933) или в настоящее время. Хотя не следует говорить о том, что в упомянутые периоды не было натянутости в отношениях между разными этнонациональными группами, однако она не проявлялась в таких резких формах, как это имеет место сегодня. Причины, генерирующие национальные проблемы, коренятся в самой социальной системе капиталистического строя, а в определенных условиях, как, например, в условиях НТР, они крайне обостряются.

В настоящее время одним из выражений отмеченного обострения отношений между господствующими нациями и иммигрантами в странах Северной Америки и Западной Европы является активизация нейтивистских движений, сущность которых заключается «в явной оппозиции в отношении к меньшинствам на основе их иностранного происхождения»³². В последнее время усиливаются шовинистические тенденции в нейтивизме, он все в большей мере идентифицируется с расизмом и произрастает на новой волне возрождения национализма и консерватизма во внутренней политике капиталистических государств. Это обстоятельство дало основания западным социологам определять нейтивизм как неонейтивизм и говорить о формировании в США и других странах капиталистического мира неонейтивистских умонастроений³³. С особой силой указанная тенденция проявляется в деятельности ку-клукс-клана (США), «Национального фронта» (Великобритания, Франция), неонацистских группировок в ФРГ и т. д. Активизация их в условиях распространения националистической идеологии и неоконсерватизма³⁴ может вызвать новую волну обострения отношений между представителями различных этнонациональных групп, прежде всего между коренными нациями и иммигрантами. Основания для данного предположения

дают усиливающаяся борьба за рабочие места в условиях НТР и дискриминационная политика правительств полиэтнических стран, во все менее завуалированной форме стимулирующая неонейтивистские тенденции.

Обострение в 70—80-е годы отношений между коренными нациями и иммигрантами, между отдельными иммигрантскими группами и даже внутри них, вызванное конкуренцией на рынке рабочей силы под влиянием НТР, в западной литературе получило название этнической конкуренции, ведущей к «этническому антагонизму»³⁵. Последний, в частности, проявился во время принятия и осуществления в США, Канаде программ так называемых позитивных действий, в соответствии с которыми выходцам из латиноамериканских, азиатских и африканских стран предоставлялись определенные преимущества в виде квот при приеме в вузы, на работу и т. д. В странах Западной Европы вследствие неравномерного распределения рабочих мест между прибывающими контингентами рабочей силы культивируются негативные стереотипы отношения одной группы к другой, ведущие порой к конфликтам. Тем самым возводятся труднопреодолимые препятствия на пути формирования единого фронта антимонополистической борьбы представителей различного этнонационального происхождения. Научно-техническая революция в результате автоматизации и компьютеризации производства высвобождает значительное количество рабочей силы и тем самым создает благоприятные условия для развития «этнической конкуренции», что используют в своих классовых интересах правящие круги стран Северной Америки и Западной Европы.

Вместе с тем научно-технический прогресс создает определенные предпосылки для объединения иммигрантов в борьбе за свои права. В первую очередь здесь речь может идти о концентрации пришлой рабочей силы в определенных отраслях занятости. Этот фактор предполагает общность социальных и, экономических интересов, которая представляет собой базу для классовой солидарности трудящихся, наряду с относительно высоким уровнем межличностных отношений, определяющимся производственными отношениями. Совместные выступления иммигрантов за свои права имели место в период, рассматриваемый в настоящей работе,— это участие иностранных рабочих Дуйсбурга, Оснабрюкка, Кёльна (ФРГ) в забастовках, участие иммигрантов Канады в днях протеста, совместные выступления выходцев из разных стран против расизма и шовинизма³⁶.

Литература

1. Month. Lab. Rev. 1985. N 9. P. 59-60; Yearbook of Labour Statistics. 1984. P. 251-253; Empl. Gaz. 1986. V. 94. N 1. P. 18.
2. Современный капитализм: проблемы рабочей. силы. М., 1985., С. 14.
3. Там же. С. 34, 36.
4. Tabbarah R. Prospects of international migration // Intern. Soc. Sci. J. 1984. Vol. 36, N 3. P. 426.
5. Ausliinder in Deutschland. 1985. N 1. S. 14; подсчитано на основе данных переписей США (1980 г.) и Канады (1981 г.).
6. Human settlement situation in the ECE region around 1980. N. Y., 1986. P. 2; см. Шлепаков А. Н., Шамшур О. В. Иммиграционная проблема: новые тенденции// США: экономика, политика, идеология. 1984. № 3. С. 30.
7. Time. 1985. July. P. 18; Richmond A., Rhyme D. Ethnocultural social indication for Canada: A background paper. 1983. September. Table 2.1; Time. 1983. Dec. P. 9.
8. См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 24. С. 89.
9. Bryant R. The American people: A timely exploration of a changing America and the important newdemographic trends around US. N. Y, 1985. P. 127; Trybuna Ludu. 1986. 3 stycz.
10. Marshall A. Immigrant workers in the labour market: A comparative analysis // Intern. Soc. Sci. J: 1984. Vol. 36, N 3. P. 505.
11. Ausliinderpolitik: Fakten. Rechte. Pflichten. Argumente. Bonn, 1985. S. 12; Honekopp E., Ullman H. The status of immigrant workers in the Federal Republic of Germany // Immigrant workers in Europe: Their legal status. P., 1982. P. 132.
12. Marshall A. Op. cit, P. 504; Miles R. The struggle against discrimination//The Courier. 1985. Sept. P. 23.
13. Шлепаков А. Н., Смирнова Л. А. США: «похищение умов» в прошлом и настоящем. М., 1983. С. 71; Time. 1985. July 8. P. 32-35.
14. Севастьянов Е. П., Корсакова Н. Е. Позолоченное гетто: Очерки из жизни в США иммигрантов из Китая, Кореи и Японии. М., 1983. С. 40.
15. Wood I. A visible minority votes: East Indian electoral behaviour in the Vancouver South Provincial and Federal Elections of 1979//Ethni-city, power and politics in Cana-da/Ed. I. Dahlic, T. Fernando. To-ronto, 1981. P. 181.
16. Immigrant workers in Europe: Their legal status. P., 1982.
17. Canad. Ethnic Stud. Accos. Bull. 1983. Vol. 10. N 2. P. 6; см.: Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом

мире. Киев, 1984. С. 36-86.

18. Apitzsch G., Dittmar N. Integration or Repatriation? // *The Courier*. 1985. Sept. P. 20; *Canad. Ethnic Stud. Assoc. Bull.* 1982. Vol. 9, N 4. P. 13; Bissekri F. La situation actuelle de Immigration algerienne face a la crise europeene // *L'emigration maghrebine en Europe: Exploitation ou cooperation?* Alger, 1983. P. 96; Miles R. Op. cit. P. 23.

19. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 9.

20. Review and Appraisal of the World Population Plan of Action: UN Doc. E/Conf. 76/PC/10. 1983. Dec. 2.

21. Passel I., Woodrow K. Geographic distribution of undocumented immigrants: Estimates of undocumented aliense counted in the 1980 census by State // *Intern. Migrat. Rev.* 1984. Vol. 18, N 3. P. 642, 648; *Globe and Mail*. 1983. Mar. 4; *Horizont*. 1983. N 20.

22. Bonacich E. A Theory of Ethniantagonism: The split labor market // *American sociological review*. 1972. V. 37, N 5. P. 549-551; Bech R., Faust R. Die sogenannten Gastarbeiter: Ausländische Beschäftigte in der BRD. Frankfurt a. M., 1981. S. 173.

23. Wong L. Canada's questworkers: Some comparisons of temporary workers in Europe and North America // *Intern. Migrat. Rev.* 1984. Vol. 18, N 1. P. 94.

24. Manzer R. Immigration familism and in-group competition: A study of the Portugese in the Southern Okanagan // *Canad. Ethnic Stud.* 1981. N 2. P. 109.

25. Schbneberg U. Paticipation in ethnic associations: The case of immigrants in West Germany // *Intern. Migrat. Rev.* 1985. Vol. 19, N 3.

26 North D. S. Nonimmigrant wor-kers: Visiting labor force partici-pants // *Month. Lab. Rev.* 1980. Vol. 103, N 10. P. 26-30.

27. Berrocal L. Marche de travail et mouvements migratoires. Bruxelles, 1983. P. 158-159.

28. Oepen M. Media, migrants and marginalazation: The situation in Federal Republic of Germany // *Intern. Migrat. Rev.* 1984. Vol. 18, N 1. P. 113; Thomas E.-J., Wenden W. de. Return ticket: The problems of going back // *The Courier*. 1985. Sept. P. 33.

29. XXV съезд Коммунистической партии Канады. М., 1983. С. 114-115.

30. *Time*. 1983. Dec. 12. P. 9; см.: Шютт П. Мавр сделал свое дело...Существует ли расизм в Федеративной Республике Германии? М., 1985; *Human rights in urban areas*. P., 1983; Manfred B. Auslan-derpolitik und Fremdenfeindlichkeit in der BRD // *IPW-Ber.*, 1983. N 5.

31. Clifton R., Perry R. Has ethnic prejudice increased in Winnipeg schools? A

comparison of bogardus social distance scales in 1971 and 1981 //Canad. Ethnic Stud. 1985. Vol. 17, N 3. P. 74.

32. Higham I. Strangers in the land: Patterns of American nativism 1860-1925. New Brunswick; N. Y, 1955. P. 4.

33. Vecoli R. Return to the Melting Pot: Ethnicity in the United States in the eighties // J. Amer. Ethnic Hist. 1985. N 1. P. 9.

34. См.: Идеологическая агрессивность антикоммунизма // Пробл. мира и социализма. 1984. № 8; Замошкин Ю. А. Национализм и особенности национального самосознания в США // США: экономика, политика, идеология. 1986. № 2.

35. Vonacich E. Op. cit.

36. См.: Национальные меньшинства... С. 253-262; Дроми Д., Тей-лор Г. Гранвик: репортаж о забастовке. М., 1982; Schmidt K. Die Anti-Nazi-Leaque — bedeuten-der Faktor im Kampf gegen Neo-faschismus und Rassismus in Grossbritannien // Fremdarbeiterpo-litik des Imperialismus. 1983. N. 15; Unsere Zeit. 1984. 18. Miirz.

Опубликовано: Расы и народы : современные этнические и расовые проблемы : ежегодник. — Москва : Наука, 1988. — Вып. 18. — С. 192-205.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ США: (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ КОМАНДИРОВКИ)

(в соавторстве с О. Шашиуром)

В декабре 1986 г. в Принстоне (США) проходил советско-американский симпозиум «Роль этничности в современных обществах». Он проходил в рамках программы сотрудничества между Академией наук СССР и Американским советом познавательных обществ (Комиссия по гуманитарным и социальным наукам; Подкомиссия по этнографии и антропологии). Организаторами четвертого советско-американского симпозиума по этничности выступили Бюро международных исследований и обменов (BIRE, США) и Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая. В симпозиуме приняла участие делегация советских ученых в составе 6 человек, представивших научные учреждения Москвы, Киева и Еревана. С американской стороны в работе симпозиума участвовали известные в США ученые — профессор университета им. Дж. Хопкинса С. Минц, профессор того же университета Дж. Хайем, профессор Калифорнийского университета (Бэркли) С. Либерзон, профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес) Р. Хованнесян, профессор университета штата Гавайи Ф. Ригге, профессор Джорджтаунского университета М. Фишбах, преподаватель Стэнфордского университета С. Янигасако, директор Центра межкультурных исследований по фольклору и этномузыкологии университета Техаса Х. Лимон, директор Центра по изучению коренных жителей Калгарского университета (Канада) Б. Медисин, профессор Маллингз, сотрудница Института Гарримана по изучению Советского Союза М. Бальзер.

Представленные на симпозиуме доклады американских ученых и их обсуждение позволяют в значительной степени определить новые тенденции в

исследовании этнонациональных проблем Соединенных Штатов. Показательным в этом отношении можно назвать доклад основателя так называемой школы новой этнической истории Дж. Хайема «Этничность в Америке: общий взгляд». Отмечая, что этнический фактор на протяжении последних двадцати лет довольно заметен в общественной жизни Соединенных Штатов, Дж. Хайем высказал мнение о снижении его роли в середине 80-х годов. По его мнению, даже представители этнонациональных групп постепенно утрачивают интерес к идее сохранения этничности в инонациональной среде, и волна «этнического возрождения» идет на спад. Применительно к анализу нынешней этнонациональной ситуации в США данный вывод имеет определенные основания, поскольку в условиях усиления консервативных тенденций в общеполитической жизни США усиливаются и ассимиляционистские настроения, попытки возвращения к старым, казалось бы, отжившим моделям в этнонациональном развитии страны, в частности концепции «плавильного котла». При этом Дж. Хайем, являясь теоретиком циклов американского нейтивизма, утверждает мысль о его возрождении и инкорпорировании крайне негативного отношения к иммигрантам и их потомкам. В докладе Дж. Хайем остановился на соотношении классового и этнического. Правда, понятия классов он определяет из отношения не к средствам производства, а к власти и привилегиям. Дж. Хайем предложил интересную в научном плане типологизацию этнических групп на основе их степени связей с ядром: группы с четко выраженными границами и слабым лидерством; группы со слабо выраженными границами и сильным лидерством; группы с расплывчатыми границами и нечетко выраженным лидерством; группы, для которых в ощутимой степени свойственно и то и другое. Предложенная схема не бесспорна, она, в частности, не учитывает процессов социального расслоения внутри групп и возможностей пополнения новыми контингентами, однако может быть использована для определения степени интенсивности трансформации разных этнонациональных групп.

Вопросам взаимоотношения представителей различных этнонациональных групп в США посвящался доклад С. Либерзона «Стереотипы: их последствия для расового и этнического взаимодействия». Докладчик отметил широкое распространение в своей стране негативных стереотипов об афро-американцах, испаноязычных американцах. Особенно характерно это явление на уровне взаимодействия доминантной группы, представленной выходцами из Англии, и подчиненных групп. С. Либерзон говорил о возрастании волны этнического антагонизма в отношениях на этом уровне, объясняя ее сверхчувствительностью белых американцев. Он продемонстрировал

проявление сверхчувствительности в отношении иранских иммигрантов в период нахождения американских граждан в качестве заложников в Иране. Выступавшие в дискуссии Дж. Хайем, Х. Лимон, Л. Маллингз подтвердили высказанные докладчиком мысли, обратив внимание, что негативные стереотипы отражаются на возможностях развития и положении тех или иных меньшинств и групп в американском обществе. Они отметили, что в докладе в качестве первопричины распространения негативных стереотипов в отношении некоторых этнонациональных групп представлены этнокультурные и этнопсихологические факторы, хотя примеры из жизни, скажем, цветного населения США указывают, что такие стереотипы порождены конкретной социально-политической обстановкой.

Среди одиннадцати докладов три были близки по своему предмету и методике изложения материала — в них речь шла о трех национальных меньшинствах Соединенных Штатов. Это доклады С. Янигасако «Азиатско-американский вопрос: трансцендентальный ориентализм», Х. Лимона «Мексиканский вопрос в США: ретроспективный анализ этничности» и Л. Маллингз «Афро-американцы сегодня». Эти доклады имели в основном информативный характер и содержали большое количество конкретных данных, свидетельствующих о дискриминации этих меньшинств в американском обществе. В докладах Х. Лимона и Л. Маллингз подвергались критическому анализу программы «позитивных действий», якобы направленные на улучшение социально-экономического статуса и политико-правового статуса цветных американцев. Эти программы, отмечалось в докладах, не принесли ожидаемых результатов, но способствовали обострению отношений между цветными и белыми американцами, поскольку расистско-шовинистические круги рассматривают их как «дискриминацию наоборот», т. е., по их мнению, эти программы направлены против белого населения. Несостоятельными оказываются и программы «двуязычного обучения», предназначенные преимущественно для американцев мексиканского происхождения.

В докладах С. Янигасако и Х. Лимона рассматривался важный в научном плане вопрос о взаимосвязи таких явлений, как временная рабочая сила (временные иммигранты) и этничность. Основным тезисом, ранее практически не встречающимся в американской литературе, стал тезис о том, что, объективно являясь носителями мексиканской этничности или этничности представителей азиатских стран, временные и нелегальные иммигранты не способствуют оживлению и поддержанию этого феномена в США. Они, как правило, не принимают участия в этнических организациях, их установки ориентированы на скорое возвращение на родину, а поэтому их связь с

основным ядром упоминавшихся национальных меньшинств непрочная, а в большинстве случаев она просто не наблюдается. Лимон определил этничность временных и нелегальных иммигрантов как «негативную», поскольку они в силу своего положения зачастую способствуют формированию или усилению уже сформировавшегося негативного стереотипа мексиканоамериканца.

Два доклада на симпозиуме в значительной степени касались методики этносоциологических исследований, что само по себе является фактом примечательным, ибо этим вопросам ранее не уделялось внимание в работах американских ученых. В своем докладе Б. Медисин «Этничность в среде индейцев Аляски: методика исследования» отметила, что в изучении возможностей сохранения этничности индейцев в обществах североамериканских стран важное значение приобретают такие проблемы, как этнолингвистические (в переписи Канады обозначено 300 племен, что само по себе указывает на множество языков и диалектов), проблема ривайвализма (изучения традиционной культуры индейцев, сохраняющейся в условиях ассимиляции), проблема алкоголизма, процессы формирования паниндейской общности, объединительные движения и участие индейцев в движениях социального протеста. Ф. Ригге в докладе «Концептуальный аппарат исследования современных этнических процессов» проинформировал участников симпозиума о работе над составлением глоссария под общим названием «Этничность», в котором предпринимаются попытки уточнения этнологических терминов и концепций. По его словам, для успешного завершения этой работы и в будущем потребуются координация усилий ученых, занимающихся исследованием этнонациональной проблематики в разных странах. Эта координация, в частности, возможна и в рамках традиционных двусторонних советско-американских симпозиумов, международных конференций, а также в ходе выполнения совместных переговоров по этничности.

Делегация советских ученых получила возможность принять участие в проходившем в Филадельфии 85-м ежегодном конгрессе Американской антропологической ассоциации, куда прибыло около 2000 американских исследователей, работающих в самых различных областях этнологических знаний. На конгрессе обсуждались итоги деятельности антропологов США за истекший год, его участники ознакомились посредством фильмов с некоторыми результатами полевых исследований. Во время конгресса работала выставка новых книг, многие из которых представляют значительный научный интерес для советских ученых, занимающихся общетеоретическими проблемами этнонациональных отношений в современном мире, этнолингвистикой,

этнодемографией. Члены советской делегации обменялись мнениями со своими американскими коллегами по вопросам исследования этнических аспектов современного социального развития двух обществ, проинформировали антропологов США о деятельности своих научных учреждений, об основных направлениях и некоторых итогах этносоциальных, этнокультурных исследований в СССР. Члены советской делегации были приглашены на лекцию известного американского антрополога, длительное время работавшего на факультете антропологии и социологии университета Британская Колумбия (Канада), ныне почетного профессора этого университета Дэвида Аберле «Что такое наука антропология?». В ней была дана история развития антропологии в Северной Америке, а также было уделено значительное место роли науки и самих антропологов в деле сохранения мира во всем мире.

Во время пребывания в США делегация советских ученых имела возможность при содействии и по приглашению профессора Калифорнийского университета (Лос-Анджелес) Р. Хованнесяна посетить этот город и встретиться с учеными-этнологами, работающими в этом университете и в университете Южной Калифорнии. В ходе дискуссий, состоявшихся в университетах, обсуждалась методика этносоциологических исследований, осуществляемых американскими и советскими учеными. В них участвовали известные в США исследователи А. Лайт, Дж. Сабах, М. Бозоргмер, Р. Декмеджян и др. Особый интерес у обеих сторон вызвало использование этнической статистики в изучении национальных процессов, скажем, по последней переписи населения США в 1980 г.; заинтересованно обсуждались вопросы о факторах, влияющих на сохранение этничности в условиях индустриальных обществ, государственном регулировании этнонациональных процессов. По общему мнению, подобные встречи ученых-обществоведов СССР и США способствуют не только глубокому теоретическому осмыслению современных процессов общественного развития и обмену научными идеями, но и вносят значительный вклад в сотрудничество ученых наших стран, взаимопонимание наших народов.

Во время пребывания в США авторы этих страниц имели также возможность ознакомиться с постановкой изучения этнических и расовых отношений в ряде научно-исследовательских центров. Среди них — Чикагский, Нью-Йоркский городской и им. Дж. Вашингтона университеты, Национальная академия наук США, Национальный институт этнических отношений в городе, Центр миграционных исследований.

Значительная часть американских ученых, с которыми довелось беседовать и дискутировать авторам, отмечает известное снижение интереса к расовой и

этнической проблематике со стороны академического сообщества США по сравнению с предшествующим десятилетием. Как известно, именно на 70-е годы пришелся пик «этнического возрождения», характеризовавшегося повышенным вниманием представителей расовых и этнических групп к своим «корням», пробуждением их этнического самосознания. Многим американским специалистам, работающим в области общественных наук, этническая и отчасти расовая проблематика представляется в настоящее время отходящей на второй план по сравнению с другими вопросами внутри- и внешнеполитической жизни страны. Подобного мнения придерживается, в частности, декан факультета политических наук Чикагского университета Н. Най. С этой точкой зрения вряд ли можно согласиться: действительно, волна этнических чувств в своих экстремальных проявлениях заметно пошла на убыль, однако, даже не прибегая к анализу глубинных этнических процессов, достаточно сопоставить многочисленные сообщения об участившихся конфликтах на почве расовой и этнической неприязни, чтобы сделать вывод о сохраняющейся и даже усиливающейся напряженности, особенно в расовых отношениях.

Вместе с тем нельзя не признать справедливость слов наших американских коллег, говоривших о снижении интенсивности исследований в данной области. В этом смысле весьма печально закрытие таких известных центров, разрабатывавших этническую проблематику, как исследовательский Центр по изучению иммиграции и этничности и Центр по изучению культурного плюрализма Чикагского университета. Сведены до минимума программы изучения «этнического наследия» в школах и колледжах США. По нашему мнению, помимо объективных причин на состояние этнических исследований оказала отрицательное влияние и «консервативная волна», усиление консервативных тенденций в общественно-политической жизни Соединенных Штатов, сопровождавшееся откровенной проповедью шовинизма под лозунгом «нового патриотизма». В полной мере этнологические центры испытали на себе последствия курса на сокращение расходов на социальные нужды. По этой причине, например, вынужден был существенно ограничить масштабы своей деятельности и сократить штат исследователей Национальный институт этнических отношений в городе (Вашингтон).

На общем фоне проведенных в США исследований по этнической и расовой проблематике заметно выделяется научный проект под условным названием «Положение черных американцев», выполняемый под эгидой Национальной академии наук. К работе над проектом, финансируемым крупнейшими благотворительными фондами США, привлечено свыше ста

специалистов различного профиля под руководством профессора Йельского университета Дж. Джейнса. По словам участников проекта, он завершится изданием многотомного фундаментального исследования, анализирующего различные аспекты современного положения американцев — от их социально-экономического статуса до степени влияния на формирование внешнеполитического курса США. Думается, что даже с учетом практически неизбежных изъянов методологического характера данное исследование станет крупным вкладом в изучение расово-этнических отношений в США — хотя бы в силу внушительного объема, привлекаемых и обрабатываемых статистических данных, материалов и документов. В перспективных планах Национальной академии наук — проведение аналогичных исследований по проблемам испано-язычных американцев и взаимодействия этнических групп в американском обществе.

Среди отличительных черт современной деятельности этнологических центров США нельзя не отметить их стремление определенным — пусть и заведомо ограниченным — образом оказывать воздействие на социальную практику. В частности, мы имели возможность присутствовать на заседании Национальной коалиции этнических городских районов (т. е. населенных преимущественно представителями этнических групп), активное участие в работе которой принимает директор Национального института этнических отношений в городе. Оказание влияния на формирование общественного мнения, позицию государственных органов является одной из главных задач деятельности Центра миграционных исследований (Нью-Йорк). С этой целью на конференции, организуемые центром, приглашаются видные деятели политического и делового мира Соединенных Штатов. Примером может служить и 10-я ежегодная конференция Центра (март 1987 г., Вашингтон), посвященная новому иммиграционному закону, принятому конгрессом США в октябре 1986 г.

В заключение хотелось бы сказать об одном отрадном впечатлении, вынесенном нами из опыта общения с подавляющим большинством американских коллег, — их готовности к развитию долговременных научных связей с советскими учеными, живой заинтересованности в свободном обмене научными идеями и мнениями.

Summary

The authors present a concise analysis of the debates which took place at Soviet-

American simposium «The role of ethnicity in contemporary societies», held in December 1986 in Princeton.

Опубликовано: Зарубежный мир : социально-политические и экономические проблемы / АН УССР. Институт социальных и экономических проблем зарубежных стран. – Киев, 1988. – Вып. 15. – С. 139-145.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В УСЛОВИЯХ ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНЦЕВ И КАНАДЦЕВ УКРАИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

В ходе адаптации к новым условиям жизни элементы, культуры и быта переселенцев из Украины и их потомков, некогда привнесенные в североамериканские страны, трансформируются под воздействием конкретных социальных и этнокультурных факторов. Основные среди них — изменение статуса переселенцев; политика государства в отношении этнонациональных групп; этнонациональная ситуация и характер межэтнических отношений в стране проживания; состояние связей со страной происхождения. Этот процесс можно определить как процесс эволюции иммигрантской культуры к культуре этнической. В первом случае речь идет об элементах культуры и быта украинского народа, культивируемых в местах поселения выходцев из Украины в их «оригинальном» виде; во втором — о тех же элементах, но уже в трансформированном состоянии, по которым можно все-таки определить украинское происхождение части американцев и канадцев, и на основе этого отнести их к украинским этническим группам США и Канады.

Процесс трансформации проходит три стадии, на наш взгляд, удачно сформулированных канадским исследователем Р. Климашем: а) стадия сопротивления изменениям, происходящим под воздействием окружающей инонациональной культурной среды; б) стадия «разрыхления», вызванного необходимостью адаптации к новым условиям существования; в) стадия «восстановления» своеобразных черт культуры и быта с учетом происшедших изменений. Для украинских этнических групп США и Канады можно определить временные границы указанных стадий: первой—конец XIX—начало XX вв.; второй—1920-е—середина 1960-х годов; третьей — середина

1960-х — 1980-е гг. Предложенное временное деление процесса трансформации предпринято для более тщательного исследования действия тех или иных факторов, определяющих сущность отдельных его стадий. При этом предполагается, что явления, выражающие характерные черты той или другой стадии, могут иметь свое начало в предыдущей и продолжение в последующей стадиях.

Трансформаций культуры этнической группы — закономерный результат объективной необходимости (усиливающейся в связи с ослаблением, а затем исчезновением психологической установки на возвращение на родину) адаптации к социальным, политическим и культурным условиям жизни в инонациональной среде. В этом процессе эволюции «иммигрантские» черты культуры и быта сохраняются всё реже и уступают место трансформировавшимся. Хотя не исключены периоды, как, например, 1960-е—1980-е гг., именуемые периодом «этнического возрождения», когда наблюдаются попытки реставрации элементов культуры и быта стран происхождения в оригинальном виде. Очагами таких попыток являются: а) семья; б) этнические организации; в) этнические фестивали; г) музеи.

Наши исследования этнокультурной ситуации в украинских этнических группах США и Канады дают основание для утверждений, что для основной массы американцев и канадцев украинского происхождения культивирование этнической специфики в современных условиях не связано с осознанной необходимостью реализовать себя как единое этническое меньшинство, а скорее является отражением волны всеобщего интереса к этнической истории, наблюдающейся в последнее двадцатилетие. В силу этого обстоятельства, этнический традиционализм — стремление к сохранению и развитию оригинальных или трансформированных черт культуры украинского народа как символа принадлежности к украинской этнической группе — свойственен сегодня лишь незначительной части лиц украинского происхождения. Для большинства же они могут выступать таковыми в отдельных конкретных ситуациях и непродолжительное время.

Опубликовано: Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований, 1986-1987 гг. : тезисы докладов. — Сухуми : Алашара, 1988. — С. 250-251.

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ США И КАНАДЫ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

*Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора
исторических наук*

Актуальность проблемы. В современном мире практически не существует однородных в этнонациональном плане государств. На территории их большинства проживают представители коренных национальностей, выходцы из других стран и их потомки. Показательным примером в этом отношении являются Соединенные Штаты Америки и Канада - страны, современное население которых в значительной мере сформировалось в результате переселенческих движений. Наличие множества этнонациональных групп в рамках американского и канадского государств постоянно порождает проблемы их встраивания в социально-экономическую и культурную ткань обществ проживания. Эти проблемы имеют свои исторические истоки -они возникают вследствие различного уровня развития доминирующей нации (для Канады - англоканадской) или ее "ядра" (для США -выходцев из Британских островов) и представителей других стран и политики правящих кругов эксплуататорского общества в отношении национальных меньшинств и этнических групп. Для капиталистического строя характерно не преодоление проблем (на определенных этапах он находит средства для регулирования их остроты), что могло стать закономерным результатом ввиду большого вклада представителей многих наций в экономическое и культурное развитие североамериканских стран, а их усугубление. История этносоциального развития США и Канады подтверждает вывод, сделанный еще основоположниками марксизма о том, что для капиталистического общества характерны проявления национального антагонизма, который порождается классовыми противоречиями.

В современных условиях углубления социальных противоречий конфликтность межнационального, межэтнического развития полиэтнических стран капиталистического мира проявляется с особой остротой. С одной стороны, она обусловливается искусственным торможением свободного национального, этнокультурного развития национальных меньшинств и этнических групп, находящихся в подчиненном положении, постоянным нарушением их прав, созданием благоприятных условий для развития господствующего этнонационального большинства. С другой стороны, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, "империализм разжигает и провоцирует национальный эгоизм, шовинизм и расизм, презрение к правам и интересам других народов, их национальному культурно-историческому наследию"¹. Такая позиция правящих кругов в отношении различных этнонациональных групп населения США и Канады генерирует обострение национального вопроса, степень которого зависит от конкретной социально-экономической ситуации в этих странах.

Процессы формирования североамериканских наций, складывающаяся на тот или иной период этнонациональная ситуация в США и Канаде в течение более столетия постоянно привлекали внимание американских и канадских исследователей, историков, этнографов, географов, языковедов, философов, а в последнее время особенно этносоциологов. В этом постоянном интересе ученых отмечается, однако, одна четко выраженная закономерность - он значительно - возрастает именно в периоды, когда в Соединенных Штатах и Канаде наблюдается обострение этнонациональных проблем на общегосударственном уровне и уровне межэтнических (межгрупповых) отношений. Кстати, в эти периоды названным проблемам большое внимание уделяется и правящими кругами и их идеологическим аппаратом.

Научный интерес реализуется в появлении новых исследовательских учреждений, трудов, публикаций в периодической печати. Повышенное внимание политиков и идеологов к этнонациональным проблемам свидетельствует о поиске наиболее эффективных путей их регулирования, соответствующего тактическим установкам господствующего класса в национальном вопросе. Апогеем и закономерным результатом возрастающего интереса со стороны ученых и политико-идеологических кругов, становится формирование концепций, интерпретирующих этнонациональную ситуацию в целом, или отдельные ее аспекты, моделирование на их основе

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союз*. - И.: Политиздат, 1986. - С. 131.

этносоциального развития североамериканских стран. Как правило, научный и идеологический интересы взаимодействуют: правящие круги в осуществлении своей политики берут на вооружение некоторые идеи исследователей (в первую очередь те, которые наиболее полно соответствуют их идеологическим установкам и представлениям о путях укрепления их господствующего положения в обществе в той или иной этнонациональной ситуации) или же задаст социальную направленность исследованиям этнических процессов, преимущественно через субсидируемые ими научные учреждения и центры. Это в значительной мере относится к таким концепциям этносоциального развития, как англоконформизм, "плавильный котел", многокультурность, культурный плюрализм. В данном случае названные концепции играют служебную роль и используются правящими кругами для регулирования этнонациональных отношений в выгодном для них плане. Более того, некоторым концепциям, как, например, концепции культурного плюрализма и ее новейшим интерпретациям, придается универсальный характер и они навязываются в качестве основы модели развития любого полиэтнического государства, независимо от социально-экономической системы. Такие претензии на всеобщность отчетливо проявляются в компаративных исследованиях западных ученых этнонациональной ситуации в социалистических, капиталистических и развивающихся странах через призму буржуазного плюрализма² и в идеологических установках, реализующихся через некоторые каналы внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов (участие в работе международных организаций, международных конференций и симпозиумов³).

Претенциозность на универсальность усиливается в периоды возникновения конфликтных ситуаций в межэтнических отношениях в социалистических странах. При этом не делается различий между причинами, порождающими эти ситуации а двух социально-экономических системах, игнорируются те обстоятельства, что в полиэтнических странах социализма межэтнические конфликты не носят антагонистического характера и одной из важнейших задач социалистического строительства является совершенствование национальных отношений.

² См.: Ethnicity theory and experience /Ed. N.Olezer, D.P.Moynlhan. - Cambridge: Harvard university press, 1976. -531 p.; Ethnic identity» cultural communities and change / Ed. G.de Von, L. Romenucci-Ross. - Chicago; London: University of Chicago press, 1976. - XVII, 395 p.; Soviet nationalities in strategic perspective / Ed.E.Wimbush. - London: Croom Helm, 1985. - 253 p.

³ См.; Международная конференция "Этнические процессы в со-временном мире" // Советкая этнография. - 1987. - № 2. - С. 131-139; Советско- Американский симпозиум "Роль античности в современных обществах" // Советская этнография. - 1987. - № 6. - С.127-131.

Отмеченные обстоятельства обуславливают необходимость тщательного анализа советскими обществоведами сущности не только этнонациональных процессов в развитых капиталистических странах, прежде всего в североамериканских (в этом направлении у советской науки имеется весомый опыт), но и представлений о них, научных, идеологических толкований этих процессов, содержания, политико-социальной значимости концепций и строящихся на их основе моделей этносоциального развития США и Канады. Важным представляется соотнесение научно-идеологических интерпретаций существующих и моделируемых ситуаций в межнациональных отношениях с конкретной действительностью, т.е. насколько они соответствуют практике этносоциального развития. Выяснение указанных аспектов является важным этапом в определении роли национального вопроса в современном мире, в идеологической борьбе, истинной цены претензий на универсальность выдвигаемых буржуазными учеными и идеологами концепций.

Степень разработанности проблемы. Сравнительно-типологический анализ концепций этносоциального развития США и Канады до сих пор не являлся предметом исследования советских обществоведов, так же как и комплексное изучение концептуального осмысления буржуазными учеными-политологами этнонациональной ситуации в отдельно взятой стране. Для осуществления подобного рода работы требовалась фундаментальная база знаний о сущности и направленности этнонациональных процессов, истоках тех или иных явлений в межнациональных отношениях в полиэтнических странах, в частности, США и Канаде, их этнической истории. В последние два десятилетия советские американисты и канадоведы - первыми среди них были историки и этнографы, а затем представители других общественных наук - ведут активное исследование названных проблем в академических учреждениях и вузах: Институте этнографии АН СССР им. Н.Н.Миклухо-Маклая, Институте США и Канады АН СССР, Институте всеобщей истории АН СССР, Институте социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР, Институте истории АН УССР, Институте языкознания АН УССР им. А.А.Потебни, Московском государственном университете им. М.В.Ломоносова, Киевском государственном университете им. Т.Г.Шевченко, Черновицком государственном университете и др. Результаты усилий ученых названных учреждений, опубликованные в коллективных и индивидуальных монографиях, научно-популярных книгах и брошюрах, статьях в научной периодике, обеспечивают сумму знаний, позволяющую приступить к разработке темы, вынесенной в название диссертации.

В данном контексте следует отметить, что в некоторых обобщающих

работах, в исследованиях, посвященных отдельным аспектам этнонациональных проблем США и Канады, и в большей степени в историографических (к сожалению, немногочисленных) содержатся краткие характеристики интерпретаций этнонациональной ситуации в двух странах, взглядов американских и канадских авторов на этнические процессы. Накопленные сведения и стремление советских исследователей к освещению теории вопроса в зарубежном обществоведении, частично реализовавшегося в историографических работах, отсутствие специальных исследований и актуальность темы дали основание автору ставить в качестве научной проблемы критический анализ современных концепций этносоциального развития североамериканских стран и решать ее в сравнительном плане.

Труды советских обществоведов, в которых разрабатывается теория национального вопроса в капиталистическом мире, исследуются этнонациональные проблемы в США и Канаде, в определенной степени отражают научные взгляды зарубежных ученых и которые используются в настоящем исследовании или помогли формировать авторскую концепцию исследования темы представляемой к защите докторской диссертации, с известной мерой условности можно разделить на три группы.

Первая группа - это обобщающие труды, посвященные вопросам формирования и развития наций и национальных отношений в современном мире. Среди них - такие коллективные монографии, как Этнические процессы в современном мире, М.: Наука, 1987; Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М.: Наука, 1981; Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М.: Наука, 1981; Этнические процессы в странах Южной Америки. М.: Наука, 1981; Этнические процессы в странах Карибского моря. М.: Наука, 1982, а также работы видных советских ученых: Ю.В.Бромлея, С.И.Брука, Г.Е.Глезермана, М.С.Джунусова, С.Т.Калтахчяна, В.И.Козлова, Ф.Т.Константинова, М.И.Куличенко и др. Изучение коллективных трудов и трудов названных авторов дало важные теоретические ориентиры при постановке научной проблемы, формировании концепции настоящего исследования, выработки понятийно-терминологического аппарата.

Ко второй группе относятся работы, содержащие глубокий анализ и теоретическую интерпретацию реальных процессов в сфере национальных отношений в североамериканских странах, роли миграций в формировании наций на Американском континенте, социально-экономического положения национальных меньшинств и этнических групп, современной этнонациональной ситуации, политики государств в национальном вопросе. Здесь следует выделить коллективные труды: Народы Америки. Т.И. К., 1959;

Национальные проблемы Канады. М.: Наука, 1972; Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973; Государственная политика и обострение национальных отношений в странах капитала. Киев: Наукова думка, 1979; Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире. Киев: Наукова думка, 1984; Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки. Киев: Наукова думка, 1985; Африканцы в странах Америки. Роль негритянского компонента в формировании наций Западного полушария. М.: Наука, 1987. Разработке отмеченных аспектов этносоциального развития посвящены исследования советских американистов и канадологов Ю.П.Аверкиевой, Л.А.Баграмова, В.И.Бирюкова, Ш.А.Богиной, И.А.Геевского, Ю.А.Жлуктенко, Р.Ф.Иванова, Л.А.Лещенко, К.С.Лузика, В.А.Колленко, А.П.Королевой, Л.Н.Митрохина, В.И.Наулко, Э.Д.Нитобурга, Е.А.Реферовской, О.С.Сороко-Цюпы, В.А.Тишкова, С.В.Филиппова, Д.Н.Фурсовой, С.А.Червонной, В.Е.Чиркина, О.В.Шампура, А.Н.Шлепакова, Б.А.Щукиной и др.

Богатый фактический материал этих работ составил основу для выявления сущности отдельных положений концепций этносоциального развития США и Канады, определения истоков их появления и условий, в которых проверяется их "работоспособность" и состоятельность. К этим исследованиям относятся также труды К.С.Гаджиева, С.Б.Данилова, Ю.А.Замошкина, В.А.Зленко, А.Е.Куниной, А.Ю.Мельвиля, Л.В.Поздеевой, Г.Н.Савостьянова, Д.К.Фурманн, А.А.Фурсенко, И.С.Хмеля и др., в которых содержится анализ различных аспектов внутривосточных процессов США и Канады, полезный в плане выяснения условий формирования тех или иных концепций этносоциального развития.

Третью группу составили историографические работы, в которых в той или иной мере освещаются интерпретации буржуазными исследователями этнонациональной ситуации, этнических процессов и состояния национального вопроса в Соединенных Штатах и Канаде в разные периоды их исторического развития, как и их воззрения на место и роль национального вопроса в современном мировом процессе. Это труды Ю.П.Аверкиевой, С.Н.Артановского, Э.А.Баграмова, И.А.Бадаляна, Ш.А.Богиной, Ю.А.Громова, А.В.Картунова, А.Н.Майбороды, Б.И.Марушкина, Т.В.Таболиной, В.А.Тишкова, И.П.Труфанова, Л.Н.Фурсовой, С.А.Червонной, З.С.Чертиной, А.Н.Шлепакова. Данная группа работ наиболее близка к исследуемой диссертантом теме, в некоторых из них дана общая оценка концепциям американских и канадских авторов, рассматривающим те или иные аспекты этнонационального развития в своих странах, а также содержится анализ

понятий и терминов, которыми пользуются зарубежные иммигрантоведы и этносоциологи. Весьма полезными при исследовании проблемы концептуального осмысления буржуазными учеными этносоциальных процессов стали труды известных советских историографов Н.Н.Болховитинова, И.П.Дементьева, В.В.Согрина, которых разрабатывается теоретическая основа анализа концепций американской историографией явлений общественного развития.

В Соединенных Штатах Америки и Канаде системное исследование процессов этносоциального (национального) развития ведется давно, но наиболее активно в 1960-1980-е годы, что связано с возрастанием роли этнического фактора в общественной жизни североамериканских стран. В этот период создаются или активизируют свою деятельность уже существовавшие центры по изучению этнической истории, миграционных процессов, роли иммиграции и коренного населения Америки в формировании современного этнического состава населения США и Канады, американской, англоканадской и франкоканадской наций, межэтнических отношений, эволюции иммиграционного законодательства и политики правительств в национальном вопросе. социально-экономического положения и политико-правового статуса национальных меньшинств и этнических групп, их этнокультурного развития. Это, в первую очередь, такие центры, как Национальный центр городских этнических исследований (Вашингтон), Центр по изучению истории иммиграции университета штата Миннесоты (г. Миннеаполис), Центр по изучению иммиграции (Нью-Йорк), Центр по изучению азиатской иммиграции Калифорнийского университета (г. Лос-Анджелес), Центр по изучению американского плюрализма Чикагского университета и др. - США; Канадский центр по изучению прерий (Реджайна), Институт психологических исследований Йоркского университета (Торонто), Национальный музей человека (Оттава), Центр этнических исследований Калгарского университета, исследовательские группы в Торонтском университете, университете провинции Альберта и др. - Канада.

Как в Соединенных Штатах, так и в Канаде в 1960-1970-е годы возникли научные общества, основная задача которых - координация (территориальная, объектно-предметная) усилий ученых и практиков, занимающихся изучением этнической истории и этнонациональных процессов в североамериканских странах: Американское общество по изучению иммиграции, Ассоциация расовых и этнических исследований (США); Отделение антропологии и социологии Канадской ассоциации политических наук, Канадская ассоциация этнических исследований, Ассоциация социологов и антропологов Западной

Канады (Канада) и т.д.

В условиях роста этнического самосознания национальных меньшинств и иммигрантских групп в последнее двадцатилетие в США и Канаде появилось большое количество исторических обществ и ассоциаций, строящихся по этническому признаку и концентрирующих усилия историков-любителей и профессионалов преимущественно на изучении локальной истории и места в ней выходцев из других стран. По данным "Путеводителя по историческим обществам и агентствам в США И Канаде", в этих странах действует более 1000 таких обществ⁴. Этим же феноменом объясняется публикация в США и Канаде книг и материалов по отдельным этнонациональным группам, выходящих в продолжающихся сериях: "Хронология этнических групп", "Этнические группы в американской жизни", "Иммигрантское происхождение Америки", "Создатели Америки", "В Америке", "Этнические группы Канады". Следует отметить, что деятельность обществ и названные серии публикаций не дают обильного материала для формирования нашей концепции осмысления методологических и методических принципов буржуазной историографии этносоциальных процессов, в данном контексте они упоминаются как показатель возросшего интереса к этнической проблематике в целом.

Более значительный интерес для нашей работы представляют результаты научных исторических и социологических исследований по этнонациональной проблематике США и Канады, опубликованные в коллективных и индивидуальных монографиях, среди авторов которых известные как в США и Канаде, так и у специалистов других стран такие ученые, как Ф.Барт, Д.Белл, Ван ден Берге, Дх.Беннет, Дж.Бернет, Э.Бонасич, М.Бэнтон, Р.Веколи, Н.Глейзер, А.Грили, В.Грин, М.Гордон, Л.Диннерштайн, Г.Каллен, У.Кальбах, Р.Коуэн, С.Либерзон, Д.Мойнихэн, У.Мортон, М.Новак, У.Ньюман, Дж.Портер, Д.Раймерз, А.Ричмонд, Дж.Хайем, М.Хехтер, О.Хэндлин, Р.Шермерхорн, Дж.Эллиот и др.

Актуальные темы этносоциального развития стран Северной Америки освещаются на страницах журналов исторического философского, социологического, антропологического, политического профиля: "Американское историческое обозрение", "Журнал американской истории", "Журнал междисциплинарной истории", "Социальная история", "Современная история", "Тенденции в истории", "Американское социологическое обозрение", "Канадский журнал экономических и политических наук", "Канадское историческое обозрение", "Канадский журнал политических наук", "Канадское

⁴ Тишков В.А. Статус профессии историка в США // Вопросы истории. - 1983. - № 1. - С. 52.

обозрение по социологии и антропологии", "Канадский журнал психологических наук", и др., а также в специализированных периодических изданиях США, Канады и других стран: "Этничность"⁵, "Журнал американской этнической истории" (США), "Канадские этнические исследования", "Канадское обозрение исследований по национализму" (Канада), "Расовые и этнические исследования" (Великобритания), "Международное миграционное обозрение"⁶.

Параллельно с исследованием этносоциальных процессов американскими и канадскими учеными формировались их концепции: в работах авторов XIX века попытки теоретического осмысления этнонациональной ситуации в США вылились в появлении концепций границ Ф.Тернера и англоконформизма; начало XX века дало новые концепции - "плавильного котла" (США), "канадской мозаики" (Канада); затем в 1960-е годы в научный оборот и идеологическую практику активно вводятся концепции культурного плюрализма (США), многокультурности (Канада), несколько позже - этничности (США, Канада). Среди работ зарубежных авторов, содержащих анализ концептуального и понятийно-терминологического аппарата исследований этносоциального развития североамериканских стран, выделяются обобщающие библиографические издания⁷, а также работы таких ученых, как Ван ден Берге, Н.Глейзера, Л.Дридгера, Д.Мойнихэна, Дж.Нюмена, Дж.Портера, Ф.Риггса, А.Ричмонда, С.Тернстрома и других.

В последнее двадцатилетие в США и Канаде наряду с работами, которым присущ сравнительный анализ этнонациональной ситуации в двух странах, появляются исследования, посвященные сравнению концепций этносоциального развития, сформировавшихся то ли в США, то ли Канаде, их "работоспособности" в рамках одного и другого этнополитического организма. Если, скажем, ранее считалось, что такие концепции, как англоконформизм,

⁵ В настоящее время не выходит

⁶ American Historical Review; journal of American History; Journal of Interdisciplinary History; Social History; Current History; Trends in History; American Sociological Review; Canadian Journal of Economics and Political Sciences; Canadian Historical Review; Canadian Journal of Political Sciences; Canadian Sociological and Anthropological Review etc.

⁷ Canadian ethnic groups bibliography. – Toronto: Ontario Department of the Provincial Secretary and Citizenship. 1972 / A comprehensive bibliography for the study of American minorities. Vol.1-2. - New York, 1976; Immigration and ethnicity! A guide to information sources. - Detroit, 1977; Joramo Marjoric K. A directory of ethnic publishers and resources organizations. Chicago, 1979; Bentley G.C. Ethnicity and nationality. A bibliographic guide. - Seattle, 1981; Culture, ethnicity and identity; Current issues in research / Ew.W.McCready. - New York, 1983; European immigration and ethnicity in the United States and Canada! A hist. bibllogr. / Ed.D.Hrye. - Santa Barbara (Cal.), Oxford, 1983.

"плавильный котел" были свойственны исключительно для Соединенных Штатов, то сейчас в этнологической литературе и документах этнических организаций встречаются ссылки на то, что названные концепции имеют место в этносоциальном развитии Канады и они становятся предметом этнических исследований в этой стране⁸. Данное направление является одним из перспективных в американской и канадской этносоциологии, что определяется значительным сходством и сохраняющимися особенностями этносоциального развития этих стран и накопившимся опытом подобного рода исследований.

Характерной чертой историографии 1960-1980-х годов является все более четкое оформление направлений как по линии соответствующих областей знаний, так и по классово-мировоззренческой, причем одно не исключает другого. В первом аспекте можно выделить три направления: а) историко-этнографическое, охватывающее работы по этнической истории, этнокультурным и языковым процессам в исторической перспективе; б) этносоциологическое, объединяющее исследования по социологии современных этнонациональных процессов; в) историографическое.

В соответствии с мировоззренческими позициями авторов в буржуазной историографии этносоциального развития США и Канады можно назвать два главных направления - либеральное и консервативное. Зачастую сложно провести разграничение между литературой либерального и консервативного направлений, при одной и той же методологической базе речь скорее идет о некоторых различиях в трактовке определенных аспектов национальных отношений и перспектив этносоциального развития США и Канады.

Исследование этносоциальных процессов в Соединенных Штатах и Канаде ведется и в других зарубежных странах. Их объектом становятся преимущественно этнонациональные группы, сформировавшиеся из выходцев из этих стран и их потомков; во многих работах зарубежных авторов содержатся оценки этнонациональной ситуации в североамериканских странах, реже анализируются концепции этносоциального развития. Среди зарубежных ученых, исследования которых близки к проблеме, разрабатываемой в настоящей диссертации, - Золтан Ваш, Ю.Пушкаш (ВНР), Ф.Роуз (ГДР), Гд.Бабиньски, А.Капишкевски, А.Позерн-Зелиньски, Н.Кубяк (ПНР), Й.Вирост, А.Зелова, Л.Кита, З.Базопуст (ЧССР), А.Смит, Дж.Рекс (Великобритания), Э.Влахос, П.Статопулос, Н.Тавухис, П.Химбос (Греция), П.Чинанни, Б.Ливи,

⁸ Lipset S. Canada and the United States: A comparative View II Canadian Review of Sociology and Anthropology. - 1964.- № 4; McKenna M.S. The melting pot: Comparative observation in the United States and Canada // American Sociological Review.- -Vol.54, № 6; Porter J. Melting pot or mosaic Revolution or reversion? // The measure of Canadian society. - Gage, - P.139-162.

Ф.Черазе (Италия), Д.Шнаппер (Франция), М.Вибиш, Н.Винтер, Ч.Вилперт (ФРГ) и др.

Изучение литературы, прямо или опосредственно сопричастной с темой диссертации, с позиций высоких требований, которые предъявляются к общественным наукам в решениях XXУП съезда КПСС, материалах январского (1987 г.), февральского и июньского (1988г) Пленумов ЦК КПСС, в выступлениях руководителей КПСС и Советского государства, дало возможность выявить актуальные, малоисследованные направления в этнонациональной проблематике Соединенных Штатов и Канады, сформулировать и определить главные вопросы, освещаемые в диссертации.

Цели и задачи исследования. Главная цель работы состояла в том, чтобы на основе комплексного историографического исследования, сочетающего в себе методы и приемы историко-этнографического и этносоциологического анализа, выявить основные современные концепции этносоциального развития североамериканских стран, сформулированные учеными и идеологами США и Канады, определить их сущность и содержание, условия и факторы их формирования, дать объективную оценку научной и идеологической значимости этих концепций и базирующихся на них моделей будущего этносоциального развития.

Для достижения поставленной цели потребовалось решение ряда взаимосвязанных конкретных задач, в первую очередь исследования закономерностей и особенностей формирования современной этнонациональной ситуации в североамериканских странах, ее характерности; выделение типов, видов и вариантов концепций этносоциального развития, определение критериев их типологизации, исторических периодов их становления и применения в научной, политической и общественной практике для интерпретации этнонациональных процессов в США и Канаде, попыток их универсализации в мировом контексте; уточнения содержания понятийно-терминологического аппарата, используемого буржуазными учеными в исследованиях этнонациональных проблем в полиэтнических странах капиталистического мира; изучения оценок зарубежными авторами, прежде всего из социалистических стран, этнонациональной ситуации в США и Канаде и ее интерпретации американскими и канадскими исследователями; роли социального заказа господствующего класса в формировании концепций и моделей этносоциального развития стран Северной Америки.

Объект и предмет исследования. В соответствии с целями и задачами объектом исследования в целом явились концепции этносоциального развития Соединенных Штатов и Канады, имеющие место в научной и общественной

мысли этих -стран на современном этапе, как сформировавшиеся в период после второй мировой войны (культурный плюрализм, многокультурность, этничность, квебекский этнонационализм и др.), так и традиционные (англоконформизм, "плавильный котел"), сегодня не являющиеся господствующими, но не утратившие определенной научной и идеологической значимости.

Хронологически исследование охватывает рамки 1950-1980-х годов, период, когда достаточно активно проявляется роль этнического фактора в общественно-политической жизни США и Канады, обостряются межнациональные конфликты, предопределившие необходимость теоретического обоснования явлений в этносоциальном развитии этих стран.

Предметом исследования стали условия, в которых формировались те или иные концепции этносоциального развития, механизм их действия в конкретной социально-исторической обстановке, использование правящими кругами США и Канады научных концепций в процессе государственного регулирования национальных отношений. Поскольку традиционные концепции не исчезли из научного и политического обихода, о чем свидетельствуют новейшие исследования американских и канадских ученых, выступления официальных лиц, то представляется обоснованным не только анализ их значимости на современном этапе, но и историческая характеристика социальной среды, в которой происходило их становление. Данное обстоятельство предполагает в некоторых случаях выход за определенные выше хронологические рамки, что обусловлено необходимостью оценки возможностей традиционных концепций при анализе сложившейся этнонациональной ситуации, когда современные концепции частично или полностью оказываются несостоятельными.

Методологическая и источниковая база исследования. Методологическую основу выполненного исследования составили труды основоположников марксизма-ленинизма, в которых разрабатывается теория наций и национальных отношений, содержатся примеры ее применения к анализу этнонациональной ситуации в полиэтнических странах капиталистического мира, - работы К.Маркса "Капитал", "Вынужденная иммиграция", С.Энгельса "О концентрации капитала в США", "Предисловие ко второму русскому изданию "Манифеста Коммунистической партии", письма Й.Блоху, Р.Зорге, Г.Шлютеру, труды В.И.Ленина "Критические заметки по национальному вопросу", "Капитализм и иммиграция рабочих", "О "культурно-национальной автономии", "Национал-либерализм и право наций на самоопределение", "Еще о "национализме" и др.

Важными методологическими ориентирами при исследовании проблемы служили фундаментальные положения, содержащиеся в материалах XXУП съезда КПСС, последующих пленумах ЦК КПСС, других документах КПСС и Советского государства, документах международного коммунистического и рабочего движения, выступлениях руководителей КПСС и Советского государства. В настоящей работе автор опирался на оценки и выводы по корешам проблемам этносоциального развития США и Канады, которые содержатся в программных документах Компартии США и Коммунистической партии Канады, в докладах и выступлениях видных деятелей коммунистических партий этих стран, трудах американских и канадских ученых-марксистов.

Источниковую базу диссертации составили публикации правительства США и Канады, конгресса Соединенных Штатов, парламента Канады, перешей населения североамериканских стран, справочно-статистические сборники, материалы международных многосторонних и двусторонних конференций и симпозиумов по этнической проблематике, бюллетени и другие издания научных обществ и учреждений, общественных организаций этнонациональных групп североамериканских стран, периодической печати США и Канады, в том числе этнической. В перечисленных источниках содержится богатый фактический материал по этническому составу населения США и Канады, позиции правительственных кругов в национальном вопросе, деятельности этнических организаций, идеологической ситуации внутри этнонациональных групп, научно-концептуальным основам формирования концепций современного этносоциального развития этих стран.

В процессе исследования проблемы автор опирался на труды ведущих советских историков, этнографов, философов, этносоциологов, специалистов из социалистических стран, а также критически использовал опыт исследования зарубежными буржуазными учеными этносоциального развития стран Северной Америки. В методологическом плане особо ценным оказалось проведенное академиком Ю.В.Бромлеем и утверждающееся в советском обществоведении разграничение в национальных явлениях двух важных аспектов - этнического и социально-экономического - и обоснованное им понимание нации как этносоциальной общности, а национальных процессов как этносоциальных процессов, что отражает весомость последних в общественном развитии полиэтнических стран.

Марксистско-ленинская методология и особенность источниковой базы определили характер методики исследования - в качестве основных методов автором используются три: метод критического анализа, метод сравнительно-

типологического анализа и метод "контент-энэлайсиза".

критический анализ буржуазных концепций этносоциального развития, как и используемого материала, опубликованного в трудах американских и канадских буржуазных исследователей, обуславливается следующими обстоятельствами: а) осознанием того факта, что историческая наука (и другие отрасли гуманитарных знаний), особенно в США, развивалась под знаменем прославления американского прошлого, обоснования божественного "предначертания судьбы" и исключительности исторического опыта Америки⁹; б) плюралистичностью точек зрения по поводу одного и того же явления в этносоциальном развитии, зачастую порождающейся не необходимостью достоверного анализа сложных феноменов, а идеологическими и политическими мотивами; в) незавершенностью методик исследования явлений, чаще всего выражающейся в рассмотрении отдельных аспектов вне конкретного социально-исторического контекста и вне диалектической взаимосвязи различных аспектов этносоциального развития.

Применение сравнительно-типологического метода анализа было продиктовано объективной закономерностью развития этого направления исследований в американской и канадской историографии, которая засвидетельствовала наличие определенного количества головных концепций и множество их вариантов. Применение этого метода позволяет выделить общие, характерные для исследований ученых двух стран, черты, как и их специфику, обуславливающиеся самим содержанием этнонациональных процессов,

Метод "контент-энэлайсиза", применяющийся диссертантом в основном к исследованиям, посвященным этнонациональной ситуации в североамериканских странах, документам правительств и общественных организаций, переписям, публикациям этнической прессы, использовался для проверки научной достоверности, степени состоятельности и практической эффективности существующих концепций и строящихся на их базе моделей этносоциального развития полиэтнических стран.

Научная новизна диссертации определяется постановкой проблемы, которая до настоящего времени не была предметом комплексного исследования в советском обществоведении. В ходе его выполнения была выработана концепция сравнительно-типологического анализа буржуазных теорий этносоциального развития, утвердившихся в научной литературе и общественной мысли Соединенных Штатов и Канады в период после второй

⁹ См.: Дементьев И.П. Теория "американской исключительности" в исторической мысли США // Вопросы истории. - 1986. - » 2. - С. 81-102.

мировой войны. Новизна идей, разработок, обобщений и выводов состоит в том, что, опираясь на теорию этнонациональных процессов В современном мире, разработанную советскими учеными, на достижения отечественной этноамериканистики, автор предложил типологию концепций этносоциального развития этих стран, базирующуюся на социально-экономических, идеологических, политических, религиозных, этнокультурных и других факторах. Автор считает целесообразным выделить три основных типа концепций: ассимиляционистский, плюралистический и сепаратистский. В процессе анализа современной этнонациональной ситуации, сущности и содержания, предполагаемых целей используемых в научной и общественной практике концепций были выделены те, которые могут стать базовыми, по мнению американских и канадских исследователей, для моделей будущего этносоциального развития США и Канады - это концепции культурного плюрализма, многокультурности, этничности.

Изучение закономерностей и особенностей национальных процессов в двух странах, факторов, влияющих на их характер, позволили выявить причины несостоятельности отмеченных концепций в качестве "идеальной модели" в длительной перспективе; установить закономерности эволюции как традиционных ассимиляционистских, так и современных плюралистических концепций.

В работе дается определение термина, которым в последнее время пользуются советские исследователи - "этнический фактор", выделяются его структурообразующие и психологоповеденческие компоненты, оценивается его роль на различных этапах истории США и Канады. Изучение автором широкого круга источников, советской и зарубежной научной литературы по этнонациональной проблематике, периодической печати, в том числе этнической, дало возможность впервые ввести в научный оборот весомый материал, который позволяет всесторонне оценить научную и идеологическую значимость не только господствующих, но и традиционных концепций этносоциального развития.

Совокупность впервые предложенных в данной работе и других публикациях автора идей, методов и научных результатов определяет возможность развития нового научного направления в советской этноамериканистике - сравнительно-типологического анализа интерпретаций буржуазной историографией этнической истории и современного этносоциального развития Соединенных Штатов Америки и Канады, как и возможность появления нового направления в исследовании этнонациональных процессов в полиэтнических странах капиталистического мира -

компаративной историографии концептуального осмысления зарубежными учеными закономерностей и особенностей этнических явлений в современном мире.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что она дает реальную картину состояния исследований этнонациональных процессов в полиэтнических странах Северной Америки, ее содержание помогает понять движущие мотивы (научные и политико-идеологические) разработки буржуазных концепций и моделей этносоциального развития, сопоставить теоретическое осмысление западными учеными этнонациональных процессов с действительностью, выявить служебный характер многих исследований, осуществляемых в США и Канаде под эгидой научных центров, субсидируемых правительствами и фондами.

Выводы, вытекающие из анализа научной и социально-политической роли буржуазных концепций в развитии теории наций и современных этнических процессов, могут быть использованы: при изучении этнонациональных проблем США и Канады в прошлом и настоящем, при проведении комплексных сравнительных исследовательских работ роли этнического фактора в полиэтнических странах, представляющих различные социально-экономические системы, в частности, разрабатываемых Академией наук СССР и Американским советом познавательных обществ проектов по взаимодействию культур и сравнительных исследований этничности, при совершенствовании работы средств массовой информации, освещающих проблемы внутривнутриполитического развития США и Канады, в работе идеологических учреждений и учреждений, осуществляющих связи советской общественности с зарубежными странами, в том числе с выходцами из СССР, в контрпропагандистской работе по разоблачению буржуазных фальсификаций советского опыта решения проблем межнациональных отношений, несостоятельности претензий на "универсальность" выдвигаемых буржуазной наукой концепций.

Апробация и реализация результатов исследования. Методологические и конкретно-теоретические положения, выводы и практические рекомендации, сформулированные при выполнении диссертационного исследования, были апробированы в монографиях и статьях, в научной и периодической печати, в том числе в прогрессивных изданиях украинских этнических групп США и Канады, использованы в докладах, научных сообщениях и выступлениях на всесоюзных научных конференциях и сессиях (1982, Ужгород; 1982, Нальчик; 1984, Черновцы; 1986, Ташкент; 1966, Йошкар-Ола), на международных конференциях и симпозиумах "Роль этничности в современном обществе"

(1985, Таллин), "Язык и этничность" (1988, Баку), советско-американских симпозиумах: "Факторы, влияющие на сохранение этничности" (1935, Киев), "Этничность в современных обществах" (1986, Принстон, США), на заседании Научного совета по национальным проблемам при Президиуме АН СССР, при разработке практических рекомендаций в докладных записках в директивные органы, на заседаниях Сектора народов Америки Института этнографии АН СССР им. Н.Н.Миклухо-Маклая и Отдела социально-политических проблем стран Западной Европы и Северной Америки Института социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР, в лекционных курсах на факультете международных Отношений и международного права Киевского госуниверситета, в выступлениях перед американцами и канадцами украинского происхождения, посещавшими СССР по линии общества культурных связей с зарубежными украинцами "Україна".

Диссертация органически связана с тематикой основных научных исследований Института социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР, утвержденной Госпланом СССР и Госкомитетом СССР по науке и технике, Академией наук УССР и Академией наук СССР, с Комплексной программой АН СССР "Этническая История и современные национальные процессы"¹⁰ и представляет результаты выполненных плановых тем, исполнителем и соисполнителем которых автор является в течение 1971-1988 гг.

Публикации. Результаты выполненных исследований, интерпретация понятийно-терминологического аппарата, теоретические положения, материалы, впервые введенные в научный оборот и сделанные на их основе выводы и обобщения, изложены в диссертации и в дополняющих ее научных докладах, статьях, разделах в коллективных монографиях, в научно-теоретических сборниках, в монографиях и в других публикациях. Всего по теме диссертации опубликовано более 50 работ общим объемом около 60 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, приложения со списком основных отечественных и зарубежных научных учреждений, в которых исследуются этносоциальные процессы в США и Канаде, списка источников и использованной литературы.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

- системное научное осмысление и идеологическая интерпретация этносоциального развития североамериканских стран обусловлены

¹⁰ Комплексная программа. Этническая история и современные национальные процессы // Вопросы истории. - 1987, - № 9. - С. 97-118.

объективной необходимостью регулирования межнациональных отношений в стране;

- общность концепций, выдвигаемых американскими и канадскими исследователями и лидерами этнических движений, определяется тем обстоятельством, что Соединенные Штаты и Канада в значительной степени осваивались выходцами из разных стран мира, вступавшими во взаимодействие с коренными жителями этих стран, а различия - характером социально-экономического развития и национально го развития (более медленные темпы промышленного освоения Канады в сравнении с США, особенно в конце XIX - середине XX веков; формированием двух наций в Канаде - англоканадской и франкоканадской', особенностями иммиграционной политики и иммиграционного законодательства двух стран и др.);

- буржуазные концепции этносоциального развития США и Канады выполняют служебную роль, которая заключается в обосновании правомочности проводимой правящими кругами политики в национальном вопросе;

- научная значимость и социальная роль буржуазных концепций этносоциального развития определяется характере*' этнонациональ-ной ситуации в стране и стратегией и тактикой господствующего класса в национальном вопросе на конкретном этапе исторического развития американского и канадского обществ, что обуславливает их сменяемость и эволюцию;

- научная несостоятельность буржуазных концепций определяется ограниченностью методологической базы исследований; в силу этого строящиеся на основе буржуазных концепций модели этносоциального развития не в состоянии предложить эффективные пути преодоления обостряющихся время от времени этнонациональных проблем;

- классовая сущность и служебный характер буржуазных концепций определяют активное их использование в идеологической борьбе двух противоположных социально-экономических систем.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность и научная значимость избранной темы, раскрывается степень разработанности темы в литературе, определяются цели, задачи, объект и предмет исследования, обосновывается научная новизна и практическая значимость положений, выносимых на защиту, характеризуются использованные в данной работе и в примыкающих к ней публикациях источники.

Для анализа буржуазных концепций этносоциального развития США и Канады потребовалось привлечь значительный, ранее мало используемый и вообще не использовавшийся материал, составивший новую информационную базу. Она состоит из совокупности не скольких потоков информации, представленной важнейшими документами КПСС, Компартии США, Компартии Канады, трудами видных деятелей КПСС, ИИ США, КИМ; систематизированными материалами переписей населения США и Канады; данными, почерпнутыми из официальных документов правительственных и научных учреждений; материи лами научных конференций, итогами этносоциологические исследования НИИ, осуществлявшимися в разные периоды в США и Канаде.

Первая глава - "Методологические проблемы анализа буржуазных концепций этносоциального развития североамериканских стран" посвящена анализу особенностей этносоциального развития США и Канады с точки зрения марксистско-ленинской теории; в ней дается оценка состояния национального вопроса в двух североамериканских странах. В этой главе содержится материал, освещающий социально—экономическое положение национальных меньшинств и иммигрантов в США и Канаде, политику буржуазного государства в национальном вопросе, дискриминацию выходцев из других стран и их потомков во всех сферах жизни американского и канадского обществ. Приводимые данные, в частности, содержащиеся в работах известных американских и канадских исследователей этнонациональных проблем, подтверждают сохранение разрыва в удовлетворении потребностей представителей господствующих наций и национальных меньшинств и иммигрантов.

Марксистские исследователи, фиксируя неравноправное положение выходцев из разных стран мира и американском и канадском обществах, пытается определить его истоки и предложить пути его устранения. Кардинальное решение этнонациональных проблем, с которыми США и Канада столкнулись на современном этапе, они видят в устранении социально экономических причин, порождаемых капиталистическим обществом.

Рассматривая такой феномен, как "этническое возрождение", характерный для США и Канады 1960-1980-х годов, автор отмечает, что оно совпало именно с тем периодом, о котором В.И.Ленин писал, что в условиях углубления классового антагонизма возможно "...временное появление на авансцене политической драмы и того или иного национального вопроса"¹¹.

¹¹ Ленин В.И., Национальный вопрос в нашей программе // Поли, собр. соч. - Т. 7. - р. 239.

В данной главе предпринята попытка дать авторскую типологизацию современных буржуазных концепций этносоциального развития североамериканских стран. В ее основу положены цели, которые ставят перед собой авторы этих концепций. Типологизация включает три основных типа: ассимиляционистский, плюралистический и сепаратистский. К первому отнесены англоконформизм и "плавильный котел", ко второму - культурный плюрализм, многокультурность, этничность, к третьему - квебекский этнонационализм и этнорасовый национализм. При характеристике критериев, которые буржуазные ученые и идеологи кладут в основу своего концептуального осмысления этнонациональных процессов, обращается внимание на то, что чаще всего это критерии этнокультурного, этнопсихологического порядка. И, как правило, практически исключены социально-экономические, что в значительной степени сужает возможности объективной интерпретации проблем этносоциального развития, особенно истоков их появления.

Во второй главе - "Традиционные ассимиляционистские концепции" - анализируются англоконформизм и "плавильный котел", которые сформировались в конце XIX - начале XX веков. Их сущность отражала сложившуюся на тот период ситуацию в межэтнических отношениях в США и Канаде, когда англичане прочно завоевали господствующее положение в этих странах.

Англоконформизм, возникший во второй половине XIX века и оставшийся господствующей моделью этносоциального развития США до 20-х годов XX в., являлся выражением идеологии правящих кругов Америки того времени. Это позволяет характеризовать его как идеологическую концепцию. Вместе с тем конкретное свое воплощение он получил в политике по отношению к иммигрантскому населению США, что сближает его с политической концепцией. Поэтому, в отличие от американской буржуазной литературы, где англоконформизм трактуется как идеологическая концепция, его, на наш взгляд, следует определять как идеолого-политическую концепцию, поскольку, как мы установили, идеология нашла конкретное выражение в официальной политике, став доктриной правительственных кругов в сфере национальных отношений. Англоконформизму, как политике, в значительной степени был присущ волюнтаризм, игнорирование объективных закономерностей развития этнополитического организма, состоящего из представителей различных этносов, что и предопределило его несостоятельность. Он оказал негативное влияние на развитие межэтнических отношений в стране, став для буржуазии инструментом раздувания розни

между выходцами из разных стран, под его воздействием формировались негативные этнические стереотипы и автостереотипы. Откровенно расистский и шовинистический характер англоконформизма с особой силой проявился в антииммиграционном движении конца XIX века, вызвавшем рестрикционистское иммиграционное законодательство в США, и в кампании "американизации".

В Канаде англоконформизм не стал официальной политикой. Здесь он, или точнее его элементы, являлись идеологией части британской буржуазии. Характерно и то, что англоконформизм не был моделью, выработанной в "лабораториях" ученых и предложенной для воплощения в жизнь, он был порожден самой практикой национальных отношений в стране в рассматриваемый период. Теоретическое обоснование, как и само название, данная концепция этносоциального развития в буржуазной науке получила значительно позже - в литературе 50-х годов¹². В 1990-х гг. видные канадские этнологи (Д.Хьвфз, Е.Каллен, Х.Палмер, Р.Моррис, С.Лофье, Р.Бретон) обосновывают идею об усилении позиций идеологии англоконформизма в теоретических исследованиях и общественной мысли.

Сущность концепции "плавильного котла" «водилась к перемалыванию выходцев из других стран в единую американскую нацию. На определенном этапе, по некоторым признакам, "плавильный котел" действовал успешно - увеличивалось количество смешанных браков, уменьшалось количество издаваемых газет на других, кроме английского, языках, этнических организаций и т.д.

Однако в середине 1960-х годов наблюдается некоторое оживление этнических структур в США и Канаде. Это дало повод для зарубежных и некоторых советских исследователей утверждать, что эпоха "плавильного котла" завершилась и эта концепция исчезла из научного и идеологического обращения. Но конец 1970-х годов дает значительное количество примеров для размышлений о возвращении этой концепции (безусловно, в трансформированном виде) и завоевание новой популярности в широких кругах как ученых, так и идеологов. Некоторые политики США, как например, бывший сенатор С.Халкава, в территориальной концентрации испаноязычных иммигрантов усматривают специфическую угрозу "культурному единству" страны. В США развернулось целое движение за конституционное признание английского языка в качестве официального языка Соединенных Штатов. На

¹² Gordon M.M. Assimilation In America: Theory and reality //The ethnic factor in American politics. - New York: Harper and How, 1970. - P.30.

волне этого движения возникла специальная организация - "Английский язык Соединенных Штатов" (U.S. English-Известный американский иммигрантовед, президент Исторического общества по изучению иммиграции Р.Вэколи подобную ситуацию объясняет следующими обстоятельствами: "В 1970-е годы Соединенные Штаты пережили унижающие их изменения, которые бросили тень на их якобы существующее лидерство "в свободном мире". Поражение во Вьетнаме, иранский инцидент, бойкот Олимпийских игр, все это свидетельствовало об ограничении американского влияния. Тек временем экономическое доминирующее влияние Японии поколебало веру американцев в превосходство нашей промышленности и технологии. Высокий уровень безработицы, инфляция и экономическая неуверенность размывали психологическую и материальную базу американского понимания благосостояния. Кризис доверия к своим институтам и ценностям охватил американцев. Ура-патриотизм Рональда Рейгана, жестокий антикоммунизм и религиозный фундаментализм представляют некий "встречный удар", возрождение "традиционных" ценностей"¹³.

Характерной особенностью исследований этнонациональной ситуации в стране в конце 1970-х - середине 1980-х гг. стало обоснование преимущества концепции "плавильного котла" для Соединенных Штатов. Дж.Хайем, фундатор исследований новой этичности категорично утверждает, что "этническое возрождение закончилось, а сама эпоха этнических исследований завершилась" и в этой связи он призывает историков отказаться от изучения плюрализма и заняться исследованием "большой темы" становления американского народа .

Основные признаки этнонациональных процессов, позволяющие американским социологам и идеологам развить концепцию "плавильного котла" (интенсивные внутренние миграции населения, индустриализация, урбанизация, массовое смешение выходцев стран в ходе промышленного и сельскохозяйственного развития, целенаправленная иммиграционная политика правительства), с некоторыми особенностями были характерны также для Канады, что дает основания применять термин "плавильный котел" ж отношении этой страны. Отметим, что в начале XX в. данное название в канадской научной литературе и общественной мысли не использовалось для обозначения фактически тех процессов, которые американские исследователи определяли именно этим термином. Современные канадские этноисторики и

¹³ Vecoli R.J. Return to the melting pot: Ethnicity in the United States in the eighties // Journal of American Ethnic History. - 1985. - Vol.5, № 1. - P.9.

этносоциологи (М.МакКенна, Дж.Портер и др.), изучая этнонациональные процессы в стране, все чаще, употребляют понятие "плавильный котел" для характеристики периода начала XX в. - до середины 1960-х гг.

Правда, канадские исследователи, пользуясь упомянутым термином, обращая внимание на существование предпосылок для интенсивного перемалывания выходцев из различных стран в единый этнонациональный конгломерат отмечают главные препятствия, не позволившие в полной мере реализоваться "плавильному котлу".¹⁴ Д.Ронг, например, видел одно из основных препятствий в том, что у канадцев в то время недостаточно было развито понимание самой сущности "канадской идентичности", а концепция "двух культур" в одном государстве не позволяла развить универсальную концепцию "канадского образа жизни", приемлемую для иммигрантов.

В отличие от США, прибывавшие в Канаду иммигранты попадали в территориально-экологические ниши, где абсорбатором выступали две основные этнические общности - англоканадцы и франкоканадцы, в большинстве случаев - первые. Поэтому перемалывание осуществлялось как бы в двух "котлах". И в этом, состоит главная особенность канадских вариантов "плавильного котла"¹⁵. Существуют и другие характерные черты этого процесса в Канаде - скажем, здесь, как в англоканадской, так и в франкоканадской нишах он протекал более медленно, чем в США в силу различных темпов развития капитализма в этих странах (имеется ввиду в первую очередь такие факторы, как концентрация промышленного производства, индустриализация, рост городов и т.д.).

В третьей главе - "Буржуазные концепции плюралистического развития стран Северной Америки" - рассматриваются три наиболее представительные концепции этносоциального развития США и Канады - культурный плюрализм, многокультурность, этничность. Большинство американских и канадских исследователей и идеологов считают эти концепции базовыми в оценке дальнейших путей этносоциального развития своих стран. В ходе анализа была выявлена научная несостоятельность концептуального осмысления этносоциальных процессов, хотя на определенных этапах буржуазные концепции (в частности предполагающие некоторые мероприятия в этнокультурной сфере) сыграли положительную роль в урегулировании острых проблем межэтнических отношений.

Здесь же анализируются такие явления в этнонациональных процессах в

¹⁴ См.: Vecoli R.J. Op. cit. - P.15.

¹⁵ McKenna M.S. The melting pot: Comparative observation in the United States and Canada // American Sociological Review. -1978. - Vol.54, № 6. - P.44.

США и Канаде, как "этнический антагонизм" и "этническая солидарность", оказывающие огромное влияние на характер этнического взаимодействия представителей разных народов. Особое внимание уделяется анализу причин, предопределяющих банкротство тех или иных концепций, проявляющееся в первую очередь в неспособности решить социальные проблемы национальных меньшинств и иммигрантов, обращается внимание на попытки буржуазных ученых подменить классовые понятия понятиями этническими.

Одной из самых распространенных современных концепций, использующихся для интерпретаций этнонациональной ситуации в полиэтнических странах капиталистического мира, является концепция культурного плюрализма. В целом ее содержание сводится к признанию существования в рамках одного этнополитического организма различных национальных меньшинств и этнонациональных групп со своеобразными элементами быта и культуры, связанными с их инациональным происхождением. В большинстве интерпретаций сущности культурного плюрализма содержится также мысль о том, что данная концепция предполагает, по крайней мере, толерантность буржуазного государства к существованию на его территории выходцев из разных этносов и создает им соответствующие условия для сохранения и развития специфических черт быта и культуры страны происхождения и открывает возможности их инкорпорирования культурой господствующей общности.

Фундатором концепции культурного плюрализма является профессор Гарвардского университета Г.Каллен, еще в 10-е годы XX в. опубликовавший работы, направленные против "плавильного котла", затем суммировавший свои взгляды на этносоциальное развитие США в книге "Культурный плюрализм и американская идея"¹⁶.

В один ряд с родоначальником концепции культурного плюрализма Г.Калленом можно поставить и других американских ученых, в частности, М.Хансена, Н.Глейзера, П.Мойнихена, М.Хехтера, М.Перейти, Д.Велла, Э.Грили, М.Новака, Г.Изаакса и др.¹⁷.

Профессор социологии Макгиллского университета У.Мортон для определения этого направления в теоретическом осмыслении современной этнонациональной ситуации в США использует уже устоявшийся в западной

¹⁶ Kallen H.M. Cultural pluralism and American idea: An essay in social philosophy. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania press, 1956.

¹⁷ Hansen M.L. The immigrant in American history. - New York: Harper & Row, 1964; Greeley A. Ethnicity in the United States.- New York: Wiley, 1974; Hechter H. Group formation and the cultural division of labor // American Journal of Sociology. - 1978. - Vol.83; Glazer N. Ethnic dilemmas, 1964-1982. – Cambridge univ. press, 1983.

этнологии термин "сюрвайвелизм", а его приверженцев он классифицирует как "сюрвайвелистов" (от английского survival - выживание), то есть, это те ученые, которые утверждают, что европейские этнические группы в США не исчезли, что они оказывают влияние на социальную, экономическую и культурную жизнь американского общества.

Теоретики концепции культурного плюрализма как идеологической системы (А.Смит, Р.Шермерхорн, Л.Купер, П. ван ден Берге) в своих рассуждениях о роли культурного плюрализма в американском обществе исходят из того, что этнические группы и культурные общины являются в современных государствах принципиальным социальным формированием или, по крайней мере, ему эквивалентны, и их значение не может быть сведено (уменьшено) до значения формирований любого другого типа. В этой позиции, представленной влиятельными исследователями этнонациональных проблем США, довольно четко прослеживается тенденция преувеличения роли и места этнических групп в общественном развитии страны; в ней отражен огромный скачок в эволюции концептуального осмысления этносоциального развития страны - от игнорирования приверженцами ассимиляционистских концепций существования на территории страны разнообразных устойчивых этнонациональных образований, отрицания их вклада во все сферы жизни американского общества до наделения их такими свойствами и характеристиками, которыми они в действительности не обладают. В таком подходе реализуется идеологический тезис о демократичности буржуазного общества, якобы предоставляющего возможности использования свобод для всестороннего развития.

В начале 1980-х годов, в условиях выявления его противоречивости, культурный плюрализм интерпретируется ведущими буржуазными учеными не в столь идеализированном ключе. В его определениях американские теоретики значительное внимание уделяют изменяющемуся характеру самих этнических культур. "Культурный плюрализм, - подчеркивается в Гарвардской энциклопедии американских этнических групп, - не означает, что специфические культуры в своем корне не будут оставаться все время неизменными. Теория учитывает значимость техники социального приспособления, которое позволит сохранение лучшего из всех культур. Безусловно, социальные условия определяют ситуацию этнокультурного развития, но следует помнить, что эти условия создаются обществом и в большой степени определяются господствующим классом. Поэтому подобного рода интерпретации культурного плюрализма оставляют возможность вину за конфликтность в отношениях между подчиненной и доминантной группой

возложить на первую, которая, якобы, не в состоянии изменяться в соответствии с необходимостью приспособления к существующим условиям.

В 1980-е годы несостоятельность концепции культурного плюрализма как основы модели этносоциального развития США, а в более широком смысле и других полиэтнических стран капиталистического мира, проявилась с особой очевидностью. Эта несостоятельность определяется прежде всего тем обстоятельством, что она не предусматривала систему мероприятий с участием буржуазного государства, которые наполняли бы декламируемые, в общем-то, позитивные лозунги. Объективно этого и не могло быть, поскольку буржуазное государство заинтересовано в реализации "плюралистической демократии" в такой степени, в какой она отвечает интересам господствующего класса. Данная тенденция характерна не только для Соединенных Штатов, но и для Канады, где концепция плюралистического этносоциального развития в 1970-е годы приобретает особую популярность под названием многокультурности.

Теоретические истоки концепции многокультурности исходят к попыткам канадских социологов еще в 1920-е годы по-новому взглянуть на многоэтнический состав населения и объяснить причины сохранения представителями различных этнонациональных групп своеобразия быта и культуры после длительного пребывания на канадской земле. В тот же период в научную литературу и общественную практику был введен термин "канадская мозаика", а несколько позднее - "единство в многообразии". Собственно этот новый взгляд послужил, по нашему мнению, началом формирования концепции многокультурности, среди авторов которой - Дж.Гиббон, В.Хейворд, Х.Фостер, А.Ричмонд, Дж.Портер.

Курс на принятие концепции многокультурности в качестве официальной политики канадского правительства был взят после прихода к власти в 1968 году администрации, представленной либералами во главе с П.Трюдо. Нарастающее под влиянием борьбы франкоканадцев движение этнических групп за признание своего вклада в развитие Канады вынудило П.Трюдо искать новые средства для удержания этого движения от более радикальных шагов. Принципиально не отказываясь от концепции двуязычия (признание в качестве официальных языков английского и французского), администрация П.Трюдо решила сделать некоторые уступки этнонациональным группам в сфере культуры. Таким образом, многокультурность в Канаде предполагалось осуществлять на двуязычной основе. Такой подход дал повод именовать новую политику "политикой многокультурности на двуязычной основе", согласно чему на федеральном уровне признавалось равенство английского и французского языков, обеспечивались языковые права этнических групп в

провинциях.

Политика многокультурности, безусловно, стимулировала создание новых исследовательских центров, особенно региональных, научных обществ, в значительной степени усилиями этнических общин. В 1970-1980-е годы особой активностью выделялись такие научно-исследовательские центры и общества, как Канадская ассоциация по изучению фольклора, Канадская федерация этнической прессы, Канадская ассоциация учителей, обучающихся второму языку, Центр по изучению города и общин, Канадская ассоциация азиатских исследований, Ассоциация преподавателей французского языка в университетах и колледжах, Ассоциация преподавателей этнических языков в провинции Альберта, Канадский институт украинских исследований и многие др.

Однако уже к середине 1980-х годов стало очевидным, что политика многокультурности, в основе которой лежат предшествовавшие ее принятию теоретические концепции совместного этнонационального развития Канада, не выполнила, с одной стороны, возлагавшихся на нее надежд правящих кругов, а с другой, не удовлетворила чаяний многомиллионных масс представителей национальных меньшинств и иммигрантов.

Обосновывая утверждение, что правительственная политика многокультурности оказалась неспособной урегулировать этнонациональные проблемы страны, необходимо иметь ввиду и то, что эта несостоятельность в определенной степени означает несостоятельность теоретических построений моделей этносоциального развития Канады на основе концепции многокультурности. В дискуссиях канадских ученых в ходе поиска соответствующих концептуальных альтернатив, скажем, по поводу содержания этнических исследований, проявился служебный характер буржуазной этнологии. Хотя среди канадских исследователей, занимающихся этнической проблематикой, нет единого мнения о том, что этнические исследования должны привязываться к официальной политике правительства, тем не менее само их финансирование из государственного бюджета увязывает их осуществление с реализацией идеологических целей новой политики.

В условиях проявления несостоятельности концепции многокультурности становится очевидным, что было утвердившийся в общественном мнении миф о ее всесильности в решении острых национальных проблем даже в этнокультурной области терпит крах. Правда, некоторые ученые и представители властей настоятельно пытаются отбить атаки на многокультурность. Параллельно идут поиски путей ее модернизации или альтернативных концепций этносоциального развития Канады. В данный

процесс активно включается на новом этапе буржуазная наука, Пытаясь выработать научно-теоретическую концепцию и предложить ее для практического воплощения. Правда, эти поиски пока ограничиваются научением возможности применения старых, несколько модернизированных концепций, имевших хождение в довоенный период. Возвращение к концепции "мозаики" или "этнической мозаики", по мнению некоторых канадских исследователей, является "возрождением веры в то, что страна развивалась более или менее гармонично как многокультурное общество"¹⁸. Очевидно, в условиях, когда не сработала концепция многокультурности, в значительной степени основывавшаяся на концепция "мозаики", такое возрождение чрезвычайно проблематично.

Характеризуя современную этнонациональную ситуацию в США и Канаде в свете новейших буржуазных интерпретаций этничности, автор останавливается на анализе таких концепций, как концепция интеграционного развития межэтнических отношений (Дж.Хортон, П. ван ден Берге, Р.Шермерхорн, Э.Лайфер и др.), концепция конфликтного состояния межэтнических отношений (У.Ньюман, М.Хехтер, Н.Г'лейзер, С.Либерзон и др.), концепция этнического антагонизма (Э.Вонасич) и концепция этнической солидарности (Б.Дункан, О.Дункан).

В буржуазных концепциях межэтнических отношений рассматривается в основном проблема сплочения внутри группы, реже предметом анализа западных исследователей является процесс (или возможности) объединения действий представителей различных этнонациональных групп, направленных на улучшение своего статуса в обществе проживания. Причем последнее осуществляется, как правило, на основе такого фактора, как инонациональное происхождение, которое в капиталистическом обществе предопределяет дискриминацию со стороны господствующего этнического большинства. Понятие этнической солидарности, которым оперируют буржуазные исследователи, сужает возможности объединения усилий инонациональных групп в сохранении своей идентичности и в борьбе за завоевание более высокого социального статуса. Такие возможности могут быть реализованы на базе классовой солидарности. Однако в исследованиях буржуазных авторов вопросы классовой солидарности представителей различных этнонациональных групп практически не разрабатываются, хотя в их работах порой содержатся данные, свидетельствующие о такой солидарности. Отмечая важность этнической (межэтнической) солидарности во взаимодействии (коллективных

¹⁸ Bulletin of Canadian ethnic Studies Association, - 1992. - Vol.IX. - № 2. - P.6.

действиях) этнонациональных групп, мы отводим ей подчиненную роль в сравнении с классовой солидарностью, поскольку речь идет о возможностях и перспективах освобождения многомиллионных масс (трудовых слоев) населения инонационального происхождения от национального и социального угнетения.

Через призму такого соотношения рассматривают современную этнонациональную ситуацию американские и канадские марксистские исследователи, подчеркивая, что проблема этничности в ее современном обостренном проявлении, зачастую стимулирующем конфликтные ситуации в межэтническом взаимодействии, является порождением существующих социально-экономических отношений эксплуататорского общества. "Этничность, - отмечают канадские марксисты, - это специфический социальный продукт. Она характерная черта канадской капиталистической социальной формации, черта, которая появилась в результате вступления в организованные отношения в экономической и общественной жизни людей, прибывших из разных стран. Этничность родилась в процессе деятельности, проявляющейся в общественной жизни. Она представляет собой отношения социального и экономического неравенства". Этнические различия, присущие выходцам из разных стран социализировались, и наполнились конкретным содержанием в процессе их трансформации, которое определяется существующим строем. Данный вывод имеет огромное методологическое значение не только для определения самой сущности концепции "этничности", но и для анализа всей современной этнонациональной ситуации в США и Канаде.

Четвертая глава - "Идеологическая сущность и социальная база сепаратистских концепций" - посвящена анализу квебекского этнонационализма и этнорасового национализма; в афроамериканском освободительном движении.

В данной главе отмечается, что сепаратистские концепции этносоциального развития в научной и общественной мысли США и Канады утверждаются в 1960-е и последующие годы, то есть в период обострения национальных проблем в этих странах. В значительной степени распространению сепаратистских концепций способствовал феномен этнического возрождения - повышенного интереса к этнической истории североамериканских стран (а на основе этого и активизация деятельности различных этнонациональных сегментов американского и канадского общества по сохранению своей идентичности) в условиях углублений противоречий в национальном развитии североамериканских стран. В движениях за сохранение

этнического своеобразия различных компонентов населения США и Канады, приобретших широкий размах, в некоторых случаях сепаратистская идеология стала господствующей. Ими стали в первую очередь движение в Квебеке (Канада) и афроамериканцев (ОМ), оказавшие влияние и на движение других национальных меньшинств и этнических групп. Они были направлены против национального угнетения и в значительной степени формировались на этнической или этнорасовой основе. Эти обстоятельства дают возможность определять сепаратистские тенденции как этнонационализм и этнорасовый национализм.

Своеобразной питательной средой для идеологии сепаратизма в провинции Квебек в частности, является, хотя и немногочисленные, но в определенных ситуациях довольно активные ультраправые, ультраэкстремистские группировки. Не обладая четкой платформой требований, они, как правило, не добиваются ощутимых успехов и в конечном итоге растворяются в националистически-сепаратистском потоке франкоканадского движения.

Истоки этнорасового национализма, определяющие сущность выдвигаемых их лидерами концепций, следует искать в характере этнической общности этой категории населения Соединенных Штатов, а основной социальной базой его стали три категории обитателей американских гетто: 1) составляющие около одной трети всех жителей гетто переселенцы с Юга, в основной своей массе полубезработные; 2) негритянская молодежь, студенты и безработные; 3) негро-бизнесмены.

Благоприятной для произрастания идей сепаратизма была и идеологическая обстановка как в стране в целом, так и в негритянской среде в частности: в условиях ухудшения экономического положения в США усиливались расистско-шовинистические настроения среди белых американцев, возрастала напряженность в отношениях между афроамериканцами и остальным населением Соединенных Штатов, что, естественно, не способствовало единению трудовых слоев белых и черных в борьбе против монополий - главного виновника углубления социальных проблем; в самом интеграционистском течении национально-освободительного движения, являющегося неоднородным в расово-национальном, религиозном и социально-классовом плане, усиливались разногласия, приведшие к ослаблению его единства, что негативно отразилось и на консолидации всех демократических сил негритянского движения.

В заключении излагаются основные итоги и выводы исследования. В частности, подчеркивается, что появление проанализированных концепций

объективно обусловлено самим ходом этнонациональных процессов, необходимостью их интерпретации и регулирования национальных отношений в полиэтническом государстве; их сущность и содержание определяется научными, политико-идеологическими и этнокультурными критериями, на которых они базируются; каждый из типов концепций послужил основой для формирования соответствующих моделей этносоциального развития: ассимиляционистская - единая американская нация без сохранения ярко выраженных этнокультурных различий составляющих ее компонентов (США); двунациональное государство с абсорбированными выходцами из других стран (Канада); плюралистическая - общество плюралистической демократии, в котором национальные меньшинства, этнические группы должны пользоваться равными правами с представителями господствующих наций (США, Канада); сепаратистская - образование независимых относительно гетерогенных государств или автономий, осуществляемых отношения с государством выхода на базе принципа суверенитет-ассоциация.

Анализ современной этнонациональной ситуации и роли буржуазных концепций в регулировании межэтнических отношений в США и Канаде показал, что последние в некоторой степени способствовали смягчению остроты национального вопроса и конфликтности в отношениях между господствующими нациями и угнетенными национальными меньшинствами и этническими группами благодаря осуществлению таких мероприятий, как программы «"позитивных действий"», программы "этнического наследия" и билингвизма, субсидирование фестивалей. Была выявлена также несостоятельность методологической базы буржуазных концепций в интерпретации этнической истории, роли и места коренного населения и выходцев из разных стран мира в развитии США и Канады, современной этнонациональной ситуации в других странах, в частности, в полиэтнических странах социалистического мира. Бели они еще в какой-то мере могут быть применены к анализу внешних проявлений конфликтности, ее этнокультурных и этнопсихологических аспектов, то в плане выявления причин, порождающих эту конфликтность, они не срабатывают, поскольку последние не тождественны, поэтому разными будут пути решения этнонациональных проблем в условиях двух социально-экономических систем. Предлагая универсальные модели для всех полиэтнических стран, буржуазные концепции тем самым затушевывают коренные отличия двух систем, определяющих специфику этнонациональных проблем.

Основные публикации по теме диссертаций

Монографии, брошюры

1. Историография национальных отношений в США и Канаде (60-70-е годы). - Киев: Наук, думка, 1982. - 4,0 п.л.
2. Без права на будущее. - Львов: Изд-во Львовского госуниверситета, 1985. - 4,81 п.л. (на укр. яз.).
3. Буржуазные концепции национальных отношений в развитых капиталистических странах. - Киев: Наук, думка, 1988. - 12,5 п.л. (в соавторстве; в печати).
4. Национальный вопрос в Канаде // Государственная политика и обострение национальных отношений в странах капитала. - Киев: Наук, думка, 1979. - 3,2 п.л. (в соавторстве).
5. Иммиграция и национальные отношения в истории Канады // Проблемы историографии Канады. - М.: Наука, 1981. - 2,0 п.л.
6. Советская историография этнонациональных проблем стран Западной Европы и Северной Америки // Национальна меньшинства и иммигранты в современно» капиталистическом мире. - Киев: Наук, думка, 1984. - 1,5 п.л.
7. Национальные меньшинства и иммигранты в движениях социального протеста // Там же. - 0,7 п.л. (в соавторстве).
8. Идеология национальных движений в полиэтнических странах капитала // Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки. - Киев: Наук, думка, 1985. -г. 4,0 п.л. (в соавторстве).
9. Советская историография национальных отношений в Канаде // Изучение национальных отношений в зарубежных странах. - М.; Наука, 1985. -1,0 п.л.
10. В чужой далекой стороне. - Киев: Товариство "Україна", 1976. - 2,0 п.л. (на укр. яз.; в соавторстве).
11. Украинские этнические группы США и Канады: социально-экономический аспект. - Киев: Ин-т экономики АН УССР, 1980. - 3,0 п.л.

Научные статьи, тезисы докладов

12. Влияние научно-технической революции на структурну» ассимиляцию этнических групп США и Канады // Исторические исследования. Зарубежная история. Вып. 2. - Киев: Наук, думка, 1976. -0,7 п.л. (на укр. яз.).
13. Буржуазные теории ассимиляции в историческом развитии ОНА // Так же. Вып. 3. - Киев: Наук, думка, 1977. - 1,0 п.л. (на укр. яз.).

14. Канада и ее противоречия // Всесвіт, 1978. - № 3. - 0,7 п.л. (на укр. яз.).
15. Антикоммунистическая сущность концепции "порабощенных наций" // Вестник Киевского университета. Серия "Международные отношения и международное право". Вып. 6. - Киев: Вища школа, 1978. - 0,5 п.л. (в соавторстве).
16. Рестрикционизм в иммиграционной политике правительств США и Канады // Исторические исследования. Зарубежная история. Вып. 6, - Киев: Наук, думка, 1979. - 0,3 п.л. (на укр. яз.).
17. Украинцы в Канаде // Украинская советская энциклопедия. - Т.4. - Киев, 1979. - 0,5 п.л. (на укр. яз.).
18. Политика Квебекской партии в условиях обострения национального вопроса в Канаде // Социальная природа буржуазных партий в современном капиталистическом мире. - Киев: Наук, думка, 1980. - 1,0 п.л.
19. Буржуазные теории и концепции этносоциального развития США // Народное творчество и этнография, 1980. - № 4. - 0,7 п.л. (в соавторстве).
20. Основные тенденции буржуазной историографии славянской иммиграции // Узловые проблемы славяноведения. Тезисы докладов IX Всесоюзной конференции славистов. - Ужгород, 1982. - 0,2 п.л.
21. Критика современных буржуазных концепций этносоциального развития США и Канады // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований в 1980-1981 гг. Тезисы докладов. - Нальчик, 1982. - 0,2 п.л.
22. Их судьба - эксплуатация и дискриминация // Трибуна лектора, 1983. - № 12. - 0,5 п.л. (на укр. яз.).
23. Неизвестные страницы истории Канады // Всесвіт, 1984. - № 9 - 1,0 п.л. (на укр. яз.).
24. Особенности ассимиляционных процессов в Канаде на современном этапе // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических исследований в 1982-1983 гг. Тезисы докладов, Чернова», 1984. - 0,2 п.л.
25. Программы "этнического наследия" и "билингвизма" в школах США // Радянська школа, 1985. - № 3. - 0,7 п.л. (на укр. яз.: в соавторстве).
26. Западные этнологи о пейотизме в жизни североамериканских индейцев // Советская этнография, 1985. - № 2. - 0,5 п.л.
27. Марксистская историография национальных отношений в США и Канаде // Марксизм-ленинизм и развитие исторической науки в странах Западной Европы и Америки. - М.: ИНИОН АН СССР, 1985. - 0,2 п.л.
28. Типология буржуазных концепций этносоциального развития США и Канады // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и

- антропологических исследований 1984-1985 гг. Тезисы докладов. - Йошкар-Ола, 1986. - 0,2 п.л.
29. Этничность в переселенческих анклавах: американцы и канадцы украинского происхождения // Этнические процессы в СССР и США: Материалы советско-американского симпозиума. - М.: ИНИОН АН СССР, 1986. - 0,5 п.л. (в соавторстве).
30. Международная конференция "Роль этничности в современном мире" // Советская этнография, 1987. - № 2, - 0,6 п.л.
31. Буржуазная концепция сегментированного характера рынка труда в полиэтнических странах // Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы. Вып. 13. - Киев: Наук, думка, 1987. - 0,6 п.л.
32. Советско-американский симпозиум "Роль этничности в современных обществах" // Советская этнография, 1987. - № 6. - 0,4 п.л.
33. Вопросы новой и новейшей истории на страницах "Журнале американской этнической истории" (1981-1986 гг.) // Новая и новейшая история, 1988. - № 2. - 0,5 п.л.
34. НТР и иммигрантские группы в полиэтнических странах капитала // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы : ежегодник. – Москва : Наука, 1988. – Вып. 18. – 0,5 п.л.

Диссертация была защищена по специальности 07.00.03 – Всеобщая история на заседании Ученого Совета Института всеобщей истории АН СССР в 1988 году.

Диссертация написана на русском языке.

Работа выполнена в Институте социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук Тишков В.А., доктор исторических наук, Заслуженный деятель науки Украинской ССР Хмель И.С., доктор исторических наук, профессор Лузик К.С.

Ведущее учреждение – Институт всеобщей истории АН СССР.

ЖИТТЯ БЕЗ ПРИКРАС

Відомий західнонімецький публіцист Гюнтер Вальраф, замаскувавшись під турка, тривалий час жив і працював разом з гастарбайтерами, виконуючи, як і вони, найбруднішу роботу. З ним (а його мали за турка) поводитись як з людиною нижчого гатунку. Про виснажливу працю турків у Федеративній Республіці Німеччини, їх безжальну експлуатацію підприємцями й соціальну дискримінацію Гюнтер Вальраф розповів кілька років тому у своїй книжці «На самому дні», що мала величезний громадський резонанс у ФРН та за її межами. До цієї теми звернувся й письменник турецького походження Сінасі Дікмен, що здавна проживає у ФРН. У своїй книжці «Ми все-таки виплекаємо нашу часничну дитину» (1983 р.) він вдався до літературної містифікації у формі вигаданих листів турка-іммігранта до свого брата. Таким чином Дікмен дав змогу читачам побачити цю країну зсередини, очима гастарбайтера, зрозуміти ставлення західних німців до турків. І не лише ставлення. Це також позиція, що сформувалася під впливом офіційної пропаганди, — важливий аспект сучасного вітчизняного й зарубіжного іммігрантознавства.

Чи стають турки багатіями, тяжко працюючи на західнонімецьких підприємствах? Звичайно, ні. Хоч прибутки їхніх сімей дещо збільшуються, вони все одно залишаються на самому дні суспільства. Це стосується не лише гастарбайтерів-турків, а й переважної більшості іммігрантів з інших країн. А таких у Федеративній Республіці Німеччини чимало. В середині вісімдесятих років тут їх налічувалося понад півтора мільйона, а разом із сім'ями — близько чотирьох з половиною мільйонів. Іноземні робітники становлять 7,6 процента всієї робочої сили ФРН.

Гастарбайтерів використовують переважно на малокваліфікованій, а отже, й низькооплачуваній роботі. Сьогодні її виконують понад 75 відсотків усіх турецьких іммігрантів, що проживають у ФРН; в одному з найбільших міст

цієї країни — Мюнхені понад 90 відсотків прибиральників сміття на вулицях і в установах — особи іноземного походження. У ФРН іноземні робітники — перманентні аутсайтери, змушені задовольнятися лише тим, що їм залишається на ринку праці та в суспільному житті після «стопроцентних» громадян. Однак це не означає, що у країні нічого не робиться для іммігрантів. Уряд, зокрема, прийняв так звану «Програму невідкладних заходів» з метою створення умов для інтеграції у ФРН вихідців з інших країн або ж повернення їх на батьківщину. Але ці та інші гучно розрекламовані заходи радикально не змінили соціально-економічного становища й політично-правового статусу іноземних робітників та їхній сімей. У всіх галузях суспільного життя між громадянами ФРН і іммігрантами зберігається прірва, и міграційні потоки до цієї країни аж ніяк не свідчать про перспективи її подолання.

Пропоновані читачам «Всесвіту» уривки з книжки С. Дікмена «Ми все-таки виплекаємо нашу часничну дитину» дають однозначну відповідь на, здавалося б, риторичне запитання: чи існує дискримінація турків у Федеративній Республіці Німеччини?

Опубліковано: Всесвіт. – 1989. – № 12. – С. 147.

США: ПРИРОДА И ПРОЯВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

ГЛАВА V ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП И ИММИГРАНТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛЬНОСТЕЙ

Этнонациональные проблемы всегда занимали важное место во внутривнутриполитической жизни Соединенных Штатов Америки. В разные периоды их истории они проявились с большей или меньшей степенью остроты, но постоянно напоминали о себе. Этот процесс принимал различные формы — от волнений, перераставших в откровенные столкновения угнетенных национальных меньшинств (преимущественно афроамериканцев и индейцев) в более ранние периоды истории США до движений, направленных на сохранение этнокультурной самобытности многочисленных этнонациональных групп в условиях инонациональной среды, в значительной мере характерных для нынешнего этапа развития страны.

Уровень остроты проявления этнонациональных проблем зависит от воздействия целого ряда факторов как объективного, так и субъективного характера, но в американском обществе постоянно существовали и существуют причины, которые позволяют говорить о противоречивом развитии этнонациональных процессов. Среди объективных причин одной из важнейших является наличие на территории США устойчивых этнонациональных образований (национальных меньшинств и этнических групп), представляющих собой части этносов², существующих в современном мире. Согласно последней переписи населения Соединенных Штатов (1980 г.), а также данным прессы и общественных организаций этнонациональных групп, здесь проживает более 26 млн афроамериканцев, 25 млн 993 тыс. — выходцев с

Британских островов, 25,5 млн — американцев немецкого происхождения, 14,6 млн выходцев из Латинской Америки и стран Карибского бассейна, 12 млн 250 тыс.— лиц ирландского происхождения, 7 млн 101 тыс.— итальянского, 5,8 млн— еврейского, 5 млн 105 тыс.— польского, 4 млн — голландского, 3 млн 939 тыс.— французского, 3,5 млн лиц азиатского происхождения и представителей тихоокеанских островов, 1,4 млн — коренных жителей Америки (индейцы, эскимосы, алеуты) и др.³

Уже сам факт существования в рамках одного геополитического организма представителей разных народов с отличающимися уровнями социально-экономического, культурного развития дает повод к размышлениям об определенных сложностях их адаптации к новым условиям жизни. Безусловно, среди названного количества частей разных этносов значительная часть тех, кто длительное время находится в Соединенных Штатах, и тех, кто родился здесь. И можно предполагать, что они в какой-то или даже в полной мере адаптировались к социально-экономическим и культурным условиям своего существования. Это обстоятельство объективно должно способствовать снижению уровня конфликтности в их взаимодействии с господствующим этнонациональным большинством. Однако социальный строй американского общества возводит естественные преграды на пути этого прогрессивного процесса. В последующем изложении мы более детально остановимся на причинах, которые порождают конфликтные ситуации во взаимоотношениях выходцев из других стран с представителями англосаксонского ядра американской нации⁴.

Довольно ощутимо противоречия проявляются в отношениях между господствующим этнонациональным большинством и собственно выходцами (иммигрантами) из других этносов. Кстати, в буржуазной этносоциологической литературе этот уровень отношений получил концептуальное выражение в формуле доминантности и подчиненности⁵, где господствующее этнонациональное большинство выступает в роли доминантной группы, а отдельно взятые национальные меньшинства и этнические группы — в роли подчиненной. Хотя объемы иммиграции в 80-е годы заметно уступают таким периодам, как конец XIX — начало XX веков или послевоенные годы (1945—1953 гг.), но она остается важным источником пополнения населения Соединенных Штатов, особенно с учетом снижения естественного прироста населения. В 80-е годы иммигранты в Соединенных Штатах Составляли 6—8 % всего населения⁶, их доля в его приросте достигала 50%⁷.

Заметную роль иммиграция играет после того, как в силу вступил Закон об иммиграции и гражданстве от 3 октября 1965 г., отменивший

иммиграционные квоты. Либерализация иммиграционного режима — допуск в США 20 тыс. человек в год из каждой страны вместо чрезвычайно ограниченного количества иммигрантов из одной страны (например, по квоте в Соединенные Штаты могло иммигрировать ежегодно 105 китайцев) и большого количества из другой (скажем, из Великобритании в США допускалось несколько тысяч) — внесла существенные изменения в источники пополнения населения США. Если ранее выходцы из Европы, преимущественно из северозападных стран, согласно квотам имели предпочтение перед выходцами из других регионов, то в последнее двадцатилетие резко возросло количество иммигрантов из стран Азии, Латинской Америки, а из европейских стран — из Италии и Греции. Собственно, названные регионы являются сегодня основными национальными источниками пришлой рабочей силы для промышленности США.

Контингент иммигрантов численностью в 544 тыс. человек, въехавших в Соединенные Штаты в 1984 г., по странам выхода (наиболее крупные контингенты) разделялся следующим образом: Мексика — 57 тыс., Филиппины — 42 тыс., Вьетнам — 37 тыс., Великобритания — 14 тыс.⁸ Эти данные свидетельствуют о том, что снижается абсолютное количество прибывающих из Британских островов, а это, естественно, сказывается и на доле их во всем населении США. По подсчетам известного американского демографа Р. Брайента, число иммигрантов из азиатских стран, прибывших в США за последние двадцать лет, возросло в 14 раз⁹. Показательным в этом отношении является г. Лос-Анджелес, где в течение 12 лет (1970—1982 гг.) доля небелых в населении города увеличилась с 33,9 до 41,2%¹⁰. По прогнозам американских ученых, доля белых европейского происхождения к 2000 г. сократится еще на 5 % и будет составлять 75% — против 80% в 1980 г. В то же время количество испаноговорящих американцев вырастет на 58% (до 23 млн) и составит 8,6% всего населения Соединенных Штатов, выходцев из Азии и их потомков — на 90,7% (до 10,6 млн) и достигнет 4%¹¹.

Мы не случайно в самом начале анализа противоречий этнонационального развития Соединенных Штатов обратились к проблеме иммиграции, хотя ее объемы — пусть и внушительные — составляют лишь часть этнонациональных образований, определяемых нами национальными меньшинствами и этническими группами. Но именно в иммиграционной среде, по нашему мнению, довольно осязаемо проявляются противоречия этнонационального развития США в 80-е годы. Основания для подобного утверждения дают следующие обстоятельства: а) социально-экономические, политические и этнокультурные отличия выходцев из других стран (в широком

смысле этого слова, т. е. те, кто каким-то образом указывает на свое инациональное происхождение, а не только что прибывшие в США) от господствующего этнического большинства довольно очевидны; б) явно отличается и социально-профессиональная структура иммигрантов и американского общества; в) среди иммиграции значительно ниже, чем у представителей второго, третьего и последующих поколений той или другой этнонациональной группы адаптационные возможности; г) социально-экономические устои американского общества и идеологическое и политико-правовое регулирование общественных процессов, как правило, именно у иммигрантов вызывают явное (или, что чаще случается, скрытое) его неприятие, т. е. американская действительность зачастую (потому как речь идет об иммигрантах из развивающихся стран, составляющих большинство в иммиграционных потоках 80-х годов) не вкладывается в привычные для выходцев из этих стран соционормативные представления. В данном обстоятельстве таится один из источников конфликтности во взаимодействии доминантной и подчиненной групп населения, источник, толчок к действию которому дает сама социальная действительность США с присущей ей дискриминацией национальных меньшинств и этнических групп в различных сферах общественной жизни; д) в иммигрантской среде с особой силой под воздействием конкретных условий существования проявляются специфические черты этнопсихологии выходцев из других стран, контрастирующие с общепринятыми нормами поведения и порой ведущие к возникновению конфликтных ситуаций во взаимоотношениях различных по этнонациональному происхождению групп населения США. Сразу же отметим, что мы рассматриваем данное обстоятельство не как превалирующее в генерировании противоречивого характера этнонационального развития страны, что имеет место в буржуазных интерпретациях современного развития полиэтнических стран капиталистического мира. Обращая внимание на проблемы иммиграции и в этой связи на противоречия этнонационального развития США, мы в последующем в этом же контексте дадим анализ положения также афроамериканцев, являющихся традиционным объектом исследований в советском обществоведении.

Новые тенденции в миграционных процессах, в частности миграции рабочей силы из других стран в Соединенные Штаты, указывают на то, что именно иммиграция и в будущем будет оставаться одним из главных компонентов, являющихся источником противоречий в этнонациональном развитии страны. В первую очередь речь идет о значительной ориентации предпринимателей на временную рабочую силу, что предполагает

относительно быструю ее сменяемость, в связи с чем возникают определенные проблемы. Так, в конце 70-х годов в США ежегодно прибывало около 91 тыс. временных рабочих¹², с которыми предприниматели заключали контракты продолжительностью от нескольких месяцев до одного года. Такая система найма рабочей силы в трудах западных исследователей этой проблемы получила название «ориентированной на договорную рабочую силу системы»¹³.

Поскольку даже в условиях научно-технической революции в капиталистических странах довольно широко применяется малоквалифицированный труд¹⁴, то предприниматели заинтересованы в использовании дешевой иммигрантской силы, особенно временной и нелегально прибывающей в ту или иную страну. Есть все основания, на наш взгляд, распространение в 60—80-е годы такого явления, как нелегальная иммиграция, связывать с НТР. Наличие в иммиграционном законодательстве практически всех государств требования о допуске в страну рабочей силы такого профессионально-квалифицированного уровня, который соответствует уровню развития производства, вынуждает предпринимателей прибегать к различного рода уловкам и в обход законодательства вербовать нелегальных иммигрантов, соглашающихся выполнять любую работу за самую низкую плату. Поэтому, скажем, в последней переписи США (1980 г.) было выявлено 2,06 млн нелегальных иммигрантов, а по подсчетам специалистов, их там находится 7,82 млн¹⁵.

Характер наполнения капиталистического рынка труда пришлой рабочей силой в настоящее время позволяет утверждать, что временная рабочая сила, в том числе прибывающая нелегально, и в последующем будет представлять особый интерес для предпринимателей. Основания для такого предположения дают следующие обстоятельства: она стоит значительно меньше (в себестоимость включается не только зарплата, но и затраты на ее вербовку, перевозку, предоставление жилья, на ее образование, медицинское обслуживание и т. д.), чем постоянная рабочая сила; она соглашается на работу в неблагоприятных условиях; для нее свойственна невысокая степень социальной и политической активности; она меньше заинтересована в установлении контактов с постоянными рабочими⁶, даже одного и того же происхождения, что в результате сказывается на формировании ее классового сознания.

Наличие значительной доли временных рабочих в общем объеме иммиграции по-особому влияет на современную этнонациональную ситуацию в Соединенных Штатах. Эта особенность заключается в ослаблении

внутригрупповых связей, поскольку на стремление к поддержанию таковых у временной иммигрантской рабочей силы большое влияние оказывает психологическая установка на скорое возвращение на родину, ослабляются внутригрупповые связи и в результате относительно быстрой сменяемости контингентов иммигрантов. К тому же наличие временных иммигрантов, их частая ротация, преграды, возводимые правительственными кругами на пути их интеграции в общество страны проживания, прежде всего на пути к получению статуса гражданина, способствуют усилению социальной и профессиональной дифференциации выходцев из одной и той же страны. Конкретно-социологические исследования, проводившиеся в разных этнических общинах США, подтверждают существование разницы в образовательном уровне, социальном положении, структуре занятости между собственно иммигрантами и их потомками. Названные показатели более благоприятные у американцев иммигрантского происхождения, родившихся в стране проживания¹⁷. В условиях НТР эта разница становится особенно заметной в силу того фактора, что родившиеся в стране проживания потомки иммигрантов получают большие возможности, отметим, в сравнении с собственно иммигрантами и их детьми, родившимися в стране выезда, адаптации к современным требованиям производственных и социально-культурных процессов.

Однако, выделяя иммигрантов, как наиболее иллюстративный материал в плане анализа противоречий этнонационального развития США, мы никоим образом не противопоставляем их положение общей массе представителей той или иной этнонациональной группы, тем более не считаем, что национальные проблемы страны исчерпываются только проблемами, связанными с иммиграцией. Дело в том, что иммигранты, пополняя национальные меньшинства и этнические группы, в большинстве случаев стимулируют оживление этнического своеобразия в инонациональной среде, проявляющееся в самых разнообразных формах, в том числе и в форме конфронтации с англосаксонскими ценностями, господствующими в американском обществе. Для выяснения сущности противоречивого характера этнонационального развития США в этнокультурной сфере иммигранты являются начальным звеном в процессе трансформации черт быта и культуры страны происхождения в новых культурных нишах, то что в американской этносоциологической литературе выражается в формуле: от иммигрантов к этникам¹⁸. В этом процессе фокусируются проблемы этнокультурной адаптации иммигрантов и их потомков в американском обществе, высвечиваются ее противоречия, генерируемые не только и не столько различиями (порой довольно ощутимыми) в социокультурных системах

представителей принимающего общества и выходцев из других стран, а главным образом социально-экономическими и общественно-политическими устоями общества США.

Анализ конкретных проявлений противоречивости этнонационального развития Соединенных Штатов в силу отмеченной особенности представляется целесообразно начать именно с социально-экономической сферы, хотя она проявляется с самого начала и в этнокультурной, и этнопсихологической.

Для определения социально-экономического статуса представителей национальных меньшинств и этнических групп важнейшими, на наш взгляд, являются такие индексы, как характер занятости (с учетом профессионально-квалифицированной структуры), заработная плата и доходы, уровень образования, уровень социальной мобильности.

Рассматривая первый из них — характер занятости представителей различных этнонациональных групп, — следует помнить о неодинаковых исходных данных анализа: группы местного происхождения (афроамериканцы, индейцы), иммигрантского происхождения (выходцы из стран Европы, Азии, Латинской Америки). В последнем случае важна продолжительность пребывания в Соединенных Штатах (первое, второе и последующие поколения). Наиболее отчетливо тенденции в изменении характера занятости прослеживаются среди афроамериканцев, насчитывавших в 1980 г. более 26 млн человек (12 % всего населения)¹⁹, а по прогнозам, до 2000 г. их количество увеличится до 33,5 млн (12,4 %)²⁰. Несколько сложнее детальному анализу в этом плане поддаются иммигрантские группы, поскольку здесь наблюдается большая мобильность, включая и такое явление, как реэмиграция.

Новейшие исследования американских ученых, посвященные афроамериканскому национальному меньшинству, свидетельствуют о том, что за период с 1940 по 1980 г. наблюдается снижение уровня неравенства в сфере занятости. Однако этот вывод нельзя идеализировать и придавать ему некий универсальный характер, как зачастую это имеет место в этносоциологической литературе США. Авторы упомянутого исследования обращают внимание на то, что стабильной эта тенденция является в первую очередь для северной части США. Что касается Юга, то здесь она менее заметна. Последнее обстоятельство исследователи связывают с остатками институализированного рабства и неформальной кастовой системой. Добавим к этому, что на процесс изменений в занятости афроамериканцев сильное негативное влияние оказывает расистско-шовинистическая идеология. Неоднозначен процесс изменений в занятости и для разных половозрастных групп негритянского населения.

Изменения по некоторым категориям занятости в 1960—1970 гг. можно проследить на примере приводимой ниже таблицы 1. В нее включено также белое население США с тем, чтобы можно было сравнить размеры и темпы этих изменений в среде белого населения и в среде афроамериканцев и других рас (в %) ²³.

Из таблицы ясно, что афроамериканцы и представители других рас работают преимущественно в тех сферах, которые не относятся к категории престижных и которые не обеспечивают высокого уровня доходов, — малоквалифицированные рабочие и сфера обслуживания. Правда, в 70-е годы их доля здесь несколько уменьшилась, но не за счет перераспределения между белым и цветным населением, ибо увеличение количества белых в этих категориях занятости не было столь значительным. Определенный прогресс наблюдается в категории «специалистов», что мы связываем с требованием научно-технической революции в подготовке квалифицированных кадров на уровне ее современных требований. Традиционно большой разрыв в занятости между белыми и афроамериканцами и представителями других рас сохраняется в сфере управления, где заработная плата значительно выше, чем в других сферах. Здесь наименее заметен и прогресс цветного населения США. По-прежнему афроамериканцы занимают лидирующее положение среди занятых неквалифицированным трудом: на начало 80-х годов они составляли пятую часть неквалифицированных рабочих в промышленности ²⁴.

Таблица 1. Занятость этнонациональных групп

Вид занятости	1960 г.		1970 г.		1978 г.	
	Белое население	Черное и другие расы	Белое население	Черное и другие расы	Белое население	Черное и другие расы
Специалисты, занятые на производстве	12,1	4,8	14,8	9,1	15,5	11,7
Управленческий аппарат	11,7	2,6	11,4	3,5	11,4	4,8
Торговля	7,0	1,5	6,7	2,1	6,7	2,8
Канторские служащие	15,7	7,3	18,0	13,2	18,0	16,9
Мелкие кустари и им подобные	13,8	6,0	13,5	8,2	13,7	8,2
Рабочие	17,9	20,4	17,0	23,7	14,6	20,5

Обслуживающий персонал	14,3	45,4	14,8	36,3	16,9	32,0
Фермеры	7,4	12,1	4,0	3,9	3,0	2,4

Таким образом, данные таблицы помогают понять феномен социальной жизни США: при некотором улучшении статуса занятости национальных меньшинств увеличивается количество их представителей среди населения с низкими доходами, в том числе ниже порога бедности, среди тех, кто имеет ограниченные возможности доступа к социальным благам американского общества. Результаты анализировавшегося исследования, как и целого ряда других, дают основания американским ученым делать вывод о том, что «разница между черными и белыми в рамках одной профессиональной категории является следствием концентрации черных в коммунальных службах и доминирования белых в престижных свободных профессиях и бизнесе»²⁵.

Кстати, данный вывод в значительной мере применим также и к иммигрантам и их потомкам: как и прежде, их представительство в управленческом аппарате, в крупном бизнесе далеко не соответствует их доле в населении страны, и здесь практически не наблюдается каких-либо позитивных изменений. Подтверждение этому можно найти в результатах социологических исследований, проводившихся в г. Чикаго Институтом исследования процессов в городах в 1972 и 1983 гг.²⁶

Таблица 2. Представительство этнонациональных групп в управленческом аппарате г. Чикаго

Этнонациональные группы	Процент представителей этнической группы в населении Чикаго		Процент директоров - выходцев той или иной группы		Процент других управленческих кадров	
	1972	1983	1972	1983	1972	1983
Американцы польского происхождения	6,9	11,2	0,3	0,5	0,7	2,6
Американцы итальянского происхождения	4,8	7,3	1,9	2,2	2,9	2,9
Испаноговорящие американцы	4,4	8,2	0,1	0,2	0,1	0,1
Черные	17,6	20,1	0,4	1,8	0,1	0,5
Другие	66,3	53,2	97,3	95,3	96,2	93,9

Структура занятости иммигрантов определяется несколькими факторами,

важнейшие среди которых, на наш взгляд, — потребности рынка рабочей силы США и уровень их профессионально квалификационной подготовки. В последнее время все очевиднее проявляется противоречие между этим уровнем иммигрантов и возможностями их занятости. Насыщение американского рынка рабочей силы высококвалифицированными специалистами является одной из главных причин того, что в США они вынуждены заниматься трудом, не соответствующим их квалификации, как правило, трудом малоквалифицированным. Советские исследователи положения иммиграции из стран Юго-Восточной Азии отмечают, что «из-за различных препон, чинимых американскими федеральными и штатными властями, открытого и подспудного расизма этим людям (высококвалифицированным специалистам.— В. Е.) не удается найти работу по специальности. 20% из них вообще остаются без работы; остальным пришлось «переквалифицироваться» в дворников, мусорщиков, посудомоек»²⁷. Таким образом, если ранее в так называемый вторичный сектор капиталистического рынка труда²⁸ попадали иммигранты с низким уровнем образования и не имеющие определенной квалификации, то в настоящее время эта участь во все большей степени ожидает и высококвалифицированных специалистов. Данное обстоятельство определяется структурными сдвигами, происходящими в хозяйстве Соединенных Штатов под воздействием научно-технического прогресса. При этом первичный сектор рынка труда (здесь сосредоточена высококвалифицированная рабочая сила) заполняется в первую очередь представителями господствующего англосаксонского большинства. Американские предприниматели в полной мере используют возможность найма дешевой рабочей силы в других странах для удовлетворения потребностей вторичного сектора, в частности за счет временных и нелегальных иммигрантов. В подтверждение этой мысли можно привести следующие данные: в 1980 г. 73% испаноязычных иммигрантов были заняты ручным трудом²⁹, а в общей сложности 91,8 % мексиканцев США в период с 1975 по 1980 г. были представлены в категории «синих воротничков»³⁰.

Приводившиеся выше данные позволяют сделать вывод о том, что основная масса цветных американцев и иммигрантов сконцентрирована в отраслях, где сохраняется значительная доля ручного труда, а в передовых отраслях — на операциях с применением ручного труда. Такая ситуация, безусловно, является источником конфликтности в отношениях между господствующим этническим большинством и национальными меньшинствами и иммигрантскими группами, что отражает противоречивость этнонационального развития Соединенных Штатов.

Сравнение уровней безработицы и доходов в среде национальных меньшинств и иммигрантов предоставляет дополнительные аргументы, подтверждающие высказанную мысль. Следует отметить, что уровень безработицы у цветных и иммигрантов постоянно был значительно выше, чем у трудоспособного белого населения США. 80-е годы не являются исключением. Более того, советские исследователи отмечают возрастание разрыва между уровнями безработицы этих категорий населения: если в 1948—1953 гг. он среди черных был выше в 1,72 раза, чем у белых, а в 1964—1973 гг. — в 2,02, то в 1983 г. — в 2,37 раза. В последнем упомянутом периоде он составлял 20,6 % (в среднем по стране — 10%). Несколько ниже уровень безработицы среди других цветных американцев (исключая индейцев, в среде которых этот показатель значительно выше), но разрыв при сравнении с белыми остается довольно внушительным и в 80-е годы составлял от 2 до 5%³³.

Что касается доходов афроамериканцев, других цветных американцев, белых иммигрантов, в конце 60-х — начале 70-х годов наблюдался некоторый их рост. Кстати, этот феномен (непродолжительный и нестабильный) среди афроамериканцев буржуазная пропаганда рекламировала как процесс их «врастания в средний класс»³³. Однако даже это имевшее место явление не оказало значительного воздействия на улучшение уровня жизни тех же афроамериканцев: в начале 80-х годов средний доход негритянской семьи составлял 59 % дохода семьи белых³⁴. Если принять во внимание, что размер афроамериканской семьи значительно превосходит размер белой, то разрыв в доходах на одного человека будет еще более внушительным. Не намного благополучнее картина среди испаноговорящих американцев. В американской литературе при определении их социального статуса порой употребляется термин «низший средний класс»³⁵, который, на наш взгляд, в рамках буржуазной терминологии довольно четко определяет статус этой категории населения. На 1983 г. среднегодовой доход испаноязычной семьи в США составлял около 17 тыс. дол., что почти на 2,5 тыс. выше, чем у афроамериканцев, и на 5,5 тыс. — чем у пуэрториканцев. При этом разрыв между доходами белой американской семьи и семьи выходца из латиноамериканских стран перешагнул рубеж 7 тыс. дол., или около 27%³⁶.

Конечно же, неправильно было бы считать абсолютно всех иммигрантов и их потомков из стран Латинской Америки, как и всех афроамериканцев, бедняками. Среди этих категорий населения имеются семьи с довольно высокими доходами, не уступающими среднегодовым доходам белой семьи. Однако их количество не столь значительно, чтобы существенным образом влиять на сокращение разрыва в средних доходах семей упомянутого

этнонационального происхождения. К примеру, среди испаноязычных семей было всего 9,7%, имевших доход в 24 тыс. дол., в то время, как у англосаксонцев — более 23%³⁷. Еще более заметна эта разница у белых и пуэрториканских, а также индейских семей.

В последнее время в американской социологической литературе имеет место утверждение, что в связи с большим наплывом испаноговорящих иммигрантов увеличились доходы у представителей второго и третьего поколения иммигрантов. Имеется в виду выпячивание того обстоятельства, что представители упомянутых поколений в сравнении с вновь прибывающими иммигрантами, особенно нелегальными, по своему социальному положению находятся несколько выше. Однако новейшие исследования феномена иммиграции из Латинской Америки и ее взаимодействия с испаноязычными американцами, родившимися уже в Соединенных Штатах, не подтверждают в полной мере упомянутый тезис³⁸. Исключением являются лишь представители мелкого бизнеса.

В определенной степени существование мелкого этнического бизнеса позволяет некоторым иммигрантским группам занимать более благополучное положение в социальной иерархии американского общества. Сразу же отметим, что это ограниченный круг групп (скажем, выходцы из стран Азиатского континента, причем та их часть, которая прибывает в США с определенной суммой материальных средств для налаживания своего бизнеса). Наличие мелкого этнического бизнеса в американской экономике — явление не новое. Еще в XIX в. (некоторые американские исследователи считают, что именно в последней четверти минувшего столетия) этот феномен обращал на себя внимание. Одной из главных причин возникновения мелкого этнического бизнеса является дискриминация выходцев из других стран на рынке труда, когда им отводится вторичный сектор. Для многих иммигрантов, особенно из азиатских стран, мелкий бизнес представляет ступень, по которой они намереваются прорваться в сферу среднего и крупного бизнеса, где господствующее положение занимают выходцы из европейских стран, в первую очередь Великобритании, и их потомки. В частности, при обследовании 60 тыс. преуспевающих корейцев в г. Лос-Анджелесе было установлено что 40 % из них являются владельцами своих собственных фирм, еще 40 % работают в этих фирмах, остальные 20% были заняты в фирмах, не принадлежавших корейцам, или в государственных учреждениях⁴⁰.

Характерной особенностью существования мелкого этнического бизнеса является его ротация: при продвижении выходцев из других стран вверх по социальной лестнице их место занимают, как правило, выходцы из этих же

стран. В крупных американских городах таких, как, например, Лос-Анджелес, постоянно существуют кварталы, где развивается мелкий бизнес, но население этих кварталов меняется: наладив бизнес и скопив определенный капитал, выходцы из азиатских, да и других стран, пытаются мигрировать в более престижные районы. Конечно же, такое могут позволить себе только владельцы этого бизнеса. Бедные трудовые слои иммигрантов являются перманентными жителями таких кварталов. На данное обстоятельство следует обратить особое внимание, поскольку наличие мелкого этнического бизнеса, как и «черного капитализма», и предоставляемые ими некоторые предпосылки для социальной мобильности цветного населения используются в буржуазной пропаганде для распространения мысли о том, что якобы американское общество представляет возможности для улучшения своего социально-экономического статуса. Такие возможности действительно имеются в американском обществе, но для ограниченного круга выходцев из других стран, и они не влияют существенным образом на сближение уровней социального статуса, скажем, белых и представителей цветного населения США. По наблюдениям американских исследователей, те же черные американцы находятся в менее благополучной ситуации, чем белые американцы, поскольку их доля в бизнесе значительно ниже, чем белых американцев⁴¹.

Говоря о возможностях для афроамериканцев, других цветных, да и выходцев из европейских стран, в первую очередь иммигрантов первого поколения, «равенства результатов», следует сказать, что оно реализуется только для незначительного количества населения этих категорий. Это обстоятельство как нельзя лучше свидетельствует о сохранении противоречивости в этнонациональном развитии США. В уже упоминавшейся работе, посвященной исследованию жизни итальянцев в американском обществе на протяжении столетия, профессор Кентуккийского университета Х. Нелли пришел к выводу, что итальянские американцы как группа влились в основное русло американской жизни. Но вместе с тем не все члены этой группы добились успеха в экономической сфере. Те же, кто завоевал достойное место в американском обществе, должны были преодолевать серьезные преграды и прилагать чрезвычайно большие усилия⁴². Такое признание подтверждает правомерность применения тезиса о противоречии между предоставлением американским государствам «всяческих возможностей» для развития этнонациональных групп и практической их реализацией не только в отношении цветного населения, но и выходцев из европейских стран.

Выше приводились сравнения доходов семей афроамериканцев,

пуэрториканцев, испаноязычных иммигрантов и белого населения США. Это сравнение также однозначно подтвердило дискриминацию цветного населения в американском обществе. Однако в научной литературе, периодической печати США публикуются данные, которые свидетельствуют о том, что доходы некоторых семей, в частности, иммигрантов из стран Юго-Восточной Азии, превосходят среднегодовые доходы американской семьи; и даже отдельно взятой белой семьи. К таковым относятся семьи иммигрантов из Японии, Индии, Филиппин, Китая, Кореи, доходы которых, по данным журнала «Тайм», в 80-е годы составляли соответственно: более 27 тыс., 24 тыс., 23 тыс., 22 тыс. и 20 тыс. дол. в год⁴³. Довольно высокие показатели доходов для названных категорий населения определяются такими факторами, как наличие среди иммигрантов значительной части выходцев из тех слоев, которые у себя на родине обладали собственностью и смогли наладить мелкий бизнес в Соединенных Штатах, а также лиц с высшим образованием, в частности, и тех, кто выезжает, например, из КНР в США для приобретения специальности, а затем там остаются⁴⁶. В силу этих обстоятельств определенная часть выходцев из азиатских стран получает лучше оплачиваемые места, чем, скажем, малограмотные и малоквалифицированные иммигранты из стран Африки и Латинской Америки.

Однако из приведенных выше данных о доходах семей из некоторых азиатских стран не следует делать вывод об их благополучном социальном статусе и отсутствии каких-либо сложностей в процессе интеграции в американское общество. Ведь эти данные касаются лишь легальных иммигрантов и не относятся к миллионам нелегалов. С учетом последних средние доходы азиатских семей представляются не столь высокими. К тому же, в упомянутой статистике упускается такой немаловажный фактор, как размер семьи: у выходцев из азиатских стран он не ниже 3,7 человек⁴⁷, а средняя американская семья состоит из 3,1 человек⁴⁸. Таким образом, даже внешне «благополучные» показатели при более детальной их расшифровке обнаруживают противоречия, свойственные этнонациональному развитию Соединенных Штатов.

Сегодняшнее американское общество не обеспечивает равных возможностей доступа к образованию (прежде всего одного и того же качественного уровня) для выходцев из разных слоев населения. Безусловно, для Соединенных Штатов, как и для других западных стран, характерно формирование интеллигенции, высококвалифицированных специалистов из разных социальных слоев общества⁴⁹, а значит, для выходцев из них открываются определенные возможности получения достаточно высокого

уровня образования. Эти возможности, на наш взгляд, являются результатом регулирования правящими кругами общественных процессов: развитие научно-технического прогресса предполагает повышение общеобразовательного и специального уровня знаний у широких слоев населения страны с целью их наиболее рационального использования для получения максимальных прибылей концернами и отдельными предпринимателями. Однако этими возможностями, как мы сможем убедиться, могут воспользоваться не все представители малоимущих классов, в том числе выходцы из среды национальных меньшинств и иммигрантов. Причем данное явление было характерно не только для предыдущих десятилетий, оно остается актуальным и для США 80-х годов. Тезис о том, что позитивные изменения, происходящие в сфере образования этнонациональных групп, осуществляются чрезвычайно медленными темпами и существенным образом не влияют на преодоление проблем в сфере образования, подтверждаются следующими данными: в середине 70-х годов 24% мексиканоамериканцев имели образование ниже пяти классов; только 33% окончили среднюю школу⁵⁰; в 80-х годах картина осталась почти той же — 34% испаноязычного населения в возрасте до 25 лет и выше имеют среднее образование⁵¹. К концу 70-х годов разрыв между средней продолжительностью обучения белых и таких категорий населения, как афроамериканцы, выходцы из стран Южной Америки, пуэрториканцы и индейцы составлял соответственно 1,1; 1,5; 3 и 7,5 лет⁵². В середине 80-х годов в этом соотношении практически не произошло каких-либо существенных изменений. Это положение свидетельствует о дискриминации выходцев из национальных меньшинств в сфере образования, хотя, как отмечалось выше, сегодня и открываются некоторые перспективы повышения его общего уровня по сравнению с предыдущими периодами. Но все дело в том, что они полностью не реализуются, а их частичная реализация не в состоянии преодолеть существующий разрыв в отношении белого населения. К тому же, как отмечают американские исследователи, в современном образовании представителей национальных меньшинств возникает много острых проблем, связанных с его концепцией. В частности, в тех же индейских резервациях США или городских кварталах, населенных испаноговорящими иммигрантами, сам процесс обучения строится на основе устоявшихся англосаксонских принципов. Строгое их соблюдение, а это, как правило, имеет место во всех школах, независимо от этнического состава их учеников, само по себе усугубляет конфликт, возникающий на этнокультурной базе (различия, порой значительные, культур в широком смысле этого слова, определяющие различные нормы поведения; различные возможности восприятия материала,

особенно на первоначальном этапе их адаптации в новой среде). С такими проблемами сталкиваются и иммигранты из европейских стран, но поскольку культуры их стран происхождения не в такой степени различаются, как, скажем, стран Латинской Америки и США, а также то обстоятельство, что они находятся преимущественно в дисперсном состоянии, то эти проблемы в их среде ощущаются менее остро.

Перспективы преодоления противоречий в сфере образования цветных американцев при медленных темпах улучшения положения не столь отрадны, как это пытаются представить некоторые американские идеологи. Ведь, скажем, выделяемые правительством США деньги на программы двуязычного обучения испаноговорящих американцев не покрывают нужд этого рода, хотя порой суммы могут казаться внушительными. По подсчетам министерства образования, стоимость 34 контрактов по двуязычному обучению и контрактов, предусматривающих развитие многофункциональных центров, исчислялась 37,8 млн дол.⁵³ Но, по признаниям самих же американских политиков, в частности конгрессмена Д. Эдвардса, «конгресс никогда не выделял фондов, достаточных для решения проблемы. Выделение средств в соответствии с законом о двуязычном обучении осуществляется сегодня без учета потребностей учащихся. Количество денег никогда не отвечало масштабу проблем неанглоязычных американцев»⁵⁴. Поэтому максимальный процент охвата программами двуязычного обучения не превышал 2 % учащихся, нуждавшихся в нем⁵⁵.

Состояние дел с образованием афроамериканцев на протяжении многих десятилетий (80-е годы не являются исключением) дает основание американским исследователям делать прогнозы о том, что существенных изменений (некоторые, конечно же, будут происходить) не предвидится. Для иллюстрации такого утверждения приведем данные из расчетов демографов США: в 1980 г. 7 млн 837 тыс. негров должны были окончить среднюю школу (15,3 % всех выпускников), в 1990 г. этот показатель будет находиться на уровне 7 млн 853 тыс. (17,3%), а в 2000 г.— 8 млн 44 тыс. (17,9 %)⁵⁶. Комментируя этот прогноз, американские этнологи считают, что увеличивающееся число учеников — выходцев из национальных меньшинств в одном классе будет поддерживать, а порой и интенсифицировать уровень расовой сегрегации; в школах будет расти насилие; трудности, возникающие на расовой основе, будут увеличиваться. По их мнению, с такими же проблемами будут сталкиваться колледжи и университеты. В связи с достаточно высоким уровнем рождаемости у цветного населения США (белая семья в среднем имеет 2,3 ребенка, а черная, например,—3,0) к 2000 г. представители

национальных меньшинств составят четверть всех студентов. Однако большинство из них будет иметь низкий (по качеству) уровень образования, поскольку они будут выпускниками сегрегированных школ; к тому же, и сами высшие учебные заведения не будут готовы к переориентации процесса обучения в связи с обнаруживающимися сегодня демографическими тенденциями⁵⁷.

Такой вывод имеет под собой довольно веские основания — ибо, как свидетельствует практика, правящие круги, даже осознавая объективную необходимость улучшения положения (в данном случае в сфере образования) национальных меньшинств, ограничиваются паллиативными мерами, что, естественно, не разрешает назревших проблем. Поскольку же образование (общее и специальное) в значительной степени определяет социально-экономический статус граждан Соединенных Штатов, как и любой другой страны, то проблемы в сфере, безусловно, будут сказываться в общественном развитии в целом, усугубляя существующие в 80-е годы противоречия и порождая новые.

Все вышеупомянутые факторы, определяющие дифференцированность положения белого населения (а в его среде правящих кругов и широких слоев) и представителей национальных меньшинств и иммигрантов, сказываются на низком уровне социальной мобильности последних: они в большинстве своем, как и в предыдущие периоды, остаются на низших ступенях социальной иерархии американского общества. Имеющиеся примеры другого рода (наличие представителей национальных меньшинств и иммигрантов в высших эшелонах власти, среди тех, кто заправляет крупным бизнесом, определяет внутреннюю политику и т.д.) не могут рассматриваться как индикатор прогресса населения этих категорий. Дело в том, что их доля в названных сферах далеко не соответствует их доле в общем населении страны и тому вкладу, который они внесли в развитие американской экономики и культуры.

Кстати, на протяжении 60—70-х годов противоречия этнонационального развития США довольно явно проявлялись в сфере культуры, в первую очередь, при сопоставлении возрастающего интереса к специфике культур этнонациональных групп и, естественно, попыток ее реализации и возможностями, которые американское общество предоставляло для их этнокультурного развития. Некоторый спад интереса к этническим культурам в контексте общего спада волны «этнического возрождения» в США в 80-е годы⁵⁸ никоим образом не означает ослабления остроты противоречий между господствующей англосаксонской культурой (именно ее можно рассматривать как основную силу стандартизации и униформности) и культурой выходцев из

разных стран мира, определяющей многообразие американской культуры. Возможно, в настоящее десятилетие несколько сужается поле проявления этих противоречий; что же касается их остроты, то и в этой сфере она генерируется социальными обстоятельствами, принадлежностью к тому или иному социальному классу носителей тех или других элементов культуры. Таким образом, сохраняющиеся противоречия в социальной сфере отражаются и в этнокультурной; при этом своеобразие и несоответствие выраженным в американском обществе образцам культуры этнонациональных групп может вносить дополнительные элементы в углубление существующих противоречий. Это обстоятельство связано с особенностями формирования и развития культуры американского общества⁵⁹.

Извечность конфликта между культурой господствующего ядра американской нации и подчиненными этнонациональными группами, периодически обостряющегося, вынуждает правящие круги США искать возможности его смягчения. В ряду мероприятий правительства Соединенных Штатов, преследующих эти цели, большое значение придается идеологии культурного плюрализма. По нашему мнению, на степень реальной значимости культурного плюрализма, якобы открывающего возможности для этнокультурного развития различных национальных меньшинств и этнических групп, основное влияние оказывает то, как общество в целом (естественно, в первую очередь правящая его верхушка, поскольку в ее руках находятся рычаги власти и она регулирует общественные отношения) воспринимает идею плюралистического развития и какие возможности оно предоставляет для ее реализации. В работах буржуазных исследователей выделяются следующие критерии оценки значимости культурного плюрализма: 1) структурная поддержка плюрализма (юридическое или правительственное его признание; политика, образование, средства массовой информации и т. д., признающие и соответственным образом относящиеся к наличию в обществе этнического своеобразия, представленного множеством групп); 2) идеологические системы, интерпретирующие плюрализм и равенство (степень и тип желаемого плюрализма; степень равенства и филантропизма)⁶⁰.

Советские ученые, оценивая усилия американского правительства по регулированию национальных отношений в стране в условиях обострения национального вопроса, отмечают некоторую эволюцию правительственной политики. Этого, в частности, требовала объективная закономерность этносоциального развития страны на современном этапе, когда многомиллионные массы дискриминируемых граждан инационального происхождения заявили (в разных формах — от непосредственного участия в

движениях социального протеста до активизации усилий по сохранению этнического своеобразия в условиях ассимиляции) о своем несогласии со сложившимся положением, при котором наблюдается огромный разрыв между вкладом выходцев из разных стран в экономику и культуру США и их социально-экономическим и политико-правовым статусом в американском обществе. «В условиях активизации выступлений расовых и белых этнических групп против всех форм дискриминации, в защиту своего культурного наследия,— отмечают И. А. Геевский и С. А. Червонная,— государственная политика уже не могла строиться на основе грубого навязывания им ассимиляционной модели, игнорирующей культурное и языковое своеобразие составляющих американскую нацию этнических компонентов. Правящие круги вынуждены были пойти на некоторое смещение оси государственной политики в национальном вопросе в сторону плюрализма». Из этого очевидно, что цели нового подхода правительства США в сфере межнациональных отношений состояли в том, чтобы найти оптимальный вариант их регулирования.

Практика 70—80-х годов засвидетельствовала, что буржуазное государство обладает значительным арсеналом средств для удержания протеста представителей национальных меньшинств и этнических групп в ограниченных рамках, которые не касаются устоев самого общества. В это время и особенно в период подготовки и празднования 200-летия образования США (1976 г.), столетия Статуи свободы (1986 г.) американское правительство осуществило ряд мероприятий, которые, по терминологии ученых США, могли бы свидетельствовать о структурной поддержке плюрализма. Так, государство поощряло, а порой и субсидировало, проведение этнических фестивалей (в Вашингтоне, например, в 1979 г. проводился фестиваль индейского фольклора; в 1986 г. в г. Лос-Анджелесе при поддержке департамента по культуре муниципалитета устраивались праздники искусства армянской общины и т. д.), деятельность этнических научно-просветительских обществ, программ «этнического наследия» и «билингвизма» в американских школах.

В период после принятия Конгрессом США закона об изучении этнического наследия проводилось немало количество различного рода мероприятий, которые осуществлялись в рамках новой правительственной политики в отношении национальных меньшинств и этнических групп и соответствовали все более распространенной концепции культурного плюрализма. К уже упоминавшимся можно добавить такие, как празднование во многих городах США дат, связанных с историей той или иной этнической общины, учреждение радио- и телевизионных станций на языках выходцев из других стран (например, программа телевидения на испанском языке в г. Лос-

Анджелесе), назначение представителей расовых и этнических групп на высшие государственные посты, совместные автобусные перевозки (бассинг) школьников, строительство жилья для представителей национальных меньшинств, предоставление в рамках программы «позитивных действий» некоторых преимуществ выходцам из цветных меньшинств при приеме на работу, поступлении в вузы и т. д. Перечисление всех осуществленных мероприятий представляет собой довольно внушительный список. Но сам по себе он не дает возможности объективно оценить «структурную поддержку» плюрализма; он фиксирует только то обстоятельство, что под воздействием конкретных условий правящие круги США вынуждены идти на законное признание необходимости оказывать помощь этнонациональным группам в сохранении их культурного наследия и в определенной степени улучшения их статуса в американском обществе. В этом контексте приоритет приобретает не декларированная сущность мероприятия, а его реальное содержание, его влияние на изменения в положении этнонациональных групп в обществе.

Приводившиеся выше примеры из различных сфер общественной жизни свидетельствуют о том, что в Соединенных Штатах 80-х годов существует дискриминация национальных меньшинств и иммигрантов, а само американское общество не предоставляет возможностей для преодоления разрыва в социально-экономическом положении различных категорий населения, а наоборот, его верхушка стремится к закреплению статус-кво, что позволяет эксплуатировать угнетенные массы и обогащаться за их счет. Исправить существующее положение национальные меньшинства и иммигранты могут путем активной борьбы совместно с трудящимися всей Америки против господствующих устоев социального строя, что создает весомые предпосылки для устранения антагонистических противоречий этнонационального развития страны вообще.

Примечания

¹ Черные американцы в истории США (1526—1985). В 2-х т. Т. 1.— М.: 1986.— 256 с.

² О теории этноса см.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.— М.: 1983.— 412 с.

³ Statistical Abstract of the United States, 1982—1983.—Wash., 1982.—P. 26, 32; Harvard encyclopedia of American ethnic groups/ Ed. by Thernstrom S., Orlov A.— Cambridge: Harvard Univ. press, 1980.— P. 284, 363, 406; Statistical Abstract of the United States, 1979.—Wash., 1979.—P. 33.

- ⁴ Об особенностях формирования американской нации см.: Богина Ш. А. Историческое развитие американской нации (XIX в.) // Национальные процессы в США.— М.: 1973.— С. 58—95; Богина Ш. А. Как складывалась американская нация // США: ЭПИ, 1973, № 7.—С. 10—21; Богина Ш. А. Этнокультурные процессы в США, конец XVII — начало XIX в.— М.: 1986.— с. 64—93.
- ⁵ Luhman R., Gilman S. Race and ethnic relations. The social and political experience of minority groups.— Belmont, California: Wadsworth, 1980.—11, 387 p.
- ⁶ Подсчитано на основе данных переписи США 1980 г.
- ⁷ Шлепаков А. Н., Шамшур О. В. Иммиграционная проблема: новые тенденции// США: ЭПИ, 1984.—№ 3.—С. 30.
- ⁸ Friedrich O. The changing face of America// Time, 1985, July 8.— P. 18.
- ⁹ Bryant R. The American people. A timely exploration of a changing America and the important new demographic trends around U. S.— New York: Truman Talley Book, 1985.—P. 127.
- ¹⁰ Chaze W. L., Bock G. M., Peterson S., White G., Hogue J. R. Our big cities go ethnic// U.S. News and World Report, 1983, March 21.—P. 49—50.
- ¹¹ Шлепаков А. Н., Шамшур О. В. Указ. соч.— С. 30.
- ¹² The Courier, 1985, Sept.—P. 5.
- ¹³ North D. S. Nonimmigrant workers: visiting labor force participants // Monthly Labor Review, 1980.—Vol. 103.— N 10.— P. 26— 30.
- ¹⁴ Современный капитализм: проблемы рабочей силы.— М.: 1985.— С. 14.
- ¹⁵ Passel J., Woodrow K. Geographic distribution of undocumented immigrants: estimates of undocumented aliens counted in the 1980 census by state // International Migration Review, 1984.—Vol XVIII.—N 3.—P. 642, 648.
- ¹⁶ Bonach E. A theory of ethnic antagonism: the split labor market// American Sociological Review, 1972.— Vol. 37.—N 5.—P. 549—551.
- ¹⁷ Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире.—Киев: 1984.—С. 103—127.
- ¹⁸ Nelli H. S. From immigrants to ethnic. The Italian Americans.— New York: Oxford univ. press, 1983.—225 p.
- ¹⁹ Нитобург Э. Л. Соединенные Штаты Америки // Африканцы в странах Америки. Негритянский компонент в формировании наций Западного полушария.— М.: 1987.—С. 44.
- ²⁰ The New York Times, 18.7, 1982.

- ²¹ Fossett M. A., Galle O. R., Kelly W. R. Racial occupational inequality, 1940 — 1980. National and regional trends // *American Sociological Review*, 1986. — vol. 51.— N 3.—P. 421—429.
- ²⁵ Ibid.—P. 422.
- ²³ Wilson W. J. Race-oriented programs and the Black underclass // *Race, poverty and the urban underclass* / Ed. by. Cottingham C.— Lexington: Lexington books. D. C Heath and company, 1982.— P. 114.
- ²⁴ *Wall Street Journal*, 1980, Aug. 21.
- ²⁵ Houf M. Opportunity and the Minority Middle Class: a Comparison of Blacks in the United States and Catholics in Northern Ireland // *American Sociological Review*, 1986.—Vol. 51.—N 2.—P. 217—218.
- ²⁶ Kapiszewski A. Dyskryminacja czy brak kwalifikacji? Nowy raport o reprezentacji etnicznej w kadrze kierowniczej przedsiębiorstw Chicago // *Prz'egląd Polonijny*, 1986.— N 3.—S. 108.
- ²⁷ Севостьянов Е. П., Корсакова Н. Е. Позолоченное гетто. Очерки из жизни в США эмигрантов из Китая, Кореи и Японии.— М.: 1983.— С. 40.
- ²⁸ Согласно современным концепциям западных исследователей, рынок труда капиталистических стран состоит из отдельных секторов или сегментов, преимущественно двух (первичного и вторичного), заполняемых рабочей силой в соответствии с ее профессионально-квалификационным уровнем. При этом первичный сектор заполняется высококвалифицированной рабочей силой (специалисты с высшим образованием, управленческий аппарат, представители науки, художественная интеллигенция и т. д.), а вторичный— малоквалифицированной рабочей силой (подсобные рабочие, работники сферы обслуживания и т. п.) *Labor market segmentation* / Edwards R., Reich M., Gordon D. (eds.)— Lexington (Mass): D. C. Heath and Company, 1975.—21, 298 p.
- ²⁹ Marshall A. Immigrant workers in the labour market: a comparative analysis // *International Social Science Journal*, 1984.— Vol.36.— N3.—P. 504.
- ³⁰ Nelson C, Tienda M. The structuring of Hispanic ethnicity: historical and contemporary perspectives // *Ethnic and Racial Studies*, 1985.— Vol. 8.— N 1.— P. 65.
- ³¹ Геевский И. А., Червонная С. А. Национальный вопрос в общественно-политической жизни США.— М.: 1985.— С. 52.
- ³² Цеханская К. В. Индейцы США в борьбе за свои права// *Исторические судьбы американских индейцев*.— М.: 1985.— С. 316.
- ³³ Геевский И. А., Червонная С. А. Цветные американцы: проблема «равенства результатов»// *США: ЭПИ*, 1980.—№ 5.—С. 43.

- ³⁴ Blackwell L. The black community: diversity and unity.— Cambridge: Harper and Row, 1985.—P. 54.
- ³⁵ Church J. A melding of cultures// Time, 1985.—July 8.— P. 30.
- ³⁶ Hispanics: challenges and opportunities. A working paper from the Ford Foundation, 1984.— P. 6.
- ³⁷ Made D. Al norte del rio bravo (pasado inmediato). (1930—1981).— Mexico: Siglo vientiuno editores, 1981.— P. 199.
- ³⁸ King A. G., Lowe/I L. B., Bean F. D. The effects of Hispanic immigrants on the earnings of native Hispanic Americans// Social Science Quarterly, 1986.— Vol. 67.— N 4.— P. 688.
- ³⁹ Light I. Asian enterprise in America// Scott C. (ed.).— Washington, New York: Kennikat press, 1980.— P. 33; Zunz O. American history and the changing meaning of assimilation// Journal of American Ethnic History, 1985.— Vol.4.— N2.— P. 33.
- ⁴⁰ Light I. Immigrant and ethnic enterprise in North America // Ethnic and Racial Studies, 1984.— Vol. 7.— N 2.— P. 204.
- ⁴¹ Ibid.—P. 199.
- ⁴² Nelli H. S. Op. cit.—P. 192.
- ⁴³ Doerner W. R. To America with skills// Time, 1985.—July 8.—P. 32.
- ⁴⁴ Light I. Immigrant and ethnic enterprise in North America.— P. 203.
- ⁴⁵ Севостьянов С. П., Корсакова Н. Е. Указ. соч.— С. 86, 137; Light I. Immigrant and ethnic enterprise in North America.— P. 204.
- ⁴⁶ Бирюков В. И. Американские китайцы и подготовка специалистов для КНР // США: ЭПИ, 1986.— № 10.—С. 113—117.
- ⁴⁷ Севостьянов Е. П., Корсакова Н. Е. Указ. соч.— С. 137.
- ⁴⁸ Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник.— М.: 1986.—
С. 37
- ⁴⁹ Социально-экономическая и политическая дискриминация трудящихся в капиталистическом мире.— Киев: 1980.— С. 160.
- ⁵⁰ U.S. Government Bureau of the Census.— Washington, 1977.— P.S.
- ⁵¹ Task force on education.— La Red/ The Net, Special Edition.—1984.— N88.— P. 15.
- ⁵² Геевский И. А., Червонная С. А. Национальный вопрос в общественно-политической жизни США.— С. 62.
- ⁵³ Migration World Magazine, 1987.—Vol. 15.— N3.—P. 41.
- ⁵⁴ Congressional Record, 1973, June 30.—P. E4259.

- ⁵⁵ Євтух В.Б., Шамшур О. В. Програми «етнічної спадщини» та «білінгвізму» в школах США// Радянська школа, 1985.—№ 3.— С. 90.
- ⁵⁶ U.S. Department of Commerce.— Washington, 1977.— Р. 23.
- ⁵⁷ Luhman R., Gilman S. Op. cit.— Р. 297.
- ⁵⁸ Євтух В. Б. Советско-американский симпозиум «Роль этнических процессов в современных обществах»// Советская этнография, 1987.—№ 6.— С. 132.
- ⁵⁹ Туганова О. Э. Некоторые характерные черты американской культуры // США: ЭПИ, 1983.—№ 6.—С. 30—40.

Глава 5 коллективной монографии: США: Природа и проявления внутренних противоречий (80-е годы) / А. Н. Шлепаков [и др.]. – Київ : Наукова думка, 1989. – 220 с.

ЭТНОЛОГИЯ В США И КАНАДЕ

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЛОГИЯ В КАНАДЕ

Сведения о развитии этносов или их частей на территории Канады в прошлом и настоящем содержатся в научных трудах, представляющих самые различные области знаний об обществе — историю, социологию, антропологию, культурологию, литературу и лингвистику. При всем разнообразии перечисленных отраслей наиболее весомые и системные знания об этносах накопила антропология. Поэтому в данной работе ее опыт и достижения положены в основу анализа современной канадской этнологии. В настоящее время в научной литературе, на конференциях и особенно сессиях научных обществ все чаще фигурирует термин «этнология», употребляемый в значении разноаспектных знаний об этносах, сообщаемых различными общественными науками. Эта тенденция, а также накопленный опыт этнологических исследований дают основания предполагать возможное формирование этнологии как отдельной науки с собственной структурно-концептуальной системой, обладающей определенной автономией в ряду других общественных наук. Правда, данная возможность все-таки далека от своего практического воплощения, что, по нашим наблюдениям, связано с недостаточностью собственно канадской теоретической базы. С учетом этой реальности термин «канадская этнология» используется нами не в значении отрасли науки с ее закономерностями, а скорее как собирательное определение знаний об этносах, содержащихся в упоминавшихся выше науках.

Начальной точкой хронологических рамок понятия «современная канадская этнология» можно считать середину 50-х годов, что было связано с учреждением в 1955 г. отделения антропологии и социологии в Канадской

ассоциации политических наук (КАПН). Автономизация антропологии и социологии послужила толчком к более углубленному и заинтересованному изучению этнонациональных процессов в канадском обществе, которое, безусловно, предполагало исследование прошлого народов, населяющих Канаду, их этническую и социальную эволюцию.

В строгом смысле слова у канадской антропологии не было истории — она начинается с 50-х годов нынешнего века. Основанием для подобных утверждений служит не только тот факт, что к моменту образования отделения антропологии и социологии в составе КАНН насчитывалось сего 10—12 социологов и антропологов¹, но кроме того, не было создано национальной школы, в первую очередь в изучении этносов страны. Национальная школа этнологов формируется в основном в 60-е годы, когда в Канаде идет интенсивная подготовка кадров антропологов, этнографов, историков, занимающихся исследованием этнического состава населения, углубляется изучение индейцев и эскимосов, интенсифицируется организация музейно-этнографического дела и т. д. Очевидно, пока преждевременно говорить о четких, устоявшихся характеристиках национальной этнологической школы Канады, отличающих ее от других национальных школ, прежде всего США, однако можно с полным основанием судить о процессе ее формирования. В ходе изложения материала, особенно в части анализа основных направлений этнологических исследований, на эти характеристики будет обращено особое внимание.

Хотя канадская этнология (антропология) как собственно канадская наука зарождается в послевоенное время, тем не менее она возникала не на голом месте. Для этнологии Канады, в первую очередь когда речь идет о ее своеобразных чертах, чрезвычайно важным является вопрос об истоках. Он предопределяет необходимость небольшого экскурса в прошлое, тем более что в советской научной литературе до сих пор не было работ, посвященных анализу формирования и эволюции канадской этнологии².

Вполне закономерно, что развитие антропологии в стране ученые связывают с появлением научно-организационных учреждений соответствующего профиля: Британская ассоциация развития науки (1831), Геологическое управление Канады (1842), Канадский институт в Торонто (1849), Королевское общество Канады (1882). (В 1880 г. была предпринята попытка создать и антропологическое общество, но она оказалась неудачной — общество существовало непродолжительное время и не оставило никакого следа в истории канадской антропологии.) Собственно антропологические исследования на территории Канады начались после первого заокеанского

заседания Британской ассоциации развития науки (БАРН) в 1884 г. (г. Монреаль), на котором был учрежден Комитет по изучению северо-западных племен Канады. Комитет возглавил видный английский антрополог Э. Б. Тэйлор, а затем американские ученые Дж. У. Даусон, Д. Уильсон, Х. Хейл. Основную задачу комитета его руководители усматривали не столько в стимулировании развития антропологии как науки, сколько в обеспечении успешного осуществления полевых исследований Ф. Боаса на северо-западном побережье Канады. И все же Э. Б. Тэйлор, которого исследователи называют «отцом канадской антропологии»³, настаивал на необходимости создания национальной школы антропологов. В частности, еще на первом канадском заседании БАРН он предлагал создать Канадское антропологическое общество, которое объединило бы усилия антропологов, работающих в этой стране, с целью использования всех возможностей для осуществления эффективных работ⁴. Обращая внимание на первоочередное изучение национального полевого материала, Э. Б. Тэйлор призывал не упускать из поля зрения антропологические исследования и за пределами Канады. В значительной степени благодаря усилиям этого ученого в 1896 г., во время торонтского заседания БАРН, был образован Комитет этнологических исследований Канады во главе с Дж. У. Даусоном, просуществовавший до 1904 г. Спустя пять лет на очередном заседании БАРН в Виннипеге учреждается новый комитет, на базе которого в 1910 г. создается Отделение антропологии при Геологическом управлении. До 1925 г. его возглавлял видный американский антрополог, представитель исторической школы Э. Сэпир.

Учреждение подобных научных обществ в Канаде способствовало профессионализации антропологии как науки. Это была одна линия развития антропологических исследований. Другую представляли собой «полупрофессиональные» изыскания в области изучения отдельных аспектов истории сначала индейцев, а позже иммигрантов, проводившиеся в музеях страны. Канадские историки антропологии склонны рассматривать деятельность музеев по изучению человека как значительное явление в формировании национальных традиций в антропологии⁵. Одним из наиболее весомых стал Королевский музей Онтарио (г. Торонто).

К середине 20-х годов нынешнего столетия в Канаде сформировались два центра антропологической науки — Оттава и Торонто, по своим традициям противостоящие друг другу и представляющие две антропологические школы — американскую и британскую. Дело в том, что упоминавшиеся выше научные общества и учреждения возглавляли американские антропологи и, как правило, их деятельность хотя и не была структурно подчинена соответствующим

американским обществам, но находилась под влиянием последних, особенно в области теории антропологии. К тому же канадские общества в значительной степени были призваны обеспечивать полевые исследования, проводившиеся учеными США на территории Канады. Торонтский центр представлял британскую школу во главе с Д. Дженнесом и М. Барбо. Со временем он превратился в общенациональный центр развития антропологической науки, поскольку с отъездом из Оттавы в США в 1925 г. Э. Сэпира снизилась активность Отделения антропологии при Геологическом управлении, а кроме того, в том же году в Торонтском университете открылся курс антропологии, первым преподавателем которой стал Т. Макилврейт. Он совмещал работу в университете и в Королевском музее Онтарио. Спустя два года в университете Торонто учреждается отделение антропологии. Отмеченные мероприятия внесли оживление в процесс становления этой науки в Канаде. Середину 20-х годов, по нашему мнению, можно считать переломным периодом в формировании национальной школы антропологов. Основанием для подобного утверждения является тот факт, что в Канаде начали готовить собственные кадры антропологов, которые ориентировались на выполнение задач, вытекавших из интересов страны. Правда, «канадизация» антропологических исследований намечалась лишь в организационно-структурном плане, что же касается теоретических основ, то здесь преобладали идеи британских и американских ученых, стоявших на позициях этнологического структурализма (Великобритания) и исторической школы (США). Характерной чертой этого процесса явилось преобладающее влияние социоантропологического направления в науке об этносах, поскольку и структурно (имеются в виду как подготовка кадров, так и учреждение соответствующих научных обществ), и теоретически антропология увязывалась с социологией, концепции которой в значительной степени применялись в антропологии.

Завершая экскурс в предысторию канадской этнологии, необходимо обратить внимание на попытки современных канадских авторов отыскать черты, уже тогда свидетельствовавшие о ее самобытности. Подобное стремление отражает характерную тенденцию общественно-политической жизни страны последних 20 — 30 лет, именующуюся процессом «канадизации». Порой приверженцы этой тенденции склонны преувеличивать канадскую самобытность и преуменьшать сохраняющееся и поныне американское влияние во всех сферах социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в тех немногих работах, которые посвящены развитию антропологии в Канаде¹. Однако влияние британской и американской традиций достаточно велико, и о

наличии собственной концепции развития этнологических знаний вряд ли приходится говорить. Тем не менее в 50—60-е годы наблюдается относительно быстрый рост интереса к этнологической истории Канады, результатом которого стало появление новых направлений, значительное увеличение национальных научных кадров, научных обществ и т. д. Интенсифицируются антропологические исследования в Национальном музее человека в Оттаве. Расширил сферу деятельности Национальный музей: кроме этнических, здесь ведутся изыскания по лингвистике, фольклору и физической антропологии. Сейчас в музее существует несколько подразделений, где осуществляются этнологические исследования (отдел канадской этнологии, археологический отдел, канадский центр по изучению народной культуры), издается серия научных публикаций под названием «Меркурий».

Один из старейших в стране — Музей естественной истории и антропологии Британской Колумбии (г. Виктория), специализировавшийся на изучении индейцев в провинции, в послевоенное время расширил свою деятельность. Он начал публиковать серию известных научно-популярных книг о культурах различных племен и продолжающееся научное издание «Антропология в Британской Колумбии». Самый крупный Королевский музей (г. Торонто) в 50-е годы ввел программу этнологических исследований, включающую не только Канаду, но и другие страны. Наряду с расширением объектно-предметной зоны этнологической работы в музеях, существовавших до второй мировой войны, открылись новые музеи, в которых антропологическая тематика становится ведущей или, по крайней мере, ей уделяется значительное место. К ним относятся: музей Компании Гудзонова залива (г. Виннипег), концентрирующий свое внимание на проблемах освоения Севера и Запада и в связи с этим — на положении индейцев этих районов и издающий журнал «Бобер», Музей университета Британской Колумбии, занимающийся этнологическими исследованиями в провинции, и др. Уже в конце 40-х годов в стране было открыто около 200 музеев. Не все они стали центрами научной работы, некоторые со временем прекратили существование, но собранные ими коллекции представляют собой источник для изучения тех или иных аспектов этнической истории Канады. Для координации деятельности музеев в 1947 г. была создана Ассоциация канадских музеев. Осуществляемая с 1972 г. национальная программа каталогизации музейных коллекций, основной задачей которой является документальное описание собраний культурного и научного характера, хранящихся в различных музеях страны⁹, стимулирует научную работу по этнологической тематике.

Подготовка научно-исследовательских кадров и практиков, работающих в

области этнологии, началась еще в 20-е годы, но до второй мировой войны Торонтский университет оставался единственным учебным заведением, где преподавали антропологию. В конце 30-х годов курсы антропологии были введены в университетах Британской Колумбии и Ньюфаундленда. Сегодня в каждом канадском университете преподается антропология. До 1963 г. преподавание осуществлялось в основном на факультетах политической экономики, затем во многих университетах были открыты факультеты социологии с отделениями антропологии, в некоторых же курс антропологии преподается в рамках других общественных дисциплин. По данным на 1973 г., в стране существует 61 такой факультет (в отдельных университетах имеются смешанные факультеты социологии и антропологии, а кое-где они структурно разделены)¹⁰. Три университета Канады — Макгиллский в Монреале, университет Британской Колумбии и Торонтский в Торонто — имеют аспирантуру. Наряду с преподаванием антропологии во многих университетах ведется научно-исследовательская работа, причем если культурная антропология является предметом обучения и объектом изучения практически во всех университетах, то по другим областям этнологических знаний отмечается четкая специализация. Так, изменениями в культуре под воздействием различных факторов занимаются университет Британской Колумбии и университеты степных провинций, а также некоторые вузы на востоке страны; работа Торонтского университета сосредоточена на этнолингвистике и технологии, а ученые Макгиллского университета специализируются в области этнолингвистики и теории полевых исследований.

В 60-е годы на базе упоминавшихся музеев и университетов формируются научные центры, ведущее место среди которых занимают Торонтский, Йоркский университеты в г. Торонто, университет г. Калгари, Музей человека в Оттаве, Королевский музей Онтарио (г. Торонто) и др. Скажем, в Канадском центре антропологических исследований (Оттава) ведутся изыскания в области культуры, быта и традиций индейцев, результаты которых публикуются в журнале «Антропология». В Институте психологических исследований Йоркского университета в 60-х годах началась разработка Программы этнических исследований. В результате ее выполнения опубликован ряд работ, раскрывающих особенности социально-экономической интеграции переселенцев и их ассимиляции в канадском обществе. В созданном в 1969 г. Центре этнических исследований университета г. Калгари осуществляются социологические обследования, объектом которых является та или иная этническая группа или ее часть в конкретных ситуациях. Канадский центр по изучению прерий (Реджайна) концентрирует свое внимание на

межэтнических отношениях в этом регионе и коренных жителях, населяющих степные провинции. Кроме названных центров, в Канаде в 60 — 70-е годы возникло значительное количество научных обществ: Отделение антропологии и социологии Канадской ассоциации политических наук, Канадская ассоциация этнических исследований, Ассоциация социологов и антропологов Западной Канады, Канадская ассоциация социологов и антропологов по изучению французского языка и др. Основная задача перечисленных обществ заключается в координации (территориальной, объектно-предметной) усилий ученых и практиков, занимающихся изучением этнической истории страны, эволюцией этносов, этнолингвистикой, этнопсихологией и т. д.

Помимо этого в Канаде существуют научные так называемые этнические общества (Ассоциация канадско-азиатских исследований, Ассоциация содействию скандинавских исследований в Канаде и др.), объединяющие выходцев из разных этнонациональных групп, которые изучают историю и современное положение этих групп. Научный потенциал таких обществ невелик. Несмотря на это, подобные общества оказывают большую помощь в осуществлении конкретных социологических исследований (анкетирования, интервьюирования, опроса и т. д.), проводимых в той или иной этнонациональной группе.

Как правило, научные центры и научные общества имеют свое издание, в котором публикуются результаты работ: Этнологическое общество издает «Труды» конгрессов, где помещаются доклады, представленные на ежегодных сессиях конгресса общества; Отделение социологии и антропологии при Канадской ассоциации политических наук — журнал «Канадское обозрение по социологии и антропологии»; Канадская ассоциация этнических исследований — Бюллетень и журнал «Этнические исследования в Канаде». Научные разработки по этнологической проблематике публикуются также в таких периодических изданиях, как «Канадский журнал экономических и политических наук», «Канадское историческое обозрение», «Мозаика», «Королевский кварталник», «Канадское обозрение исследований по национализму» и т. д.

Все названные научные центры, общества, периодические издания и большой поток этнологической литературы — характерная черта как называемой новой эпохи в канадской антропологии (этнологии) ", наступившей после второй мировой войны, а идеи, концепции и теории, выдвигаемые в научных публикациях, отражают содержание этой эпохи. Последние станут предметом анализа при изложении материала, отражающего уровень разработки основных направлений этнологических исследований в Канаде:

изучение коренных жителей, этнического состава населения и современной этнонациональной ситуации, моделей этносоциального развития и межэтнических отношений, духовной и материальной культуры, фольклора, быта и семьи Канады, народов и культур других стран.

Этнологические исследования коренных жителей Канады являются традиционными; они имели место еще в середине XIX в., но особо интенсивно ведутся с 50-х годов XX в. по настоящее время. Если ранее они практически ограничивались лишь полевыми изысканиями, то на современном этапе накопленный полевой материал, в значительной степени представленный в канадских музеях, дает возможность для построения обобщающих теорий этносоциального развития первых жителей Канады. Ограниченность методики исследований в XIX — начале XX в. (описание зафиксированных на данный момент явлений без проникновения в их истоки и анализа их динамики) приводила к методологически неверным выводам. В частности, в советской литературе отмечалось, что в этнографических работах указанного периода институт частной собственности, развивавшихся у индейских племен в условиях превращения натурального хозяйства в мелкотоварное, рассматривался как «аборигенный», т. е. извечно присущий индейским племенам¹². Исследования же 60—70-х годов доказали правоту мнения советских ученых, что частная собственность и черты мелкотоварного хозяйства явились результатом контактов индейцев с европейскими колонизаторами¹³.

Сегодня работы, посвященные коренному населению Канады, в которых содержатся сведения об их развитии, можно разделить на две части: социологические и этнографические. Причем анализ библиографии по данной проблеме и содержание исследований, имевшихся в нашем распоряжении, однозначно свидетельствуют о превалировании именно социологической литературы. Данный факт, очевидно, следует объяснять социетальными процессами в индейской среде, вызванными интенсивным вовлечением коренных жителей в орбиту капиталистической экономики в связи с хозяйственным освоением их этнических территорий¹⁴. Этот феномен потребовал своей научной интерпретации, результатом чего стало появление большого количества работ социологического направления¹⁵. В них развивался тезис исследователей 60-х годов о том, что индейцы во все большей степени работу по найму предпочитают традиционным хозяйственным занятиям — рыболовству, охоте, пушному промыслу¹⁶. Характернейшие черты социетальных процессов среди коренного населения — пролетаризация, усиление миграции из резерваций в города — вносят определенные изменения

в традиционный уклад его жизни, выражающиеся, в частности, во все большем приобщении индейцев в городах к культуре других этносов Канады.

Новые явления в современной жизни коренных жителей страны определили одно из важнейших направлений в их изучении — исследование процесса адаптации индейцев в городской среде. Общая посылка оценок перспектив психологической адаптации канадскими учеными базируется на разработанной в США концепции (Х. Келман и Д. Уорвик), согласно которой индивидуум, как правило, всегда сопротивляется социальным изменениям. Исходя из этой схемы, Д. Уонг-Ригер отмечает, что «показателем психологической адаптации как для входящего в новое общество, так и для коренных членов данного общества является соответствие между фундаментальными атрибутами ценностей и норм индивидуума и принимающих социальных групп», а хорошо адаптированным, по ее мнению, можно считать того, кто «научился вести себя в соответствии с нормами, установленными членами нового общества»¹⁷. В результате ранее проводившихся исследований конфликтов между коренными жителями и белым населением в северных общинах ученые пришли к выводу, что в обращении белых с коренным населением этническое происхождение выступало определяющим фактором и что этническое самосознание — причина, порождающая напряженность в отношениях между ними¹⁸. Отсюда в контексте современных теорий адаптации канадскими этнологами значительное внимание уделяется соотношению самоидентификации и идентификации с принявшим обществом, поскольку оно активно влияет на степень адаптации. Отметим, однако, что канадские ученые не выдвигают в этом плане каких-то оригинальных концепций. Они следуют выработанным американскими психологами теориям и пытаются применить их к анализу конкретной ситуации канадской действительности. По убеждению Д. Уонг-Ригер (к нему она пришла в результате интервьюирования группы индейцев кри, проживающих в основном в франкоканадских городах у залива Джеймса), конфликты в процессе адаптации кри могут преодолеть двумя путями: а) принять нормы и ценности белого общества, отказавшись от ценностей, определяющих их идентичность; б) придерживаться, часто безуспешно, традиционной модели, оставаясь «маргинальным» индивидуумом в рамках более крупного социетального образования¹⁹. Поскольку в ходе исследования было определено, что кри в новой ситуации в большей степени ориентируются на принятие ценностей новой общности, то происходящие у них в этом направлении изменения оказывают эффективное влияние на ослабление традиционных автостереотипов. Данное обстоятельство в конечном итоге

способствует адаптации и далее — интеграции в новое общество. Однако до полного изменения сформировавшегося автостереотипа и достижения такой стадии, когда отдельные индейцы будут идентифицировать себя с новым обществом, а его ценности станут восприниматься ими как свои, кри придется пройти длинный путь. Эту дистанцию между начальной точкой изменений автостереотипа и идентификацией себя с новой общностью западные этнопсихологи определяют как маргинальный период или первичную стадию адаптации²⁰, которая необходима им пути к интеграции в общество белого населения. По истечении некоторого времени и автостереотипе кри ценности их нового окружения проявляются в большей степени, чем бывшего, причем ошутимее у тех кри, которые работали совместно с представителями белой общими²¹

В схеме адаптации индейцев, разработанной Д. Уонг-Ригер на основе теоретических построений американских этнопсихологов и антропологов (сама Д. Уонг-Ригер, окончив аспирантуру в Макгиллском университете г. Монреаля, ныне работает в университете американского штата Оклахома), вне поля зрения остаются важные социальные и политические моменты, оказывающие огромное влияние на формирование стереотипов и автостереотипов и на сам процесс интеграции коренных жителей в общество белых. Причины отмечаемой конфликтности в отношениях между белыми и индейцами коренятся не только в различной этнопсихологии тех и других, но и в социальных условиях, реакции принимающей среды по отношению к индейцам, в политике правящих верхов. На это обстоятельство обращают внимание и некоторые буржуазные исследователи. Скажем, антрополог-политолог М. Вивер, проанализировав так называемую новую индейскую политику, начатую в 1969 г., пришла к выводу, что решения принимались в пользу тех, кто определял эту политику, и в них практически не учитывались требования коренного населения²².

Разрушение индейской самобытности в последнее время некоторые антропологи относят за счет пассивности самих индейцев, что не соответствует действительности. Известны многочисленные случаи, когда коренное население прибегает к радикальным средствам защиты своих прав на традиционные промыслы, этнические территории и т. д.²⁴ Очевидно, что утверждения о пассивности индейцев основываются на поверхностном восприятии современного состояния их этнической самобытности: в условиях необходимости приспособления коренных жителей к новой ситуации (такая необходимость возникает в результате миграции в города) стремление к сохранению этнической самобытности уступает первенство попыткам

адаптироваться в новой среде. Так называемая инструментальная функция этнической самобытности (Уонг-Ригер), определяющая форму поведения и образ жизни, является превалирующей а эмоциональная ограничивается культурой и семьей. Но вполне ясно, что соотношение между этими функциями в полной мере зависит от тех социальных условий, в которых они реализуются.

Современное состояние разработанности данной проблематики в канадской этнологии пока не позволяет определить сколько-нибудь точные временные параметры завершения процесса адаптации, а затем интеграции индейцев, мигрировавших в города. Для научного прогнозирования этого процесса еще недостаточно изучены связи между процессом адаптации и различными формами напряженности, между несоответствием позиций и эмоциональной реакцией, как индейцев, так и представителей принимающих общин, степень зависимости процесса адаптации от влияния на него предыдущей и новой среды обитания. На этих вопросах, по мнению канадских этнологов, в будущем будут сконцентрированы усилия исследователей, занимающихся проблемами адаптации индейцев в городах Канады.

Безусловно, в изучении указанных процессов в более крупных регионах немалое значение будет приобретать обобщение прошлого опыта. Представляется весьма перспективным в этом плане и включение в систему индексов, определяющих интенсивность адаптации, наряду с социальными, политическими, культурными, психологическими и экологическими индексами. В частности, в Канаде уже предприняты первые попытки этноботаников проследить влияние окружающей среды на адаптацию аборигенного населения (алгонкины и кри) в юго-западной части провинции Квебек²⁵.

Новейшие изыскания канадских антропологов вносят некоторые новые моменты в интерпретацию истории тех или иных племен. Скажем, антропология 30-х годов нынешнего столетия сделала многое для изучения культур индейских племен. Однако она сосредоточила главное внимание на описании того, что сохранилось и было характерно для коренных жителей в данный момент. Главной ее целью было спасти (запечатлеть в письменных и визуальных источниках) самобытные черты индейцев, наиболее очевидно проявлявшиеся в культуре и в быту. Антропологию Северной Америки тех времен часто называют «salvage ethnography» — этнография по спасению культурного наследия. Естественно, такой подход не мог раскрыть генезис тех или иных явлений в индейской культуре, что отразилось и на классификации самих племен. Ранее, например, безоговорочно считалось, что кри, ныне обитающие в равнинной части Канады, являлись представителями равнинных племен. С точки зрения последних исследований данный тезис оспаривается и

утверждается, что равнинные кри мигрировали из лесистой местности ²⁶. Известный антрополог Д. Мандельбаум установил в культуре равнинных кри черты, характерные для северных алгонкинов, и пришел к выводу: «...культура равнинных кри подобна палимпсесту¹, в котором характерные черты равнинной жизни прикрыли неувядающий каркас культуры индейцев из лесистой местности» ²⁷.

В кругах канадских этнологов, исследовательские интересы которых сосредоточены на коренных жителях страны, высказывается тревога по поводу того факта, что в последнее время все большее число антропологов занимаются социальными процессами в ущерб этнокультурным, а это ведет к сужению объектно-предметной зоны антропологии как науки ²⁸. Конечно, из-за неполного знакомства со всей существующей в Канаде литературой по рассматриваемой проблеме трудно установить точное соотношение исследований, посвященных социальным аспектам современного развития коренных жителей и этнокультурным аспектам. Если и существует перевес в пользу первых, то он связан прежде всего с отмеченной выше необходимостью толкования новых социетальных процессов, да к тому же данное явление для канадской этнологии новое, отсюда и повышенный интерес к нему ученых. Что касается культуры коренных жителей, то она всегда, а порой только она (30-е годы, к примеру) являлась объектом исследования канадских антропологов. И в настоящее время этот интерес не ослабевает. Достаточно напомнить, что коллекции древнего и современного индейского и эскимосского искусства в музеях Канады (в Национальном музее человека в Оттаве коллекция индейского искусства насчитывает 700 единиц, а в музее Британской Колумбии — 600) ²⁹ стали объектом научного изучения. Наряду с этим увеличивается количество публикаций, в которых описываются различные музейные коллекции, а также анализируются современные художественные промыслы коренных жителей.

Конечно, наличие большого музейного материала по культуре индейцев и эскимосов еще не определяет уровень исследования их культур и быта. Вместе с полевым материалом, собираемым антропологами в местах поселения коренных жителей, коллекции музеев составляют добротную базу для теоретических заключений об истории и судьбах как культуры, так и аборигенов в целом. В последнее время в Канаде предпринимаются попытки сравнительно-исторического анализа культур коренных жителей и белого

¹ Памятка древней письменности, с которой стерт первичный текст и написан новый, но иногда через него проступает старый.

населения. Правда, доминирующей концепцией подобного анализа является концепция конфликтности, причем не только в сфере культурных контактов представителей двух общностей. По мнению канадских ученых, контакты с европейцами порождают конфликты и во внутриплеменном развитии³¹. Суть концепции перманентности конфликта сводится к противоречиям, якобы порождающимся огромными культурными и этнопсихологическими различиями контактирующих сторон. Явная гиперболизация влияния данного фактора отодвигает в тень другие не менее важные обстоятельства, в первую очередь социального порядка, например отмеченный нами процесс вовлечения индейцев в орбиту капиталистической экономики с вытекающими последствиями. К тому же данная концепция игнорирует наличие элементов демократической культуры в культуре господствующего этноса, составляющих объективные возможности для равноправного взаимодействия культур, носителями которых являются, с одной стороны, коренные жители, с другой — часть представителей европейской иммиграции и их потомков. Другое дело, что в силу объективных, а еще больше субъективных факторов (скажем, дискриминационной политики правительства по отношению к индейцам и эскимосам, искусственного нагнетания напряженности между коренным населением и канадцами европейского и другого происхождения) эти возможности в конкретных социальных условиях не реализуются.

Игнорирование упомянутых возможностей, равно как и попытки оправдать геноцид и пагубное воздействие европейцев на индейцев и эскимосов, не позволяет определить перспективы контактов двух культур и их влияния на этнокультурные процессы в среде коренных жителей.

Поиски скрытых особенностей развития ведутся канадскими антропологами в области материальной культуры коренных жителей. Последняя становится важнейшим и перспективным полем деятельности этнологов, изучающих культуру индейцев и эскимосов. В первую очередь это относится к исчезнувшим или исчезающим ремеслам, поскольку ныне существующие довольно полно описаны, в частности в коллекциях музеев. По мнению канадских антропологов, первостепенное значение приобретает контекстуальное изучение материальной культуры, предполагающее рассмотрение объекта в историческом контексте своей эпохи и сопоставление различных антропологических концепций³³. Метод контекстуального изучения материальной культуры применил С. Тейлор, проводя полевые работы в общине Гранд-Вэлли в 1978—1979 гг. по изучению каноэ, строившихся индейцами кри³⁴. Это позволило ему воссоздать не только технику постройки каноэ, но и социальный фон, характер деятельности объединений,

создававшихся в ходе работы. С. Тейлор столкнулся с таким явлением, как отсутствие четкой терминологии, которой пользуются антропологи, исследуя материальную культуру индейцев. Поэтому, по его мнению, чрезвычайно важным для стимулирования изучения материальной культуры представляется выработка «терминологического языка», в котором каждое понятие четко определяло бы сущность явления с учетом возможного создания стандартизированных систем каталогов ремесел.

Наряду с отмеченными направлениями в изучении материальной культуры коренных жителей актуальными являются также дальнейшее «консервирование» для целей научного исследования традиционных знаний о культурной деятельности и определение методов и техники, используемой для получения и обработки информации о материальной культуре.

Поскольку изучение материальной культуры ведется, как правило, музеями, где существуют специальные службы (например, этнологическая в Национальном музее человека в Оттаве), то несомненно, что в свете требований времени им придется преодолевать некоторую односторонность в своей деятельности. Музеи традиционно недооценивали роль социально-политического потенциала в исследовании явлений материальной культуры. Они сосредоточивали свое внимание на чисто физических свойствах и утилитарном назначении предметов, и вне поля зрения оставалось влияние социально-политических условий жизни коренного населения на содержание материальной культуры.

Выяснение этого влияния приобретает немаловажное значение для установления причин возрождения забытых когда-то промыслов, создававших предметы ежедневного обихода. Подобные явления наблюдаются сегодня в Канаде. Например, среди индейцев, проживающих на побережье Тихого океана, возродилось ручное ткачество. В работе П. Густафсон отмечается, что использование шерсти собак в текстильном промысле после контакта с европейцами резко падает и практически исчезает, но в конце 60-х годов возрождается, — правда, из чисто утилитарного этот промысел в настоящее время превращается в художественный ³⁵. В определенной степени данное явление довольно распространено в стране. Но пока в канадской этнологии остается неизученным вопрос о его соотношении с отмечавшимися выше процессами адаптации и о том, насколько этот феномен вписывается в концепции социетальных процессов в среде коренных жителей страны.

Противоречивость развития этнологии (культурной — социальной антропологии) в Канаде особенно наглядно проявляется в определении объектно-предметной сферы такого ее направления, как исследование

этнических отношений. До 60-х годов это направление практически не привлекало внимания канадских обществоведов. Но особенности этносоциального развития страны последних 20 — 30 лет (имеется в виду активизация этнических процессов, сопровождаемая ростом этнического самосознания и, естественно, усилением обособленческих тенденций в среде различных этнонациональных групп) заставили ученых взяться за изучение межэтнических отношений и этнических процессов. В начале 70-х годов (к этому времени появились некоторые работы по данной проблематике) созрела необходимость структурного оформления и координации предпринимавшихся в этом направлении усилий.

Существенные разногласия среди канадских этнологов (сюда мы причисляем этносоциологов, антропологов, этнолингвистов, этноисториков, этнопсихологов) наблюдаются в отношении определения зоны этнических исследований. Предметом довольно активной дискуссии, длящейся уже более десятилетия, послужило принятие Программы канадских этнических исследований в связи с провозглашением в 1971 г. правительством П. Трюдо политики многокультурности в качестве официальной доктрины государства в сфере этнонациональных отношений в стране. Первоначально эта программа включала два раздела: 1) привлечение профессорско-преподавательского состава к чтению лекций в канадских университетах по этнической проблематике и 2) научное обеспечение изучения сферы этнических отношений. С начала 80-х годов в программе появился третий раздел: финансовое вспомоществование. Основным объектом исследования в программе была определена культура этнических групп, причем в понятие «этническая группа» включались только группы иммигрантского происхождения. Таким образом, вне программы оказалось коренное население, не говоря уже об англо- и франкоканадской нациях, что привело к сужению понятия «этнические исследования». В конечном итоге это оказывает негативные последствия на трактовку самих этнических процессов и характеристику этнонациональной ситуации в стране, поскольку за их пределами остаются важные в количественном и качественном плане компоненты. Ограниченность методологии этнических исследований, осуществившихся в рамках программы, проявилась и в том, что они проводились в основном на эмпирическом уровне внутри отдельных этнокультурных общин. Социологи и антропологи (а именно они осуществляли работу, представители других общественных наук — историки, лингвисты — практически не привлекались) пользовались, пожалуй, единственным инструментарием — анкетой. Вне научного анализа оставались

документальные источники, историческая литература, пресса. Сами по себе результаты обработки анкетирования и опросов представляют ценный материал, но его применение довольно ограничено: он дает возможность отразить существующую на данный момент ситуацию внутри отдельной этнической группы, но не позволяет делать какие-либо прогнозы в отношении дальнейшего развития социальных, политических, этнокультурных процессов в этой группе, поскольку она рассматривается вне влияния внешних факторов и вне контекста межэтнических отношений. Прогнозирование же чрезвычайно важно и актуально, поскольку речь идет о «переходных этнических группах».

Сказанное выше не означает, что подходы и проблематика, намеченные в программе, жестко определяют характер и направление этнологической работы в стране. Конец 70-х — начало 80-х годов засвидетельствовали усиление другой тенденции — формирование среди ученых Канады более широкой концепции предметных зон этнологии. Показательны в этом плане результаты анкетирования, в котором участвовало 37 канадских университетов. Целью его было выявление точек зрения в отношении определения объекта науки. Результаты указывают на тенденцию к включению в объектную зону этнических исследований англо- и франкоканадцев и па снижение интереса к изучению иммигрантских этнических групп³⁷.

Новая концепция предполагает и расширение предметных и тематических рамок. По мнению канадских ученых, программа должна изучать и внутригрупповую ситуацию, и межэтнические отношения³⁸. В связи с новым подходом в определении объектно-предметной сферы этнических исследований выдвигаются новые требования, которые способствовали бы их активизации: создание в учебных заведениях «этнических» кафедр, проведение микросимпозиумов и конференций, обеспечение связи университетов с этнокультурными общинами, использование результатов научных работ в преподавательской деятельности и вовлечение в научный процесс студентов, создание и государственное финансирование национального и региональных центров этнических исследований. И если канадские ученые говорят о слабой разработанности этнической проблематики в своей стране³⁹, то это результат того, что перечисленные требования в некоторых компонентах удовлетворяются неполно, а в других вообще не удовлетворяются.

Характерной чертой современной западной социокультурной антропологии (Канада здесь не является исключением) стала ее служебная роль, когда правящие круги пытаются во всевозрастающей мере использовать антропологию (этнологические знания) в своих интересах⁴⁰. Правда, для Канады это явление новое, возникшее в связи с осуществлением

упоминавшейся выше политики многокультурности. По мнению правящих кругов, принятая Программа этнических исследований (а она финансируется федеральным правительством) должна обеспечить выполнение целей политики многокультурности. Среди канадских ученых, занимающихся этнической проблематикой, нет единой точки зрения по поводу того, насколько этнические исследования должны привязываться к политике и на каких ее разделах должно быть сосредоточено внимание. Скажем, на том разделе, который гласит: федеральное правительство будет оказывать помощь развитию культур всех этнических групп, что будет способствовать сохранению их самобытности, или тех, которые будут стимулировать их деятельность, направленную на интегрирование в канадское общество. В последнее время ведущими специалистами в этнологии все настойчивее утверждается мысль о необходимости сконцентрировать усилия на выполнении таких работ, которые анализировали бы возможности упрочения канадского единства. Например, метр канадской этносоциологии Дж. Портер, кстати начинавший свою научную деятельность именно с обращения к этнонациональным ситуациям в отдельных группах, сейчас резко выступает за смещение акцентов в пользу изучения «объединяющих» аспектов. По его мнению, даже первый раздел политики многокультурности стимулирует стремление к «этническому партикуляризму»⁴¹. В данной концепции, поддерживаемой и другими канадскими учеными, нетрудно усмотреть призыв к прекращению изучения этнокультурных групп, в ходе которого при объективном подходе обнаруживались бы изъяны в правительственной политике по отношению к ним, и, более того, к прекращению даже тех скудных ассигнований, которые выделяются отдельным группам в рамках политики многокультурности.

Такое мнение резко противоречит настроениям канадского общества по поводу дальнейших путей этносоциального развития страны. Дело в том, что значительная часть населения Канады, а в некоторых регионах большинство усматривает в стимулировании развития этнокультурных групп характернейшую черту будущего страны. Например, результаты работ в городской агломерации Эдмонта, проведенных в 1982 г. лабораторией по исследованию населения университета Альберты, выявили, что на поставленный вопрос: «Была бы Канада наилучшим местом проживания, если бы этнические группы сохраняли свой образ жизни?» — 57,9 % информаторов ответили утвердительно и лишь 22,1 % — отрицательно (остальные 17,8 % не ответили никак, 2,2 % — «не знаю»)⁴².

Сложная ситуация, в которой находятся в настоящее время этнические исследования (отсутствие четкой объектно-предметной зоны изучения, четкой

структуры, необеспеченность научными кадрами и т. д.), кроме всего прочего, усугубляется потому, что они тесно связаны с кризисным состоянием самой политики многокультурности⁴³. И хотя предпринимаются попытки отбить нападки на многокультурность, ее несостоятельность проявляется все с большей очевидностью. В таких условиях, естественно, идут поиски альтернативных моделей этносоциального развития Канады. Если, скажем, многокультурность была той моделью, идея которой в основном исходила от правительственных кругов⁴⁴, то ныне в эти поиски активно включилась наука — наблюдается попытка выработать научно-теоретическую концепцию и предложить ее для практического воплощения. Правда, эти поиски пока ограничиваются изучением возможности применения старых концепций, имевших хождение в довоенный период: в современной этнологической литературе все чаще анализируются концепции «канадской мозаики», «разнообразия в единстве».

Введенное в научный оборот в 20—30-е годы понятие «канадская мозаика» (К. Фостер, Дж. Гиббон) длительное время было ведущей моделью интерпретации национальных отношений в стране. Согласно этой концепции, канадское общество, подобно мозаичному панно, состоит из множества разных камней (этнических групп), объединенных единым политическим организмом. В начале 60-х годов Дж. Портер ввел новое понятие — «вертикальная мозаика», представив канадское общество как несколько срезов с присущими им этническими признаками⁴⁵.

Выстраивая свои концепции, и Дж. Гиббон, и Дж. Портер, да и их последователи несколько идеализировали прочность связей, удерживающих отдельные камешки в едином панно. Это было результатом недооценки, а порой и откровенного игнорирования социальных факторов, оказывающих решающее влияние на этнонациональное развитие страны. Именно они были причиной обострения национальных отношений в Канаде, начавшегося в середине 60-х годов и длящегося вот уже почти три десятилетия. В этих условиях со всей очевидностью обнаруживалась несостоятельность концепции «канадской мозаики», которая, по образному выражению Д. Лазаруса, дала трещину. Другими словами, активизация этнического самосознания стимулировала центробежные тенденции, в результате чего ослабевали связи, способствовавшие, но крайней мере внешне, бесконфликтному единству. Возвращение к концепции «мозаики» или «этнической мозаики», по мнению некоторых канадских исследователей, является возрождением «веры в то, что страна развивалась более или менее гармонично как многокультурное общество». По П. Уорду, одной из причин, вынуждающих официальное

мнение, да и ученых культивировать подобную веру, выступает «коллективная необходимость создания мифологии национального развития, которая не только подчеркивала бы отличие Канады от юга (имеются в виду США. — В. Е.), но и представляла бы канадскую модель превосходящей американский «плавильный котел»⁴⁶.

В такой постановке вопроса чувствуется проявление одной из важных тенденций внутривнутриполитической жизни страны, получившей название «канадизация» и предусматривающей освобождение от влияния Соединенных Штатов на социально-экономическую и общественно-политическую жизнь. Однако не все канадские этнологи пытаются противопоставить этносоциальное развитие Канады Соединенным Штатам. В некоторых исследованиях наблюдается стремление подчеркнуть общие черты этнических процессов и межэтнических отношений в двух странах. Если, скажем, ранее считалось, что такие концепции, как «англоконформизм», «плавильный котел»⁴⁷, были свойственны исключительно США, то сейчас в этнологической литературе и документах этнических организаций встречаются ссылки на то, что отраженные в концепциях процессы имели место в этносоциальном развитии Канады⁴⁸. «Англоконформизм» и «плавильный котел» становятся предметами этнологических исследований. Даже упоминавшихся здесь публикаций достаточно, чтобы установить возможное направление дальнейшего изучения канадскими этнологами концепций этносоциального развития, появившихся в США, — сравнительный анализ их действенности в двух странах⁴⁹. Очевидна также и поляризация наметившихся двух точек зрения по названному вопросу: приверженцев «континентализма», выступающих за тесный союз с США, и сторонников «канадизации».

В контексте изучения межэтнических отношений в Канаде (в буржуазной литературе они зачастую сводятся к отношениям между отдельными людьми с различными лингвистическими и культурными традициями), представляющих одно из перспективных направлений канадской антропологии, большое значение приобретает проблема этничности. В советской литературе отмечены основные дифференцирующие свойства данного понятия и в той или иной связи проанализированы ее составные компоненты, а также интерпретация этничности западными учеными⁵⁰. Среди канадских буржуазных ученых не наблюдается каких-либо принципиальных расхождений в интерпретации ее содержания, совпадающей с мнением исследователей других западных стран. Существующее разнообразие определений исходит от различных задач, которые ставят перед собой исследователи. Ведя речь об этничности, канадские этнологи подчеркивают общее происхождение и общие черты культуры для

отдельных групп населения, а также общность биологического, национального происхождения религии⁵¹. Особенность Канады заключается в том, что этничность в таком определении как бы находится на поверхности и ученые сталкиваются с ней в реальной жизни, она отражена даже в переписях и официальных статистических документах⁵². Учитывая последнее, канадские этнологи, в частности Дж. Портер, наделяют этничность еще и чисто исследовательскими функциями, определяя ее как статистический показатель, вытекающий из определений переписи и самого процесса ее проведения⁵¹.

Усиленное внимание к этничности в Канаде связано с интенсивным ростом этнического самосознания, которое зачастую реализуется в этноцентризме, усиливающим обособленные процессы в этнонациональном развитии страны. Правда, в работах начала 80-х годов наблюдаются более взвешенная оценка данного явления и выборочное применение самого понятия «этничность» в анализе сложных конфликтных ситуаций национальных отношений. Есть авторы, которые прямо заявляют, что в канадской социологии и в других общественных науках этничности уделялось слишком много внимания и значение ее преувеличивалось⁵⁴. На наш взгляд, появлению подобной точки зрения способствовало углубленное исследование сложных, порой конфликтных ситуаций в современных этнических процессах. Его результаты не всегда однозначно указывали на их связь с этничностью: например, в поведенческих стереотипах иммигрантских семей обнаруживалось лишь минимальное влияние этничности, здесь в значительной степени сказывались и маргинальность, и социальная ориентация.

Увлечшись описанием проявления одного из главных компонентов этничности — этнического самосознания — в разных сферах общественной жизни, канадские социологи ушли от выяснения вопроса, насколько устойчиво этническое самосознание в конкретных социальных условиях. Анкетирование, проводившееся в середине 70-х годов в университете провинции Альберта среди студентов украинского происхождения, отметило их стремление идентифицировать себя с украинской этнической группой. Но, как оказалось, оно не подкреплялось конкретными действиями, направленными на закрепление этого стремления: обнаружилось, что большинство студентов плохо владеют украинским языком, практически не читают прессы на этом языке, мало или почти совсем не интересуются делами украинской этнической группы. Ослабевает интерес к участию в деятельности этнических организаций у молодежи китайского происхождения⁵⁶. Подобные явления имеют место и в других этнонациональных группах: итальянской, португальской, греческой и т. д. Таким образом, социальные ориентации (стремление получить работу,

обеспечить прожиточный минимум, получить образование, открывающее возможности для улучшения социально-экономического положения, и т. д.) в условиях неравенства в доступе к социально-экономическим и политическим правам приобретают приоритет над этническими в определении своего места и поведенческих стереотипов в канадском обществе. Ограниченность методологической базы буржуазной науки, в данном случае этнологии, не позволяет выявить степень взаимосвязи между социально-классовыми и этническими явлениями в общественной жизни страны. Поэтому сущность понятия «этничность» буржуазные ученые ищут в культурных различиях, которые являются характерными чертами индивидуума и в значительной степени проявляются в психологии в процессе межэтнического общения.

Канадские марксистские исследователи доказывают, что проблема этничности в том виде, в каком она существует в стране, — порождение канадской действительности и ее сущность должна определяться социально-экономическими факторами развития этого общества: «Этничность является специальным социальным продуктом. Она — характерная черта канадской капиталистической социальной формации, которая [черта] появилась в результате вступления в организованные отношения в экономической и общественной жизни людей, прибывших из разных стран. Этничность родилась в общественной жизни в процессе деятельности. Она представляет собой отношение социального и экономического неравенства». Этнические различия, присущие выходцам из разных стран, таким образом, проявляются в социальной практике, их содержание определяется существующим строем⁵⁷. Данный вывод имеет большое методологическое значение не только для определения самой сущности понятия «этничность», но и для анализа всей современной этнонациональной ситуации и межэтнических отношений в стране. Особенно это важно сейчас, когда в условиях обострения национальных конфликтов и сохранения напряженности в межэтнических отношениях буржуазные ученые, преимущественно этнопсихологи, пытаются сместить акценты в анализе причин данных явлений, сводя их к культурно-психологическим факторам и подчиняя им социально-экономические⁵⁸. Предлагаемая ими концепция этничности как единственно возможная модель интерпретации современного этносоциального развития Канады учитывает, более того — ставит в центр внимания один, явно вторичный, источник, оказывающий влияние на формирование нынешней этнонациональной ситуации в стране. Действительность однозначно свидетельствует, что, какие бы усилия ни осуществлялись по «реставрации» существовавших ранее моделей этносоциального развития («канадская мозаика», «единство в

разнообразии») или созданию новых (этничность), они не в состоянии указать пути преодоления его противоречивости, ибо истоки ее содержатся именно в тех явлениях, которые остаются за пределами серьезного анализа буржуазных ученых.

В контексте этнических исследований в одно из автономных направлений в последнее время оформляется изучение семьи и брака. Оно ведется преимущественно в плане выяснения форм проявления этничности в семье, поскольку канадские обществоведы рассматривают последнюю как «колыбель этнического сознания», как «определяющую институцию в передаче этнических ценностей»⁵⁹. Отмечая интенсивный процесс гомогенизации канадских семей в условиях индустриализации, авторы считают, что ныне все еще сохраняется множество этнических различий между семьями. Прежде всего они проявляются в размере и структуре семьи, в отношении к смешанным бракам, выборе способа наказания детей, планировании развития семьи, в оценке роли иола в семейных отношениях и т. д.⁶⁰ Данные различия легко прослеживаются при сравнении городской и сельской этнической семьи, индейской и белой, семей старой и новейшей иммиграции. Канадские этнологи в результате полевых исследований установили, что с течением времени в иммигрантских семьях происходят изменения под влиянием конкретных социально-экономических и этнокультурных условий: более ощутимы эти изменения в среде иммигрантов из Европы, менее — в азиатских семьях. Показательными в указанном плане являются португальцы и китайцы. Обследование португальских семей, проживающих в южной части р. Оканоган (провинция Британская Колумбия), выявило, что даже за период не столь длительного пребывания в Канаде (в названной провинции с 1955 г.) заметно ослабление чувства родства и связей внутри «разветвленной семьи», характерной для португальцев. А ведь португальская иммиграция, как правило, является семейной, и расселяется она в пределах, позволяющих быстро устанавливать контакты. Основными причинами, вызывающими ослабление чувства родства, служат соперничество за более высокий политический и экономический статус в новом обществе, зависть⁶¹. Более устойчива в данном отношении китайская семья. Однако и здесь, хотя и не в такой отчетливой форме, наблюдается нарушение традиционных связей, например: отмечается определенная конфликтность между старшим и молодым поколениями, увеличивается количество смешанных семей, семьи родившихся в Канаде граждан китайского происхождения в своей структуре тяготеют к средней канадской семье. .

В связи с исследованием этнических семей в канадской этнологической

литературе развернулась дискуссия по поводу целесообразности применения социологических теорий и методики, разработанных американскими учеными. Многие считают, что поскольку канадская семья по многим показателям отличается от американской, то следует отказаться от применения методики, да и самих теорий семьи, а также от практики изучения социологии семьи на основе американского опыта. М. Маки и М. Бринкерхоф придерживаются противоположного мнения: по их убеждениям, основывающимся на результатах исследования в Калгари (провинция Альберта), существенных различий между семьями США и Канады не наблюдается и американские теории и методики вполне применимы для изучения канадской семьи. Дополнительным аргументом в споре с оппонентами им служила тенденция к обобщению социологических знаний и универсализации их использования⁶³.

В данном случае мы опять сталкиваемся с отголосками противоборства двух тенденций во внутривнутриполитической жизни страны — «канадизации» и «континентализма». Имеющая место дискуссия может оказать благотворное влияние на выработку канадскими учеными оригинальных концепций анализа семьи с учетом американского опыта и своеобразия условий Канады. Это становится необходимостью, поскольку в последнее десятилетие усиливается интерес к семье как важному элементу структуры этнологических знаний. На наш взгляд, в будущем отмеченный интерес не ограничится лишь современным ее состоянием, значительное место может занять и прошлое семьи, особенно ее формирование. Предпринятое в этом направлении исследование Х. Дионна «Брачные контракты в Квебеке» представляют собой добротный источник изучения обычаев и традиций разных социальных групп провинции Квебек в конце XVIII—начале XIX в. Здесь описан процесс подготовки к вступлению в брак. В контрактах подробно перечислялись вещи, приносимые будущими супругами в семью. По этим вещам, одежде девушки и юноши, по обычаям и традициям можно определить социально-экономическое положение вступающих в брак, социальный и этнический состав населения провинции Квебек того времени⁶⁴. Кроме того, зафиксированные в брачном контракте мебель, утварь дают дополнительные возможности для изучения материальной культуры франкоязычного населения Канады. Кстати, исследованию последней в канадской этнологии уделяется все большее внимание. Если ранее (до 70-х годов) изучалась материальная культура индейцев и эскимосов в общем контексте исследований коренных жителей, то сейчас она превращается в один из важных предметов этнологических изысканий, которые не ограничиваются лишь индейцами и эскимосами. В качестве примера можно привести две работы, появившиеся на рубеже 80-х годов: Дж. Покиуса «Ткацкие традиции в

восточной части Ньюфаундленда» и К. Бакстона «Выборочное исследование прядения в Канаде в перспективе: аналитический подход»⁶⁵.

Автор первой книги исходил из предпосылки, что полностью познать любую художественную традицию можно лишь тогда, когда продукт деятельности человека подвергается этнографическому обследованию и выявлению его практического назначения. В ходе полевых работ (с предварительным изучением истории заселения о-ва Ньюфаундленд) Дж. Покиус установил, что одежду рыбаки покупали у торговцев. Однако торговцы не могли удовлетворить спрос на некоторые вещи, необходимые рыбакам в зимнюю пору в связи с сезонной переменой занятия — рубкой деревьев. Поэтому на Ньюфаундленде поселенцы вынуждены были изготавливать специальные носки, рукавицы, перчатки самостоятельно. Так на острове возникла текстильная традиция. С течением времени ассортимент изделий увеличивался: шили верхнюю одежду, одеяла, коврики и т. д., что, в свою очередь, привело к занятию овцеводством, ткачеством, красильным делом. Все это уменьшило зависимость жителей острова от внешнего рынка. Вместе с тем удовлетворение спроса на необходимые в ежедневном обиходе вещи позволило уделять больше внимания художественной стороне. Таким образом, на данном примере прослеживается процесс возникновения художественной традиции из материальной, а также их единство: как правило, художественное начало присутствует в изделиях не само по себе, а строго подчиняется их практическому назначению.

Исследование материальной культуры чрезвычайно важно не только для установления ее связи с художественной, но, как показывает рассматриваемый нами пример, и для выяснения социальных аспектов жизни населения острова. Во-первых, ткачество в последние 30 — 40 лет превратилось из индивидуального занятия в коллективное — оно стало делом всей общины. Во-вторых, женщины, собираясь вместе для выполнения работы, имели возможность обмениваться мнениями по тем или иным вопросам жизни внутри общины и за ее пределами, рассказать разные истории и т. д.

Подтверждение мысли о плодотворности изучения материальной культуры в связи с социальной историей населения того или иного региона можно найти в работе К. Бакстона. Наряду с описанием десятков ручных прялок различной конструкции автор приходит к заключению, важному именно в социальном плане: в Канаде прялка в основном была инструментом для удовлетворения потребностей домашнего хозяйства. Она использовалась сельскими жителями с ограниченными материальными возможностями. На первых порах ручное прядение шерсти и льна должно было ослабить

зависимость поселенцев от импортировавшихся из Европы товаров, а позже оно стало альтернативой товарам, изготовлявшимся в местных мануфактурах и сбывавшимся через магазины.

Правда, в канадской этнологии изучение материальной культуры в социальном контексте не стало определяющим принципом. Как и прежде, оно сводится в основном к описанию предметов и определению их назначения в бытовом обиходе. К тому же предметная зона остается слишком узкой: материальная культура индейцев и эскимосов, европейских переселенцев более ранних периодов в отдельных регионах. Практически не исследуется материальная культура иммигрантов. Правда, выше мы говорили о попытках канадских этнологов (антропологов) выйти за узкие рамки традиционного предмета, но они пока не стали системой.

Более давние традиции в изучении канадского фольклора. В 1890 г. в «Журнале американского фольклора» была опубликована первая статья о фольклоре Ньюфаундленда. Известнейшим собирателем и интерпретатором устного народного творчества был Д. Смолвуд. В конце XIX-т-первой половине XX в. изучение культурных традиций в Канаде базировалось на принципах «исторической» школы, ставившей во главу изучения эмпирическое описание отдельных явлений в отдельных регионах или культурных ареалах (сказалось непосредственное влияние идей американских ученых-антропологов Ф. Боаса, Э. Сэпира и др.). Ведущим канадским историком фольклора в стране считается К. Карпентер. Она выполнила большую работу по исследованию фольклорной деятельности и ее роли в канадской культуре⁶⁶. В настоящее время имеют место преодоление узкого понимания фольклора и расширение рамок его предмета как исследовательской дисциплины, что выражается в изучении фольклорных традиций (помимо индейцев и эскимосов) иммигрантских групп. Примером могут служить публикации последних лет. Вместе с тем эти публикации, например «Народная музыка старейшей канадско-польской общины»⁶⁷, обнаруживают слабость методики изучения фольклора, ее тяготение к методам описательным и в меньшей степени аналитическим. Автору не удалось четко определить этнографическое происхождение песен, встречавшихся ранее или встречающихся ныне в польском поселении графства Ренфру (провинция Онтарио), не выяснены причины исчезновения традиционных посиделок, на которых можно было услышать песни, собранные автором во время полевых работ (500 песен).

В процессе научного исследования фольклора иммигрантских групп обнаруживается, что многие традиции, народные обычаи, ритуалы исчезли. Это не просто констатация свершившегося факта, скорее повод задуматься над

диалектической взаимосвязью между различными явлениями для выяснения сущности этнических процессов и определения судеб иммигрантских групп, в частности соотношения между наблюдающимся ростом этнического самосознания и возможностями его закрепления, проявляющимися в повседневной жизни иммигрантских общин.

Канадские исследователи фольклора пытаются выстроить цельную концепцию существования фольклорных традиций, привезенных на Американский континент⁶⁸. Согласно этой концепции, в новых условиях «иммигрантский фольклор» трансформируется в «этнический», проходя через три стадии: 1) сопротивление изменениям под воздействием окружающей среды и стремление сохранить традиции страны происхождения; 2) разрушение, связанное с проникновением в иммигрантский фольклорный комплекс чужеродных элементов; 3) воссоздание фольклора в соответствии с требованиями и воздействием современной обстановки. Современный иммигрантский фольклорный комплекс, по мнению Р. Климаша, исследователя украинского фольклора в Канаде, представляет собой уникальный конгломерат. В нем сохраняются традиционные черты, входят новые и выпадают старые. Отмечая разницу между старыми и новыми чертами, автор подчеркивает, что «последние частично всегда связаны со старыми... которые составляют необходимую основу для формирования нового этнического фольклорного комплекса»⁶⁹. Данная концепция процесса изменения фольклора иммигрантских групп приобретает немаловажное значение для исследований степени устойчивости черт, определяющих маргинальность иммигрантов и их потомков, проводимых в основном под патронатом Канадского центра по изучению народной культуры. Правда, судя по опубликованным работам, социологический материал пока недостаточен для точного прогнозирования.

В этой связи важны также результаты этнолингвистических исследований во всех аспектах, поскольку язык страны происхождения иммигрантов — важное средство передачи фольклорной информации в ее первоначальном виде. В последние два-три десятилетия в Канаде большое внимание уделяется статусу неанглийских языков, в первую очередь французского. Однако это внимание сосредоточивалось в основном на анализе соответствующего языкового законодательства и усилий, прилагаемых франкоканадцами и представителями иммигрантских этнических групп, направленных на укрепление позиций своих языков в канадском обществе. Усилия, как правило, ограничивались локальными рамками. Данные обстоятельства, безусловно, сказались на том, что практически не исследовались динамика языков - этнических групп, межъязыковые контакты, закономерности и особенности

внутреннего развития так называемых иммигрантских языков⁷⁰ в языковой ситуации Канады и его связи с этническими процессами.

Проанализированный материал о современном состоянии этнологических знаний в Канаде свидетельствует о том, что они развивались в основном на базе культурно-социальной антропологии. Длительное время ее развитие находилось под влиянием теоретических построений британской и американской традиций. Влияние этих традиций, особенно американской, сохраняется и ныне. Однако начиная с 60-х годов все более отчетливо проявляется стремление ученых «канадизировать» этнологию своей страны, что выражается, в частности, в попытках создания национальной школы с оригинальными концепциями ее структурно-системного развития как науки и освобождения от чрезмерного влияния, а порой и засилья концепций, привнесенных из антропологии США. Борьба между двумя этими тенденциями — характернейшая черта канадской этнологии. Она охватывает практически все аспекты развития современных этнологических исследований — от определения объектно-предметной зоны до техники применения как давно существовавших, так и новых концепций в самых различных сферах этнологии. Последнее наиболее отчетливо проявляется в исследовании этнических отношений семьи, фольклора, материальной культуры.

Современная канадская этнология в изучении этносов и групп, населяющих Канаду, использует разные источники, в первую очередь результаты полевых наблюдений или исследований, что является традиционным для этнологии любой страны. В последнее время ученые Канады все шире используют письменные источники: официальные документы, архивные материалы, зафиксированные сведения очевидцев тех или иных явлений в жизни страны. В изучении материальной и художественной культуры населения Канады особое значение приобретают изобразительные материалы: рисунки, скульптура, пластика, орнаменты и т. д. Для знакомства с прошлым и настоящим коренных жителей весомыми источниками служат музейные коллекции, а с бытом и культурой некоторых групп иммигрантов — музеи под открытым небом. В ходе этнологического исследования ученые привлекают к анализу сведения других наук — ботаники, медицины, экологии, антропологии.

Канадские этнологи в настоящее время пользуются самыми разнообразными методами исследования — полевого наблюдения, количественной оценки явлений, контекстуального, структурно-типологического и формально-типологического анализа с широким применением счетной техники, в меньшей степени — сравнительно-

историческим.

Однако разнообразие источников и методов, используемых буржуазными учеными, само по себе не является гарантией получения объективного результата, отражения реального содержания того или иного явления. Вне поля их зрения остаются определяющие факторы общественного развития, а именно факторы социально-экономического порядка, что, бесспорно, сужает методологическую базу исследований. Современная этнология Канады не исключение, так как господствующие позиции в ней занимают буржуазные концепции. Правда, они не единственные. В последнее время в стране появились работы, трактующие факты этнического развития страны с марксистских позиций (Б. Суанкей, А. Кассин, А. Гриффит). Определенный опыт марксистского исследования общественного развития в других науках, прежде всего в истории, оказывает стимулирующее влияние на укрепление марксистских позиций и в этнологии. Перспективы этого процесса заложены в методологической базе марксизма-ленинизма, позволяющей вскрыть диалектическую взаимосвязь между социально-экономическими и этническими явлениями в жизни страны.

Примечания

1. Burnet I. Minorities I have belonged to // *Canadian Ethnic Studies*. 1981 Vol. 13 P. 24. (Далее: CES).
2. В отечественной литературе имеется одно специальное исследование, отражающее позиции канадских этнографов в вопросе об эскимосах, а в отдельных работах советских этнографов содержатся упоминания концепций канадских этнологов в связи с анализом современных этносоциальных процессов в стране. См.: Файнберг Л. А. Современное положение эскимосов (1940—1960) и проблема их будущего в трудах этнографов США и Канады // *Современная американская этнография*. М., 1963; *Национальные проблемы Канады*. М., 1972; Евтух В. Б. *Историография национальных отношений в США и Канаде (60—70-е годы)*. Киев, 1982.
3. Cole D. The origins of Canadian anthropology. 1850—1910 // *J. Canad. Stud.* 1973. N 8. P. 40.
4. Darnell R. *Readings in the history of anthropology*. N. Y., 1974. P. 234.
5. Darnell R. The uniqueness of Canadian anthropology: Issues and problems // *Proc. Second Congr. Canad. Ethnol. Soc. Ottawa*. 1975. Vol. 2. P. 411.
6. Об этих течениях в буржуазной этнографии см.: *Англо-американская этнография на службе империализма* // *Тр. Ин-та этнографии АН СССР*. Н. С. 1951. Т. 12; Аверкиева Ю. П. *Современные тенденции в развитии этнографии США* // *Современная американская этнография*; Веселкин Е. А. *Структурализм:*

- претензии на философию (теоретические проблемы британского этнологического структурализма) // Этнография за рубежом. М., 1979.
7. См., например: Darnell R. The uniqueness. . .
 8. Encycl. Canad. Vol. 1. P. 173.
 9. Хомьюлос П. Канадская национальная программа каталогизации музейных коллекций // Museum. 1982. N 3. P. 40.
 10. Burnet J. Op. cit. P. 27.
 11. Encycl. Canad. Vol. 1. P. 173.
 12. Аверкиева Ю. П., Суанкат Б., Файнберг Л. А. Аборигенное население Канады // Национальные проблемы Канады. М., 1972. С. 25.
 13. Hoffmann B. G. From Cabot to Cartier: Sources for a historical ethnography of northeastern North America, 1497 — 1550. Toronto, 1961; Jenness D. Canada's debt to the Indians // Canad. Geogr. J. 1962. Vol. 65, N 4; Rogers E. The Indian and Euro-Canadian society // Citizen participation: Canada. Toronto, 1971; Patterson E. P. The Canadian Indian: A history since 1500. Don Mills, 1972; Walsh G. Indians in transition: An inquiry approach. Toronto, 1971.
 14. Подробнее см.: Тишков В. А. Индейцы Канады во второй половине XIX в. // Сов. этнография. 1982. № 3.
 15. Frideres J. Canada's Indians: Contemporary conflicts. Scarborough, 1974; Swankey B. New concepts, new trends among Canada's native people // Communist Viewpoint. 1977. Vol. 9, N 6; Price I. Indians of Canada: Cultural dynamics. Scarborough, 1979; Wong-Rieger D. Self-identity and adaption to social change: Self-conceptions among Cree Indians in a French-Canadian town// CES. 1981. Vol. 13, N 3. P. 129.
 16. Van Stone J. The changing culture of the Snowdrift Chipewyan // Nat. Mus. Canada. Bull. 1965. N 209. P. 24.
 17. Wong-Rieger D. Op.- Cit., P. 128.
 18. Honigmann J. J. Adaptations in Canadian circumpolar towns// Consequenses of economic change in circumpolar regions. Edmonton, 1975.
 19. Wong-Rieger D. Op. cit. P. 134.
 20. Wintrob R. M., Sidell P. S. Education and ideality conflict among Cree Indian youth: A preliminary report. Ottawa, 1968.
 21. Wong-Rieger D. Op. cit. P. 141.
 22. Weaver M. Making Canadian Indian policy: the hidden agenda, 1968—1970. Toronto, 1981.
 23. Upton L. F. S. Micmacs and colonists: Indian-White relations in Maritimes, 1713— 1867. Vancouver, 1979. P. 177.
 24. Wochenpost. 1982. N 4.
 25. Black M. J. Ethnobotany: An interpretation of aboriginal adaptation in southwestern Quebec. Ottawa, 1980.
 26. CES. 1983. Vol. 15, N 1. P. 115.
 27. Mandelbaum D. C. The Plains Cree: An eithnographic, historical and comparative study. Regina, 1979. P. 349.

28. CES. 1983. Vol. 15, N 1. P. 115.
29. Тишков В. А. Указ. соч. С. 52.
30. Swinton G., Houston J. Sculpture: Inuit. Toronto, 1972; Inuit: Art of Canadian Eskimo. Hull, 1974; Lippel L. Inuit sculpture. Montreal, 1974; Blodgett J. The mulders collection of Eskimo sculpture. Winnipeg, 1976; Profiles of Canadian Indian art. Ottawa, 1976; Micmac and Maliseet decorative traditions; St. John, 1977.
31. Conflict in culture: Problems of developmental change among the Cree / Ed. N. Chance. OttAWa, 1968; Price J. A. Indians of Canada: Cultural dynamics. Scarborough, 1979; Crowe K. Histoire des autochtones du Nord canadien. La Salle, 1979.
32. Свидетельством распространённости такой точки зрения являются результаты анализа методом «контент¹ анализа» 105 учебников, содержащих сведения об индейцах, их быте, нравах, культуре. См.: Vincent S., Arcand B. L'image de l'Amérindien dans les manuels scolaires du Québec. La Salle, 1979.
33. CES. 1982. Vol. 14. N 2. P. 153.
34. Taylor S. G. Canoe construction in a Cree cultural tradition.
35. Ottawa, 1980. Gustafson P. Salish weaving. Vancouver, 1980.
36. Берзина М. Я. Формирование этнического состава населения Канады. М., 1971. С. 9, 26, 191.
37. Kallen E. Academics, politics and ethnic: University opinion on Canadian ethnic studies//CES. 1981. Vol. 13,"N 2. P. 116.
38. Ibid. P. 115.
39. Ibid. P. 119.
40. Об этом см.: Аверкиева Ю. П. Служебное значение этнографии и США // Вестник истории мировой культуры. 1959. № 4; Григулевич И. Р. Социальная антропология: есть ли у нее будущее? // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976.
41. Porter J. Ethnic pluralism in Canadian perspective // Ethnicity: Theory and experience / Ed. N. Glazor, D. Moynihan. Cambridge, 1975. P. 267—305; Idem. Melting pot or mosaic: Revolution or reversion? // The measure of Canadian society. Gage, 1979. P. 139- 162.
42. Bulletin. Canadian Ethnic Studies Association. 1983. Vol. 9, N 2. P. 6. (Далее: Bull.).
43. Zolf L. Mulling over multiculturalism // Maclean's. 1980. Apr. 14; How multiculturalism corrupts// Ibid. 1982. Nov. 15.
44. В 1963 г. в Канаде была учреждена Королевская комиссия по двуязычию и дву- культурности для исследования этнической ситуации в стране и вклада иммигрантов в ее историю.
45. Foster K. Our Canadian mosaic. Toronto, 1926; Gibbon J. Canadian mosaic: The making of a northern nation. Toronto, 1938; Porter J. The vertical mosaic: An analysis of Social class and power in Canada. Toronto, 1965.
46. Lazarus D. A crack in the mosaic: Canada's race relations in crisis. Cornwall, 1980; Ward P. W. White Canada forever: Popular attitudes and public policy toward

orientals in British Columbia. Montreal, 1978.' P. X.

47. Об этих концепциях см.: Євтух В. Б. Буржуазні теорії асиміляції в історичному розвитку США // Історичні дослідження: Історія зарубіжних країн. Київ, 1977.

48. Goldstein J. Has the popularity of Anglo-conformity waned? A study of school naming events in Winnipeg, 1881 —1979//CES. 1981. Vol. 13, N 2; Porter J. Melting. . . 34th National Convention AUUC and 26th National Convention WBA: Special Joint Session. Winnipeg, 1978.

49. Данное предположение нашло подтверждение в ходе обмена мнениями с канадскими учеными на IX Международном конгрессе славистов.

50. Артановский С. Н. Проблема этноцентризма, этнического своеобразия культур и межэтнических отношений в современной зарубежной этнографии и социологии // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. М., 1979; Келембетова В. Ю. Сучаей¹ буржуазна антропологія: (Критико-етнографічне дослідження). Київ, 1980; Евтух В. В., Шамшур О. В. Буржуазні концепції етносоціального розвитку США // Нар. творчість та етнографія. 1982.

51. Mackie M., Brinkerhoff M. Ethnicity's impact upon familial gender attitudes and behaviors: Social «reality» or social «fiction» //CES. 1982. Vol. 14, N 2. P. 111.

52. В некоторых статистических источниках содержится определение' понятия «этничность», рассматриваемое как «группирование людей с осознанным общим национальным и (или) территориальным происхождением» (Statistics Canada Concepts). См.: Social concepts directory: A guide towards standardization in statistical surveys. Ottawa, 1980. P. 84.

53. Porter J. Canada: Dilemmas and contradictions of a multi-ethnic society // Ethnicity and ethnic relations in Canada. Toronto, 1980.⁵ P. 333.

54. Anderson A. B., Frideres S. Ethnicity in Canada: Theoretical perspectives. Toronto, 1981. P. 45.

55. Mackie M., Brinkerhoff M. Op. cit. P. 107; 111.

56. Ukrainians in American and Canadian societies. New Jersey, 1976. P. 130, 132; Hoe Seng Ban. Structural changes of two Chinese communities in Alberta, Canada. Ottawa, 1976.

57. Cassia A. M., Griffith A. J. Class and ethnicity: Producing the difference that counts//CES. 1981. Vol. 13, N 1. P. 109, 113.

58. Breton R., Reitz J., Valentine V. Cultural boundaries and the cohesion of Canada. Montreal, 1980. P. 11; Ward P. Op. cit. P. IX.

59. Mackie M., Brinkerhoff M. Op. cit. P. 100; The Canadian family / Ed. K. Ishwaran. Toronto, 1976. P. 23.

60. Anderson A., Frideres S. Op. cit. P. 45.

61. Munzer R. Immigration families and in-group competition: A study of the Portuguese in the Southern Okanagan//CES. 1981. Vol. 13, N 2. P. 109,

62. Hoe Seng Ban. Op. cit.

63. The Canadian family. P. 23; Larson L. E. The Canadian¹ family in comparative

- perspective. Scarborough, 1976. P. 20; Mackie M., Brinkerhoff M. Op. cit. P. 107.
64. Dionne H. Les contracts de mariage à Québec, 1790—1812. Ottawa, 1980. В книзі помещено стихотворення «Мы собираемся пожениться». Можливо передбачити, що невеста з достатньо состоятельної родини, має гарний смак: вона збирається надіти шляпку з кружевами, з перьями, плаття з чорного шовку, сатинові туфельки і т. д.
65. Pocius Q. Textile traditions of Eastern Newfoundland. Ottawa, 1979; Buxton K. Selected Canadian spinning wheels in perspective. Ottawa, 1980.
66. Carpenter C. Many voices: A study of folklore activities in Canada and their role in Canadian culture. Ottawa, 1979.
67. Gloczeski M. Folk music of Canada's oldest Polish community. Ottawa, 1980.
68. Klymasz R. Sounds you never before heard: Ukrainian country music in Western Canada // Ethnomusicology. 1972. N 16; Idem. From immigrant to ethnic folklore: A Canadian view of process and transition // J. Folklore. 1973. N 10; Klymasz R., Medwidsky B. Macaronic poetics in Ukrainian Canadian folklore// Canad. Slav. Pap. 1983. Vol. 25, N 1.
69. Klymasz R. From immigrant... P. 135.
70. Жлуктенко Ю. О. Українська Іммігрантська мова в мовній ситуації Канади // Мовознавство. 1976. № 6.

Глава колективної монографії: Етнологія в США і Канаді / АН СРСР, Ін-т етнології ім. Н. Н. Миклухо-Маклая ; отв. ред. Е. А. Веселкин, В. А. Тишков. – Москва : Наука, 1989. – 326 с.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «АФРИКАНЦЫ В СТРАНАХ
АМЕРИКИ. НЕГРИТЯНСКИЙ КОМПОНЕНТ В
ФОРМИРОВАНИИ НАЦИЙ ЗАПАДНОГО ПОЛУШАРИЯ».**
ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1987.
(в соавторстве с К. Лузиком)

Появление коллективной монографии под редакцией известного советского специалиста в области этноамериканистики Э. Л. Нитобурга — свидетельство устойчивого интереса сотрудников сектора народов Америки Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая к обобщающим фундаментальным трудам. Накопленный на протяжении десятилетий опыт исследования этнонациональных процессов на Американском континенте на нынешнем этапе уже позволяет достаточно успешно реализовать этот интерес.

В новой работе решается один из самых существенных вопросов, которым длительное время задаются как исследователи, так и каждый образованный человек: почему в США человека, имеющего «каплю черной крови», считают негром, а в странах Латинской Америки человека с «каплей белой крови» считают белым? Ответ на поставленный вопрос авторы монографии ищут в особенностях процессов формирования наций Западного полушария, которые складывались из многих этнических элементов, в результате смешения представителей трех основных человеческих рас — монголоидной, европеоидной, негроидной.

В страноведческо-региональном аспекте (именно этот подход, как показывает опыт настоящей работы, наиболее удачен в такого рода трудах) исследование можно разделить на три части: страны Северной Америки; страны Центральной Америки; страны Южной Америки. Завершается исследование главой, посвященной некоторым теоретическим вопросам

проблемы. В каждом из выделенных регионов негритянский компонент играл специфическую роль в составе населения отдельных стран в прошлом и настоящем. Эта специфика в определенной степени обуславливается количественными параметрами негров в тех или иных странах. Так, в Соединенных Штатах (хотя здесь сейчас и насчитывается довольно внушительное количество афроамериканцев — более 26 млн. человек), Канаде негры составляют явное меньшинство, а в большинстве стран Латинской Америки негры, мулаты и метисы составляют заметную группу населения.

Всех авторов, исследующих проблему в разных странах, объединяет один очень важный элемент методики — показ роли негритянского компонента в исторической среде. Последнее помогает проиллюстрировать динамику самого процесса адаптации негров в условиях полиэтнических обществ и позволяет ощутить изменения, как их социально-экономического положения, так и политико-правового статуса в обществе стран проживания. Социально-экономическое положение африканцев определялось тем обстоятельством, что они ввозились на Американский континент исключительно в качестве принудительной рабочей силы. В монографии содержатся весомые доказательства, особенно касательно афроамериканцев США, негров Канады и т. д., того, что преемственность в угнетенном положении потомков выходцев из Африки сохраняется и сегодня. В этом читателя убеждают данные о социальной структуре и профессиональной занятости негритянского населения США (С. 46—48), его дискриминации в различных сферах жизни канадского общества (С. 69), низком социальном статусе бразильских негров (С. 308), сохраняющемся огромном разрыве в темпах улучшения экономического положения представителей господствующего этнического большинства и негров в уже упомянутых и других странах.

Низкий социальный статус, бесправное положение негров, мулатов, метисов в странах Америки — это не столько результат их невысокого общеобразовательного и профессионально-квалификационного уровня, их не очень примечательных интеллектуальных возможностей, как считают многие буржуазные исследователи, но главным образом, результат государственной политики. В книге содержится убедительный материал, подтверждающий этот тезис. Кстати, на наш взгляд, об этом свидетельствуют не столько примеры из действительности США (а их предостаточно), сколько сравнение положения в разных странах, отражающее различия политики разных государств в национальном вопросе. Если, скажем, те же Соединенные Штаты, обладая огромными материальными возможностями, практически не предпринимают весомых усилий в направлении улучшения социально-экономического

положения негров, то многие латиноамериканские страны, не имея таких возможностей, пытаются осуществлять некоторые мероприятия в этом плане. Такое сравнение, хотя, как нам представляется, не выдвигается авторами монографии в качестве основной цели, тем не менее, объективно появляется в результате прочтения книги. К нему побуждает тот богатый фактический материал, который содержится в каждой главе. И в этом видится большая политическая и практическая ценность рецензируемой работы.

Весомые научные обобщения сделаны авторами в той части работы, где речь идет об этнокультурных аспектах жизни негров в странах Америки. В большинстве случаев эти аспекты представлены не автономно, а в контексте общественной жизни той или иной страны, что, безусловно, дает возможность оценить, скажем, идеологическую и социальную роль своеобразных элементов быта и культуры, степени аккультурации и ассимиляции. Такой подход предопределил необходимость анализа содержания межэтнического взаимодействия выходцев из Африки и их потомков с господствующим этническим большинством (по материалам книги можно сделать однозначный вывод о том, что это были отношения типа доминантности и подчиненности), а также с другими этническими и этнорасовыми группами населения стран проживания. В специальной главе монографии «Рабство негров и расовые отношения в странах Западного полушария», в частности, содержится научно обоснованная оценка процесса взаимодействия языков и культурно-исторических традиций, принесенных выходцами из Европы и Африки. Это взаимодействие «способствовало качественному преобладанию не только африканского, но и европейского культурного наследия, что обусловило, в конечном счете существенные отличия европейских в своей основе культур почти всех континентальных стран Америки от культуры их бывших метрополий. Взаимовлияние, переплавка и модификация соответствующих культурно-исторических традиций в результате постоянных контактов их носителей как раз и были главным содержанием длительного и чрезвычайно сложного культурного процесса. . .» (С. 384).

Однако, как явствует из этнонациональной и этнорасовой ситуации во всех странах, ставших объектом исследования, совместное проживание выходцев из разных регионов мира, масштабное взаимодействие их культур отличались напряжением в отношениях между представителями господствующего большинства и этнорасовыми группами. Одним из главных показателей такого состояния является формирование и утверждение в обществах проживания расистских стереотипов и установок правящих кругов. Негативные стереотипы в разных странах проявлялись и проявляются по-

разному: в США расизм проявляется во всех сферах общественной жизни, зачастую в форме открытой расовой нетерпимости и дискриминации афроамериканцев; в странах Латинской Америки уровень расовой нетерпимости и дискриминации, безусловно, ниже. Но, как подчеркивается в монографии, и здесь расовые предрассудки и расистские взгляды не исчезают, поскольку правящие слои ряда латиноамериканских стран (Бразилии, Аргентины, Уругвая, Венесуэлы и др.) в своей политике в отношении негров следуют концепции «превосходства белого человека». Этот феномен, по мнению авторов, обуславливается «классовым характером и самой структурой капиталистического многорасового общества, постоянно производящей традиционные расовые предрассудки и групповые стереотипы» (С. 376). Отмеченные выше, равно как и другие, факторы, искусственно препятствующие полной интеграции выходцев из Африки и их потомков в странах проживания, в первую очередь в США, дают основания для выводов о коренном отличии социалистического типа интеграции потомков темнокожих рабов в состав нации (пример Кубы) от капиталистического.

Рецензируемая монография обладает множеством положительных качеств: ей свойственны высокий научно-теоретический уровень, достоверность выводов, выверенность концептуально-терминологического аппарата; в ней содержится огромный контрпропагандистский потенциал, ее авторы вводят в научный оборот много нового материала. Научная значимость книги определяется тем, что она является первым в советской американистике многоаспектным исследованием роли негритянского компонента в формировании наций Американского континента и дает повод к размышлениям над его историческими и социальными судьбами, стимулирует дальнейшее изучение искусствоведческих и других аспектов, которые не нашли своего полного отражения в данной монографии.

Очевидно, требуют более углубленного анализа современная этнорасовая ситуация и роль в ее формировании негритянского компонента в странах Центральной Америки. Монография значительно выиграла бы, если бы в ней содержался историографический обзор (во введении называются некоторые имена исследователей) зарубежной и отечественной литературы с более детальным разбором отмеченных точек зрения (С. 4—5), как и других концепций.

Не возникает сомнения, что коллективный труд «Африканцы в странах Америки» вызовет интерес не только у специалистов по истории, географии, этнографии, социологии США, Канады, стран Латинской Америки и Карибского региона, но и у широкого круга читателей, поскольку в нем

содержится много увлекательной информации, стимулирующей познавательный интерес к другим странам и народам. Преподаватели вузов получили, на наш взгляд, добротный материал, который они могут использовать как в общих, так и в специальных курсах по разным аспектам названных отраслей гуманитарных знаний.

Опубликовано: Расы и народы. Вып. 19. – Москва: Наука, 1989.

ЕТНІЧНИЙ РЕНЕСАНС: ЗАКОНОМІРНІСТЬ ЧИ ВИПАДКОВІСТЬ?

В одній із публікацій журналу «Дружба народів» (1989, № 2) його кореспондент дивувався новизною терміну «етнічний ренесанс», що його він уперше почув під час розмови з угорськими політологами.

Мені ж він здається цілком звичним, як і багато інших термінів, притаманних науці про народи – етнології. Принаймні відтоді, як відомий англійський етосоціолог А. Сміт написав книжку «Етнічний ренесанс в сучасному світі» (1981 р.).

Відправною точкою відродження етнічної суті сучасних людських спільностей (зважте, за умов науково-технічної революції, що мала б начебто нівелювати відмінності між ними) стала зацікавленість багатьох народів, частин цих народів чи окремих їхніх представників своєю етнокультурною історією, своїм походженням. Цей природний інтерес згодом стимулював пошуки відповіді на питання: чому сьогодні одні групи людей, що колись вирізнялися своєю культурою і колективною свідомістю з-поміж інших спільностей, зникли, а деякі наближаються до тієї межі, за якою важко прогнозувати перспективи їхнього подальшого існування як етнокультурної цілісності?

Зрештою, зацікавленість етнічною історією, накопичення відповідної інформації та аналітичні роздуми сформували в багатьох представників тих чи тих етносів (народів) нові якості – етнічну самосвідомість, найхарактернішою ознакою якої є розуміння членами даного етносу їхнього спільного походження й етнокультурної єдності. Етнічна самосвідомість спрямована на захист своєї самобутності від асиміляційного тиску інших унікальних спільностей, що існують а людському суспільстві.

Хотілося б зазначити, що етнічна самосвідомість, притаманна частині

представників тих чи тих етносів упродовж всього їхнього існування, особливо активно виявляється й реалізується (в конкретних діях, спрямованих на відвоювання цими етносами належного місця у взаєминах з іншими спільнотами) за відповідних обставин і на певних відрізках їхнього історичного розвитку. Саме таке загострення етнонаціональної ситуації в тій чи тій країні іменують етнічним відродженням.

Сьогодні ми є свідками двох типів етнічного ренесансу – перший уже минає фазу свого найгострішого, часом драматичного вияву, в другий лише вступає в цю фазу. Я маю на увазі етнонаціональну ситуацію, з одного боку, в поліетнічних країнах західного світу, і з іншого – в соціалістичних країнах, передусім СРСР. Порівнюючи різні форми етнічного ренесансу, ми можемо дати відповідь на запитання: випадкове це явище чи закономірне? Розуміння цього процесу має принципове значення для долі різних етнічних спільнотей, які проживають у складі одного етнополітичного організму (держави), а також для формування політики уряду в сфері міжетнічних стосунків.

Соціологи давно вже довели, що в сучасному світі не існує етнічно гомогенних (однорідних) держав. Їх населення складається з представників різних народів. У Канаді, наприклад, проживає понад 90 етнічних груп. З усіх країн сьогодні лише дванадцять умовно можна вважати етнічно однорідними – тут основна етнічна спільнотей становить майже сто відсотків населення (Угорщина, Ісландія, НДР). У 25 державах така спільнотей наближається до 90 відсотків, ще в стількох – до 75–89 відсотків. У деяких країнах кількість етнічних груп перевищує 100, а в 53 – дорівнює п'яти.

Етнічна карта світу мала такий вигляд не завжди. Вона стала такою внаслідок переселення великої кількості людей з одних регіонів в інші. Так, етнічний склад населення різних країн формувався під час імміграції (до США за останні 150 років приїхало понад 45 млн. осіб, а до Канади – понад 9 млн.), шляхом завоювання чужих територій (іспанське проникнення в країни Латинської Америки) та об'єднання в одній державі кількох національно-територіальних утворень (прикладом такого шляху може бути Російська імперія). Етнічна неоднорідність населення країни завжди породжує проблеми у взаєминах представників різних народів. Одні з них перетворюються на домінуючу (панівну) спільнотей, інші мусять задовольнятися роллю аутсайдерів. І не завжди корінне населення залишалося домінуючим після напливу вихідців з інших держав. Індіанці Північної Америки, наприклад, змушені були поступитися своїм місцем господаря європейським колонізаторам, які з XVI століття активно проникали на територію сучасних США (спочатку це були іспанці на Південному Заході, а потім — вихідці з

Британських островів і Північної Європи). Вони нав'язували своє розуміння справедливості, закону й порядку тим, хто прибував сюди вже після англосаксів. Новоприбулі, як зазначає американський іммігрантознавець О. Хендлін, musiли пристосовуватися до запроваджених там звичаїв.

За таких обставин ускладнюються стосунки між представниками різних етносів. У непанівних спільностях залишаються дві можливості. Перша – відмовитися від своїх власних етнокультурних особливостей і прийняти все те, що вперто пропонує панівна спільність. Ось як писав про це один з українських іммігрантів: «Забудь свою рідну землю, забудь свою рідну мову, відразу ж розлучися із засвоєними тобою звичаями, відкинь, наче поношений жупан, усю твою спадщину, забудь те середовище, яке тебе виховало; все це відкинь, і за один день стань американцем»³⁸. І друга можливість – обстоювати й підтримувати свою етнокультурну самобутність у чужорідному середовищі, що означає триматися дещо відособлено. Як у першому, так і в другому випадку, на характер взаємин суттєво впливало саме етнічне походження, що визначало етнокультурні особливості вихідців з різних країн світу. Що ближчими вони були до англосаксонських зразків (наприклад, у представників Північно-Західної Європи), то легше вросли в соціальний і етнокультурний ґрунт американського суспільства, зберігаючи специфічні риси побуту, котрі не так очевидно контрастували з культурою панівної спільності, як, скажімо, звичаї і традиції корінних жителів чи вихідців з азійських країн, і факт їхнього існування не сприймався як виклик англосаксам.

Намагання правлячих кіл США (а також верхівки англосаксонської більшості в Канаді) «ліпити» громадське й етнокультурне життя за англосаксонськими зразками створило атмосферу нетерпимості до тих, хто противився цьому й, попри всі перешкоди, плекав традиції і звичаї землі своїх предків. Саме вони заклали підвалини бурхливого етнічного ренесансу на Американському континенті в середині 1960-х років. Їм довелося долати шовінізм англоконформізму (ця концепція етносоціального розвитку базувалася виключно на англосаксонських традиціях), чинити опір тискові могутнього «плавильного казана», який, за задумами правлячої верхівки США, мав переплавити вихідців з різних куточків світу в одну націю, позбавивши Америку її етнічної різноманітності. До речі, цей підхід перегукується з планами ідеологів і теоретиків з національного питання в нашій країні, які хотіли у стислі строки «злити» всі нації в одну під вигаданою назвою «єдиний радянський народ»! Підстав для такого порівняння чимало. Але найсуттєвішим,

³⁸ Language loyalty in the United States. – London, 1966. – P. 339

на мій погляд, є те, що обидві ці концепції нехтували об'єктивні закономірності розвитку міжетнічних (міжнаціональних) відносин, базуючись лише на бажанні окремих осіб перетворити народи на безлику масу, якою було б легко керувати. Зрештою, і перша, і друга концепції зазнали краху, хоч і там, і тут вони ще мають підтримку з боку тих, хто їх вигадав чи впроваджував у життя. На жаль, ці згубні дії далися взнаки – у великої кількості людей було витравлено або ж притуплено етнічну самосвідомість, особливо в нашій країні, де тим, хто обстоював національну (етнічну) своєрідність, часто чіпляли ярлик націоналіста.

Розвиток подій останньої чверті століття в поліетнічних країнах як капіталістичного, так і соціалістичного світу, показав, що навіть незначний «збудник» може викликати хвилю етнічного відродження. Так, боротьба афроамериканців за гідне місце в суспільстві США (яке б відповідало їхньому потенціалу і внескові в розвиток цієї країни) активізувала рух представників інших меншостей за свою самобутність і етнокультурний розвиток. Поштовхом до розгортання етнічних рухів у Канаді стало посилення боротьби франкоканадців (це близько 30 відсотків населення країни; понад 80 процентів франкоканадців зосереджено в провінції Квебек) за однакові з англоканадцами умови життя в Канадській конфедерації. Загострення стосунків між валлонською і фламандською общинами Бельгії і, зрештою, проти диктату центральної влади; активізація і політизація національної свідомості корінного населення Уельсу, Шотландії та Північної Ірландії, його виступи на захист місцевих інтересів і небажання центру здавати свої позиції в цих регіонах; вимоги іммігрантських груп у Франції, Західній Німеччині, Великобританії – все це свідчить, що Європа не залишилася на узбіччі етнічного відродження. Виявом його стала передусім активізація діяльності етнічних організацій. Саме тих, які, на подив спеціальної комісії міністерства США, що працювала в середині 1960-х років, попри всі природні асимілятивні впливи й цілеспрямовану асиміляторську політику уряду, існували й провадили велику роботу, спрямовану на збереження етнічної самосвідомості серед мільйонів американців іншомовного походження. До них додавалися нові організації – ті, що виникали на хвилі етнічного відродження, зокрема історичні товариства й асоціації. Вони концентрують зусилля істориків-аматорів і фахівців на вивченні місцевої історії, в якій відповідне місце посідають вихідці з інших країн. За даними «Довідника історичних товариств і агентств США, Канади», у цих країнах нині діє понад сто таких товариств.

Етнонаціональна ситуація, що склалася в країнах Північної Америки й Західної Європи в середині XX століття, вимагала нових підходів до

врегулювання міжетнічних відносин і розв'язання проблем етносоціального розвитку. В зв'язку з вульгаризованим тлумаченням «марксистсько-ленінської теорії про національне питання» переважна більшість сучасних дослідників вважала, що капіталізм не здатний розв'язати проблем міжнаціональних відносин. При тому наголошувалося, що лише соціалізм демонструє шляхи безконфліктного розвитку. Сьогодні слід скоригувати такі твердження (вони, до речі, зустрічалися і в роботах автора цих рядків). І не лише посилаючись на досвід нашої країни кінця 1980-х років. Сьогодні маємо сказати, що капіталістичне суспільство, яке досягло високого рівня соціального, економічного й культурного розвитку і довело своє право на не таке вже й безперспективне існування, набуло значного досвіду врегулювання найпекучіших проблем у сфері міжетнічних стосунків.

У сучасній зарубіжній науці (не кажучи вже про вітчизняну) немає переконливих доказів зацікавленості урядів поліетнічних держав у цілковитому вирішенні усіх проблем, пов'язаних із співіснуванням у рамках одного етнополітичного організму (держави) різних етнічних чи етносоціальних спільностей. На думку директора Інституту етнографії Всесоюзної академії наук О. В. Тишкова, висловлену на сторінках журналу «Советская этнография» (1989, № 5), яку я поділяю, взагалі слід відмовитися від тверджень про можливість остаточного вирішення національного питання (точніше, проблем міжнаціональних відносин), бо така «остаточність» блокує наступні кроки в політиці й не враховує можливостей неминучого виникнення нових проблем і суперечностей, закладених у самій діалектиці життя багатонаціональної держави.

Правлячі кола поліетнічних країн капіталістичного світу довели свою зацікавленість у подоланні кризових явищ в міжетнічних стосунках. Інша річ – мотивування. Тут ми можемо говорити про розбіжності, скажімо, в США й СРСР. Але незаперечним є те (це впливає і з нашого досвіду), що напруженість у взаєминах між республіками і центром, між окремими націями, між національними меншостями і домінуючою нацією у республіках підриває міцність державного устрою (в нас) і статус-кво правлячих кіл (у них). І все ж хотілося б зазначити, що вони, прагнучи посилити свої позиції, вимушені дбати про ті спільності, котрі не є панівними в суспільстві.

Чи були ефективними урядові заходи, спрямовані на подолання кризових ситуацій, і чи сприяли вони розвитку етнонаціональних меншостей? Якою мірою залежить етнічне відродження, його тривалість і сталість від етнополітики урядів? Ці та інші питання викликають значний інтерес і у нашому суспільстві.

Звернімося до досвіду Сполучених Штатів, де із зростанням поліетнічного населення країни правлячі кола, політичні організації та суспільні рухи формували свої погляди на міжетнічні проблеми. На зміну англоконформізму, що визначав етнополітику уряду США в кінці XIX – на початку XX століть, прийшла концепція «плавильного казана», котра, як і попередня, не була офіційною політичною доктриною, хоч мала підтримку урядових кіл і певною мірою позначалася на їхній практичній діяльності. Крах цих концепцій змусив керівну верхівку США висунути нову концепцію культурного плюралізму, що, на відміну від двох попередніх, жорстко асиміляторських, передбачала не лише терпимість до різних етнокультурних систем, а й заходи, спрямовані на їх збереження і розвиток.

Звичайно, шлях до таких суттєвих змін в офіційних поглядах на етносоціальні процеси в країні був довгим і складним. Концепція культурного плюралізму, обґрунтована відомим американським філософом Г. Калленом ще на початку XX століття, привернула увагу правлячої бюрократії лише після спалаху «етнічного гніву» в середині 1960-х років. Нагадаємо, що застосування сили, зокрема проти індіанців (події у Вундед-Ні навесні 1973 року – це також реакція на процеси етнічного відродження в середовищі корінних жителів¹), а також спроби федерального уряду Канади придушити могутній франко-канадський національно-демократичний рух (введення військ у місто Монреаль 5 жовтня 1970 року й оголошення воєнного стану) не принесли успіху. Ці акти офіційних властей були засуджені всіма прогресивними силами США і Канади.

Те, що сталося в Монреалі 1970 року, перегукується з квітневими подіями 1989-го у Тбілісі. Як у першому, так і в другому випадку власті, прикриваючись необхідністю боротьби з екстремістськими елементами, по суті, зневажили громадянські права й свободи тих, хто став на захист своєї національної гідності й етнокультурного розвитку. Цікаво, що події в Монреалі й Тбілісі викликали подібну реакцію тверезих сил суспільства. Голова Комуністичної партії Квебеку С. Уолш, член федеральної Комісії з питань двомовності й двох культур Д. Кемрон та інші закликали власті не змішувати екстремізм з національним рухом франкоканадців, опозицію, що діє в рамках закону, з тероризмом. Комісія Верховної Ради СРСР, яка розслідувала події у Тбілісі, зробила висновки про неприпустимість застосування сили проти мирних акцій громадян.

І ще один важливий аспект у формуванні громадської думки про етнічне відродження. Небажання відповідальних осіб розмежовувати здорові сили й

¹ Див. «Всесвіт», 1975, № 6-8.

негативні елементи в національно-демократичних рухах, намагання ототожнювати ці елементи з усім рухом лише ускладнюють етнонаціональну ситуацію. Так, недостатньо аргументована заява одного з представників політичного керівництва нашої республіки на II з'їзді Рад, що жовто-блакитний прапор є – однозначно – символом націоналістичного руху, аж ніяк не знизила загостреного інтересу громадськості до етнічної (національної) символіки.

Більше того, подібні дії офіційних осіб сприяють нагнітанням напруженості в міжнаціональних відносинах, оскільки з символікою (а це не лише прапори, герби, а й пам'ятки культури, окремі історичні особи тощо) пов'язана емоційність. Дуже слушно, на мій погляд, пораду для тих, хто намагається формувати етнонаціональну політику, дає в своїй статті фахівець-психолог Ігор Дементьев (Коммунист, 1990, № 1): «...для досягнення громадського спокою, нормалізації міжнаціональних відносин доцільно зняти обмеження на вживання національної символіки, якщо вони ще зберігаються».

Суперечності між етнополітикою метрополії (неадекватна реакція на вияв етнічної самосвідомості) й етнічним відродженням у заморських департаментах Франції (прагнення тієї чи іншої етнічної спільності брати участь у всіх сферах суспільного життя) призвели до кризової ситуації, яку в нас називали «загостренням національного питання в капіталістичному світі». Тепер дедалі частіше ми говоримо, що загострення міжетнічних (міжнаціональних) проблем властиве обом світам і значною мірою залежить від етнополітики урядів. Вона є перспективною, якщо забезпечує вільний розвиток усіх етносоціальних спільностей, враховуючи специфіку кожного регіону. Такої політики дотримуються США, Канада, Бельгія, Франція, Великобританія. У Сполучених Штатах, наприклад виділяються кошти для проведення етнічних фестивалів, діяльності етнічних організацій, розвитку етнічної історії, поширення інформації про етнічні групи (закон сенатора Р. Швейкера), розгортання програм «етнічної спадщини» та білінгвізму в школах, заснування радіо- і телепередач мовами вихідців з інших країн.

1971 року в Канаді було проголошено концепцію багатокультурності, що стала офіційною політичною доктриною. Канадський уряд підтримує розвиток усіх етнокультурних груп і передусім тих, які потребують його допомоги, вживає заходів для інтеграції вихідців з інших країн у канадське суспільство, сприяє вивченню ними офіційних мов Канади – англійської та французької. Для реалізації цих планів було створено спеціальний орган – Міністерство у справах багато культурності. Подібні органи започатковано в усіх провінціях країни. З державного бюджету фінансується діяльність етнічних центрів у Онтаріо, Торонто, Саскачевані та інших містах, видання матеріалів про історію і

діяльність етнічних груп на канадській землі (вже побачили світ 60 проектів і понад 50 публікацій), проведення етнічних фестивалів тощо. Заходи, спрямовані на подальший розвиток Квебеку й розширення самостійності провінції, сприяли послабленню напруженості у стосунках між англомовною і франкомовною частинами населення Канади. Важливим кроком на шляху зміцнення рівноправності провінції у складі федеративної держави став прийнятий 1974 року закон № 22 про надання французькій мові статусу офіційної мови Квебеку.

Та незважаючи на офіційну політику культурного плюралізму (США) й політику багатокультурності (Канада), потреби етнокультурного розвитку вихідців з інших країн задовольняються лише частково. Прагнення центральних властей обмежити саме тлумачення цих доктрин, підпорядкувавши їх інтересам правлячої верхівки панівної нації, вже на початку 1980-х років дало привід говорити, що в цих доктринах з'явилася тріщина. Зрештою, як зазначає професор-юрист Белградського університету В. Дімітрієвич, «проблема меншостей на міжнародному рівні, по суті, залишилася нерозв'язаною і дуже мало країн (уточнімо, буквально одиниці. – В.Є.) можуть похвалитися, що вони належним чином ставилися до своїх меншостей».

Однак, попри всю обмеженість соціальнокласової бази політики північноамериканських країн у сфері міжетнічних відносин, ми аж ніяк не можемо заперечувати її позитивного потенціалу. Та й у нашому, ще незначному досвіді деякі форми етнокультурної діяльності нагадують американські чи канадські – створення спеціальних органів (комісії з міжнаціональних відносин при Верховних Радах, відділи ЦК КПРС і ЦК компартій республік), заснування етнічних товариств, шкіл з рідною для вихідців з інших республік чи країн мовою навчання тощо. Це, звісно, не означає, що ми тільки переймаємо зарубіжний досвід, адже в нашій країні в 1920–1930 роках існували спеціальні органи для врегулювання міжнаціональних відносин, були національні школи. Ми просто проходимо спільний з іншими країнами шлях історичного розвитку, закономірності якого властиві й нашому суспільству, тож ми не гарантовані від гострих конфліктних ситуацій. І тут багато залежить від тих, хто формує етнополітику.

У Бельгії і Великобританії склалася не однакова етносоціальна ситуація, що, на мій погляд, є наслідком різної етнополітики урядів цих країн. Наприкінці 1980-х років у Бельгії вдалося згладити гострі суперечності між фламандською й валлонською групами населення. Щоб досягти цього, урядові довелося вжити чимало заходів. Ще 1970 року він прийняв поправки до конституції країни, які проголосили рівноправність трьох культурних общин –

французької, фламандської та німецької. Було визначено чотири лінгвістичні райони – з французькою, фламандською, німецькою мовами й двомовний Брюссель. Общини почали паралельно обирати ради самоврядування, що переважно займалися питаннями культури, освіти та співробітництва.

Але найважливішим чинником у врегулюванні міжетнічних конфліктів став закон, прийнятий бельгійським парламентом 1980 року, про поділ країни на два регіони – Фландрію і Валлонію. Таким чином, Бельгія перетворилася на федеративну державу. 1988 року було внесено відповідні зміни до конституції країни, що сприяло децентралізації влади. Регіональним органам правління передавалися засоби масової інформації, сталеливарна, вугільна промисловості, суднобудівництво, газове господарство, розширилися експортні можливості регіонів. Центральна влада зберегла за собою лише право здійснювати загальнодержавну економічну й фінансову політику. Безперечно, урядові легше було правити централізованою державою, але задля подолання кризових явищ у міжетнічних стосунках він пішов на децентралізацію, очевидно, вважаючи, що не може бути й мови про сильний центр, якщо етносоціальні процеси в общинах, виходячи з-під контролю, штовхають країну до конституційної кризи.

Напевне, позитивний вплив на вибір такого шляху в розвитку взаємовідносин між центром і общинами у Бельгії справив досвід Швейцарії, де, як і в кожній поліетнічній країні, є певні проблеми, але відсутні міжетнічні конфлікти. У третій статті нинішньої конституції країни чітко записано: «Кантони суверенні, оскільки їхній суверенітет не обмежений союзною конституцією, і як такі здійснюють всі права, що не передані союзній владі».

Дещо іншу картину ми бачимо у Великобританії, хоч там упродовж 1970–1980 років вживалися заходи для стабілізації етнонаціонального становища, врегулювання стосунків між Англією та іншими історико-географічними областями – Уельсом, Шотландією і Північною Ірландією (острів Мен і Нормандські острови мають особливий адміністративно-політичний і конституційний статус), а також для відновлення автономних органів законодавчої і виконавчої влади, розпущених 1972 року. Однією з головних перешкод на шляху нормалізації міжнаціональних відносин стала позиція уряду, який не надавав підтримки основним політичним партіям протестантської общини в Північній Ірландії. Підтримка одних сил і нехтування інших призвели до зростання напруженості не лише між центром і регіоном, а й між етнічними групами в самому регіоні. Очевидно, найперспективнішим шляхом примирення міг би стати компроміс між католиками й протестантами при сприянні центральної влади, а не її прямиї тиск на ту чи ту общину. В Шотландії та Уельсі лондонський уряд розширив

викладання рідної мови у школах, заснував радіо- і телепрограму валлійською мовою, надав можливість приймати регіональні закони тощо. Але ці заходи не задовольняють усіх потреб корінного населення Шотландії та Уельсу, яке, прагнучи економічного й культурного відродження, вимагає прав на політичне самоврядування, автономію і навіть відокремлення. Отже, в кризових ситуаціях Лондон готовий іти лише на ті поступки, котрі створюють ілюзію поліпшення соціально-економічного і правового становища населення регіонів при існуючому статусі, але не розв'язують його проблем.

Нам слід вивчати досвід тих зарубіжних країн, де вдалося подолати міжетнічну напруженість (об'єктивно притаманну будь-якому етнічному відродженню, що є, по суті, протестом проти існуючого статус-кво у міжнаціональних відносинах) і сепаратистські настрої, властиві кожному національно-демократичному рухові. Звернімо увагу ось на що. Небажання федеральних властей Канади надати самостійність Квебеку в розв'язанні своїх власних проблем посилює сепаратистські тенденції, внаслідок чого на виборах 1976 року до влади прийшла Квебекська партія, що завжди боролася за вихід цієї провінції з Канадської конфедерації. Однак референдум 1980-го не приніс сепаратистам бажаних результатів – більшість населення провінції висловилося за надання їй економічної і законодавчої самостійності в рамках конфедерації. На мій погляд, це сталося тому, що після інциденту в Монреалі канадський уряд не намагався силою зброї втримати провінцію в складі федеративної держави. Більше того, він навіть підтримав етнічне відродження, частково задовольнивши вимоги франкомовного населення. Отже, якщо правлячі кола країни хочуть уникнути конституційної кризи, вони повинні лібералізувати свою політику.

Тим, хто працює над удосконаленням міжнаціональних відносин у нашій країні, варто уважніше придивитися до етнічного ренесансу в західних поліетнічних державах у 1960–1980 роках. Що брутальніше (із застосуванням сили) там доводили необхідність централізації влади, прийняття рішень на базі моделей, розроблених у центрі, а не на підставі аналізу подій в окремих регіонах, то рішучіше виступало населення цих регіонів за вихід з-під такої опіки – аж до відокремлення. В бурхливий час етнічного відродження у нас набуває поширення ідея національної державності для народностей, які раніше своєї державності не мали. Наступні дії мають бути спрямовані, як зазначає В. О. Тишков, на «усунення в багатьох випадках незрозумілої ієрархії національних утворень шляхом підвищення статусу деяких із них і досягнення рівноправності в рамках федерації... Це не тільки зміцнило б позитивні відцентрові тенденції (останні хибно тлумачать лише як негативні), але, що

особливо важливо, зменшилася б виключність статусу 15 із понад 100 народів країни (точніше, тих їх частин, котрі проживають у рамках «своїх» союзник республік), були б ослаблені причини конфліктних відносин з приводу національної державності», з цими словами я цілком погоджуюся. І додаю від себе: Президії Верховної Ради СРСР не довелося б засуджувати рішення Верховної Ради Вірменської РСР про Нагірний Карабах (січень 1990 р.), якби недоречності існуючого національно-територіального устрою було виправлено саме на засадах національної державності в її новому розумінні.

Етнічний ренесанс, що тривав понад двадцять років у поліетнічних країнах капіталістичного світу, завершується. Панівні етносоціальні спільності стали терпимішими до плюралізму й етнічної розмаїтості суспільства, а непанівні дістали змогу розвиватися. Нова хвиля етнічного ренесансу підніметься тоді, коли непанівні спільності реалізують свій етнокультурний потенціал у рамках, визначених етнополітикою держави. У нашій країні етнічний (національний) ренесанс щойно розпочався і те, чи довго він викликатиме подив і чи стане він вагомим фактором подальшого розвитку нашого багатонаціонального суспільства, залежатиме від етнополітики Радянської держави. Остання дасть позитивні наслідки лише в тому разі, якщо вона будуватиметься на визнанні закономірності існування етнокультурного розмаїття й відмові від штучних асиміляторських парадигм. І державні діячі, і широкі маси населення мають дійти до розуміння того, що «світ цікавий тому, що різноманітний. Нині він цікавий і з огляду на два характерні для наших часів одночасні процеси: економічної інтеграції на раціональній основі і більшого політичного й культурного самоунезалежнення народів»¹.

Опубліковано: Всесвіт. – 1990. – № 7. – С. 147-151.

¹ «Літературна Україна» (1 березня 1990 р.). Інтерв'ю з Богданом Гаврилишином, швейцарським економістом і політологом українського походження.

ИММИГРАНТЫ В ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ

В статье предпринята попытка теоретического осмысления такого феномена в общественной жизни зарубежных полиэтнических стран, как адаптация иммигрантов в инонациональной среде и ее влияние на межэтнические отношения на современном этапе. Автор дает толкование понятию "адаптация", анализирует условия (социально-экономические, этнокультурные, этнопсихологические), определяющие уровень адаптации переселенцев и их потомков. В контексте анализа подчеркивается особое значение этнических форм социально-общественной жизни иммигрантов (организации, семья, бизнес) в период этнического возрождения, психологоповеденческих моментов в установках вновь прибывающих в отношении принимающих обществ.

В современном мире, по оценкам специалистов, в миграционных процессах ежегодно задействовано от 14 до 31 млн. человек [1]. Это выходцы из различных по своему социальному и культурному уровню регионов мира. Их различия со всей очевидностью проявляются при взаимодействии с представителями коренных национальностей или господствующего, как правило, этнического большинства страны поселения. Порой эти различия являются причиной (если не главной, то во всяком случае генерирующей) направленности, а часто и конфликтности в межэтнических отношениях. Поэтому проблемы адаптации иммигрантов в инонациональной среде являются чрезвычайно актуальными как для самих переселенцев, так и для населения принимающей страны и представляют немалый исследовательский интерес. Реализацией последнего в какой-то мере должна стать настоящая статья.

Под адаптацией автор, как и большинство советских исследователей понимает "приспособление человека или группы людей к жизни в новой

инонаціональній середі, а отчасти і пристосування до неї цієї середі з метою взаємного сосуществования і взаємодії..." [2] у всіх сферах громадської життя. В даному визначенні, заимствованном в одній з новітніх синтетических фундаментальних робіт, присвяченій дослідженню етнічних процесів в сучасному світі, відображені основа сутності і цілі адаптації. Правда, автор в відміння від цитуємого праці не обмежує сферу дій адптації тільки економічної і соціальної областями, включаючи в неї культуру і психологію. Поводи для подібного розширення зони дії адптації є. На наш погляд, вони достаточні і досить важливі як в науковій літературі, так і в практиці міжнародного (міжетнічного) взаємодії представителів різних етносів, проживаючих в межах одного етнополітичного організму (епі), скажемо, США, Канади, Великої Британії, Франції, ФРН, Голландії і др.

В зарубіжній етносоціологічній літературі соціальна і культурна адптації розглядаються як два аспекти одного і того ж процесу [3]. Відомий канадський етносоціолог А. Річмонд підкреслює, в частині, що, "процес адптації - багатомірний; в ньому акумуляція (асимиляція в області культури. - Авт.) поєднується з економічною адптацією, соціальною інтеграцією, почуттям задоволення проживанням в новій країні і ступенем ідентифікації себе з нею" [4]. Да і деякі радянські вчені схильні трактувати адптацію не тільки як феномен соціально-економічного життя, а більш широко. Так, наприклад, В. І. Козлов в книзі про іммігрантів і етнорасових проблемах Великої Британії виділяє господарську, соціально-культурну і культурно-бутову адптацію [5]. Однак в його книзі не містяться визначення культурно-бутової адптації, але її матеріал, як і дослідження зарубіжних вчених, дають підстави для тверджень, що іммігранти пристосовуються до інонаціональної середі і в сфері життя і культури. Останнє проявляється, в частині, в модифікації і трансформації специфічної етнічної культури вихідців з різних країн і регіонів світу. Адптація іммігрантів в етнокультурній області є початковим етапом більш глибокого процесу трансформації іммігрантської культури в етнічну, а іммігрантів в "етніків" [6].

Ітак, адптацію (як процес і як стадію) в статті передбачається розглядати як явище в житті іммігрантів в інонаціональній середі, охоплює соціальну, культурну і психологічну сферу взаємодії вихідців з інших країн з представителями корінних національностей або пануючого етнічного більшості, а також з собою подібними. В цій зв'язі можна виділити три основних види адптації -

социальную, культурную и психологическую.

Возможности адаптации иммигрантов в новом национальном окружении, как и характер самого процесса, зависят от объективных и субъективных факторов. К первым можно отнести условия (социальные, политические, этнокультурные) существования иммигрантов в стране поселения, социальный и профессионально-квалификационный состав пришлых рабочих, этнокультурные и этнопсихологические характеристики населения стран въезда и выезда, особенности этнонациональной ситуации и межэтнических отношений в стране проживания. Среди субъективных факторов особую роль в процессе адаптации иммигрантов приобретают следующие: политика правительств в отношении выходцев из других стран, деятельность общественных организаций, психологические установки на адаптацию прибывающих контингентов иммигрантов, связанные с продолжительностью пребывания в стране въезда (кратковременное пребывание, длительное пребывание, постоянное местожительство).

Таким образом, адаптация иммигрантов зависит от условий развития страны выезда, формирующих основные параметры и характеристики переселенцев, которые непосредственно вступают в процесс взаимодействия с населением принимающей страны, а также от условий развития нового этнополитического организма. В связи с этим следует особо подчеркнуть, что само принимающее общество (скажем, американское, канадское, английское, западногерманское и т. д.) не является гомогенным ни в социальном, ни в культурном аспекте. Ведь сегодня уже доказано, "что модель национального государства, однородного в этническом, лингвистическом и культурном плане нигде и никогда не реализовывалась и что любое современное государство в той или иной степени многообразно в культурном (уточним, этнокультурном. - Авт.) отношении..." [7].

В последующем анализе предпринимается попытка теоретического осмысления значения перечисленных, а также других факторов в процессе адаптации иммигрантов в развитых капиталистических странах. Не подлежит сомнению утвердившийся в советском иммигрантоведении тезис о том, что социально-экономические условия существования выходцев из других стран в новом этнополитическом организме в конечном итоге определяют содержание самого процесса адаптации и его результаты. Поскольку данный аспект, по нашему мнению, исследован достаточно глубоко, в частности в коллективных трудах Института этнографии АН СССР и Института социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР, а также в индивидуальных монографиях советских иммигрантоведов, [8] мы более

подробно остановимся на тех моментах, которые характеризуют позиции и установки иммигрантов в отношении перспектив своего существования в стране поселения, и тех, которые ранее не подвергались анализу. Отметим, что позиции и установки иммигрантов на определенных этапах пребывания в другом этапе приобретают практически адекватное социально-экономическим условиям принимающей страны значение. Высказанное утверждение увязывается нами с тем объективным обстоятельством, что адаптация является одной из стадий процесса ассимиляции. Сущность последнего очень точно определил в свое время В.И. Ленин. По его словам, ассимиляция состоит в утрате национальных особенностей, "в... переходе в другую нацию" [9]. С этой точки зрения адаптация представляется ключевой стадией, создающей предпосылки для интенсивного вращивания иммигрантов в социальную, экономическую, политическую и идеологическую структуры страны проживания. Однако в одних случаях эти возможности реализуются, а в других нет. Среди многих важных факторов (конкретных социально-исторических условий существования иммигрантов и политико-идеологической ситуации, на формирование которой большое влияние оказывают политика правящих кругов в отношении иммигрантов, характер межэтнических отношений), определяющих тот или иной результат, на первый план выдвигаются установки иммигрантов на адаптацию, а также их социальные, этнокультурные и этнопсихологические характеристики.

Эти установки зависят прежде всего от целей, которые иммигранты ставят перед собой, переселяясь в другую страну (постоянное местожительство, длительное пребывание, кратковременное пребывание) и определяются причинами и мотивами иммиграции (экономические, политические, воссоединение семей и т. д.). В первом случае иммигранты заинтересованы в быстрой адаптации к окружающей среде, а затем и ассимиляции. Следует подчеркнуть, что формирование установок на адаптацию в новом инациональном окружении среди этой категории иммигрантов происходит в так называемом предиммиграционном периоде [10]. В частности, многие иммигранты заранее выбирают место поселения (теперь не обязательно, как ранее, одноэтнической общине, а в большинстве случаев там, где есть потребность в рабочей силе и где больше возможностей для социальной мобильности), изучают язык страны иммиграции, ее обычаи, культуру и т. д.

Во втором случае установки на адаптацию в новой среде имеют свои специфические характеристики: подготовка в предиммиграционный период ограничена, на самом начальном этапе собственно иммиграционного периода идет подготовка к возвращению на родину.

В третьем случае, по нашим наблюдениям, адаптация иммигрантов выражается прежде всего в толерантном отношении к существующим нормам поведения, принятым в стране проживания, а поэтому установки иммигрантов будут ограничиваться именно этими параметрами.

Процесс адаптации всех трех категорий иммигрантов с их особенностями довольно наглядно прослеживается на их уровне маргинальности. Маргинальность мы определяем как совокупность характерных черт человека (или группы людей), формирующихся под воздействием условий проживания в инонациональной среде и свидетельствующих о его (их) промежуточном состоянии между этносом выхода и этносом входа. Маргинальному человеку или группе людей свойственны черты культуры, быта, психологии, поведения как этноса страны проживания, так и этноса страны происхождения. Всем трем категориям иммигрантов свойствен тот или иной уровень маргинальности. Для первой группы он характеризуется преобладанием черт культуры и быта и т. д. страны проживания и исчезновением таковых страны происхождения. Правда, этот процесс довольно длительный и в определенные периоды, как например в 1960-середине 1980 гг., названный в этнологической литературе периодом этнического возрождения [11], наблюдается усиление позиций этничности в иммигрантской среде. Однако это характерно преимущественно для тех иммигрантов, которые не связывают свою судьбу с ассимиляцией. Но даже если подобное состояние свойственно и этой группе иммигрантов, то здесь речь скорее идет о ситуационной (символической) этничности, [12] что в конечном результате не определяет ее перспективы существования в инонациональном окружении.

Уровень маргинальности второй и третьей категорий иммигрантов отличается от такого первой тем, что здесь преобладают черты этноса происхождения. Именно в их среде в основном сохраняются, поддерживаются и, насколько это позволяют условия существования, развиваются этнокультурные черты этноса выхода. Следует, правда, отметить, что такая ситуация характерна прежде всего для новейшей иммиграции (этим термином мы определяем иммигрантов после периода второй мировой войны и, в частности, иммиграцию в страны Западной Европы и Северной Америки в 60-80-е гг. Такая ситуация также имеет место в среде новых иммигрантов (тех, кто покинул свою родину в начале XX в. или до второй мировой войны) и в некоторой степени их потомков (это относится к Соединенным Штатам и Канаде), например, лиц славянского происхождения.

В формировании данной ситуации, когда после длительного пребывания в инонациональном окружении в среде выходцев, скажем, с Украины, в

значительной степени сохраняется этичность украинцев (безусловно, в трансформированном виде), большую роль сыграли установки иммигрантов конца XIX -начала XX вв. на скорое возвращение на родину. Большинство иммигрантов из западноукраинских земель (а именно этот регион давал почти 90 % всех переселенцев с Украины) прибывали на Американский континент с мыслями о непродолжительном здесь пребывании; у них, за исключением лиц, эмигрировавших по политическим мотивам (таковых в составе украинской иммиграции до 1945 г. было незначительное количество), была практически одна Цель - заработать денег, чтобы поправить материальное положение своих семей, зачастую остававшихся на родине, а затем возвратиться в родные края [13]. Этим обстоятельством объясняются их установки на весьма ограниченное абсорбирование этнокультурных ценностей и адаптации к этнокультурным и политико-идеологическим ориентациям, господствовавшим в американском и канадском обществах. И наоборот, такие установки предполагали конструирование этнокультурной среды, сходной с той, в которой иммигранты проживали в стране выезда. В тот период были заложены основы положительного отношения к народным традициям в культуре и быте страны происхождения, которое культивировалось и среди определенной части последующих поколений как иммигрантов, так и их потомков.

Однако сохранение традиций культуры и быта иммигрантами в современных условиях не следует рассматривать как определяющую преграду на пути их ассимиляции в обществе поселения. На начальных этапах пребывания в инонациональной среде они являются необходимыми в налаживании жизни в новой стране, а некоторые организационные формы жизни иммигрантов (например, церковь, общества взаимопомощи, объединения на политической или культурной основе и т. д.) представляют собой звено, способствующее адаптации в инонациональной среде. Здесь в первую очередь речь идет о предоставляемых ими возможностях удовлетворять специфические потребности, связанные с их этническим происхождением, а также оказание помощи в трудоустройстве, обучении языку страны проживания и т. д.

Кстати, адаптирующая роль этнических форм социально-общественной жизни иммигрантов особенно четко проявляется в этническом бизнесе. Последний, в частности в США, существует длительное время. В XIX в., например, для значительной части переселенцев была возможность выбора в получении работы - или на американском предприятии, или на предприятии, которое принадлежало выходцу из той или иной страны. Таковую ситуацию этносоциолог США О. Цанц назвал структурой "двойственной возможности", подчеркнув, что она, "усиливаемая внутрисемейной жизнью и организационной

деятельностью... проявлялась на рынке труда, в выборе поселений, в приобретении собственности и вела к формированию некой этнической полуавтономности" [14], существование "структуры двойственной возможности" позволяло сохранять этническую самобытность иммигрантов как на бытовом, так и на производственном уровне. В то время наличие этнического бизнеса (порой довольно крупного) в большинстве случаев предшествовало ассимиляции пришлой рабочей силы, поскольку она в течение длительного времени могла быть занятой на этническом предприятии, как отмечалось, довольно крупном, способном конкурировать с местными предприятиями.

Сегодня в условиях государственно-монополистического капитала картина несколько иная - этнический бизнес, как правило, ограничен сферой услуг. Опыт Соединенных Штатов, в частности г. Лос-Анджелеса, с которым автору пришлось познакомиться во время пребывания в США, а также обобщенным в работах А. Лайта [15], подтверждает тезис о том, что этнический бизнес выполняет своеобразную роль адаптора к новым условиям трудовой деятельности. Он поглощает определенное количество вновь прибывающих иммигрантов на начальном этапе их пребывания в стране. С течением времени многие иммигранты, скажем азиатского происхождения, при первой возможности нанимаются на работу на более крупные предприятия (не только в сфере обслуживания) и к тому же пытаются подыскать более престижное место жительства вне пределов этнических анклавов. Существование последних в современных условиях, стимулирующих ассимиляцию иммигрантов (достаточно высокая степень социальной мобильности, интенсивные внутренние миграции, довольно активное участие пришлой рабочей силы в производственных процессах совместно с выходцами из других стран и представителями американской нации и т. д.), связано с постоянной ротацией иностранной рабочей силы, особенно характерной для стран Западной Европы, а также с тем обстоятельством, что буржуазное общество не позволяет реализоваться всем возможностям социальной мобильности, вследствие чего значительная часть иммигрантов не может выйти за границы своих этнических анклавов, оставаясь на низших ступенях социальной иерархии обществ проживания.

Когда речь идет о роли иммигрантских организаций и этнического бизнеса в приспособлении к инациональной среде, то на первый взгляд обнаруживается некий парадокс хотя, скажем, эти организации и способствуют адаптации переселенцев, но действительное количество членов этих организаций небольшое, по крайней мере они охватывают своей деятельностью

только малую часть иммигрантов. К тому же, большинство этой малой части не отличается особой активностью. Так, обследование иммигрантов во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) показало, что менее 40 % выходцев из других стран (в первую очередь турки, греки, итальянцы) поддерживают контакты с организациями своих соотечественников. Но из всех контактирующих с иммигрантскими организациями, например турок, непосредственное участие в их деятельности принимали лишь 50 % [16]. Такая ситуация может быть объяснена тем, что со временем этнические организации утрачивают первоначальное значение в процессе адаптации, а также тем, что многие иммигранты, желая быстрее интегрироваться в новое инациональное окружение, не устанавливают контактов не только с соответственными этническими организациями, но и с соотечественниками вообще. Проведенное американскими этносоциологами исследование выбора иммигрантами контактных ситуаций и интеграции со своим этническим окружением, с местной общностью (ядро господствующей нации, господствующее этническое большинство), с представителями других (не господствующих и не одинакового происхождения) групп обнаружило, что даже на самом начальном этапе адаптации к новым условиям только 60 % прибывающих иммигрантов искали возможности установления межличностных связей со своими соотечественниками, а 20 % сразу же ориентировались на контакты с местным населением. Причем со временем вновь прибывшие иммигранты, ранее установившие такие контакты со своим этническим окружением, постепенно их разрывают и усиливают взаимодействие с местным населением [17]. Это обстоятельство, по-нашему мнению, во многом объясняет тот факт, что в США и в других иммигрантских странах практически не существует этнических общин с завершенной институциональной наполненностью, т. е. наличием такого количества и в таком наборе институций, которые могли бы удовлетворять специфические потребности их членов в улучшении своего социально-экономического положения и политико-правового статуса, а также потребности, связанные с их этническим происхождением [18].

В значительной степени вследствие неполной реализации ожидаемых результатов выезда в другие страны, на которые иммигранты рассчитывали в предиммиграционном периоде, большое их количество возвращается на родину. Имеющаяся в нашем распоряжении статистика не позволяет из общего количества возвратившихся вычлениить по каждой стране тех, кто был неудовлетворен условиями жизни в новой среде и не смог адаптироваться в ней в первые годы своего пребывания. Однако данные департамента труда и иммиграции правительства Канады (середина 70-х гг.) свидетельствуют в

пользу вышеупомянутого утверждения. Так, после года пребывания в Канаде 20 % опрошенных иммигрантов заявили, что их общее социальное положение ухудшилось по сравнению с таковым в стране происхождения, более 30 % улучшений не заметило (следует иметь в виду, что 90 % респондентов отмечали тот факт, что новая общность приняла их хорошо). После трехлетнего пребывания мнения опрошенных иммигрантов по поводу своего самочувствия в инациональном окружении разделились следующим образом: 55 % чувствовали себя как дома; 14 % тяготели к стране происхождения; 31 % затруднялись дать тот или иной из двух ответов. Интересные планы реализации первоначальных установок на адаптацию данные о том, что 7 % после трех лет проживания в Канаде изъявили решительное желание покинуть страну; 24 % решили остаться на непродолжительное время; еще 16 % покинули Канаду в течение первых трех лет пребывания, причем из них 40 % первоначально предполагали остаться в этой стране на постоянное жительство [19].

В репрезентативном исследовании ситуации в среде иностранных рабочих и их семей в ФРГ, осуществленном Исследовательским институтом фонда им. Фридриха Эберта (1985 г.), называются десять причин возвращения иммигрантов на родину. Правда, здесь особо не выделяются трудности адаптации; можно предположить, что они отнесены исследователями в показатель "прочие" и составляют у представителей разных национальностей от 9,7 до 15,9 % [20].

Следует отметить, что в последнее десятилетие, хотя общее количество возвращающихся на родину иммигрантов остается довольно внушительным (например, в 1974-1982 гг. 100 тыс. португальцев из разных стран возвратились в свою страну), тем не менее оно постоянно уменьшалось [21]. Озабоченные такой тенденцией правительства стран иммиграции начали искать эффективные пути и средства стимулирования возвращения на родину иммигрантов (особенно в условиях острого переизбытка рабочей силы). Среди таковых, в частности, утверждение в иммиграционной практике большинства развитых капиталистических стран системы "ориентированной на договорную (временную) рабочую силу" [22] и осуществление в некоторых европейских странах (прежде всего во Франции и ФРГ) политики, поощряющей иммигрантов к возвращению на родину [23].

Сложившаяся под влиянием научно-технического прогресса ситуация с рабочей силой на капиталистическом рынке труда [24], в первую очередь структура занятости, вызвала увеличение в общем объеме иммиграции временных рабочих (по оценкам западных специалистов, в странах Европы они составляют от 10 до 20 %) [25]. По примеру стран-импортеров рабочей силы в

Западной Европе, в США и Канаде также заключаются контракты на пребывание в стране иммигрантов на определенные сроки (в Канаде наибольший срок - 12 месяцев). За период с 1976 по 1979 гг. Соединенные Штаты ежегодно принимали около 91 тыс. временных рабочих; для Канады эта цифра была даже несколько выше - в 1981г. Канада гарантировала въезд 113 тыс., из них 84 тыс. на срок менее одного года [26].

Как правило, временная рабочая сила сосредоточивается в наименее престижных отраслях с высокой долей малоквалифицированного труда - в так называемом вторичном секторе. Это обстоятельство не стимулирует адаптационные процессы среди иммигрантов, поскольку таким образом сохраняются, можно сказать консервируются, большие различия в структуре рабочей силы (профессионально-квалификационные в первую очередь) принимающей страны и иммиграции. Более того, сверхконцентрация малоквалифицированной иностранной рабочей силы порождает межэтнические конфликты, перерастающие порой в этнический антагонизм [27].

Программы по подготовке иммигрантов к возвращению на родину (в ФРГ она называется "Программа неотложных мер") в рамках политики поощрения реэмиграции, на наш взгляд, вносят новые осложнения в процесс адаптации иммигрантов. Основная их задача - осуществление мероприятий по поддержанию такой этнокультурной среды, которая была бы сходной со средой в стране выхода. К ним относятся организация классов в школах с родным языком преподавания, курсов по совершенствованию родного языка, учреждаются общества, объединяющие лиц одного этнического происхождения, проводятся этнические фестивали и т. д. Иными словами, на федеральном и локальном уровнях поощряется формирование соответствующей этнокультурной среды и искусственно создается некий барьер между иммигрантами и местным населением. К тому же в ФРГ (да и в других странах иммиграции) правящие круги довольно умело используют уже существующие и стимулируют новые антииммигрантские настроения, что вместе в объективными сложностями адаптации помогает им поддерживать определенный регулируемый уровень социальной и культурной изоляции иммигрантов.

Рассмотренные некоторые аспекты адаптации иммигрантов в инонациональной среде лишь частично отражают ее проблемный характер. В статье затронуты характерные для стран иммиграции общие тенденции. Определение уровня адаптации, ее особенностей в той или иной стране требует более детального анализа конкретных условий существования переселенцев в странах Западной Европы и Северной Америки, уровня культурного развития

стран выезда, этнопсихологических характеристик контингентов иммигрантов и других факторов. Отдельные из них рассматриваются в предыдущих статьях настоящего сборника (например, проблемы иммигрантских семей, деятельности этнических организаций и т. д.), другие же могут стать предметом исследования в будущем (в частности, этнопсихологические аспекты взаимодействия иммигрантов и представителей доминирующего этнического большинства).

Литература

1. Tabbarah R. Prospects on international migration // *International Social Science Journal*. - 1984. - Vol. 36. - N 3. - P. 426.
2. Этнические процессы в современном мире / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. — М. — 1987.-С. 17.
3. Brown I. G. Immigration: cultural conflicts and social adjustments. - New York, 1969. - XII, 419 p.; Factors in the adjustment of immigrant and their descendents / Ed. A.H.Richmond, W. E. Kalbach. - Ottawa, 1977.-481 p.; Richmond A. Sociocultural adaptation and conflict in immigrant-receiving countries // *International Social Science Journal*. - 1984. - Vol. 36. - N 3. - P. 519-536; Arnowits M. The social and emotional adjustment of immigrant children: a review of the literature // *International Migration Review*. - 1984. - Vol. 18. - N 2. - P. 217-236.
4. Richmond A. Op. cit. - P. 520.
5. Козлов В. И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. — М., 1987. — С. 53, 104.
6. Nelli H.S. From immigrants to ethnics: The Italian Americans. - New York, 1983. -8,225 p.
7. Бурне Ж. Индивидуальная и национальная самобытность в обществе с культурным многообразием // *Культура*. - 1986. - № 1. - С. 30.
8. Национальные проблемы Канады / Отв. ред. Ю. П. Аверкиева. - М., 1972.-232 с; Национальные процессы в США / Отв. ред. С. А. Гонионский. - М., 1973. —400 с; Этнические процессы в современном мире / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. — М., 1987.—448 с; Национальные меньшинства и иммигранты в современном капиталистическом мире / Отв. ред. А. Н. Шлепаков. — Киев, 1984.—293 с; Рабочий класс и национальный вопрос в странах Западной Европы и Северной Америки (60—80-е гг.) / Отв. ред. А. Н. Шлепаков. - Киев, 1985.—160 с; Богина Ш.А. Иммигрантское население США. 1865-1900.-Л., 1976. —275 с; Козлов В. И. Иммигранты и этнорасовые проблемы в Британии. — М., 1987. —207 с; Фурсова Л. Н. Иммиграция и национальное развитие Канады. 1946-1970 гг.-М., 1975.—436 с; Шлепаков А. Н. Иммиграция и

американский рабочий класс в эпоху империализма. - М., 1966. — 502 с.

10. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч.-Т. 24.-С. 123.

11. Heiss J. Factors related to immigrant assimilation: pre-migration traits//Social Forces. - 1969. - Vol. 4. - P. 422-428. H Smith A. Ethnic revival in modern world. -Cambridge, 1981. -14,240p.

12. GansH. J. Symbolic ethnicity: The future of ethnic gr,oups and cultures in America // Ethnic and Racial Studies. - 1979. - Vol. 3. - N 1. - P. 1-20.

13. Шлепаков А. М. Українська трудова еміграція в США і Канаді (кінець XIX — початок XX ст.). -К., 1960. -С. 13^»5.

14. Zunz O. American history and the changing meaning of assimilation // Journal of American Ethnic History. - 1985. - Vol. 4. - N 2. - P. 63.

15. Light J. H. Ethnic enterprise in America: Business and welfare among Chineze, Japaneze and blacks. - Berkley e.a., 1972. - 209 p.; Light J. H. Immigrant and ethnic enterprise in North America // Ethnic and Racial Studies. - 1984. - Vol. 7. - N 2. -P. 196-216.

16. Schoneberg U. Participation in ethnic associations: The case of immigrants in West Germany // International Migration Review. - 1985. - Vol. 19. N 3.

17. Breton R. Institutional completeness of ethnic communities and the personal relations of immigrants // American Journal of Socioligy. - 1964. - Vol. 70. - N 2. - P. 193.

18. Ibid.-P. 193; 198.

19. Гомін України. — 1976. — 24 берез.

20. Situation der ausländischen Arbeitneh und ihrer Familienangehbrigen in der Bundes-republik Deutschland. Representativuntersuehung'85. - Bonn, 1986. - S. 473.

21. Thomas E. - J., de Wenden C. W. Return ticket: The problem of going back//The Courier. - 1985. - Sept. - P. 33.

22. North D. S. Nonimmigrant workers: visiting labor force participants // Monthly Labor Review. - 1980. - Vol. 103. - N. 10. - P. 26-30.

23. Thomas E. - J., de Wenden C IV. Op. cit. - S. 33.

24. Современный капитализм: проблемы рабочей силы / Отв. ред. С. М. Никитин. -М., 1985. -285 с.

25. Wong J. Canada's guestworkers some comparisons of temporary workers in Europe and North America // International Migration Review. - 1984. Vol. 18. - N. 1. - P. 94.

26. Migrant workers: a world phenomenon // The Courier. - 1985. - Sept. - P. 5.

27. Евтух В. Б. буржуазная концепция сегментированного характера рынка труда в полиэтнических странах // Зарубежный мир: социально-политические и экономические проблемы. Вып. 13. —Киев, 1987. —С. 34—43.

Опубликовано: Миграции и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение :Сб. научных трудов. – Киев : Наукова думка, 1990. – С. 170-181.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “МАССОВЫЕ МИГРАЦИИ В XIX-XX ВВ. В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ”

14—15 декабря 1989 г. в Варшаве состоялась международная конференция, посвященная проблемам массовых миграций на европейском континенте в XIX—XX вв. Она была организована по инициативе заместителя директора Института истории Польской академии наук Яна Замойского и проходила в стенах названного Института. В конференции приняли участие ученые из Франции, Бельгии, СССР и Польши. Поводом для созыва такого научного собрания послужило открытие новой исследовательской темы в Институте истории ПАН «Миграции народов на польских землях в XIX—XX вв. в европейском аспекте». По моему взгляду, опыт проведения конференции именно в таком контексте представляется достаточно эффективным — доклады и дискуссия помогли определить наиболее актуальные проблемы миграционных процессов, обобщить методологию и методику их исследования, выработанные учеными других стран. Рабочими языками конференции были французский и английский.

Вступительным докладом «Массовые миграции в XIX и XX веках: феномен европейской жизни» конференцию открыл Я. Замойский (ПР). Подчеркнув огромное влияние миграций на социально-экономическое и политическое развитие как стран выезда, так и стран въезда, докладчик остановился на формировании иммигрантских общин и их взаимодействии с коренным населением. Интересной с научной точки зрения является предложенная типология массовых миграций («добровольные», «вынужденные», «принудительные» депортации) и характеристика причин и обстоятельств, вызывающих тот или иной тип миграций. Типом миграций,

считает Я. Замойский, в значительной мере определяется сущность ее последствий для страны эмиграции и страны иммиграции.

В докладе М. Кулы (Варшавский ун-т) «Польская эмиграция: методологические аспекты исследования» значительное внимание было уделено понятийно-терминологическому аппарату, механизму формирования миграционных потоков и их распределению по разным регионам мира — от Европы до Латинской Америки. М. Кула остановился также на возможностях сохранения польской этничности в инациональной среде.

О результатах социологического исследования сообщила в своем докладе «Формирование стереотипов в межэтнических отношениях» Э. Новицка (Варшавский ун-т). Среди вопросов, задававшихся респондентам с целью выяснения механизма формирования этнических представлений «мы — они», был и довольно необычный для подобных опросов: «Чью кровь (имеются в виду представители тех или иных этнорасовых групп населения) в случае необходимости пожелали бы переливать поляки?» По словам Э. Новицкой, процент согласных на донорство представителей других этнических общностей был незначительным.

Доклад Д. Шнаппер (Франция, Центр исторических исследований) «Иммигранты в общественной жизни Франции» был посвящен анализу этнонациональной ситуации в стране. В частности, речь шла о еврейской иммиграции, итальянцах, представителях стран Магриба — их адаптации и ассимиляции. По мнению Д. Шнаппер, современное французское общество можно рассматривать как многокультурное общество, поскольку в нем взаимодействуют носители многих этнокультурных систем, порой резко отличающихся друг от друга, скажем, выходцы из европейских стран и стран Ближнего Востока. Докладчица обратила внимание на употребление в научной сфере и идеологической практике таких терминов, как «иностранцы» и «иммигранты», отметив, что довольно часто между ними ставится знак равенства. Д. Шнаппер считает, что это неверно, так как в каждом термине заключен свой социальный и политический смысл, что особо четко проявляется в правовом аспекте, особенно когда речь идет об определении статуса тех и других.

Н. Грин (Франция, Центр исторических исследований) в своем выступлении остановилась в основном на проблемах еврейской иммиграции во Франции, на возможностях адаптации иммигрантов во французском обществе и сохранении своей идентичности.

«Исследование миграционных процессов в научных учреждениях Украинской ССР: концепции и результаты» — такова тема доклада В. Б. Евтуха

(СССР, Ин-т социальных и экономических проблем зарубежных стран АН УССР). Докладчик уделил большое внимание формированию научно-понятийного аппарата, в частности определению сущности таких понятий и терминов, как «миграции» (их типы), «адаптация» (социальная, культурная, политическая), «ассимиляция», «этническое взаимодействие», «иммигранты», «национальные меньшинства» и т. д. В анализе сущности миграционных процессов, прежде всего степени их устойчивости, по мнению В. Б. Евтуха, важно четкое разграничение причин и мотивов переселения народов, их частей или отдельных представителей.

В докладе Б. Пузинавичюса (СССР, Ин-т истории АН ЛитССР) «Миграционные процессы в Литве в 1940—1960 гг.» были раскрыты методологические и методические подходы к исследованию одноименной темы, которая планируется в Институте на новую пятилетку. В указанном периоде можно выделить четыре этапа— 1940—1941 гг.; 1941—1944 гг.; 1945—1952 гг.; 1953—1960 гг. Каждый из них, по мнению автора, имел свои особенности, связанные в первую очередь с политической ситуацией в регионе, с демографическими, экономическими и социальными условиями развития Литовской ССР.

Значительный теоретический и информативный материал содержал доклад Ж. Стренгера (Брюссельский ун-т) «Эмиграция и иммиграция в Бельгии в XIX—XX веках». Опираясь на солидную источниковую базу (официальные документы, переписи) и широкий круг литературы, Ж. Стренгер показал механизм миграционных процессов в бельгийском контексте, дал оценку роли иммиграции в социально-экономическом развитии страны, этнической ситуации, сложившейся к концу 1980-х годов, роли государства в решении острых проблем межэтнических отношений.

В дискуссии по докладу выступили также сотрудники институтов Польской академии наук и Варшавского университета. В ходе обмена мнениями большой интерес был проявлен к перестроечным процессам в Советском Союзе, в особенности в сфере межнациональных отношений.

Конференция завершилась практическими предложениями по сотрудничеству, в частности проведению научных конференций, среди тем которых могут быть: «Массовые миграции в конце XIX—XX в.: типология, проблемы методологии исследования», «Миграции евреев в Центральной и Восточной Европе», «Миграции с Украины», «Принудительные миграции», «Иммигранты и принимающее общество: взаимные представления» и др. Участники конференции договорились об обмене информацией о разработке обсуждавшейся темы в научных учреждениях разных стран, а также

опубликованными результатами исследований — статьями, брошюрами, книгами.

*Опубликовано: Советская этнография. — 1990. — № 4.
— С. 140-141.*

МІЖНАЦІОНАЛЬНІ ВІДНОСИНИ В СРСР: ДУМКИ, ПОГЛЯДИ, СУДЖЕННЯ

До недавнього часу поняття «радянологія» використовувалось у вітчизняній літературі, як правило, з негативним підтекстом. Переміни у суспільно-політичному житті нашої країни, викликані перебудовними процесами, дають змогу сьогодні трактувати його ширше, не зводячи тільки до фальсифікаторських вправ західних дослідників. Одразу ж зазначимо, що такі, безумовно, становили і становлять значну частину всього того, що напрацьовано радянологією.

Перед нами книга³⁹, яка з урахуванням часу її виходу (1989 р.) об'єктивно має представляти цей новий погляд. Мета аналізу монографії — аж ніяк не пошук доказів того, що з перебудовою ми змінюємося і стаємо об'єктивнішими, хоча така констатація також важлива. Важливіше, з моєї точки зору, інше — наскільки ми готові «буржуазну радянологію» визнати як рівноправного партнера в аналізі суспільних процесів у нашій країні (щодо західних держав ми давно вважаємо себе ледве не єдиними об'єктивними інтерпретаторами), а в цьому контексті, який інструментарій, форми і методи ми використовуємо у діалозі, погоджуючись з твердженнями зарубіжних дослідників чи заперечуючи їх. Іншими словами, полеміка з західними вченими виявляє не тільки рівень авторського професіоналізму, а й рівень розвитку суспільствознавчих дисциплін взагалі, бо кожний радянський учений, як правило, користується методологією, понятійно-термінологічним апаратом, виробленим вітчизняною наукою.

Якщо оцінювати роботу В. М. Ткаченка з цих позицій, то головний

³⁹ Ткаченко В. Н. Интернационализация общественной жизни и буржуазная советология. - К. Наукова думка, 1989, — 208 с.

підсумок роздумів після її прочитання досить позитивний. В ній можна виділити декілька ключових проблем, які, на думку її автора, є основоположними у досліджуваній темі. До таких належать: 1) концепція «етнісіті» (етнічність) і надана їй західними дослідниками визначальна роль в ієрархії сучасних міжнаціональних відносин; 2) феномен інтернаціоналізму в інтерпретаціях марксистсько-ленінської та буржуазної, а точніше немарксистської, концепцій; 3) взаємодія представників різних етносоціальних спільностей в економічній і культурній сферах.

Розглянемо відзначені напрями і спробуємо з'ясувати в них позицію автора. Перший з них, безумовно, може претендувати на загальнотеоретичний характер. Однак, на мій погляд, в самому аналізі концепції «етнісіті» — у радянській літературі частіше вживається термін «етнічність» — автор обрав не зовсім вдалий підхід, який змусив його подавати цю досить оригінальну концепцію апріорі як негативну, бачачи в ній і «особливу небезпеку для єдності лав робітничого класу» (с. 14), і прикриття для втручання у внутрішні справи соціалістичних країн (с. 21) і т. д.

Звичайно, ці характеристики цілком застосовні до інтерпретації етнічності деякими західними спеціалістами, зокрема і згаданими на сторінках монографії. Та об'єктивніше було б говорити про те, що ця концепція формувалась не на міфічних здогадках чи довільно змодельованих ситуаціях, а на реаліях поліетнічних країн капіталістичного світу 60-х — 80-х років. І в цьому контексті спробу дослідників США, Канади та інших країн проникнути у сутність явища, викрити його джерела і прогнозувати його розвиток нічого небезпечного в собі не несуть. Інша справа, коли йдеться про використання тих чи інших положень, як і концепції в цілому. У автора монографії вжито досить вдалий термін для визначення цього процесу — політизація етнічності. І тут «відсутність чіткості у визначенні співвідношення етнічного і класового факторів, їх пріоритетності» (с. 26) — з виділеною В. М. Ткаченком властивістю буржуазного суспільствознавства не можна не погодитись — дає змогу окремим західним дослідникам {наприклад, В. Грін, Д. Мойніхен, Н. Глейзер, особливо у працях 1970-х років} свідомо підтасовувати факти, фальсифікувати існуючу картину.

Вагомими здаються спроби автора переконати читача у неприйнятності буржуазних тлумачень марксистсько-ленінської концепції інтернаціоналізації радянського суспільства. Він обрав досить оригінальний підхід — відмінність буржуазних і марксистських тлумачень інтернаціоналізму показано через відмінність в інтерпретації джерел і рушійних сил цього феномена, оскільки саме вони визначають його зміст при впливі конкретних історичних умов.

«Надто широке трактування інтернаціоналізму й універсальність покладених на нього завдань...» (с. 57), ігнорування відмінностей соціалістичної і капіталістичної суспільних формацій ведуть до помилкових висновків щодо долі інтернаціоналізму в радянському суспільстві. І в цій частині західні моделі інтернаціоналізму не можуть бути застосовані до аналізу радянської дійсності. Та, скажімо, можна погодитись з існуючими у західній літературі твердженнями про те, що у суспільному розвитку СРСР етнічному фактору не приділялось достатньо уваги. Наявність цього не дає змоги погодитись з автором в тому, що соціалізм знищує конфлікти (с. 72). йдеться скоріше про теорію, ніж про практику.

У розділі монографії, присвяченому взаємодії етносоціальних спільностей у сфері економіки і культури, є переконливі докази, що заперечують необгрунтовані твердження західної радянології. Скажімо, про те, що в єдиному народногосподарському комплексі інтереси України ущемлюються на національному ґрунті (с. 122), а єдиним шляхом виходу економіки Української РСР з кризового стану (правда, автор заперечує його наявність — с. 123) є лише автаркний (відособлений) її розвиток (с. 128). Однак, наукова об'єктивність вимагає більш реальної оцінки курсу на вирівнювання рівнів розвитку радянських республік і подолання соціально-економічних відмінностей. Сучасні дискусії у радянській пресі, наукових розробках дають привід для тверджень, що ці відмінності і різні рівні розвитку окремих регіонів залишатимуться тривалий час обов'язковими для нашого економічного розвитку. Щодо соціально-економічних відмінностей можна висловити і більш радикальну точку зору — вони практично неподоланні і чи треба ставити взагалі питання про їх механічне подолання, оскільки конкретні умови господарювання породжують специфічні соціальні потреби, і шляхи їх задоволення також можуть розрізнятися, особливо в умовах переходу радянських республік до економічної самостійності. Значною мірою ці відмінності визначаються й етнонаціональною специфікою розвитку окремих республік, і характерною для них системою споживання, і сформованими протягом тривалого часу у корінної національності уявленнями про своє місце у виробничому процесі тощо. Інша справа, в чому, безумовно, правий В. М. Ткаченко, ці відмінності повинні бути ліквідовані у створенні рівних умов для реалізації потенціалу кожної республіки чи регіону.

Отже, проаналізовані деякі положення монографії свідчать про творчий підхід автора до розв'язання проблеми співвідношення реальних процесів інтернаціоналізації та їх уявлення у сучасній буржуазній радянології. Це співвідношення, судячи з праці, вирішується в основному з точки зору

апріорної неспроможності останньої. Хоча В. М. Ткаченко зробив спробу диференційованої оцінки зарубіжних досліджень етнонаціональних процесів у сучасному світі і зокрема в СРСР, але, на мій погляд, вона є недостатньою. Говорячи про наявність у західній радянській науковій пошуку (очевидно об'єктивного), автор зосередив увагу на «дослідницькій» діяльності антикомуністичного, найбільш політизованого загалу радянської науки, що відверто підпорядковує науку потребам ідеологізації міждержавних відносин, що підриває міжнародну довіру і співробітництво» (с. 187). Перший із відзначених напрямів чекає свого дослідження і порівняння його з тим, що зроблено по другому напрямку. В результаті ми зможемо одержати реальну картину етнонаціональної проблематики у західній радянській науці. Головний підсумок праці автора бачиться у визначенні основних напрямів вивчення стану національного питання в нашій країні, можливої еволюції поглядів радянських науковців у зв'язку із зміненними підходами радянської держави до вдосконалення національних відносин. Монографія містить багатий матеріал, що запрошує спеціалістів з етнонаціональних проблем до наукової дискусії, в ході якої можуть народитися конструктивні ідеї по дальшому вдосконаленню системи регулювання міжнаціональних відносин в СРСР. Цим визначається вагомість внеску В. М. Ткаченка у радянське суспільствознавство і практичне значення роздумів і висновків, що містяться в монографії.

*Опубліковано: Комуніст України. – 1990. – № 3. –
С. 95-96.*

МНОГОКУЛЬТУРНОСТЬ В КАНАДЕ: НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА

Политика многокультурности не разрешает проблемы этносоциального развития Канады. Однако осуществляемые в ее рамках мероприятия смягчали их остроту и упреждали углубление кризисных ситуаций.

Теоретические истоки многокультурности исходят к попыткам канадских социологов еще в 20-е годы по-новому взглянуть на многоэтничный состав населения и объяснить причины сохранения представителями различных этнонациональных групп своеобразных элементов быта и культуры после длительного пребывания на канадской земле. В тот же период в научную литературу и общественную практику был введен термин «канадская мозаика», а несколько позднее—«единство в многообразии». Собственно этот новый взгляд, объективно отражающий в научной литературе факт непереплавляемости различных этнических групп — местного и иммигрантского населения — послужил началом формирования концепции многокультурности.

Следует отметить, что первые публикации по «канадской мозаике» (Дж. Гиббон, В. Хейворд, К- Фостер и др.)¹ преимущественно только фиксировали объективную закономерность этносоциального развития Канады — наличие на ее территории множества групп населения с отличительными чертами быта и культуры. Они скорее послужили толчком к теоретическому осмыслению феномена. Этому процессу способствовало формирование в американской исторической и социологической литературе концепции культурного плюрализма. Не рассматривая концепцию «канадской мозаики» как непосредственное продолжение концепции культурного плюрализма в канадских условиях или как результат движения против концепции

«плавильного котла», развернувшегося в американской философско-социологической мысли в начале века и в последующие годы, тем не менее можно говорить об определенном влиянии изменений взглядов некоторых ученых США относительно этнонациональной ситуации в своей стране на содержание интерпретации канадскими учеными ситуации в Канаде. По утверждению известного канадского библиографа А. Грегоровича, теоретическое оформление концепции «канадской мозаики» после Дж. Гиббона, наиболее четко прослеживается в работах В. Кирконелла. В ряде своих публикаций В. Кирконелл касается некоторых аспектов «мозаичности» состава населения Канады, в большинстве случаев исследуя топонимику и поэзию отдельных этнонациональных групп страны². В один ряд с названными исследователями «канадской мозаики» А. Грегорович ставит и В. Кейя, исследования которого посвящены в основном характеру расселения иммигрантов, прибывавших в Канаду в разные периоды³.

Знакомство с содержанием работ двух последних авторов, особенно В. Кейя, не во всех пунктах позволяет нам согласиться с оценкой А. Грегоровича. В них превалирует описание верхнего, видимого, слоя феномена «мозаики» без анализа его сущности и причин порождения. Такой подход к изучению явления «канадской мозаики» не дает оснований оценивать названных авторов как теоретиков одноименной концепции и предвестников концепции многокультурности, хотя несомненна их заслуга в привлечении внимания канадской общественности, в том числе научной, к необходимости переосмысления стереотипов этнонационального развития Канады, выразившихся в формуле «одна Канада — две культуры» или в концепции «двух народов-фундаторов» — англо- канадцев и франкоканадцев. На наш взгляд, научная деятельность В. Кирконелла и особенно публичная деятельность В. Кейя в 60—70-е годы в большей степени способствовали популяризации реакционной концепции «третьей силы», или «третьего элемента».

Результаты исследований полиэтнического характера состава населения Канады, осуществлявшиеся в 60—70-годы известными этносоциологами А. Ричмондом и Дж. Портером, и их интерпретация дают больше оснований для утверждений, что именно они внесли весомый вклад в развитие и формирование концепции «канадской мозаики»⁴. В своих трудах названные ученые не остановились лишь на фиксации факта многоэтничности состава населения Канады. Социологические обследования, в частности проводившиеся под руководством А. Ричмонда в 60-е годы в рамках Программы этнических исследований в Институте психологических исследований при Йоркском

университете (г. Торонто), позволили проникнуть в сущность явления «канадской мозаики». Одним из важных, но, по нашему мнению, не главных факторов, на которых сосредоточили свое внимание исследователи, было то, что в указанный период усилилась иммиграция в Канаду, особенно из тех стран, социально-экономический и культурный уровень которых значительно отличался от Канады. Так, из стран Африки, Северной, Центральной, Южной Америки, Азии за периоде 1964 по 1968г. прибыло 18,4 % всех иммигрантов, а с 1969 по 1973 г.—38,7 % с последующим возрастанием до 57,7 % (1979—1981 гг.)⁵. Это обстоятельство, безусловно, подчеркивало «мозаичность» канадского населения. Однако данный фактор характеризует больше форму, чем содержание явления. Кстати, его значение отмечалось и у предшественников Дж Нортера и А. Ричмонда.

Другим обстоятельством, которое выявили в своих исследованиях эти ученые и которое, по нашему убеждению, играет более весомую роль в сохранении «мозаичности» (в смысле некоторой обособленности этнонациональных групп) канадского населения, является дискриминация иммигрантов, явная и завуалированная, во всех сферах общественной жизни. А. Ричмонд путем анкетирования, анализа официальных статистических данных установил, например, дискриминацию лиц украинского происхождения в оплате труда, более высокую степень по сравнению с другими этнонациональными группами мобильности выходцев из Великобритании. Данная тенденция нашла свое подтверждение в сонно логическом исследовании М. Кельнера: в 100 крупнейших корпорациях Торонто лица неанглосаксонского происхождения, «занимающие высшие посты, составляют всего 7 %, несколько большее их доля в профсоюзной элите, провинциальных и городе них органах управления⁶. Но как первый, так и второй показатели несравненно ниже их представительства в общем составе населения Канады. Что же касается социальной сферы, то, как подчеркивает исследователь, «лидерство в Торонто практически исключительно находится в руках англосаксонцев и они неохотно допускают в свой круг лиц другого этнического происхождения»⁷. Для иммигрантов в 60-е годы были свойственны и другие формы дискриминации, например, при найме на работу, в возможностях переквалификации и т. д. Именно так называемая Этническая дискриминация (по этническому происхождению) стала главным источником обособленности тех или иных этнонациональных групп, усиливая мозаичность канадского общества, а не то, что она поощрялась властями, как отмечает Дж. Портер⁸, в основном в сфере культуры. Кстати, у того же Дж. Портера в более поздней работе можно встретить характерное утверждение, которое

противоречит упомянутому и в некоторой степени подтверждает наши рассуждения. В ней Дж. Портер обращает внимание на тот факт, что при проведении переписей многие жители Канады, особенно выходцы и их потомки из европейских стран, отрицают свое европейское происхождение и идентифицируют себя с доминирующим большинством Канады⁹. Попытка скрыть свое происхождение свидетельствует о наличии «этнической дискриминации». Этническое происхождение граждан Канады наряду с другими факторами в значительной степени определяет их место в социальной иерархии общества: наивысшие ступени занимают выходцы с Британских островов, а низшие — представители азиатской, латиноамериканской и африканской иммиграции, которая отличается от господствующего этнического большинства не только социальным и профессионально-квалификационным составом, но и внешними признаками, в частности цветом кожи. В канадской этносоциологии выходцы из перечисленных регионов получили наименование «видимые, зримо воспринимаемые меньшинства» («visible minorities»)¹⁰.

Научная концепция многокультурности, по утверждениям многих канадских исследователей, в том числе и упоминавшихся нами, да и некоторых советских авторов", отгалкивается от факта многоэтничности состава населения Канады. В общем-то, такое утверждение вполне справедливо. Однако оно не раскрывает других аспектов этносоциального развития страны, которые сопряжены с попыткой его регулирования со стороны государства. Без учета идеологических факторов невозможно понять, почему именно в 70-е и последующие годы концепция многокультурности становится объектом внимания представителей науки и власти. Выяснение идеологических предпосылок развития концепции многокультурности является ступенью к осмыслению ее уникального характера, заключающегося в том, что период ее использования для теоретического изложения особенностей этносоциального развития Канады практически совпадает с периодом ее доктринизации. Отсчет действия концепции многокультурности как концепции, призванной интерпретировать новые явления в жизни канадского общества, в частности в сфере национальных отношений, можно считать середину 60-х годов. Именно в 1963—1967 гг. в Канаде работала Королевская комиссия по билингвизму и бикультурности, задачей которой являлось выяснение этнонациональной ситуации в стране и роли иммигрантов в ее развитии. Непосредственным поводом для создания комиссии стал назревший кризис Канадской конфедерации. Деятельность комиссии способствовала активизации научного осмысления закономерностей и особенностей этнонационального развития Канады помимо того, что непосредственно и опосредствованно в ней

участвовали известные канадские ученые. В ходе ее работы, дискуссий канадских исследователей выяснялась сущность и практическая ценность имевших хождение иных концепций-, равного партнерства, двух народов-фундаторов, двух наций, мозаики, единства в многообразии, регионализма, сепаратизма и др.¹². В результате, к концу 60-х годов концепция многокультурности утверждается как господствующая в этносоциологической науке и общественной мысли, а в начале 70-х она становится официальной политикой федерального правительства. Правда, канадский исследователь Б. Хайденкорн пытается доказать, что политика многокультурности действовала в стране еще задолго до 1971 г., по крайней мере за лет пятнадцать¹³. Вышеизложенные рассуждения и факты, в частности тот, что Королевская комиссия по билингвизму и бикультурности начала свою работу только в 1963 г., ранее канадское правительство не предпринимало никаких практических шагов к осуществлению подобных мероприятий, которые давали бы основания классифицировать их как реализации) про граммы по многокультурности, противоречат утверждению Б. Хайденкорна. Мы не относим к ним тех или иных заявлений, пусть даже прозвучавших из уст официальных лиц, например, представителя управления гражданства г. Ванкувера: «Канадский гражданин имеет привилегию жить в стране, где культивирование языка, религии и культуры его предков не только разрешается, но и поощряется»¹⁴. Поощрение на словах не подкреплялось материальными действиями, что сказывалось на упадке культурной жизни внутри этнических общин и было одной из причин недовольства политикой правительства Канады в сфере национальных отношений.

Относительно небольшой эволюционный период мы связываем с идеологией правящего класса в условиях обострившихся этнонациональных проблем. Известно, что идеологические соображения формируют морально-ценностные представления о целях и задачах политики, а сама идеология как система этих соображений выполняет ряд функций, главными из которых являются когнитивно-перцептивная (она задает основные параметры неприятия тех или иных политических ситуаций и явлений), легитимизирующая (она обосновывает те или иные политические явления, оправдывает те или иные политические действия), нормативно-мотивационная (она формирует долговременные цели и задачи политической деятельности, а также дает оценку средствам их достижения)¹⁵. Итак, содержание отмеченных функций объясняет мотивацию доктринализации концепции многокультурности, поскольку она способствовала формированию выгодного для правящего класса восприятия широкой общественностью происходящих этнокультурных процессов, факта

обострения этнонациональных проблем; паллиативные меры, осуществляемые правительством в рамках политики многокультурности, создавали миф о заинтересованности правящих кругов решить эти проблемы (особенно на ее начальном этапе). В соответствии с этими идеями логическими установками правительство вырабатывало цели своей деятельности в сфере национальных отношений.

Достижению идеологических целей способствовало то обстоятельство, что в Канаде не было единой культуры¹⁶. Канадские исследователи, определяя истоки относительно быстрого утверждения концепции многокультурности и позитивного на начальном этапе осуществления политики многокультурности, воспринятой широкой общественностью ее уже в качестве политической доктрины, выделяют следующие факторы: распространению мифа этнической мозаики, а затем многокультурности способствовала мера в том, что канадское общество развивалось более или менее гармонично как многокультурное и что именно такое развитие было и остается желаемым. Она основывалась на коллективной необходимости канадцев в существовании национальной (в рамках всего этнополитического организма) мифологии, которая отличала бы Канаду от Соединенных Штатов, а, по возможности, и представляла бы преимущества ее многокультурного развития перед этнонациональным развитием южного соседа в рамках концепции «плавильного котла»¹⁸.

Курс на принятие концепции многокультурности в качестве официальной политики канадского правительства был взят после прихода к власти в 1968 г. новой администрации либералов во главе с П. Трюдо. Основным поводом было все возрастающее недовольство этнических групп проводимой политикой в отношении различных компонентов населения Канады предшественником П. Трюдо Л. Пирсоном, который придерживался теории «двух культур» — англоканадской и франкоканадской. Нарастающее под влиянием борьбы франкоканадцев движение этнических групп за признание своего вклада в развитие Канады вынудило П. Трюдо искать новые средства для удержания этого движения от более радикальных шагов. Многокультурность в Канаде предполагалось осуществлять на двуязычной основе. Такой подход дал повод именовать новую политику «политикой многокультурности на двуязычной основе», согласно чему на федеральном уровне признавалось равенство английского и французского языков, обеспечивались языковые права этнических групп в провинциях, что, как правило, означало англо-украинское, франкоитальянское (в зависимости от провинции — Квебек или англоязычная провинция), поскольку английский и французский языки были признаны равнодействующими на федеральном уровне.

Согласно правительственной концепции политика многокультурности включает поддержку всех канадских культур и развитие этнокультурных групп, в первую очередь тех, которые нуждаются в помощи; правительственные мероприятия, способствующие преодолению культурных барьеров на пути к наиболее полному участию в жизни канадского общества; мероприятия, стимулирующие взаимодействие и обмен между всеми этнокультурными группами Канады в интересах национального единства; оказание помощи иммигрантам в изучении по крайней мере одного из официальных языков Канады с целью полноправного участия в общественной жизни Канады¹⁹.

В заявлениях министров по делам многокультурности (с принятием политики многокультурности была учреждена такая должность) правительственная концепция уточнялась следующим образом. В 1977 г. Н. Кэффик заявил: «Наша политика многокультурности — это признание реальности культурного плюрализма в Канаде. Это также признание нелепости форсированной программы ассимиляции. Федеральное правительство отказалось от такого подхода и заменило его другим, при котором множество этнических групп поощряется к сохранению тех культурных ценностей, которые вносят большой вклад в нашу национальную жизнь»²⁰. Министр Дж. Флеминг в начале 80-х годов отмечал, что многокультурность является «политикой федерального правительства, состоящей из серии программ, направленных на создание равных возможностей, преодоление барьеров на пути к их пониманию, оказание помощи в сохранении языка и культуры и интеграции вновь прибывших»²¹.

Политику многокультурности предполагалось осуществить такими путями: во-первых, выдача «грантов» (государственных средств) для реализации специальных проектов, как, например, создание многокультурных центров; во-вторых, использование деятельности молодежи и культурных обменов между группами, в-третьих, исследование взаимосвязи языка и культурного развития; в-четвертых, деятельность комиссии по написанию 20 работ по истории различных культурных групп Канады, их вкладу в развитие страны и их проблемам; в-пятых, федеральная помощь в обучении детей иммигрантов французскому и английскому языкам в-шестых, систематическое изучение канадского многоэтнического общества и стимулирование деятельности музеев, Национальной киностудии, Национальной библиотеки и публичных архивов по сбору и распространению материалов, отражающих этнические культуры.

Для выполнения поставленных новой политикой задач был создан специальный орган в правительстве Канады — Министерство по делам

многокультурности, которое возглавил канадец польского происхождения С. Хайдаш. В последующем, как правило, его возглавлял представитель какой-либо этнической группы Правда, это министерство было учреждено несколько позже, чем того требовали обстоятельства — в 1972 г., а до этого после провозглашения политики многокультурности вопросами ее реализации занималось ведомство госсекретаря. Стимулирующим в этом плане моментом, как, впрочем, и в принятии политики многокультурности были выборы 1972 г. Сама политика была объявлена перед выборами, а министерство учреждено после них, когда в западных провинциях обнаружилось недовольство мероприятиями правительства по осуществлению новой политики. В 1974 г. Министерство по делам многокультурности было ликвидировано, а его функции исполняли отделы Министерства по труду. Через три года Министерство по делам многокультурности было восстановлено.

Важными шагами в осуществлении политики многокультурности стали специальные программы (1973 г.) в Онтарио, Манитобс, Альберте и Саскачеване, реализация которых была в ведении провинциальных министерств культуры и секретариатов по вопросам многокультурности. По подобию Канадского консультативного совета по многокультурности (ККСМ), учрежденного в 1973 г. (в настоящее время он называется Канадский совет по многокультурности — КСМ), создавались советы в отдельных регионах и даже городах с полиэтничным составом населения, как, например, Совет по многокультурности провинции Саскачеван (1975 г.), Совет по многокультурности провинции Нью-Брансуик (1983 г.), Саскатунский совет по многокультурности или Совет по многокультурности Реджайны (провинция Саскачеван, 1973), основанный на базе Совета по народному искусству и культуре Реджайны (1965—1973 гг.). Подобного рода организации, как это объявлялось при учреждении ККСМ, одну из своих основных целей видят в «просвещении широкой общественности о содержании многокультурности и разъяснении того факта, что многокультурность является не только делом Министерства по многокультурности, но и всех министерств правительства Канады». Они издают свои бюллетени, посредством которых эту задачу пытаются выполнять. Официальным печатным органом КСМ является журнал «Многокультурность», выходящий три раза в год.

После 1971 г. в Канаде активизировались научные исследования по истории и современного положения различных этнонациональных групп. Доктринизация концепции многокультурности послужила поводом для пересмотра некоторых теоретических установок, она вызвала определенную их эволюцию. В связи с выделением ассигнований федеральными и

провинциальными правительствами на исследования этнонациональных групп, преимущественно в виде дотаций на реализацию тех или иных проектов или программ, например, проект «Этнический квартал», осуществленный в г. Монреале; Национальная программа федерального правительства по борьбе с расизмом; «Расовая и этническая дискриминация на производстве» и др., стал остро вопрос об определении объектно-предметной зоны этнических исследований.

Предметом довольно активной десятилетней дискуссии послужило принятие в Канаде Программы канадских этнических исследований в рамках политики многокультурности. Первоначально она включала два раздела: 1) привлечение профессорско-преподавательского состава к чтению лекций в канадских университетах по этнической проблематике, 2) научные исследования в сфере этнических отношений. С начала 80-х годов в программу включен третий раздел: финансовое вспомоществование. Основным объектом исследования определена культура этнических групп. Причем под понятие этнической группы подводились только группы иммигрантского происхождения. Таким образом, из программы исключалось коренное население, не говоря уже об англо- и франкоканадской нациях. Тем самым сузилось понятие «этнические исследования». В конечном итоге это оказывало негативные последствия на трактовку самих этнических исследований и характеристику этнонациональной ситуации в стране, поскольку за их пределами остаются важные в количественном плане компоненты населения Канады.

Новая концепция этнических исследований (с начала 90-х годов) предполагает не только включение в объект исследования коренных жителей, англо- и франкоканадскую нации, но и расширение предмета. По мнению канадских ученых, он должен исключать как внутригрупповую ситуацию, так и межэтнические отношения. В связи с новым подходом к определению объектно-предметной сферы этнических исследований выдвигаются новые требования, которые призваны способствовать их активизации: создание в учебных заведениях «этнических» кафедр, проведение микросимпозиумов и конференций, обеспечение связи университетов с исследуемыми этнокультурными общинами, использование результатов научных исследований в преподавательской деятельности и вовлечение в исследования студентов, создание и государственное финансирование национального и региональных центров этнических исследований.

Политика многокультурности стимулировала создание новых исследовательских центров, особенно региональных, научных обществ в

значительной степени усилиями этнических общин. В 70—80-е годы особой активностью выделялись такие научно не следовательские центры и общества, как Канадская ассоциация этнических исследований, Канадская ассоциация по изучению фольклора. Канадская федерация этнической прессы, Канадская ассоциация учителей, обучающихся второму языку, Центр по изучению города и общин, Канадская ассоциация азиатских исследований, Ассоциация преподавателей французского языка в университетах и колледжах, Ассоциация преподавателей этнических языков в провинции Альберта, Канадский институт украинских исследований и многие другие.

На осуществление мероприятий в рамках политики многокультурности выделялись значительные ассигнования: в 1971—1972 гг.—1,5 млн дол.; в следующем финансовом году они достигли 10 млн. Однако в последующие годы наблюдалось резкое их сокращение: 1975—1976 гг.—8 млн дол., 1976—1977 гг. 3,9 млн, 1979—1980 гг.—7,9 млн²². В дальнейшем эти ассигнования не превышали 10 млн дол. Названные суммы покрывали только незначительную часть требуемых средств на проведение этнических фестивалей, издание книг по истории этнических групп. Наиболее точное финансирование политики многокультурности явилось одной из главных причин ее кризиса в середине 80-х годов. По мнению канадских исследователей (что подтверждается и нашими наблюдениями), этот кризис наступил также в результате ограниченного содержания политики многокультурности, исключающего, как правило, «экспрессивный аспект культуры». Канадский исследователь Б. Брайен в частности подчеркивал, что «сфокусированное внимание на экспрессивном аспекте культуры и выделение стиля жизни, определяемого культурными характеристиками, отодвинуло в тень такие функциональные аспекты культуры, как роль культуры в разрешении проблем, в возможностях выживания и жизнеобеспечения в будущем в непосредственной связи с изменениями, происходящими в жизни этнических групп». И когда мы ранее говорили о некоторой активизации культурной жизни в среде национальных меньшинств и иммигрантских групп, то в первую очередь это было заметно именно и экспрессивном ее аспекте — в стиле одежды (ношение национальной одежды во время проведения этнических фестивалей, религиозных праздников, торжественных мероприятий — обручения, свадьбы — и т. д.), в организации досуга в этнических поселениях, в пище, отпращивании религиозных обрядов, в семейном быту.

Освещая ход реализации новой политики в сфере национальных отношений, влиятельная газета «Торонто Сан» писала: «Она (политика многокультурности.— В. Е.) провалилась потому, что пыталась охватить

слишком много незначительных аспектов... и не уделила достаточно внимания единственно важному аспекту нынешнего времени — канадскому единству»²⁴. Известный франкоканадский этносоциолог, один из лидеров квебекской оппозиции Г. Рошер считает, что многокультурность имеет определенное значение только для двух больших городов (Монреаль и Торонто), а для других регионов страны она остается полной абстракцией²⁵. Изучение результатов реализации политики многокультурности позволили Е. Каллен сделать вообще-то отвечающий реальному положению вещей вывод: «В качестве правительственной политики многокультурность официально сводилась к билингвизму на основе того, что в Канаде не может существовать официальных культур, хотя признавались два официальных языка. Этот аспект политики подразумевает, что члены всех этнокультурных общностей Канады должны быть интегрированы в две доминантные (узаконенные языковые общины), в то же время должны уважаться этнокультурные различия. Но что касается права этнокультурных общин сохранять свое своеобразие, то, как говорится в официальных документах, это добровольное дело самих общин, а не правительства»²⁶.

В таком подходе становится очевидной идеологическая заданность целей и задач политики многокультурности. Ее теоретики а игл о канадского происхождения, а еще больше практики, осознанно, на наш взгляд, ограничивали содержание развития как самой концепции, так и осуществления политики многокультурности даже относительно культурной сферы жизни канадского общества. Гели же смотреть в более широком контексте, то, как отмечал Б. Брайен, «идеологи и пропагандисты конструируют и пытаются втиснуть модели многокультурности в такие законодательные рамки, которые не нарушают социально-экономические, культурные и демографические «реальности»²⁷. Еще определеннее высказался по этому поводу Дж. Уилсон: «Канадская политика многокультурности, кажется, гарантирует нам возможность показать друг перед другом немножко наших танцев и выставить напоказ нашу хорошенькую, кружевную юбку во время того, как мы пьем наши этнические напитки и восхищаемся поделками друг друга, в то же время зная, что в действительности мозаика имеет свою вертикальную структуру. Она (политика многокультурности.— В. Е.) мало что говорит об удовлетворении нужд тех из нас, кто находится на дне этой вертикальной колонны, кто не может найти определенного занятия или получить жилье, когда творческий дух разбивается о бедность и постоянную неуверенность в будущем, чьим детям судьбой предназначено заменить нас на нашем дне. Она ничего не говорит о несправедливости, с которой мы сталкиваемся в ежедневной жизни, если наша

прическа или цвет кожи непохожи на таковые членов верхушки этой колонны»
28

Действительно, к середине 80-х гг. стало очевидным, что политика многокультурности не срабатывает и все с большей очевидностью проявляется ее несостоятельность. Однако, хотя политика многокультурности не обеспечила разрешения проблем этносоциального развития Канады, все же осуществляемые в ее рамках мероприятия способствовали смягчению остроты этих проблем и показали, что капиталистическое общество, обладая значительным опытом управления общественными процессами, использует имеющиеся в его распоряжении возможности регулирования конфликтных ситуаций. Тем самым оно упреждает углубление кризисных ситуаций. В условиях определенного «затишья» в межнациональных отношениях идут усиленные поиски новых подходов к управлению этими процессами, в том числе и в формировании теоретических основ проводимой правительством Канады политики в национальном вопросе.

Примечания

1. Foster K-A. Our Canadian mosaic. Toronto, 1926. 150 p.; Gibbon J. M. Canadian mosaic: the making of a northern nation.— Toronto, 1938.— XIII, 455 p.
2. Kirconnell W. European elements in Canadian life.— Toronto, 1940.— 20 p.; Canadian toponomy and cultural stratification of Canada.— Winnipeg, 1954.—16 p.
3. Kaye V. J. Early Ukrainian settlements in Canada, 1895—1900.— Toronto, 1964.— 6420 p.
4. Porter J. The vertical mosaic: an analysis of social class and power in Canada.- Toronto, 1965.—626 p.; Richmond A. H. Immigrants join ethnic groups in Metropolitan Toronto. Toronto, 1967.—101 p.
5. Richmond A. H., Rhyme D. Ethnocultural social indication for Canada: a background paper, 1982. Table 2.1.
6. Kelner M. Ethnic penetration into Toronto's elite structure // Social stratification Canada.— Scarborough, 1972.— P. 100.
7. Ibid. P. 103.
8. Porter J. The human community// The Canadians, 1867—1967.— Toronto, 1967,—P. 393.
9. Porter J. Ethnic pluralism in Canadian perspective// Ethnicity: theory and experience. — Cambridge, 1975.— P. 282.
10. Wood J. R. A visible minority votes: East Indian electoral behavior in the Vancouver South provincial and federal election of 1979 // Ethnicity, power and

politics in Canada.— Toronto, 1981.— P. 177—201.

11. Современная внутренняя политика Канады.— М., 1986.—235 с.
12. A preliminary report of the Royal commission on bilingualism and biculturalism.— Ottawa, 1965.— P. 45—56.
13. Heydencorn B. Polonia w Kanadzie: Zalozenia polityki wielokulturowosci // Stan i polrzeby badaiiii nad zbiorowosciami polonijnsami.— Wroclaw, 1976. S. 465.
14. Canada yearbook. 1959,— Ottawa, 1959. P. 152.
15. Мельвиль А. Ю. США — сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х годов.— М., 1986.—С. 12.
16. Breton R., Reitz J. O., Valentine V. E. Cultural boundaries and the cohesion of Canada.— Montreal, 1980,—P. 13.
17. Smith A. Metaphor and nationality in North America // Canadian Historical Review.—1970,— N 3,— P. 247—275.
18. Ward P. W. White Canada forever. Popular attitudes and public policy towards Orientals in British Columbia - Montreal, 1978.— P. X.
19. Statement by the Prime Minister, House of Commons.— Ottawa, 1977.
20. Cafik N. Ari address.— Montreal, Dec. 8,—1977.
21. More reflections on the 10th anniversary of multiculturalisin // BCESA.- 1982.— Vol. 9, N 4.— P. 3—4.
22. Современная внутренняя политика Канады. - С. 158-160; More reflections on the 10 th anniversary of multiculturalism.— P. 3.
23. Brian B. M. Multiculturalism—pluralist orthodoxy or ethnic hegemony// Canadian Ethnic Studies.—1981.— Vol. 13, N 2.— P. 12.
24. Toronto Sun.—1978.— May 4.
25. Rocher G. Multiculturalism: the doubts of a Francophone // Second Canadian conference on multiculturalism.— Ottawa. 1976.—P. 31.
26. Katlen E. Academics, politics and ethnics: university opinion on Canadian ethnic studies// Canadian Ethnic Studies. 1981.— Vol. 13, N 2.- P. 120.
27. Brian B. M. Op. cit.— P. 16.
28. Wilson I. Come, let us reason together // Black presence in multi-ethnic Canada.— Vancouver, 1978.— P. 185.

Опубликовано: Зарубежный мир : социально-политические и экономические проблемы / АН УССР, Институт социальных и экономических проблем зарубежных стран. – Київ : Наукова думка, 1990. – Вып. 18. – С. 3-14.

УКРАЇНСЬКІ КАНАДЦІ В ІСТОРИЧНИХ ЗВ'ЯЗКАХ ІЗ ЗЕМЛЕЮ БАТЬКІВ

Від авторів

Своїм поетичним словом, що передує цій книзі, Максим Рильський стверджує силу того взаємотяжіння, що існувало й існує між народом України і тією його частиною, яка нині вже визначається як канадці українського походження. Поетичні рядки, написані піввіку тому, актуальні й зараз, коли минає сторіччя від початку масового переселення українців до Канади. Вже кілька поколінь їх пройшло по канадській землі, для багатьох з них заокеанська країна стала вітчизною, але пам'ять про землю батьків, про своє коріння, бажання зберегти спадщину багатої історії і культури народу, з надр якого вони походять, притаманні їм і в наші часи.

Так само і в українському народі живе прагнення підтримати це тяжіння, познайомити вихідців з рідного краю зі здобутками своєї матеріальної і духовної культури, зробити якнайбільше для того, щоб споріднені спільним походженням люди жили й творили в мирній співпраці. Обравши понад сімдесят років тому шлях соціального оновлення, народ України, незважаючи на драматичні сторінки своєї історичної долі, не поривав зв'язків з колишніми крятьсями-земляками, насамперед з тим середовищем, яке соціально походило з трудових верств і становило більшість першої хвилі переселення. Що єднало українських канадців з Україною на різних етапах минулого і сучасного, як саме знаходили свій вияв зв'язки між ними, сподіваємось, буде корисним дізнатися для всіх, хто не засліплений упередженням і дбає про загальнолюдські і правильно сприйняті національні інтереси. Звичайно, в українсько-канадському етнічному середовищі є люди, що відкидають саму можливість будь-якого спілкування з Радянською Україною, але більшість —

ми переконані,— незважаючи на політичні відмінності, різний соціальний статус, усвідомлюють потребу будувати майбутнє на засадах дедалі зростаючого взаєморозуміння. Саме цим керувались автори, оглядаючи сторічний шлях історії, міркуючи про сучасні проблеми, усвідомлюючи, що в книзі можливі і прогалини, і недосить документовані характеристики. Тим потрібнішими і доцільнішими будуть подальші спільні зусилля на цьому плідному взаємокорисному напрямку.

Розділ I

Джерела, причини і напрями масової еміграції українців наприкінці XIX — початку XX ст.

Розповідь про історичні зв'язки канадців українського походження з землею батьків доцільно розпочати з їхніх останніх кроків по ній і перших по новій, заокеанській землі. Адже, власне, і витoki самих зв'язків, як і творення життя в умовах далекої Канади, сягають саме тих часів, часів виникнення масового переселенського руху. Народ, на долю якого випало втратити частину своїх співвітчизників, так само як і ці колишні співвітчизники, незважаючи на відстані, роки і десятиліття, відчуває тією чи іншою мірою свою спорідненість, виявляє взаємотяжіння і бажання зберегти коріння, від якого пішло, хоч і різними шляхами, його співжиття. Випадків відмови від цього коріння, повної денационалізації світова історія практично не знає. Це природно, закономірно й тоді, коли обставини «розлучення» сумні, сповнені драматизму, спричинені загальною скрутою, відсутністю гідних умов для існування значної частини її синів і дочок на батьківщині.

Саме в такому становищі опинились українські землі наприкінці XIX — початку XX ст. Траплялось і раніше українському селянину, реміснику, робітнику йти на заробітки в чужі краї — ідеться про здебільшого сезонну еміграцію до Східної Пруссії, Бельгії, Франції ще в середині XIX ст., але справді масовою, довготривалою еміграція стає в 90-х роках минулого століття. Такою вона була, щоправда, з перервами, здебільшого викликаними світовими війнами, аж до середини нинішнього століття.

Що ж спонукало українців лишати рідні землі, чим керувались вони, обираючи далекий шлях, який багатьох з них вже не повернув на батьківщину? З цього приводу в літературі і пресі тих років було чимало тлумачень. Називались різні причини еміграційного руху чи навіть «еміграційної гарячки». Серед них фігурували й вагомі, скажімо, брак земельних угідь, податковий тягар, здиранство кредиторів, діяльність численних еміграційних агентів, а серед

інших і бажання «побачити світа». Та, звичайно, вони були далеко не рівнозначними. Якщо, наприклад, тяжіння до подорожі у Новий Світ і мало певне місце, проте переважало прагнення позбутись земельного голоду та інших форм соціального визиску, скинути тягар національного утиску, уникнути служби в австро-угорській армії. Деякі політики, публіцисти, а разом з ними і урядовці головною причиною виникнення переселенського руху вважали активність еміграційних агентів. Вона була справді неабиякою, але лише тому, що знаходила сприятливий ґрунт. Полемізуючи з тими, хто посилався на похідні, другорядні причини масової еміграції, Іван Франко слушно зауважував: «Коли, панове, не хочеться еміграції до Америки, візьміться... до поправи його (селянства) економічного та суспільного стану». Саме селянство Східної Галичини, Північної Буковини, Закарпаття було на той час основним джерелом переселенського руху за океан. Нагадаймо деякі визначальні показники його становища. Насамперед, селяни становили переважну більшість населення цих країв: у Галичині — 83%, на Буковині — 90%; практично таким же був соціальний склад населення Закарпаття, де, щоправда, більша частина трударів була зайнята в лісовому господарстві. Але ця обставина — переважання сільського населення — не була вирішальною серед причин, що спонукали еміграцію, хоча з неї випливає важливий висновок: внаслідок нерозвинутості промислового виробництва не могло поглинути «надлишки» безземельного селянства. Саме такі умови панували в галицькому, буковинському, закарпатському селах. Наприклад, у Галичині 42,7% селян володіли наділами до двох гектарів, 36,2 — до п'яти. На Буковині 16% взагалі не мали землі, а 42% були власниками ділянок близько двох гектарів. Особливо ж гострим був земельний голод на Закарпатті, де на 400 тисяч селян в середньому припадало по 0,67 га. Злидарі селяни не були спроможні посправжньому обробити і використати земельні ділянки, в результаті врожайність залишалась дуже низькою. Канадський дослідник Жан-Поль Химка зазначає, що в 1907 р. врожайність пшениці з одного гектара посівних площ становила в Східній Галичині всього лише 10,8 центнера, а на Буковині — 13,6 центнера (в той же час у Нижній Австрії цей показник дорівнював 15,5 центнера, а в Данії навіть 31 центнер). При визначенні загальних масштабів та питомої ваги української еміграції слід мати на увазі, що в 1900 р. українське населення в межах австро-угорської монархії становило 3 млн. галичан, 300 тис. буковинців, 400 тис. карпаторусинів. 17 млн. українців проживали на територіях, що входили до складу царської Росії. Саме в Австро-Угорщині українське населення дійшло до крайньої межі зубожіння, рівень життя його становив лише 1/10 від загального рівня життя решти населення, смертність

сягала 40—45 на 1 тисячу українців (серед поляків, наприклад, цей показник дорівнював 28). За підрахунками Ореста Мартиновича, 55 тис. галичан щорічно помирали від голоду та недоїдання. Звідси — нестерпна залежність від багатіїв і лихварів, постійні нестатки, позбутись яких у багатьох не було жодної надії. Настрої приреченості й відчаю, прохання дозволити виїхати за океан звучать у зверненнях до місцевих властей цього періоду. В архівах можна знайти донесення поліції і урядовців начальству, в яких повідомлялося про загрозливе поширення таких настроїв, що могло призвести до справжнього вилюднення сіл. У багатьох місцевостях кількість виїжджаючих досягала близько чверті всіх мешканців села. Якщо до цього додати, що міста не могли поглинути більш-менш істотних контингентів тих, хто стояв на краю повного розорення, зрозуміло, чому тяжіння до переселення набуло такого розмаху. Не бачила якихось перспектив в освіті молодь, значна частина якої до того ж прагнула уникнути військової служби в цісарській армії.

Тогочасна преса звертала увагу на зловісний зв'язок зубожіння з еміграцією. Газета «Нова Буковина», зокрема, зазначала: «Незаможних селян спонукає до еміграції матеріальна нужда. Великі податки, брак землі, а найбільше — безробіття. Нема фабрик — і тому нема роботи». Сповнений драматизму й висновок: «...тут злидні, нужда і певна загибель. Еміграція — се втеча перед могутнім ворогом». Занепокоєння пошестю еміграції та її наслідками виявляла й церква. Ще в 1901 р. греко-католицький єпископ писав до австро-угорського прем'єра: «Бажання емігрувати стало епідемією. Населення сотнями залишає свої села, продаючи за безцінь рухоме майно, щоб зібрати потрібні кошти для себе і сім'ї». Подібні звернення і донесення місцевих урядовців, старост, поліції помітного успіху не мали. Реакція уряду зводилась здебільшого до циркулярів, у яких містились вимоги посилити контроль над додержанням порядку виїзду та діяльністю еміграційних агентів. Не змінили ситуації і судові процеси над деякими з них. Правлячі кола обмежували свої дії саме цими похідними проявами, не заглиблюючись у справжні причини, що породжували еміграційний рух, оскільки це практично означало б поставити під сумнів підвалини існуючого соціально-економічного і політичного устрою.

Причини, що призводили до масового переселення трударів з західноукраїнських земель, об'єктивно існували і на українських землях, що входили до складу царської Росії. Соціальне пригноблення, малоземелля і безземелля, сваволя реакції, національний утиск були добре знайомі жителям Поділля і Полісся, Київщини і Слобожанщини.

Чимало свідчень, які зберігаються в архівних сховищах, й газети тих часів

підтверджують, що еміграція як явище не обминула цих країв. «Страшне убожество та злидні,— читаємо в газеті «Рада»,— здавен примушували селян нашого повіту залишати рідні оселі і, начепивши на тружені плечі сакви, шукати по всіх-усюдах заробітки. Кілька років тому таким чином дехто з селян забивсь аж до Північної Америки». Цей відгук з Таращанського повіту на Київщині. Приблизно так само оцінювала газета ситуацію в Бородянській волості: «Це й зрозуміло: тут тіснота, голоднеча та безправ'я, а Америка «блаженна страна». Такий погляд утворився з того часу, як до Канади переселилось з нашої волості з п'ятдесят душ». З губерній, що межували з західноукраїнськими землями, цей рух був інтенсивнішим — адже звідси було легше дістатись до європейських портів.

Загалом еміграційний рух тут був не такий всеохоплюючий, як на заході України. Чому так склалося? Відповідь слід шукати знову ж таки в соціально-економічних умовах на західноукраїнських землях. Головне джерело «постачання» контингентів еміграції — селянство — мало на той час інші місця поглинення: промисловість, що розвивалась на Півдні і Сході України досить інтенсивно і за участю іноземного капіталу, «відтягла» на себе чимало потенційних заокеанських емігрантів. Не менш вагомою обставиною була внутрішня еміграція до Сибіру, що набула після революції 1905—1907 рр. характеру організованого переселення. З 1906 по 1912 р. з України до Сибіру виїхало близько мільйона селян. Царські власті, що «заохочували їх до переселення, проте практично кинули їх напризволяще, і більшість з них через два-три роки змушена була повернутись назад. І все ж «сибірська епопея» відвернула частину можливого еміграційного потоку від подорожі за океан, зокрема до Канади. Ось чому в складі тих, хто прибув тоді до Канади, переважали вихідці з західноукраїнських земель, за оцінками спеціалістів вони становили понад 9/10 всіх українців.

Виникає при цьому закономірне запитання, що зв'язувало їх на той час з Канадою: чи існувало якесь історичне коріння цих зв'язків і, нарешті, звідки вони взагалі дізнавались про Канаду, її природні умови, характерні риси її соціально-економічного буття? Більш-менш вірогідних свідчень і документів про те, що хтось торував шлях до Канади, раніше І. Пилипівка та В. Єленька, немає, але цілком можливе припущення, що серед тих, хто раніше дістався до Сполучених Штатів (початок масової еміграції в США датується 1877 р.), дехто переїхав на Північ, до Канади, і повідомив про це своїх земляків. Не виключено, що чутки про заокеанську країну поширювались і сусідами поляками, словаками, угорцями, яким довелося раніше оселитися в Канаді. Більш того, у відомій — проте досить упередженій — книжці Джеймса

Вудсворта «Чужинці біля наших воріт» наводяться дані, що вже у 1871 р. у Канаді перебувало 102 вихідці з Австро-Угорщини і 416 — з Росії. Цілком імовірно, що з їхнього середовища і походила інформація у вигляді листів до краян, з якої вони й дістали перші відомості про Канаду, чим спричинився «канадський бум». Якоїсь спеціальної літератури про Канаду на Україні тих часів не знайдено, хоча наявність поодиноких видань не виключена. До того ж вони були неприступні для неписьменних чи малописьменних селян. Тому стає цілком очевидним, що перші переселенці рушили до Канади, спираючись на чутки чи приватне листування. Про це свідчить і той факт, що піонери української еміграції до Канади — І. Пилипів і В. Єленяк — почули про неї від шкільного вчителя і від родичів німецьких поселенців, що вже перебували в цій країні.

Перша осмислена спроба спрямувати потік емігрантів до Канади може бути віднесена на рахунок професора Йосипа Олеськіва, що побував у США та в Канаді 1895 р. і в своїх брошурах «О еміграції» і «Про вільні землі» віддавав перевагу серед інших об'єктів можливої еміграції саме Канаді, хоча його характеристики канадських умов були часом занадто апологетичними, суб'єктивними. Але ця заохочувальна акція Олеськіва не мала б більш-менш широкого відгону, якби в самій Канаді не розпочалась широка кампанія по залученню переселенців, ініціатором якої справедливо вважається міністр уряду лібералів Кліффорд Сіфтон.

Енергійний прихильник освоєння західних провінцій, Сіфтон поставив на широку ногу справу залучення переселенців до сільськогосподарського хазяйнування, що, звичайно, не могло не приваблювати селянина українця, що страждав від земельного голоду. Переселенцям надавались гомстеди — ділянки розміром 160 акрів⁴⁰ з умовою жити на ній не менше 3 років і освоїти її. Умови переселення і господарювання викладались у агітаційних брошурках, що були видані кількома мовами, зокрема й українською, величезним на той час тиражем у 2 млн. примірників. Скористались «еміграційною гарячкою» і промислові та корабельні компанії. Вони також друкували рекламні об'яви і листівки. «Канедіен Пасифік Рейлвей», «Домініон Стіл енд Айрон К^о» та деякі інші приваблювали емігрантів високими заробітками й іншими гараздами. Настійно вихваляли канадські умови корабельні компанії «Місслер», «Карлсберг», «Австро-Амерікана», «Саббаддіні», для яких «канадський бум» приніс безпрецедентні прибутки. Еміграційні агенти, що тисячами наводнювали тоді українські села, одержували певну платню за кожного

⁴⁰ Акр дорівнює 0,44 гектара.

загітованого. До того ж частину майбутніх переселенців треба було умовити зробити це нелегально. З'явився особливий жанр, щось на зразок інструктивних листів з настановами, як саме це здійснити. В Центральному державному історичному архіві України зберігається показовий щодо цього документ — лист і маршрут, вилучений у еміграційного агента компанії «Овшен Експрес» з Лондона, в якому докладно викладено, як дістатися до Гамбурга, як переходити за допомогою «вірних людей» кордони, скільки сплачувати кожному «за послуги». Щоб люди відважились на таку важку подорож, їх треба було переконати, що Канада приваблива країна, де кожного чекають необмежені можливості, гарантований добробут. Оскільки еміграційний агент був, особливо в перші роки, мало не єдиним джерелом знань про Новий Світ, можна уявити, яка картина розкривалася перед очима знедоленого селянина, як вона збуджувала його емоції і розум. Справа дещо змінилася, коли почали надходити з Канади листи від перших переселенців, але й у них переважали суб'єктивні враження. Освічених людей з широким поглядом, ґрунтовно обізнаних з новими умовами, таких, як К. Геник або В. Чумер, майже не було. Більш-менш вірогідні відомості про Канаду містилися у листах греко-католицьких і православних священників, але це сталося пізніше, після заснування в місцях зосередження українських канадців парафій тієї чи іншої церкви. Ще довго Канада залишалась одним з центрів тяжіння для українських емігрантів. З 1896 по 1914 р. до Канади прибуло близько 200 тис. українців. Отже, хвилі новоприбулих ступали на канадську землю, практично не знаючи про неї, що й посилювало їхню тугу за рідним краєм, родичами й близькими.

Розділ II

Перші українські переселенці в Канаді, особливості розселення, умови життя та праці, соціальний статус

Оцінюючи перші кроки переселенців на канадській землі, їхні сподівання і зіткнення з реальністю, слід мати на увазі, що документальні джерела тих часів досить обмежені, а частина їх ще й досі розпорошена по архівосховищах різних рівнів і залишається невиявленою дослідниками. Це стосується як архівів Канади, так і України. В середовищі перших поселенців майже не було таких, хто подбав би про збереження особистих архівів або щоденників, багато з них втрачено.

Йдуть із життя діти тих, хто прибув до Канади в першу декаду масового переселення, — отже, вичерпується і це джерело.

Досить високо треба оцінити зусилля Національних архівів Канади в

Оттаві, особливо етнічної секції, яка в рамках політики багатокультурності започаткувала і послідовно колекціонує різні матеріали іммігрантів, у тому числі з України. Колекція документів і матеріалів україністики постійно поповнюється, хоча вона не рівнозначна за науковою вартістю. Робота по збиранню матеріалів має тривати і на рівні провінцій, муніципалітетів, різноманітних наукових, політичних та громадських організацій, громад і спілок.

Ще багато невивчених джерел є і в архівосховищах та бібліотеках України, включаючи періодичні видання, церковні записки, особисте листування. Отже, по обидва боки океану триває подальше виявлення, обробка і використання нових першоджерел, аби відтворити повністю правдиву картину української еміграції до Канади, сподівання, мрії і надії поселенців та реальність життя.

Дослідникам складно встановити точну кількість українців, що прибули до Канади в 1891 —1914 рр., хоча б тому, що тривалий час служба імміграції Канади реєструвала багатьох з них під загальною назвою «австроугорці» або ж називала їх «галичанами», «русинами», «рутенцями», «буковинцями», «поляками» тощо. У переписах населення Канади термін «українці» вперше зустрічається лише у 1916 р., і таких було названо 36 103 чол.

При розгляді проблеми слід врахувати, що ж спонукало цілі сім'ї зніматись з рідних осель, залишати землю батьків й вирушати у незвіданий світ? В попередньому розділі вже йшлося про це. На своїй батьківщині майбутні емігранти справді наковтались лиха, зазнаючи соціального і національного гніту, потерпаючи від малоземелля і безземелля, виснажливої праці. Наша увага має бути також звернута на ті соціальні умови, за яких українські іммігранти опинились в Канаді, на їхній побут і культурне життя, запозичене в Новому Світі та значною мірою збережене у вигляді народних звичаїв і традицій, мови і культури, професійного мистецтва і народної творчості. Саме міркування щодо ролі і наслідків поєднання старих традицій і нової культури досить часто недооцінювались, хоча в цьому процесі можна виразно виділити роль зв'язків з рідним краєм.

Як побачимо далі, українські іммігранти намагались адаптуватись у нових умовах якнайшвидше, демонструючи свою рішучість вижити фізично і духовно у важкі часи піонерської доби.

Треба врахувати той факт, що які б не були настрої українських емігрантів і бажання згодом повернутися до батьківських осель, більшість з них усвідомлювала — і, як засвідчило життя, їх не підвело передчуття, — що це шлях, з якого вороття не буде. Та й повертатися було нікуди. Як правило,

хатина і клаптик землі коло неї продавались (часто за безцінок), щоб здобути кошти для переїзду через океан. Дрібні суми, що залишались від мандрівки, заощаджувались, щоб якимось прохарчуватися у найважчі перші місяці перебування в незнайомому краї. Багато родин приїжджали без будь-яких засобів до існування і покладались тільки на свої роботящі руки, аби вкорінитися на новій батьківщині.

Особливо страждали ті емігранти, які не мали взагалі будь-якої власності; вони залізали в борги, щоб забезпечити собі можливість транспортації до Канади. Значну питому вагу серед цих знедолених людей становили безземельні селяни, які наймалися на роботу до поміщиків.

Свідчень злиденного становища більшості українських переселенців до Канади тієї першої хвилі еміграції багато. «Мої батьки були безземельними,— згадував Петро Пахота, який відзначив своє 89-ліття у 1987 р.— Вони служили в пана і жили в панських бараках. Батько був річним наймитом, і його зарплата була така: ячменю і жита на хліб, дві фіри гілляк на паливо і 10 ринських грошима — це все за один рік праці. Мати моя працювала денною робітницею і заробляла, що ми тепер уважаємо, по 20 центів на день... Мої родичі так працювали від дня свого одруження. Вони заощаджували кожний цент, щоб заплатити за подорож до Канади». Далі Петро Пахота розповідає, як, приїхавши на гомстед у північному Саскачевані 1903 р., його батьки спорудили тимчасову хатину, заглиблену в землю, в якій вони пережили першу зиму. Мати склала з каміння піч, щоб якимось готувати їжу. До невеличкої галявини, де розташувалась хатина, не було дороги чи навіть стежини, тому згодом довелось прорубати просіку в лісі. Батько шукав заробітків на залізниці, долаючи пішки відстань близько 100 миль. Працював 12 годин на добу і одержував лише 10 центів за годину. Наприкінці літа він повернувся на ферму, маючи в кишені 45 доларів.

Типова картина життя переселенців тих часів змальовується й в інших мемуарах. «Пішли ми на свій гомстед,— оповідала одна з жінок іммігранток,— викопали землянку, влаштувались у ній, чоловік пішов на роботу, я зосталася сама з діточками в тій ямі. Не раз я лишала дітей, ще сплячих, й ранком ходила збирати коріння, яке мало в собі лікувальні прикмети, мила його, сушила та продавала в склепі за хліб, молоко, та тим дітей своїх годувала, бо чоловіка місяцями не було вдома.

Довго-довго чоловік працював, доки заробив на корову та кілька поросят. З цим заробітком вернувся додому. Ми зліпили хатину і щасливі були, що нарешті ввійшли вже до своєї хати... Коли вже трохи заробили гроша — я на збиранні корінців, а чоловік на роботі,— придбали ми дещо до хати, докупили більше худібки та взялися до корчування лісу на поле для пшениці, і так

викорчували ми кільканадцять акрів, й сіяли вже пшеницю».

Канадський бізнесмен Василь Перепелюк у своїй біографії, що знаходиться в Національних архівах в Оттаві, зазначав, що батьки його, вихідці з Борщівського повіту, прибули до Канади в 1897 р. з трьома дітьми. Їхній гомстед був у Манітобі поблизу містечка Сифтоп, де земля виявилась неврожайна, кам'яниста, залісна, мочариста. Кілька днів сім'я ночувала під відкритим небом, поки нашвидкуруч не збудували щось на зразок хатини з осикової деревини, стіни обліпили глиною, а дах накрили сніпками сіна, яке нажали на мочарах. Як і багато інших, батько подався найматися на залізницю, де платня в той час становила 1,25 долара за день роботи, з яких 50 центів вираховувались на харчування. Восени сім'я змогла придбати кілька лантухів борошна та деякі інші продукти на зиму, а також знаряддя для полювання, оскільки в лісах водились дикі кури, зайці та інша звірина.

За час відсутності глави сім'ї дружина змогла скопати частину землі під городину, посадила картоплю, позичену в сусідів, та засіяла грядки насінням, привезеним у вузликах з України. Потім сім'я корчувала дерева, збирала до купи каміння, очищаючи землю під посіви.

Саме на цьому гомстеді в 1899 р. народився Василь Перепелюк — автор вищенаведеного сюжету У 1909 р. в околиці за п'ять миль від ферми була збудована школа під назвою «Тарас», і малюк ходив до неї пішки по мочарах чи заметених снігом стежинах. У школі вивчалась також українська мова. У 13 років Василь вже почав найматися до інших фермерів па різноманітні роботи, заробляючи по 50 центів щоденно. Взимку разом з батьком рубав у лісі дерева, які возив на продаж до Сифтона. З 19 років В. Перепелюк фермерував самостійно, проте став заможним значно пізніше, коли зайнявся торгівлею (помер у 1977 р.).

Багато цінних свідчень і матеріалів-оповідей українських піонерів вміщено в збірці «Жіночі долі», підготовленій і опублікованій в 1973 р. відомим канадським дослідником і публіцистом Петром Кравчуком. Зокрема, одна з жінок згадувала: «Ми страшно бідували. Я пішла бавити дитину, і мені платили 4 долари на місяць. Родичі купили за ті гроші мішок муки «Фор Екс» — він коштував 2,75 долара... Зразу вітчим не міг там знайти праці. Лише старший брат різав дрова і продавав їх у містечку. То був одинокий дохід нашої сім'ї. Навесні вітчим виїхав до праці». Інша оповідачка також свідчила, що були великі нестатки й труднощі. «Я не ходила до школи, — пояснювала вона, — бо її ще тоді не було. Лише пізніше, коли мені було вже 14 років, збудували в околиці школу. Мені, 14-річній дівці, вже було запізно ходити в школу і сидіти з семирічними школярами».

Такі були умови українських іммігрантів на канадській землі. Різниця могла бути переважно в тих чи інших деталях. Варіації не могли змінити загальної картини, яка свідчила про труднощі, що випали на долю іммігрантів з України.

Як уже зазначалося, першими українськими переселенцями, які ступили на землю Канади, були Іван Пилипів та Василь Єленьк. Щоправда, в науковому світі висувуються ідеї, що українці могли з'явитися у Канаді й раніше разом з менонітами-переселенцями або ж з території США. Проте немає вірогідних доказів цього, а тільки припущення і здогадки. Отже, маємо виходити з чітко зазначеного і письмово підтвердженого факту, що саме Пилипів і Єленьк, зійшовши на берег (порт Галіфакс) 7 вересня 1891 р. з борту пароплава «Орегон», започаткували масовий переїзд українського населення до Канади.

Імміграційна хвиля з України набрала найбільшої сили з 1897 р. Вже у 1901 р., згідно з урядовими даними, в Канаді налічувалось 5682 українці. Ця цифра могла трохи змінитись в бік збільшення, якщо взяти до уваги, що частина українців у той час проходила під назвою австрійців, поляків тощо. Зрештою, можна з певністю твердити, що загальна кількість українців не перевищувала 6 тисяч.

Виходячи з названої цифри, бачимо такий розподіл їх по провінціях: Квебек — 6, Онтаріо — 31, Манітоба — 3894, Саскачеван — 1094, Альберта — 634, Британська Колумбія — 23 чоловіки. Таким чином, у 1901 р. близько 99 процентів українських іммігрантів розселялися у преріях, тобто в провінціях Манітоба, Саскачеван і Альберта.

Про те, що відбувалася справді масова еміграція з Галичини, Буковини та Закарпаття, свідчать цифри новоприбулих, які зросли протягом десяти років (1901—1911) більш ніж у 13 разів, сягнувши 75 432. У 1911 р. розподіл українських іммігрантів по територіях та провінціях мав такий вигляд: атлантичні провінції — 300, Квебек — 458, Онтаріо — 3078, Манітоба — 31053, Саскачеван — 22 276, Альберта — 17 584, Британська Колумбія — 682, Юкон і Північно-Західні території — 1.

Слід зазначити кілька важливих моментів у імміграційному процесі: 1) велике зростання імміграції українців до Канади у відносно короткий період — 10 років, 2) українці розселялися практично в усіх регіонах Канади, включаючи атлантичні провінції та Північно-Західні території, 3) абсолютна більшість цих поселенців (приблизно 94,5 %) обрали для постійного проживання та праці провінції прерій, 4) у зв'язку з низьким рівнем економічного розвитку тогочасної Канади (країна лише входила в стадію індустріалізації) не дивно, що більшість українців, які в основному були селянського походження, обирали

місцем поселення фермерські райони провінцій прерій.

Розглядаючи соціальні умови життя українських переселенців, їх прагнення до спілкування на новій землі, зберегти зв'язки з землею батьків, варто врахувати і психологічні моменти. Коли бідні й гнані злиднями українські селяни, що задихались від безземелля в рідному краї, несподівано побачили, як їм всміхнулася доля, бо за символічні 10 доларів вони могли одержати цілком реальні 160 акрів (130 моргів⁴¹) землі, їм здалося, що вони потрапили до раю.

Канадський уряд був зацікавлений у фізично і морально витривалих людях для освоєння величезних територій у преріях. Така політика не була позбавлена сенсу, оскільки вона ставила за мету створення життєздатного домініону, що простягнувся б від Атлантичного до Тихого океану. Українські селяни якраз і підходили для цієї мети — невибагливі у житті й побуті, працюючі, спрагли до землі. Характерно, що вихідці з інших країн намагались одержати землю незаліснену, щоб менше докладати до неї праці. Український же селянин, здебільшого позбавлений будь-яких заощаджень, навіть хотів мати гомстед, покритий лісом, щоб використати його як будівельний матеріал, паливо і товар на продаж.

Пароплавні та залізничні компанії виявляли великий інтерес до імміграційних справ, бо це означало зростання прибутків. Вони всіляко заохочували імміграцію, розсилали своїх агентів по східноєвропейських країнах, друкували гасла-плакати. Один з таких плакатів, що розклеювався по селах на Україні, був виготовлений компанією «Норт Атлантик Трейдинг» і мав такий зміст: «160 акрів — 130 моргів землі. Для кожного поселенця. 200 мільйонів акрів для культивування в Західній Канаді».

Транспортні компанії навіть виплачували 5 австрійських крон за кожну родину, що зголосилася на еміграцію і прибула на митницю. Така практика описана одним з поселенців, котрий повернувся, щоб владнати свої справи і забрати до Канади дружину і трьох дітей. «Коли я повертався з Америки,— свідчить він,— то агент Вольф чи хтось з його людей зв'язався зі мною, коли дізнався, що я маю повертатись зі старого краю з дружиною. Він заохочував мене взяти з собою людей, чим більше, тим краще, для поїздки саме на його пароплавах, за що він виплатив би мені по п'ять крон за сім'ю... Я збирав завдаток з людей, щоб вони не змогли їхати з іншим агентом».

Компанія канадської Тихоокеанської залізниці («Кенейдіан Пасіфік Рейлвей Компані») також була зацікавлена у справі перевезення іммігрантів,

⁴¹ Морг — 0,56 гектара земельної площі.

особливо тих, які діставались до гомстедів у преріях. Крім значних прибутків від транспортації, залізнична компанія Сі-Пі-Ар володіла понад 25 мільйонами акрів землі, які була ладна продати новоприбулим, звичайно, із зиском для себе. Отже, більшість учасників цього міграційного процесу були далекі від альтруїстичних намірів, а керувалися здебільшого прагматичними цілями та інтересами.

Саме згадуваний у попередньому розділі Й. Олеськів зробив найбільше у справі масової еміграції українського населення до Канади. У 1895 р. він вирушив за океан, щоб на місці ознайомитись з умовами, які чекають на переселенців з України. Як людина, добре обізнана з агрономією, Олеськів вважав, що попри будь-які складності, в Канаді вони все ж будуть легшими, ніж у Бразилії, кліматичні умови якої дуже різняться від України. Заінтересованість канадського міністерства внутрішніх справ у розширенні імміграції з України сприяла успіхові місії доктора Олеськіва, який обстоював принцип групового поселення майбутніх іммігрантів, зважаючи на їхні звичаї, традиції, прагнення до активного життя в громаді.

Бралось до уваги й те, що українські поселенці опиняться в чужому для них мовному середовищі і в них на перших порах буде велика потреба у взаємному спілкуванні, збереженні й підтриманні звичного для них способу життя.

Австро-угорська монархія спочатку різко негативно поставилась до виїзду українських селян, що були дешевою робочою силою, а також фізично здоровим контингентом для австрійської армії. Проте згодом цісарські власті перестали чинити перешкоди, переконавшись, що зароблені й відправлені українськими іммігрантами кошти можуть частково використовуватись для потреб сільського господарства Австро-Угорщини.

Неоднозначним було ставлення до еміграції і з боку української інтелігенції, передусім священиків, стурбованих евентуальним зменшенням питомої ваги українського населення в Галичині.

Всього в 1891—1900 рр. українська імміграція у Канаді сягала 23 746 чол. (7 % всієї імміграції), а в 1901-1910 рр.- 84 892 чол. (5,2 %).

Хоча українські поселенці по прибутті до Канади й опинялися в несприятливому становищі, вони докладали всіх зусиль, аби швидше адаптуватися у нових умовах, подолати скруту, вижити. І мова йшла не тільки про те, щоб задовольнити матеріальні, а також і духовні потреби. Де тільки було можливо, українські іммігранти об'єднувались і створювали навчальні групи, відкривали хати-читальні, формували хоріві колективи, оркестри та драматичні гуртки. Це було характерно для різних місцевостей, де з'являлась

більш-менш значна громада українських поселенців. Тим більше, що саме в місцях компактного поселення українців (у той час це були переважно райони в Західній Канаді) з'являлось багато українських назв, зберігалися своєрідний побут і традиції українського села і міста.

З розвитком громадського руху набирала сили художня самодіяльність українських поселенців, яка виливалася у постановки п'єс, концерти — виконання пісень і танців — тощо. Можна вважати, що найвагомішою формою були драматичні гуртки, своєрідні народні театри, адже вони вимагали і більшої кількості людей, і театрального реквізиту, і акторської майстерності. Крім того, очевидно, що драматичні постановки сприймалися сильніше, бо вони порушували гострі проблеми життя українців «за морем» і відображали історію українського народу, його моральні цінності.

Значна заслуга в започаткуванні і розвитку культурно-освітньої і громадської діяльності українців у Канаді належить Кирилу Генику, який прибув до Канади 1896 р. Можна по-різному оцінювати тогочасну і подальшу діяльність цього неординарного діяча, проте не можна заперечувати його великого впливу на перебіг процесу громадського життя канадських українців. Він був другом Івана Франка, разом з ним сидів у в'язниці в Коломиї, звинувачений у поширенні соціалістичних ідей в Східній Галичині. І в Канаді К. Генік продовжував пропагувати соціалістичні ідеї, був ініціатором створення у 1903 р. читальні ім. Т. Г. Шевченка у Вінніпегу, виступив одним з організаторів першої української газети «Канадійський фермер».

У 1907 р. у Вінніпегу утворився український відділ Соціалістичної партії Канади, що почав видавати газету «Червоний прапор».

Звичайно, в тих піонерських умовах учасники драматичних гуртків не мали ще необхідного театрального реквізиту, не було навіть принагідних костюмів, завіс, освітлення тощо. Але ними керували велика наснага й бажання спілкуватися, сіяти вічне і розумне в середовищі поселенців, підтримувати в них пам'ять про рідний край. Участь у різних формах художньої творчості допомагала розвинути почуття громади, подолати інертність, неписьменність, прилучитись до культури.

Серед поселенців було чимало людей, які в старому краї ніколи не ходили до школи. Прилучення їх до діяльності різноманітних організацій сприяло їхній освіті й культурному розвитку. «Я не могла ні читати, ні писати, коли я вперше стала членом нашої організації, тому що я ніколи не могла відвідувати школу,— пригадувала одна з жінок-піонерок. Завдяки нашій організації, що заснувала школу для цієї мети, я навчилась читати і навіть повільно писати». Все це свідчить про те, як нелегко було налагоджувати життя у новій країні.

Зростаючи духовно, вдосконалюючись, вони могли активніше брати участь у розбудові їхньої нової батьківщини, підвищувати її культурний та економічний рівень.

Загальний психологічний клімат щодо українських й інших слов'янських іммігрантів не був сприятливий. Переселенці страждали від шовінізму і передусім з боку певної частини англосаксонського населення. Про ступінь зневажливого ставлення до новоприбулих українських селян дізнаємося з редакційної статті газети «Дейлі Нор-Вестер» (Вінніпег), надрукованої у вересні 1897 р. В ній зазначалося: «Навала цих брудних, зубожілих і темних іноземців на прогресивні і освічені громади є важким випробуванням для таких громад. Ці люди не мають достатнього капіталу, щоб витримати труднощі зими... Вони також принесли з собою хвороби у повному наборі, зареєстровано випадки скарлатини, кору та деяких інших заразних хвороб, і їхні брудні звичаї перетворюють проблему усунення інфекції серед них на дуже складну справу. Вони будуть засобом поширення цих хвороб поміж поселенцями, в середовище яких вони вторгаються. Будучи бідними і непрогресивними, вони замість сприяння прогресові округи гальмуватимуть його. Труднощі значно зростають, коли приходять люди чужої раси і релігії і займають землі, котрі в іншому разі могли б бути зайняті сеттлерами, які робили б внесок у розвиток... Не може бути надто великим підкреслення того, що населення Манітоби не бажає таких «сеттлерів», які ці «галішенс».

З цього досить відвертого висловлення газети стає очевидним, що українські іммігранти опинилися здебільшого у становищі другосортних людей, звідки і їхній принижений соціальний статус, і прихована або явна дискримінація. Проте можна відзначити, що саме таке принижене становище підштовхувало українських поселенців до єднання, посилювало тугу за рідним краєм і спонукало до підтримання активних з ним зв'язків.

У цьому плані варто відзначити роль церкви у житті українських іммігрантів у Канаді та в зв'язках з Україною. Переселенці, підкреслювалось у виступі Ю. Стефаніка на концерті вшанування піонерів (Едмонтон), «були переважно сирою масою, без священників, без провідників, без інтелігенції. Приїхали вони, як голий у терня, безіменні, часто неграмотні». На духовному житті негативно позначалось те, що серед української громади були прихильники різних релігійних течій, як православні, так і уніати. Крім того, Ватикан наклав заборону на службу одружених католицьких священників у Північній Америці, а якраз уніатська церква складалася в основному з одружених священнослужителів. Викликала нарікання недостатня кількість священників, через що православним доводилось звертатися до уніатів з

проханням відбувати службу з приводу народження дітей, одруження чи похорон. «Церкви, ні греко-католицька в Галичині, ні навіть українська інтелігенція в Старім Краю,— писав у своїх спогадах І. Бодруг,— не зацікавилися долею наших іммігрантів на чужині. Раз наші емігранти покинули Рідний Край, їх наше попівство і наша інтелігенція вважали за навіки пропавших для нації і ними шкода було турбуватися. Всі наші іммігранти на своїх гомстедах і по містах в Канаді здані були на власні сили кувати свою долю на чужині». Далі, наголошуючи на важливості зв'язків переселенців зі своєю церквою, він зазначав: «Сотні, а може, й тисячі листів вони писали до своїх душ-пастирів в Старім Краю з проханням, аби хто з духовників навідався до них та бодай раз на рік заспокоїв їх жажду Божого Слова та церковні треби. Писали листа до Митрополій у Львові та Чернівцях, але відусюди діставали виминаючі відповіді та обіцянки, що хтось із них колись поїде служити їм у Канаді, а поки що нехай наші переселенці вдаються до місцевих римо-католицьких духовників, бо то одна віра, тільки обряд інший. Це наші уніати діставали такі відповіді від своїх єпископів з Галичини. Буковинські архієреї відписували буковинцям, щоб буковинці в Канаді вдалися до російських панотців-місіонерів в Америці».

Отже, стосунки з церквою ставали на той час важливою складовою частиною зв'язків українських поселенців з Україною. У 1897 р. греко-католицький священнослужитель Нестор Дмитрів із США першим відвідав українські околиці в Канаді, відправляючи богослужіння в Трембовлі, Стюартборні, Едмонтоні, Форт-Саскачевані, Ребіт Голлі та Една-Стар. При цьому розгорілося суперництво між греко-католицькими священниками і служителями культу Руської православної церкви.

І. Бодруг і І. Негрич стали першими українцями — студентами богословських студій, що відкрились у Манітобському університеті у Вінніпегу. Вважають, що це були взагалі перші українські студенти в Америці.

Лише в 1902 р. митрополит А. Шептицький направив до Канади трьох постійних українських священнослужителів з ордену василіан, що розмістились у місцевості Мондейр (поблизу Едмонта). 1910 р. він сам здійснив двомісячну поїздку по країні від Монреалю до Ванкувера, обіцяючи парафіянам поліпшення справи богослужіння. Результатом його місії став приїзд до Канади у 1912 р. єпископа Никити Будки (колишнього префекта греко-католицької семінарії у Львові).

Українські громадські активісти часто звертали увагу широких кіл на питання зверхнього ставлення до українських іммігрантів, нехтування їхніми потребами та інтересами. Вищезгаданий І. Бодруг заявив на пресвітеріанському

Генеральному соборі у Торонто в червні 1905 р.: «Ви не знаєте нашого народу, не знаєте його історії і не цікавитеся нею. Ви судите так, як його бачите: в подертій одежі з домашнього прядива, в кожухах домашньої виправи шкір овечих. Ви не знаєте причини, чому мій нарід, на прохання вашого правительства, тисячами приїздить у Західну Канаду і забирає в посідання такі землі, з котрих ваші іммігранти давно повтікали. А мій нарід — це ваші сусіди і в будучині разом з вами створять нову державу». Палкий заклик до порозуміння і співчуття мав добрий резонанс: того ж вечора заможні пресвітеріани зібрали понад 30 тис. доларів на українську бурсу у Вінніпегу. Трохи згодом в окрузі було зібрано ще 25 тис. доларів на створення учительських курсів у Манітобі Коледж. Вони діяли до 1911 р., готуючи щороку близько 30 українських учителів.

Чи не найбільша спадкоємність і потяг до розвитку зв'язків зі старим краєм спостерігалася в галузі освіти. Адже для українських поселенців було дуже важливо адаптуватися до нових умов, опанувати англійську мову і не втратити своїх духовних цінностей, передати їх молодому поколінню. Одним з мотивів еміграції вважалось бажання батьків забезпечити нормальне життя і освіту своїм дітям, питома вага яких подекуди становила близько половини іммігрантів.

Наприкінці ХІХ ст. в Манітобі вже існувала двомовність, яка полягала у вживанні у школах паралельно з англійською також іншої мови, якщо нею розмовляли понад 10 учнів. У більшості своїй неписьменні українські поселенці воліли, щоб їхні діти опанували як англійську, так і українську мови. Спочатку вони організовували шкільні класи у своїх будинках. Помітною перешкодою було незнання вчителями ангlosаксонського походження ні мови, ні потреб учнів-українців. Крім того, до українських шкіл направлялися вчителі нижчої кваліфікації. Виникла гостра потреба у вчителях української мови. За оцінками, у 1904 р. шкільна організація охоплювала лише десяту частину місцевостей, і близько 4 тис. українських дітей опинилися поза школою. З метою розв'язання проблеми в Манітоба Коледж було налагоджено підготовку таких учителів. Справа поліпшилась, коли серед зростаючого припливу іммігрантів виявилися люди з гімназичною освітою, які могли брати участь у викладанні української мови. В процесі навчання використовувалися підручники, привезені з Галичини.

Перша публічна школа для українців відкрилася в 1898 р. в місцевості Стюартборн (Манітоба), згодом їх уже було декілька під такими назвами, як «Шевченко», «Франко», «Буковина» та ін. У 1904 р. в українських поселеннях вже налічувалось 40 шкіл, з них 22 — в Манітобі. З 1911 р. в Альберті і

Саскачевані, а з 1913 р. в Манітобі в початкових школах використовувались українсько-англійські читанки, опубліковані провінційними урядами. Проте з приходом у Манітобі до влади уряду консерваторів посилювався тиск на школи, де переважали французи, меноніти⁴² та українці. У 1919 р. все закінчилося скасуванням двомовної освіти в Манітобі.

Виникали й інші проблеми. Одна з них — небажання властей допускати в освітню галузь людей з певними радикальними політичними поглядами. Так, у 1909 р. заступник міністра освіти пропонував директорові школи домогтися відставки вчителя Михайла Стечишина, який знаходився під впливом соціалістичних поглядів свого старшого брата Мирослава і «дописував статті до соціалістичних газет». Йому було дозволено завершити курс викладання в Брендоні лише з огляду на те, що на той час він був одним з найосвіченіших вчителів, досконало володів англійською і українською мовами. Згодом він таки був змушений перекваліфікуватися на юриста і став суддею в Саскачевані.

Слід зазначити, що зв'язки України з Канадою не були односторонніми. Спостерігався рух і в зворотному напрямку, так, зважаючи на злиденне становище українських шкіл у Східній Галичині, українські поселенці розпочали збір коштів на підтримку народної освіти. Було зібрано 5,6 тис. доларів у Канаді і 9,4 тис. — у США. Газета «Новини» від 4 листопада 1913 р. вмістила «Подяку Рідної школи заморській рідні». В ній, зокрема, зазначалося: «Подаючи ці рахунки до прилюдної відомості наших земляків за океаном, складаємо цим рівноваги не лише від себе, але також в імені тих соток українських дітей, які побирали науку в рідних школах, нашу найглибшу й найсердечніше подяку».

Цілком зрозуміло, що Україна на рубежі XIX — XX століть і особливо після першої російської революції 1905—1907 рр. зазнавала великого впливу соціалістичних, визвольних ідей. Багато з тих революційних, радикальних політичних діячів, хто зазнавав переслідувань чи з боку царського уряду, чи з боку австрійських властей, також шукали притулку за океаном. Вони як освічені і політично активні громадяни енергійно підтримували зв'язки з рідним краєм. Саме вони очолили Федерацію української соціал-демократичної партії (ФУСД) в Канаді, що була автономною частиною Соціалістичної партії Канади. З-поміж політичних і громадських діячів, можливо, однією з найяскравіших постатей був Павло Крат. Виходець із знатного роду військових з Полтавщини,

⁴² Меноніти за походженням голландці, які належали до релігійної секти анабаптистів. Переслідувані в Голландії, вони подались до Пруссії, адаптувалися до нових умов, сприйняли німецьку мову. Катерина II заманила їх до Росії, на Україну. В середині XIX ст. частина менонітів переїхала до Канади.

він навчався в Харкові, Москві та Петербурзі, б Київському та Львівському університетах. Брав участь у російсько-японській війні 1904—1905 рр., згодом був організатором заворушень у Полтавській губернії. Один з керівників Революційної української партії (РУП), після розколу в ній намагався встановити зв'язки з РСДРП. Уникаючи переслідувань царської охоранки, П. Крат виїхав до Канади, де в 1907—1908 рр. видавав газету «Червоний прапор». Після М. Стечишина редагував орган ФУСД — газету «Робочий народ». Погляди його були суперечливі, непослідовні; так, наприклад, він намагався поєднати марксизм з романтичним патріотизмом, хитався між лібералами та консерваторами. Наприкінці життя прилучився до євангелічної церкви, помер у 1952 р. Неординарна особа, визначний оратор і письменник, П. Крат на перших порах своєї бурхливої політичної діяльності зробив багато для розвитку громадських взаємин між українськими поселенцями в Канаді та Україною.

В цілому піонерська доба життя і праці українських іммігрантів у Канаді мала свої особливості, що позначилися і на масштабах, і на діапазоні зв'язків з рідним краєм. Це був найважчий період пристосування до умов у новій країні, час багатьох нестатків і труднощів, пошуків тих форм і методів підтримання контактів з землею предків, які давали наснагу, бажання і в далеких краях плекати українську мову, історію, культуру, не перетворитись на безбатченків, що не пам'ятають, де їхнє коріння.

Розділ III

Суспільно-політичне і культурне життя української трудової імміграції, шляхи її спілкування з рідним краєм на першому етапі переселення

Суспільно-політичне і культурне життя українських поселенців почалось уже в першій декаді еміграції. Переважна більшість емігрантів була малограмотна або зовсім неписьменна. Проте серед них вже були люди, які цікавились суспільно-політичними проблемами, були членами або прихильниками читалень товариства «Просвіта» чи Товариства імені Михайла Качковського. Треба зазначити, що Іван Пилипів навчався в Станіславській гімназії.

Уже перші переселенці привозили до Канади не тільки молитовники, а й твори Тараса Шевченка, Івана Франка, Михайла Драгоманова, Михайла Павлика, Юрія Федьковича.

Звичайно, перші українські іммігранти, які працювали на сезонних роботах у багатих фермерів чи на будівництві залізниць, практично не мали можливості розгорнути будь-яке громадське життя. Лише згодом, в кінці XIX

століття, коли вже у великих містах Західної Канади (Вінніпегу, Едмонтоні, Ванкувері) утворились так звані «українські колонії», виникли осередки суспільно-політичного і культурного життя. Тоді ж утворились такі дві «українські колонії» і у фермерських селищах.

Спочатку організувались місцеві читальні, яким присвоювали імена видатних українських письменників і громадських діячів — Тараса Шевченка, Івана Франка, Михайла Драгоманова, Михайла Павлика. Пізніше ці читальні, зокрема імені Тараса Шевченка, стали важливими осередками поширення письменства та культури.

Слід мати на увазі, що в часи, коли почалась еміграція на Східній Галичині, діяла Русько-українська радикальна партія (1890), засновником якої були Іван Франко, Михайло Павлик, Євген Левицький, Северин Данилович. Отже, серед українців, які емігрували в останній декаді XIX століття до Канади, були члени й прихильники Русько-української радикальної партії. Такими були Кирило Геник, Іван Бодруг, Іван Негрич з села Березів Нижній, звідси й називали їх «Березівською трійцею». Саме вони відіграли важливу роль у розгортанні суспільно-політичного і культурного життя серед поселенців. Один з них, Кирило Геник, був особистим другом Івана Франка і підтримував з ним листування, живучи вже в Канаді.

Процес налагодження громадського й культурного життя був досить кволий, бо в Канаді не було української преси, яка б відображала діяльність місцевих читалень, що існували у різних частинах країни, особливо в Західній Канаді. Правда, Кирило Геник тоді активно співробітничав у газеті «Свобода», яка виходила у Сполучених Штатах Америки. На сторінках газети він висвітлював життя українських поселенців — їхню тяжку працю на гомстедах і будівництві залізничних шляхів. В ряді статей Кирило Геник зазначав, що через неорганізованість українські трударі не можуть відстоювати свої соціально-економічні права. Надсилав він статті і до газети «Громадський голос» у Львові, в яких попереджав селян, щоб не їхали до Канади навмання.

Спочатку провідні партії Канади — ліберальна і консервативна — практично не цікавились долею поселенців. Але після утворення в перших роках XX століття українських громад, особливо на фермерських околицях, вони заходилися прибирати до своїх рук «людей в кожухах» (як тоді називали українських емігрантів селян), тобто прагнули заручитися їхніми голосами у провінційних і домініальних (крайових) виборах.

Перший політичний мітинг у Вінніпегу, в якому взяли участь українські поселенці, відбувся 25 травня 1903 р. Він був організований агентом ліберальної партії Томою Ястремським під час провінційних виборів у

Манітобі. З промовою виступав міністр закордонних справ домініального уряду Гю Макдональд. Тоді ліберальна партія була правлячою в країні. Вона ухвалила рішення видавати для українських поселенців, особливо в Західній Канаді, українську газету під назвою «Канадійський фермер». До цієї справи було залучено «Березівську трійцю». Хоч офіційним її редактором зразу став Іван Негрич, але фактичним її керівником був Кирило Геник, який тоді працював у Імміграційній службі Канади. Щотижнева газета почала виходити у листопаді 1903 р. Історичне значення її полягало в тому, що вона була першою українською газетою в Канаді. На її сторінках публікувались матеріали, які відображали життя українських поселенців, визиск їх капіталістами, зневаження їхньої національної гідності англосаксонськими шовіністами тощо. Газета передруковувала поезії і оповідання українських класиків — Тараса Шевченка, Івана Франка, Василя Стефаника. Часто виступав у ній зі своїми статтями на суспільно-політичні теми Кирило Геник. Слід нагадати, що він запропонував Іванові Франку надсилати свої твори до «Канадійського фермера», де він міг «багато річей писати, не боячись цензури».

У тому ж 1903 р. у Вінніпегу була організована читальня імені Тараса Шевченка, яка розташувалася в хаті Кирила Геника. Цей перший український культурно-освітній осередок розгорнув досить жваву діяльність. Відразу ж до читальні вступило 30 членів, з кожним місяцем число їх збільшувалось. Читальня встановила зв'язок з Михайлом Павликом. На одних із зборів, після заслухання промови Кирила Геника, було вирішено надіслати Михайлові Павлику десять доларів, щоб він «зайнявся вибранням відповідних книжок для поступу народа». При читальні діяла Українська народна бібліотека, названа на честь «найзнаменітшого... письменника д-ра Івана Франка». Бібліотека поповнилась 271 книжкою.

Першого травня 1904 р. в залі читальні імені Тараса Шевченка було влаштоване свято на честь Великого Кобзаря. Через два тижні, 14 травня, у залі читальні була влаштована театральна вистава. Аматори ставили п'єсу Гр. Цеглинського «Аргонавти». Це була перша українська театральна постановка.

За прикладом Вінніпега, як зауважував у «Канадійському фермері» Д.Ферлей, «почався і по провінціях маленький рух, бо незадовго зложено дві читальні в Альберті»: у місцевостях Восток і Летбрідж. «Отже, як бачимо,— писав далі Ферлей,— вже в Канаді починають пробуджуватися одиниці з наших українців та братись до праці для народного добра».

Кирило Геник був енергійною і ініціативною людиною. Віддаючи багато сил читальні імені Тараса Шевченка, газеті «Канадійський фермер», він обстоював також організацію шкіл для вивчення дітьми поселенців рідної й

англійської мов. У статті «Абсолютизм в Галичині і Буковині», опублікованій у «Канадійському фермері», писав, що українські поселенці повинні дбати не «лише про кавалок землі», бо, хоч «хліб се перша справа, не треба ж забувати і про духовне життя». І далі: «Нашим покликанням нехай буде: наука для нас та наших дітей. До науки нам треба дуже щиро братись та всім так старшим, як і молодим учитись, а коли дістанемо се оружје, науку, то аж тоді темнота (або анальфбетизм) зістане побита. Отже, закладаймо школи, учім дітей рідного й англійського язика. Старші закладаймо вечірні школи, де моглибисьмо довгими зимовими вечорами учитись письма». У 1904 р. при Манітобському коледжі був організований учительський семінар для українців. На ньому українську мову викладали професор Михайло Щербинін і Іван Бодруг.

Консервативна партія також почала заgravати з українськими поселенцями, занепокоєна тим, що ліберали з допомогою газети «Канадійський фермер» забезпечують певні позиції серед цих іммігрантів. Консерватори стали видавати газету українською мовою «Слово». Проіснувала вона, однак, лише з вересня 1904-го до травня 1905 р. Українські поселенці її не сприйняли, і консерватори, переконавшись, що марно витрачають гроші, припинили дотації. Газета залишила по собі поганий спогад через свій примітивізм і вульгарність. Редактором її був Тома Снелик — випадкова людина, яка відтоді зникла з обрїю громадського життя українців.

Суспільно-політичне, культурно-освітнє та мистецьке життя у Вінніпегу швидко розвивалось і активізувалось. У січні 1904 р. відбулися установчі збори читальні «Просвіта». Тоді ж було організовано і «Рідну школу», в якій української мови навчалось 50 дітей. У лютому місяці почав працювати учительський семінар — Ruthenian Training School (Русинська виховна школа). Випускники семінару стали вчителями рідної мови у державних школах на фермах, де був відповідний контингент українських учнів. Вони викладали поза офіційними годинами навчання.

У жовтні 1906 р. було створено Товариство імені Тараса Шевченка. З ним об'єдналась читальня імені Кобзаря. При Товаристві Українська вільнодумна федерація влаштовувала театральні вистави. Тут же відбувся і перший з'їзд українських вчителів. Наукове товариство відкрило в своєму залі українсько-англійську школу для членів і прихильників товариства.

Чех Франтішек Доячек у листопаді 1905 р. започаткував у Вінніпегу «Руську книгарню», яка поширювала українські книжки, серед яких були твори Тараса Шевченка, Івана Франка, Юрія Федьковича. Василя Стефаника, Лесі Українки, Михайла Коцюбинського, Михайла Павлика, Михайла Драгоманова. У 1914 р. в зв'язку із 100-річчям з дня народження Т. Г. Шевченка «Руська

книгарня» випустила серію книжечок — «Шевченківську бібліотеку». Окремим виданням вийшов «Кобзар».

Саме в Товаристві імені Тараса Шевченка виникла українсько-канадська література. Її зачинателями були поет Дмитро Рараговський і прозаїк Аполінарій Новак. Тоді ж вийшла збірка «Пісні про Австрію і Канаду», яку упорядкував Теодор Федик. До неї він включив і кілька своїх пісень.

Відгомін про суспільно-політичне, культурно-освітнє та мистецьке життя українських поселенців пролунав і в Східній Галичині — на сторінках її української преси. З усіх галицьких газет найбільше уваги громадському й культурно-освітньому життю українських поселенців у Канаді присвятив «Громадський голос», орган Русько-української радикальної партії. На початку 1900 р. у рубриці «З Канади» газета вмістила листа такого змісту: «Дорогі Браття наші, Радикали! З далекої сторони, бо аж з другої частини світа, з північної Америки, що зветься «Канада», шлемо до Вас, Браття Радикали, братерське поздоровлення, заявляючи Вам, що ми духом з Вами! Боріться, Браття, за правду, котра певно колись побідить!» Далі в листі говорилося: «...однаково ми не радимо Вам, Браття, покидати рідної землі без застанови і кого не пригаряє. Кожна п'ядь рідної землі є дорога, хто її утратив. Тож сміло боріться за правду, лучіться в спілки, а ворога — темноту побідите, і не треба буде покидати рідного краю. Здоровимо щиро усіх Братів!» Листа підписали Рубльовський, Ізидор Зеленецький, Василь Капій.

Це — свідчення того, що, як уже згадувалось, серед перших українських емігрантів із Східної Галичини були члени і прихильники Русько-української радикальної партії, які й започаткували суспільно-політичне й культурно-освітнє життя поселенців у першій декаді їх перебування.

На сторінках «Громадського голосу» зі статтями та кореспонденціями часто виступали Кирило Геник, Юрко Сиротюк, Дмитро Солянич. Наприклад, Юрко Сиротюк писав, що він уже три роки в Канаді, і хоч тут уже 20 тисяч українських поселенців, на жаль, вони не мають своєї газети.

Через два тижні газета опублікувала два листи з тієї ж місцевості (Етелберт у провінції Манітоба), в якій жив Юрко Сиротюк. Авторами листів були Йосип Процишин і Ясько Подольський, котрі повідомляли, що в околиці Етелберт серед українців поширюється радикальний рух, люди читають «Громадський голос», книжку Дж. В. Дрепера «Історія боротьби між релігією і наукою» та Михайла Драгоманова «Рай і поступ».

У наступному своєму листі Юрко Сиротюк писав, що одержав із «старого краю» програму Русько-української радикальної партії, «Швейцарську спілку», «Історію Руси», твори Василя Стефаника, Тараса Шевченка, Юрія Федьковича,

Михайла Драгоманова та ін.

До «Громадського голосу» надіслав кореспонденцію із шахтарського містечка Летбрідж (Альберта) Дмитро Солянич, в якій повідомляв, що читальня «Поступ» розвивається успішно, «може, найгарніше на всю Канаду». З самого початку вона передплатила «найліпші часописи і книжки, не лише руські (українські), а й польські». У приміщенні читальні відбулися науково-популярні лекції. Була організована вечірня школа для неписьменних. Читальня «Поступ» розпочала свою діяльність з 1903 р. Проте становище ускладнилося, коли в Товаристві імені Тараса Шевченка розгорілися внутрішні чвари. Одна частина членів стояла на радикально-соціалістичній позиції, інша — на так званій «народовецькій» (націоналістичній), що призвело до ліквідації Товариства.

Внутрішня боротьба знайшла свій відгомін і на сторінках «Громадського голосу». Газета вмістила кореспонденцію М. Федьківа з Вінніпега під назвою «З канадійської України», в якій докладно розповідається про внутрішні незгоди в Науковому товаристві. «В згаданім товаристві, — писав М. Федьків, — знайшлися люди, що взагалі не розуміють ніякої організації, а тим більше як вести її, та помимо сего — задля своїх якихось там дивних, а радше дурних претенцій — пруться наперед, щоби они, а не хто инший зараджував сим товариством».

Частина активістів Товариства імені Тараса Шевченка, яка знаходилася на радикально-соціалістичній позиції, у 1907 р. сформувала українське відділення Соціалістичної партії Канади у Вінніпегу. Ініціаторами цього кроку стали Василь Головацький та Мирослав Стечишин. До них приєднався Павло Крат, котрий напередодні прибув з Європи. Він брав участь у революційному русі на Україні, у Львові, звідки й емігрував до Канади. Того ж року були організовані ще два українські відділення Соціалістичної партії Канади — у Йортедж ла Прері (провінція Манітоба) і Нанаймо (провінція Британська Колумбія). Зусиллями цих трьох українських відділень СПК започатковано видання української соціалістичної газети «Червоний прапор» — першого соціалістичного періодичного видання на американському континенті. У суспільно-політичному житті українських поселенців почався новий, знаменний період. Якщо Наукове товариство імені Тараса Шевченка провадило культурно-освітню та мистецьку діяльність, а його члени підтримували на виборах ту або іншу буржуазну партію, ліберальну чи консервативну, то члени українських відділень СПК підтримували кандидатів своєї партії і їхню політику. Члени українських відділень СПК вели також культурно-освітню діяльність: організовували драматичні гуртки, ставили п'єси, здебільшого з

глибоким соціальним змістом. Наприклад, 7 грудня 1907 р. у залі читальні імені Тараса Шевченка у Вінніпегу аматорами Українського відділення СПК було поставлено п'єсу Павла Крата «Жовтневі дні». В анонсі повідомлялось, що п'єса відображає «настрій Полтавщини за жовтень 1905 року», тобто часів російської революції. Прибуток від спектаклю призначався «на видання соціалістичних і наукових книжок для робітників».

Як зазначалося вище, ініціаторами українського соціалістичного руху в Канаді були члени Русько-української радикальної партії Галичини, які емігрували за океан в кінці XIX і на початку XX століття. В той же час, особливо після першої російської революції 1905—1907 рр., до Канади прибували учасники революції, серед яких були навіть повстанці з панцерника «Потьомкін», котрі мали чималий вплив на розвиток суспільно-політичного життя українських поселенців.

Газета «Червоний прапор» інформувала своїх читачів про злиденне життя їхніх братів у Галичині, про соціалістичний рух, про боротьбу українських студентів з польськими студентами-шовіністами у Львівському університеті.

З усіх галицьких газет лише «Громадський голос» інформував про діяльність українських трударів у Канаді, організованих у свої відділення СПК. Газета, наприклад, писала, що українське відділення СПК у Вінніпегу організувало «дешеві обіди», які видавало робітникам за п'ять центів, а тим, що зовсім не мали грошей,— безкоштовно.

Дописувач з Канади під псевдонімом Невмирака докладно описав відзначення Першого травня, Дня міжнародної робітничої солідарності, у Вінніпегу: то було найбільше в історії міста свято трудящих, хоч, зазначав він, «Українська соціалістична партія не така дуже сильна, все ж постановила святкувати разом з іншими, ще меншими відділеннями партії, велике свято».

1907 р. започаткувався український соціалістичний рух у Східній Канаді. Українські трударі з місцевості Рейні Рівер (провінція Онтаріо) організували читальню, яка, згідно з газетою «Червоний прапор», мала з'єднатися з українським соціалістичним рухом. У 1908 р. в містечку Кобалт (Онтаріо) сформувалося Українське відділення СПК.

Газета «Червоний прапор», довкола якої згуртувалися члени і прихильники СПК українського походження, проіснувала менше року (від 15 листопада 1907-го по 8 серпня 1908 р.). Вона припинила своє існування через ряд причин, як об'єктивних, так і суб'єктивних. Країна була охоплена економічною кризою, від якої терпіли в першу чергу трударі-іммігранти, вони перші втрачали працю, навіть сезонну. Український соціалістичний рух тоді був ще досить слабкий, перебував ще у своєму зародковому стані. Не було

належної єдності в керівництві українських відділень СПК, водночас точилася боротьба серед амбітних редакторів газети, які часто змінювались. Але, хоч і недовго проіснував «Червоний прапор» (вийшло 18 номерів), він кинув здорове зерно в сприятливий ґрунт.

1908 рік відзначився виявом могутньої солідарності заокеанських українських поселенців з визвольною боротьбою населення Східної Галичини, яке зазнавало соціального й національного гніту Австро-Угорської імперії. 12 квітня того ж року український студент Львівського університету соціал-демократ Мирослав Січинський вчинив замах на цісарського намісника Східної Галичини графа А. Потоцького. Цей акт переслідував мету звернути увагу громадськості світу на ті кривди, яких зазнавали трудящі Східної Галичини від австрійської адміністрації та польської шляхти. Стріляючи в намісника, Мирослав Січинський вигукнув: «За кривду народу!»

Патріота засудили до страти (пізніше кара була замінена 20-ма роками в'язниці). У США і особливо у Канаді розгорнулася широка кампанія проти суворого вироку, за звільнення засудженого. Пізніше за сприяння українських соціал-демократів Канади вдалось організувати втечу Січипського з в'язниці «Діброва» у Станіславі.

Через два роки в Канаді знову розгорнулася кампанія протесту проти режиму і розгулу польських шовіністів у Східній Галичині. Приводом стало вбивство польськими студентами 1 липня 1910 р. соціал-демократа, учасника революції у Росії 1905 р. Адама Коцка — борця за український університет у Львові.

Особливу роль у кампанії відіграв «Робочий народ» — орган Української соціал-демократичної партії Канади. «Хвиля важна! — писала газета.— Подаймо свій голос! Най мільйони руських голосів обох Америк грізним протестом примусять злодіїв спинити свою людоджерну роботу! Скликаймо віча! Збираймо фонд визволення Братів у старім краю! Пишімо протести і засилаймо до австрійського уряду!»

У відповідь на заклик газети у Канаді прокотилася хвиля мітингів, на яких схвалювалися резолюції протесту, вносилися гроші на допомогу політичним в'язням, що поневірялися в австрійських тюрмах. Адже у зв'язку з вбивством Адама Коцка відбулася сутичка українських студентів з польськими шовіністами, внаслідок чого було поранено 30 осіб, заарештовано 299, з них запроторено у в'язниці 129 чол. У передвоєнні роки у Федерації українських соціал-демократів виник внутрішній конфлікт. Політичний інтриган Роман Кремар (Солодуха), який на першому з'їзді ФУСД у серпні 1910 р. в Едмонтоні захопив у ній керівництво, незважаючи на існування органу партії—«Робочий

народ», почав видавати свою газету «Нова громада». Між обома газетами почалась гостра боротьба, яка й призвела до розколу у Федерації. 1911 р. Роман Кремар зі своїми прихильниками скликав другий з'їзд Федерації, на якому ФУСД було перейменовано на Федерацію українських соціалістів (ФУС). Фактично боротьба розгорілася між керівниками: з одного боку були Павло Крат і Мирослав Стечишин, з іншого — Роман Кремар.

Але, незважаючи на розкол, український соціалістичний рух у Канаді зростав — його ряди поповнювалися новоприбулими іммігрантами із Східної Галичини і Північної Буковини, серед яких були члени і прихильники Української соціал-демократичної партії Східної Галичини і Буковини. Тоді прибув і соціал-демократ Євген Гуцайло, який активно діяв серед українських трударів Канади, був навіть деякий час редактором «Робочого народу». 1911 р. до Канади із США прибули Матвій Попович та Іван Навізівський, учасники студентських соціалістичних громад у Східній Галичині, які відіграли важливу роль в українському соціал-демократичному русі у Канаді аж до закриття канадськими властями Української соціал-демократичної партії у вересні 1918р. Після того вони протягом багатьох років очолювали український робітничо-фермерський рух, організований у Канаді.

У Східній Канаді значно розширився вплив ФУСД. Він закріпився у найбільшому індустріальному місті провінції Онтаріо — Торонто. Тут 17 березня 1912 р. утворилося українське робітниче товариство «Вільна думка» з 13-ма учасниками. Ініціаторами його були М. Бойчук, Г. Музика та Д. Артем.

На той час уже існувало відділення ФУСД в столиці Канади Оттаві. Його очолював П. Якубовський. Чималу діяльність відділення ФУСД розгорнуло у Монреалі, провінція Квебек.

Федерація українських соціалістів, очолена Романом Кремаром, існувала недовго — від 5 травня 1911-го до початку 1912 р. Вона самоліквідувалася, припинила існування газети «Нова громада», а Роман Кремар перейшов до буржуазно-католицького угруповання, де почав видавати газету «Новини».

Оздоровлена ФУСД і оновлена редакція «Робочого народу» розгорнули активну діяльність. Проте незабаром у ФУСД відновилася внутрішня боротьба внаслідок того, що Павло Крат і Мирослав Стечишин дедалі більше відходили від послідовного курсу соціал-демократів.

Хоч між ФУСД і Українською соціал-демократичною партією Східної Галичини і Буковини (УСДПГіБ) й існували формальні зв'язки, українсько-канадські соціал-демократи провадили свою діяльність, виходячи з місцевих умов та інтересів канадських трудящих. Різке розходження між ФУСД (з 1914р. УСДПК) і УСДПГіБ збіглося з початком першої світової війни. УСДПГіБ

підтримувала австрійські правлячі кола у війні, тоді як УСДПК виступила із засудженням імперіалістичної війни.

До Канади із Східної Галичини прибували переважно греко-католики. Проте з кожним роком число українських емігрантів зростало, і серед них було вже чимало вихідців з Північної Буковини, що належали до православної церкви. Емігранти з Наддніпрянської України, що входила до складу Російської імперії, також сповідували православну віру. Але їх було небагато.

До 1902 р. у Канаді не було постійних греко-католицьких (уніатських) священників. Вони навідувалися сюди дуже рідко через відсутність організованих парафій. Так званими священниками-«метеорами» були Н. Дмитрів, П. Тимкевич, І. Заклинський, В. Жолдак. Слід сказати, що українські поселенці «ставились неприхильно до опіки латинників». Поселенці з Буковини і Наддніпрянської України примикали до Руської православної церкви. До неї належали й деякі уніати.

Тим часом діячі з «Березівської трійці» (Геник, Бодруг, Негрич) організували Руську незалежну церкву, щоб вирвати українських поселенців-галичан з-під контролю Ватикану. Для них стала виходити газета «Ранок», першим редактором якої був І. Бодруг. Між трьома церквами розгорілася запекла боротьба за душі поселенців. Часто та боротьба набирала гострих форм, особливо тоді, коли 1911 р. уніатський клір почав видавати газету «Канадійський русин».

У 1910 р. у Вінніпегу вийшла в світ газета «Український голос», ініціаторами якої були громадські діячі з Товариства імені Тараса Шевченка, що стояли на націоналістичних позиціях (Ярослав Арсенич, Тарас Ферлей та інші).

Отже, кожне українське громадське й церковне угруповання підтримувало зв'язки із своїми ідейно близькими організаціями на землях України. Українська соціал-демократична партія Канади, скажімо, спілкувалася з УСДПГІБ.

Серед українських поселенців поширювалися соціалістичні видання Східної Галичини та Північної Буковини — газети «Земля і воля», «Вперед», «Громадський голос», «Праця», «Борба», журнал «Добра новина». Деякі з тих видань регулярно публікували матеріал про орган УСДПК — газету «Робочий народ».

До першої світової війни українські поселенці, особливо ті, хто знаходився під впливом УСДПК і газети «Робочий народ», подавали матеріальну підтримку письменникам І. Франку й М. Павлику, які конче її потребували. Наприклад, львівська газета «Громадський голос» писала, що в

Східній Галичині було фактично замовчено відзначення 60-річчя з дня народження і 40-річчя літературної діяльності Михайла Павлика, лише українські іммігранти-трудоарі за океаном вшанували його, поспішили з матеріальною допомогою.

В одному з листів до газети «Робочий народ» Михайло Павлик писав, що одержав від українських робітників Канади 25 доларів, за які їм щиро дякував. Листа закінчив словами: «Хотів би я ще чимось віддячитись шановним товаришам і товаришкам за ту щедрість, бо охота до праці письменницької в користь нашого народу у мене є, лише сил уже дуже мало...»

У 1910 р. у Канаді було сформоване Товариство для допомоги українському революційному рухові в Австро-Угорщині і Росії. 1912 р. по всій Канаді (Монреалі, Вінніпегу, Оттаві й інших містах) прокотилася хвиля мітингів-протестів, на яких схвалювалися резолюції, домагаючись скасування військових податків, якими австрійський уряд обкладав українських селян і робітників. Присутні вимагали відкриття українського університету у Львові. Вони висловлювалися за визволення усіх українських земель і об'єднання їх в єдиній державі.

Канадські українці підтримували матеріально політичну діяльність Української соціал-демократичної партії Східної Галичини і Буковини. Через редакцію «Робочого народу» вони надіслали у червні 1911 р. 125 доларів на виборчий фонд.

Під час першої світової війни зв'язки українських поселенців зі своїми рідними у Східній Галичині, Північній Буковині, Закарпатті, з їхніми політичними, культурними організаціями фактично припинилися через те, що держави, до яких належали українці, були у стані збройного конфлікту.

Розділ ІV

Прогресивний рух в українському середовищі напередодні і в роки першої світової війни

На «Книгу привітів...» відгукнулись два видатні письменники України — Максим Рильський і Натан Рибак. В статтях газет «Правда» та «Известия» від 15 січня 1944 р. вони високо оцінили цей жест солідарності. «Золоту книгу», сказав Натан Рибак, створили люди, які «борються за спільну справу, за перемогу над фашизмом», що «їхні думки і серця повернені в сторону священної сонячної землі України».

1944 рік зусиллями всіх учасників антигітлерівської коаліції приніс нові перемоги над фашистськими арміями. 6 червня західні союзники здійснили

довгоочікувану висадку в Нормандії (Франція) і таким чином відкрили другий фронт у Європі. Разом з усіма волелюбними народами українсько-канадська прогресивна громадськість радо вітала цю подію, пишаючись участю канадських воїнів у цій історичній акції. «Сотні тисяч канадських солдатів, що воювали проти фашистської Німеччини, були добровольцями і йшли на фронт за покликом свого серця і сумління, — підкреслюється у книзі «СРСР і Канада в антигітлерівській коаліції, 1941—1945». — Цим пояснюється їх висока боєздатність, що дозволила Канаді зробити вагомий внесок у відкриття другого фронту і нарощування воєнних ударів союзників на заключному етапі війни в Європі».

У 1944 р. ТКУ провело одномісячну кампанію збору коштів на влаштування госпіталів у визволених від гітлерівців західноукраїнських містах — у Львові та Чернівцях. За короткий строк на ці благородні цілі було зібрано 63475 доларів.

Націоналістичні організації загалом саботували рух за встановлення і розвиток відносин між Канадою і СРСР. Щодо відкриття другого фронту, то поширювались твердження, що нібито він потрібен тільки для врятування Червоної Армії. КУК, наприклад, протидіяв кампаніям допомоги під таким гаслом: «За Канаду — проти СРСР». А що стосується зібраних коштів та матеріальних цінностей, то в хід пускалися чутки, що все це не дійде до України, бо «все забере Москва».

Коли після Сталінградської битви стало очевидним, що фашистська Німеччина війни не виграє, КУК у березні 1943 р. надіслав прем'єр-міністрові Канади М. Кінгу меморандум про необхідність включення «українського питання» в післявоєнне мирне врегулювання. Йшлося про створення «української незалежної держави». Цілком зрозуміло, що плани розчленування СРСР після війни не мали під собою реального ґрунту. Так само безпідставними були претензії КУК на представництво усіх канадських українців на мирній конференції.

Попри безліч перешкод в роки війни все ж здійснювались певні культурні контакти між українськими канадцами та Радянською Україною. Сприяло цьому і Всесоюзне товариство культурних зв'язків з закордоном (ВТКЗ). Так, на прохання секретаря Канадського центру асоціації лемків у Торонто Нестора Волчака ВТКЗ в листі від 13 липня 1942 р. обіцяло надсилати статті, оповідання, поеми українських радянських авторів, висловлюючи надію, що ці матеріали з інтересом зустрінуть члени асоціації лемків. З травня 1942 р. ВТКЗ дістало можливість більш-менш регулярно (з огляду на важкі воєнні умови) надсилати за кордон культурно-освітню літературу. Зокрема, Українське

товариство культурного зв'язку з закордоном (УТКЗ), яке діяло в евакуації спочатку у Ворошиловграді, а потім у Саратові, влітку 1942 р. підготувало до відправки в зарубіжні країни, в тому числі до Канади, ряд періодичних видань, а також твори М. Рильського («Лист до українців в Америці», «Слово про рідну матір»), Ю. Яновського («Генерал Макодзьоба. Лист партизана Карпа Макодзьоби до генерала фон-Леєра»), вірші В. Сосюри, П. Тичини, М. Бажана, Л. Дмитерка, п'єси О. Корнійчука, новели О. Десняка, П. Панча, публіцистичні твори С. Голованівського («Пісня про мою Україну»), Л. Новиченка («Стогін Києва»), Дм. Косарика («Думи буковинця»). Надсилалися й твори класиків української літератури — Т. Шевченка, М. Коцюбинського та ін.

Корисними були обмін літературними творами та особисте листування між діячами культури, науки і мистецтва, що допомагало зростанню взаєморозуміння між народами СРСР, УРСР і Канади. Письменник Петро Козланюк, тодішній військовий кореспондент української республіканської газети «Комуніст», у травні 1942 р. звернувся до М. Князевича — співробітника газети «Українські щоденні вісті» в Нью-Йорку — з проханням надіслати ряд статей про антифашистський рух серед українських робітників у США і Канаді, про їхні патріотичні дії, політичне і культурне життя. «Я зараз трохи далекувато від рідного радянського Львова, — зауважував він, — але ми певні, що скоро туди повернемося як переможці».

Відомий український радянський хоролий диригент і композитор Г. М. Давидовський після ознайомлення з канадською газетою «Українське життя» за 1942 р. вирішив подарувати канадським українцям свої твори для хору, соло, дуету і тріо. «Радий, — писав він, — що у вас є люди, які близько до серця сприймають інтереси української справи на фронті боротьби з спільним ворогом людства — фашизмом... Нехай цей подарунок буде свідченням єдності в нашій боротьбі з ворогом. Бажаю успіху в підвищенні у вас української музичної культури...»

У підтриманні зв'язків велику роль відігравав Всеслов'янський комітет. 9 травня 1943 р. у Москві проходив Третій всеслов'янський мітинг, на адресу якого надійшло 275 вітань, в тому числі з Канади. Палкі слова солідарності з мітингом висловили керівники РЗТ М. Гаврилюк і Ю. Кренц. «Ми не тільки стежимо, — зазначали вони, — але й докладаємо всіх старань, щоб далі міцніли воєнні зусилля нашої країни — Канади, щоб цим полегшити той величезний тягар боротьби, який до цього часу лежить у більшості на плечах Червоної Армії, захисниці всіх поневолених слов'ян... Ми обіцяємо вам, дорогі брати, що не спочинемо до того часу, поки разом з вами та іншими волелюбними народами не переможемо спільного ворога — фашизм...»

Через посольство СРСР в Оттаві КТДР одержало листи від голови Харківського міськвиконкому О. Селіванова, в якому висловлювалась вдячність за надіслані канадцами посилки для дітей Харкова. «Дотик до цих речей був подібний до почуття теплих обіймів наших далеких канадських друзів»,— зазначав О. Селіванов, Це були слова подяки від усіх радянських людей.

Національна рада канадсько-радянської дружби (НРКРД), утворена в 1943р., стала ініціатором запровадження такої форми зв'язків з СРСР, як взяття шефства над радянськими містами, що постраждали від гітлерівських окупантів. Передбачалось встановлення безпосередніх контактів між містами (приблизно однаковими за величиною і виробничою спрямованістю) Канади й СРСР, обмін інформацією, налагодження культурних зв'язків, надання допомоги радянським містам у відбудові зруйнованого господарства, а також передача населенню одягу, медикаментів тощо. Так, шахтарі м. Глейс Бей — центру вугільної промисловості провінції Нова Скошіа — здійснили збір коштів на медичну допомогу і одяг жителям підшефного шахтарського міста Сталіно (тепер Донецьк). Члени локалів 4522 і 4530, району 26, Об'єднаного союзу гірників Америки сердечно вітали населення м. Сталіно з нагоди 27-ї (1944 р.) річниці Жовтневої революції. Голова міськради м. Сталіно Ф. Старовойтов у телеграмі-відповіді меру м. Глейс Бей Моррісону дякував канадцам за допомогу й увагу.

Загалом понад 40 канадських міст взяли шефство над радянськими містами з метою подання їм допомоги у відбудові. Наприклад, місто Торольд (Онтаріо) допомагало Лебедину Полтавської області, а Ромни Сумської області стало об'єктом шефських турбот з боку двох канадських міст — Майлстоуна і Саскатуна (Саскачеван). До жителів м. Ясинувата Сталінської (тепер Донецької) області звернулись з теплим вітанням громадяни м. Блермор (провінція Альберта) і обіцяли всіма засобами допомагати зміцнювати взаєморозуміння між канадським і радянським народами. Вчителі й учні шкіл району 1216 м. Коулмен (провінція Альберта), які провадили збір коштів для радянських людей, у листі від 13 липня 1944 р. також палко вітали вчителів і учнів Ясинуватої, надіслали примірник свого першого щорічника. «Ми цінуємо вашу дружбу і зробимо все, що можемо, щоб підтримувати цю дружбу між нашими країнами»,— зазначали президент шкільного комітету Джессі Корчуська і завідуючий школами міста Дейвід Гойл. Проте через ряд обставин такі шефські зв'язки не одержали помітного розвитку.

В роки війни народилась і така своєрідна форма зв'язків, як побратимство, порідненість міст. Так, рішення про порідненість з Одесою було прийняте 14

серпня 1944 р. на 20-тисячному мітингу жителів портового міста Ванкувера (пров. Британська Колумбія). Одразу ж розпочався збір коштів на допомогу одеситам. Одержавши повідомлення про це від мера Ванкувера Джея Корнета, голова Одеської міськради Б. Давиденко передав громадянам Ванкувера привітання і вдячність трудящих Одеси. Дружні привітання меру Ванкувера надіслали також вчителі та школярі Одеси, працівники мистецтва і культури — заслужений діяч мистецтв, народний артист УРСР М. Покровський, заслужені артисти УРСР Г. Мещерська, М. Ляров, переможниця Всесоюзного конкурсу співачок О. Благовидова. «Братнє співчуття з боку Канади є виразом єдності між канадським народом і народами Радянського Союзу в справі розгрому темних сил фашизму і запорукою тривалої щасливої співдружності в галузі культури і наукової діяльності», — писали за дорученням вчених Одеси лауреат Державної премії, академік-офтальмолог В. П. Філатов; ректор Одеського університету, доктор біологічних наук А. Савчук; доктор історичних наук К. Добровольський та директор Одеського медичного інституту, професор Гаспарян. У Ванкувері з успіхом пройшов «Одеський тиждень». У ці дні в концертах виконувались твори радянських композиторів, українські та російські народні пісні, а також твори класиків російської музики М. Глінки та П. Чайковського.

Відроджуючи культурно-освітню діяльність після погромів 1940—1941 рр., ТКУ навесні 1943 р., наприклад, широко відзначало 129-річчя з дня народження Т. Г. Шевченка. У спеціальній радіопередачі 9 березня, в якій читались вірші Великого Кобзаря, взяв участь хор ім. М. Лисенка при відділенні ТКУ в Торонто. З промовою виступав Михайло Муцак — директор з питань культури Крайового виконавчого комітету ТКУ. А 13 березня в Мессі Галл в Торонто відбувся великий Шевченківський концерт, який влаштували мистецькі сили ТКУ. Концертну програму виконували 200 митців — хористів, оркестрантів, солістів. Доповідь про життя і творчість Тараса Шевченка виголосив Пилип Лисець. Подібні урочисті зібрання-концерти відбувались і в інших містах Канади. Як правило, доходи від концертів передавались до Канадського Червоного Хреста. Українсько-канадський молодіжний клуб за перемогу проводив досить активну діяльність, влаштовуючи концерти для цивільних та військових, а також збираючи пожертви до Канадського фонду допомоги Росії.

Під час війни ТКУ видавало наукові, художні та публіцистичні твори українських авторів. Зокрема, були опубліковані брошури «Україна і Канада мають спільного ворога», «Смерть дітовбивцям», роман В. Собка «Кров України», «Нариси історії України», підготовлені Інститутом історії АН УРСР.

Підводячи підсумки проведеної під час війни роботи, другий крайовий з'їзд ТКУ, що відбувся в січні 1946 р. у Вінніпегу, відзначав, що члени і прихильники ТКУ закупили у восьми державних позиках бондів перемоги на 3,2 млн. доларів, що було на той час великою сумою. Під час кампаній допомоги народам СРСР ТКУ збило понад 445 тис. доларів. Крім того, відділення ТКУ зібрали понад 120 тонн одягу для евакуйованих в Радянському Союзі. На з'їзді виступив секретар посольства СРСР в Оттаві Іван Воленко, який зазначив: «Мені дуже приємно виступати і вітати вас, знаючи, що ви, перебуваючи за тисячі кілометрів від України, завжди любите її так, як діти люблять свою матір. Ставши громадянами нової батьківщини — Канади, для розвитку і прогресу якої ви робите все можливе, ви не тільки не забуваєте про свою колишню батьківщину, але й допомагаєте своїм співгромадянам зрозуміти велич і гідність того народу, з якого ви вийшли. В той же час ви допомагаєте українському народові, а через нього і всьому радянському народові, краще зрозуміти Канаду. Це сприяє взаємному порозумінню між нашими народами і зміцненню відносин між нашими країнами.

В той же час я хочу подякувати вам, а через вас всім українцям в Канаді, для яких дороге ім'я України, за ті почуття солідарності і за матеріальну допомогу, яку одержав від вас український народ в роки величезних випробувань».

Квітучої весни 1945 р. всі волелюбні народи святкували Перемогу над гітлерівським фашизмом. Попереду відкривались перспективи створення світу, позбавленого воєн, агресії і страждань. Думи і серця людей були сповнені вдячності тим, хто карбував перемогу над фашизмом, хто здобував її у жорстоких битвах. Внесок був великий як радянського народу, так і народів інших країн антигітлерівської коаліції, в тому числі й Канади.

Переможне завершення війни збіглося зі створенням міжнародної організації безпеки — Організації Об'єднаних Націй. На установчу конференцію ООН, що відкрилася в Сан-Франціско 30 квітня 1945 р., прибула і делегація УРСР як однієї з членів-фундаторів ООН.

З нагоди перемоги над фашизмом у Канаді влаштовувались святкові зібрання, мітинги і наради. В них брали активну участь ТКУ і РЗТ. Саме з їх ініціативи 30 червня — 1 липня 1945 р. в Торонто, а 28 липня у Вінніпегу відбулися фестивалі української музики, пісні і танцю, які увійшли в історію українського прогресивного руху в Канаді як фестивалі Перемоги.

На фестивалі в Торонто було присутніх близько 15 тисяч осіб; програму виконували понад 1 тис. співаків, танцюристів та музикантів. Приємним сюрпризом для учасників фестивалю стала присутність на ньому гостей з

Радянської України — професорів Київського державного університету ім. Т.Г.Шевченка Петра Погребняка та Володимира Бондарчука, які прибули із Сан-Франціско, де як члени делегації УРСР брали участь в установчій конференції ООН. На фестивалі були також посол СРСР в Оттаві Георгій Зарубін, посол Канади у Москві Дана Вілгресс та ін. Наступного дня на острові Генленс Пойнт, поблизу Торонто, відбулося масове гуляння. В ньому взяло участь понад 25 тисяч осіб, в тому числі представники канадського уряду, дипломати, гості з України. Поет Микола Тарновський зачитав вірша, написаного спеціально до свята:

Сьогодні свято в нас таке: Зійшлись сини одного роду — І ми, і ви, і посланці Від українського народу! ...І як сказав колись Тарас, Що наша дума не загине,— Так ми вітаємо її — Ту перемогу України!

Гості з України відвідали західні провінції Канади, 5 липня в Плейгаус театрі у Вінніпегу виступили на мітингу, скликаному ТКУ. На зустрічі з громадськістю в Едмонтоні виступав голова делегації УРСР, нарком закордонних справ УРСР Дмитро Мануїльський. «Перш за все я хочу подякувати канадському урядові за те, що він дозволив зупинитися на канадській землі і зустрітися з нашими країнами, щоб скласти їм подяку за подану допомогу нашій країні під час Великої Вітчизняної війни».

В червні 1945 р. відбулась ще одна історична подія в житті українського народу. Згідно з волею народу та радянсько-чехословацьким договором Закарпаття увійшло до складу СРСР і воз'єдналося з Українською РСР. Відтепер всі українські землі були зібрані в єдиній Українській Радянській державі. Такого становища не спостерігалось в жодний період історії українського народу. Цю подію радо вітали більшість канадських українців, які по-справжньому вболівали за долю свого народу і бажали йому добра.

Розділ ІХ

Суспільні та культурні зв'язки українських прогресивних організацій у Канаді з Радянською Україною (кінець 40-х—50-ті роки)

Переможне завершення війни проти фашистських агресорів створило нову політичну атмосферу в світі, відкрило перед волелюбними народами шлях до всебічного розвитку суспільно-культурних зв'язків. Величезний внесок СРСР у справу розгрому фашизму зумовив піднесення його авторитету й ролі у міжнародних відносинах. Громадськість країн — учасниць антигітлерівської коаліції дістала змогу ближчої співпраці в умовах миру і на благо миру. Припинення воєнних дій, встановлення та розвій різноманітних обмінів

позитивно позначились і на зв'язках між канадськими українцями та Радянською Україною.

У перші повоєнні роки до Радянської України з Канади йшов потік листів, телеграм, в яких учасники мітингів солідарності з СРСР висловлювали своє захоплення мужністю радянських людей у двобої з агресором, висловлювалась готовність надати матеріальну допомогу.

У 1946—1947 рр. Україна, а також Білорусія, одержували певну допомогу і від ЮНРРА (Адміністрація допомоги і відбудови при Об'єднаних Націях). Так, наприклад, на Україну було доставлено різних товарів на загальну суму 189,3 млн. доларів. Сюди ввійшло промислове устаткування, транспортні засоби, одяг та продукти харчування. При цьому варто зазначити, що ЮНРРА провадила закупівлю зазначених товарів не тільки в США, як основного постачальника, а також у Канаді. Саме Канада відправляла на Україну насіння, консервовану й сушену рибу, виділила устаткування для пеніцилінового заводу.

В Канаді, США, Великобританії та інших країнах, що не зазнали фашистського нашествия, тривав громадський збір коштів у фонд допомоги СРСР, хоча в дещо менших масштабах, ніж під час війни. В цій благородній діяльності брали участь як окремі громадяни, так і численні гуманітарні громадські організації, що обстоювали необхідність тісного співробітництва країн антигітлерівської коаліції у післявоєнному світі.

Серед зарубіжних асоціацій, товариств і фондів, що збирали такі кошти, помітне місце посідало Товариство канадських українців (ТКУ). З 1946 р. ТКУ прибрало нинішню назву Товариство об'єднаних українських канадців (ТОУК).

Зі щирістю і натхненням делегати другого з'їзду ТКУ в січні 1946 р. уклали лист-відповідь на численні привітання, що надійшли від Президії Верховної Ради УРСР, Академії наук УРСР, Укрпрофради, Спілки письменників України. В листі, зокрема, підкреслювалось: «Без огляду на те, що нас від України ділять тисячі миль і десятки років життя на прибраній батьківщині, ми любимо і будемо любити нашу рідну Матір-Україну, бо вогню цієї любові до вільної і возз'єднаної в одну державу української землі та її героїчного і волелюбного народу не згасить ніяка сила в світі.

Ми радіємо повідомленнями про швидку відбудову України в загоєнні ран, нанесених німецькими наїзниками, в чому український народ знову виявляє незрівняні зразки творчого героїзму й самопосягати... Ми будемо ще завзятіше працювати на зміцнення та процвітання дружби канадського, українського і всіх інших народів великого Радянського Союзу, яка є неминучою для встановлення і збереження справедливого світового миру».

У повоєнний час почали активно відновлюватись зв'язки канадських

українців з Україною по тій важливій обставині, що тепер всі українські землі знаходились в межах однієї республіки — УРСР. ТКУ — ТОУК постійно викривали різні вигадки антирадянського гатунку, що поширювались націоналістичними центрами. В 1945 р. ТКУ встановило контакти з деякими націоналістичними лідерами, які виявляли схильність до об'єктивної оцінки становища в УРСР. Так, юрист з Вінніпега Василь Свистун, впливовий в націоналістичних колах, здійснив поїздку по низці канадських міст, схилиючи своїх колег до визнання факту існування Радянської України, до зміни їхньої негативної точки зору та позиції щодо України.

На своїй першій зустрічі з представниками націоналістичної організації «Просвіта», що відбулася 18 лютого 1945 р., В. Свистун наголосив: 1) Український народ не виступив проти Радянської влади після вступу німців на територію України, як того очікували націоналісти. Навпаки, на лінії фронту й позаду неї (в партизанських загонах) вони боролися з німцями; 2) Хоча в минулому, починаючи від Ярослава Мудрого, всі говорили про об'єднання українських земель, та відбулося це тільки сьогодні, й ми маємо вітати цей акт, а не відкидати його; 3) Ми тут, у Канаді і в Сполучених Штатах, складаємо українську меншість, тому ми не маємо права нав'язувати українському народові того, який уряд вони хочуть мати. Однак ми повинні надавати йому матеріальну допомогу, встановлювати з ним контакти, якщо він бажає, щоб ми зберігали нашу українську культуру по цей бік океану.

Ці думки він повторював на мітингах у Торонто, Едмонтоні і Нью-Йорку. На масовому мітингу в Плейгаус театр (Вінніпег) 13 січня 1946 р. В. Свистун оголосив про утворення Товариства культурних зв'язків з Україною. До складу тимчасового виконавчого комітету ввійшли В. Свистун, В. Яремій, М. Шатульський, М. Романюк й П. Прокопчак. Новостворене товариство встановило контакти з Українським товариством культурних зв'язків з зарубіжними країнами. Однією з перших акцій товариства стала кампанія по збору книг англійською мовою — підручників, наукових книг, енциклопедій, художньої літератури, які відправлялись на адресу Академії наук, вузів і шкіл України. Наступним кроком у розширенні цих контактів було рішення про направлення на Україну П. Прокопчака, національного секретаря Товариства об'єднаних українських канадців, для з'ясування можливостей подальших зв'язків й ознайомлення з післявоєнною ситуацією на Україні, зокрема на її західних землях. У своїх кореспонденціях до газети «Українське життя», які П. Прокопчак надсилав з різних куточків України, повідомлялося про розруху й спустошені села, про необхідність швидкої відбудови господарства, про труднощі, з якими український народ стикався щодня, про відродження в

складних умовах культурних і освітніх закладів.

Після повернення до Канади П. Прокопчак здійснив подорож по країні, під час якої він зустрічався з членами Товариства об'єднаних українських канадців та його прихильниками й розповідав про післявоєнне життя на Україні. Його візит до Радянської України й звіти про поїздку стимулювали розгортання по всій Канаді кампанії по наданню допомоги сиротам війни на Україні. Рішення про початок цієї кампанії було прийнято на Онтарійській провінційній конференції Товариства об'єднаних українських канадців в Торонто в січні 1947 р. На цій конференції були присутні 70 делегатів, всі вони одногосло проголосували за таке рішення.

Візиту П. Прокопчака до Радянської України передувало перебування в Канаді делегації діячів культури і літератури України. Ця делегація прибула до Канади у 1946 р. на запрошення Товариства канадських українців для участі у національному фестивалі української музики, пісні й танцю в Едмонтоні. Такий фестиваль в Канаді проводився вперше. Рішення про його проведення було прийнято на другому національному з'їзді товариства. Він мав відкрити новий період в історії культурних зв'язків між українською громадою в Канаді й народом Радянської України. Комітет по проведенню фестивалю звернувся до Українського товариства культурних зв'язків з зарубіжними країнами з проханням надіслати своїх представників на фестиваль. До складу делегації входили Лука Паламарчук — редактор газети «Радянська Україна», Семен Стефаник — професор Львівського університету, відомі співаки, народні артисти СРСР Зоя Гайдай та Іван Паторжинський, поет Андрій Малишко.

Це була подія великої ваги. Делегацію тепло вітали по всій Канаді, її зустрічали з великим піднесенням. «Вони принесли палкі і жваві слова привітань з розлогих українських земель, від українського народу на канадську землю, котра в нужденний час дала притулок на своїх широких просторах українцям, які, гонимі голодом, змушені були полишити свою рідну землю. Вони принесли з собою мелодійну й ніжну, запальну й гумористичну пісню й сердечні вітання доброї волі, братерства й дружби між Україною та Канадою в інтересах міцного миру».

У жовтні й листопаді 1947 р. українська преса сповіщала про успіх кампанії допомоги сиротам війни. Ця кампанія була започаткована в січні того ж року. Англomовний журнал «Юкрейнієн кенедієн» у своєму спеціальному випуску 1 листопада 1947 р. повідомив, що українська громада Канади зібрала понад 223 тисячі доларів. Це була найбільша кампанія по збору коштів в історії українців Канади. Разом з американськими українцями було зібрано 300 тисяч доларів. На ці гроші було закуплено і завантажено на радянський теплохід

«Росія» різні речі: м'ясо, молоко, какао, дитячий одяг, взуття, медикаменти, рентгенівські апарати й інше лікарняне обладнання. Тим же судном було відправлено 6 288 книг англійською мовою.

На Україну вирушила делегація, щоб в Одесі зустріти теплохід. До її складу входили Василь Тересьо — національний голова Товариства об'єднаних українських канадців, Петро Кравчук — співробітник газети «Українське життя», а також Михайло Ракочий — від Ліги американських українців. Вони привезли з собою списки з іменами десятків тисяч канадських українців, що робили свої пожертвування.

На третьому з'їзді Товариства об'єднаних українських канадців (ТОУК) з приводу цієї кампанії підкреслювалось: «В ході кампанії допомоги сиротам війни на Україні ми в рамках всеохоплюючої гуманної справи допомоги сиротам робили свій внесок в залучення народу до підтримки боротьби за мир. В той же час це була велика гуманна й антивоєнна кампанія. Й не дивно, що вона завершилася великим успіхом».

Петро Кравчук залишився на два роки на Україні працювати кореспондентом газети «Українське життя». За цей час він надіслав багато матеріалів до української прогресивної преси в Канаді про рух за відновлення зруйнованої України. Повернувшись до Канади, П. Кравчук узагальнив свої спостереження в книзі «600 днів на Україні», яка побачила світ 1950 року. У передмові до книги Петро Прокопчак, національний секретар ТОУК, підкреслив: «...Ця книга — вагомий внесок у боротьбу за встановлення міцного миру й дружніх відносин між Канадою й Україною. Кожен, хто підтримує мир і прогрес, прочитає її з великим задоволенням».

Після другої світової війни культурні зв'язки поступово розширювалися. Налагодився постійний обмін делегаціями, дедалі більше канадських українців відвідували землю батьків. Справі зміцнення зв'язків сприяли матеріали, які надсилалися з України канадськими кореспондентами українського походження, а також матеріали, що надходили від авторів з Радянської України.

Кульмінаційним моментом в такому розвитку подій було впровадження в життя резолюції, одноголосно прийнятої четвертим крайовим з'їздом ТОУК (Торонто, січень 1950 р.), про відзначення 60-ї річниці української імміграції в 1951 р., про встановлення пам'ятника великому українському поету Т. Г. Шевченку на канадській землі й проведення національного фестивалю української пісні, музики й танцю, який мав показати вклад українців у канадську культуру. Національний виконавчий комітет ТОУК звернувся до Українського товариства культурних зв'язків з зарубіжними країнами з проханням, щоб пам'ятник Тарасу Шевченку був виготовлений на Україні. Це

завдання було доручено виконати двом українським скульпторам — Макару Вронському й Олексі Олійнику.

Фестиваль і відкриття пам'ятника Т. Г. Шевченку мали величезний успіх. В Мейпл ліф гарденс на фестиваль зібралося понад 10 тисяч чоловік, а на церемонії відкриття пам'ятника побувало 45 тисяч. Була прийнята спеціальна резолюція, в якій складалася подяка українському народові за його щедрий дарунок.

Оцінюючи значення цих двох подій, п'ятий національний з'їзд ТОУК (1952р.), зокрема, підкреслив: «Фестиваль став демонстрацією єднання волі демократичних сил канадських українців в боротьбі за мир і зміцнення дружніх зв'язків між Канадою і Радянською Україною. Він продемонстрував також солідарність слов'ян. Лідери прогресивних слов'янських організацій надіслали вітання, підкреслюючи свою шану Великому Кобзареві, поклали вінки до підніжжя пам'ятника. Пам'ятник Т. Г. Шевченку на канадській землі став символом єдності і дружби, символом гуманізму і миру». В резолюції з'їзду говорилось також про те, що «парк ім. Шевченка в Палермо, де стоїть пам'ятник, стане нашим Каневом на канадській землі, де справжні українці будуть збиратися з усіх куточків Канади і Сполучених Штатів».

Наступного, 1952 р., 29 червня було відкрито музей Тараса Шевченка. Його відкриття — результат спільних зусиль ТОУК і музею Т. Шевченка в Києві при сприянні Українського товариства культурного зв'язку з зарубіжними країнами. Для прогресивних сил української громадськості музей перетворився на важливий осередок української культури в Канаді.

У цей період зростала кількість українських канадців— студентів, кореспондентів, туристів,— які відвідували Україну. Складнішою була ситуація з відвідинами представниками Української РСР Канади. Після першого візиту українських артистів, письменників й громадських діячів з нагоди 60-річчя української імміграції в Канаді ТОУК намагався розширювати такі обміни. Однак вони штучно стримувалися дискримінаційним законом, прийнятим канадським урядом під час війни. Він, зокрема, забороняв діяльність ТУРФДім й механічно поширювався на ТОУК, яке виникло замість ТУРФДім. Це особливо стало очевидним, коли ТОУК прийняв рішення про відзначення 100-річчя від дня народження великого українського письменника Івана Франка. З приводу цього в 1956 р. ТОУК мало провести національний фестиваль української музики, пісні й танцю й встановити бюст письменникові, а також відкрити у Вінніпегу його музей. На адресу Українського товариства культурних зв'язків з зарубіжними країнами було направлено прохання надіслати делегацію. До її складу (6 чоловік) товариство включило, зокрема,

голову УТКЗ Луку Кизю та Зіновію Франко, онучку Івана Франка. Однак делегація не змогла одержати в'їзних віз до Канади, хоча в цілому згадане свято пройшло успішно.

Святкування 100-річчя від дня народження Івана Франка, відкриття його музею у Вінніпегу, встановлення бюста набрало великого розголосу в Канаді. В резолюції сьомого з'їзду ТОУК наголошувалось: «Цей цінний дарунок канадським українцям — музей Івана Франка на канадській землі — стане новим важливим внеском в культурне збагачення не лише української громади в Канаді, але й всього канадського народу, служитиме справі миру, дружби і співробітництва між народами Радянського Союзу і Канади».

Починаючи з 1947 р., виникла ще одна форма зв'язків канадських українців і України — встановлення для молоді стипендій з метою їх навчання мови, музики, хореографії в культурно-освітніх закладах Радянської України, а також філології й історії у Київському державному університеті ім. Т. Г. Шевченка. Це давало змогу готувати нові кадри, які займалися б культурною діяльністю в Канаді, а також журналістикою.

Під час відзначення 60-річчя української імміграції (1951 р.) Всеслов'янський комітет у Москві запросив делегацію канадців українського походження. Марія Скрипник, Стенлі Добровольський, Ольга Беркета з ТОУК та Алек Технович з Федерації російських канадців, що брали участь в третьому Всесвітньому фестивалі молоді і студентів у Берліні (серпень 1951 р.), провели три тижні в Радянському Союзі. Вони відвідали Москву, Ленінград, Сталінград, Київ, а також побували в західноукраїнських селах. Після повернення на батьківщину члени делегації проводили зустрічі, на яких розповідали про подорож, опублікували серію статей в журналі «Юкрейнієн Кенедієн».

Студенти, які навчалися у вузах України, а також канадські кореспонденти української прогресивної преси регулярно надсилали до Канади матеріали про життя українського народу. Серед дописувачів були Петро Кравчук, Микола Гринчишин, Степан Мацієвич, Матвій Шатувський, Джон Вір. Вони інформували українську громаду про розвиток промисловості й сільського господарства, успіхи в культурі і науці, про умови життя народу Радянської України.

Треба зазначити, що не тільки з канадського боку ставились перешкоди на шляхах обмінів з Радянською Україною. Були вони і з радянського боку. Після війни, в часи культу особи Сталіна, в Радянській Україні насаджувалася підозрілість до всього іноземного, всіляко обмежувались контакти, піддавались шельмуванню корифеї української літератури М. Рильський, В. Сосюра, Ю. Яновський та інші, безпідставно звинувачені в «націоналізмі».

У цей час в західних областях України йшла жорстока боротьба. Націоналістичне підпілля та його Українська повстанська армія чинили шалений опір встановленню і зміцненню Радянської влади. Головними причинами цього спротиву були національні, соціально-економічні та політичні аспекти. Певну негативну роль відігравали курс на негайну суцільну колективізацію і методи сталінського терору. Як би то не було, але збройна боротьба стала великою бідою для місцевого населення, вона ускладнювала політичне становище на Україні, позначалася також і на міжнародних зв'язках Радянської України.

Збанкрутувавши політично, зазнавши поразки у воєнному плані, рештки частин УПА перебравались до Західної Німеччини, а звідти до багатьох країн, у тому числі й до Канади. Це була «третьа хвиля» української імміграції до Канади, причому політично досить активна.

Серед нових іммігрантів виявилось і багато так званих «переміщених осіб», колишніх військовополонених або тих, кого фашисти вивезли до Німеччини на каторжні роботи. Були серед них і колишні колабораціоністи, що відповідно проявили себе під час тимчасової гітлерівської окупації України. Ця строката в політичному плані маса людей знаходилась у спеціальних таборах на території західних держав. У 1948 р. тут було близько 100 тисяч осіб українського походження. Отже, різні причини породили «третью хвилю» української імміграції, але масштаби її не були значними.

Активну роль у виїзді українських «переміщених осіб» до Канади відіграв Богдан Панчук, який наприкінці 1945 р. сприяв утворенню Центрального українського бюро допомоги, що співпрацювало з Канадською місією допомоги українським біженцям. Загалом в цей період (до 1960 р.) до Канади прибуло понад 37 тис. осіб українського походження.

Тільки після смерті Сталіна у 1953 р. та XX з'їзду КПРС 1956 р., що викрив злочини сталінізму, розкріпачив громадську думку, встановився широкий обмін між канадськими українцями і Радянською Україною, справжній процес спілкування через океан, що дав плідні результати в наступний період.

Розділ X

Україна — Канада, міст через океан...

У 1990 р. виповнилося три десятиліття від часу утворення Товариства культурних зв'язків з українцями за кордоном (товариство «Україна»). Поява такої громадської організації, що з кожним роком ставала дедалі масовішою,

представницькою, заклала міцний фундамент для гуманітарних, мистецьких, туристських контактів Радянської України з українськими етнічними групами за межами СРСР.

«Ми знали, що за межами Радянської України, зокрема у Канаді, США, країнах Південної Америки і Європи, в Австралії,— писав у газеті «Вісті з України» народний артист СРСР, голова президії українського відділення товариства «СРСР — Канада» Дмитро Гнатюк,— проживає чимало українців. Вони цікавляться життям краю, звідки походять батьки, прагнуть мати об'єктивну інформацію про життя народу Радянської України, зберігати свої національні традиції, рідну українську мову для себе і своїх дітей, культуру. Але для задоволення всіх цих патріотичних запитів на чужині не було можливостей. Таку думку давно висловлювали зарубіжні земляки, їхні нащадки у своїх листах та ті українці-туристи, що відвідували Батьківщину. Такої думки дотримувалася і громадськість Радянської України. І ось група представників української радянської інтелігенції, трудівників міст і сіл виступила за створення громадської організації Товариства культурних зв'язків з українцями за кордоном. До складу ініціативної групи ввійшли композитор Левко Ревуцький, професор Іван Крип'якевич, поет Максим Рильський, письменник Юрій Смолич, поет Микола Тарновський, артист Федір Паторжинський, художниця Таїсія Жаспар, службовець Василь Рибак, протоієрей Борис Старк».

У зверненні ініціативної групи по створенню товариства «Україна» говорилося: «Щоб допомогти нашим зарубіжним братам і сестрам підтримувати зв'язки із рідним краєм, ще більше відчувати тепло своєї Батьківщини — Української Радянської Соціалістичної Республіки, ми, представники українського народу... беремо на себе — від імені багатьох тисяч наших кровних братів українців — ініціативу утворити громадську організацію — Товариство культурних зв'язків з українцями за кордоном».

На початку жовтня 1960 р. ініціативна група скликала у конференц-залі Спілки письменників України представницькі установчі збори, на які прийшли діячі культури, науки, робітники і селяни, журналісти. З доповіддю виступив Юрій Смолич, який став першим головою і президентом Товариства. Він наголосив, що «допомогти зарубіжним українцям почути правду про землю батьків — це щире жадання і прями́й обов'язок української громадськості, нашого українського народу». Тоді ж Юрій Смолич вніс пропозицію про видання газети «Вісті з України».

«Ми вважаємо,— сказав він,— що видання газети — найважливіший крок: часопис навіть у наш вік, вік радіо і досконалих комунікацій, залишається найкращим засобом інформації, найбільш досконалою формою зв'язку».

Так було покладено початок корисній, гуманістичній, миротворчій роботі, яку відтоді успішно здійснюють тисячі громадян, об'єднаних у лавах Товариства, що діє на підставі статті 49 Конституції Української РСР про право громадян на об'єднання в громадські організації. Сьогодні Товариство — справді масова, впливова, авторитетна організація, яка нараховує понад 450 первинних осередків. Серед них — заводи і колгоспи, музеї і учбові заклади, творчі колективи республіки.

У секціях товариства «Україна» — музичній, літературній, науковій, образотворчій, молодіжній та інших — активно працюють відомі літератори, діячі науки, культури, мистецтва, артисти, музиканти, художники, кінематографісти, педагоги. Через секції Товариство виступає посередником у культурних, наукових зв'язках зарубіжних навчальних закладів, творчих об'єднань, фірм, окремих впливових осіб з Академією наук УРСР, Міністерством культури республіки, Спілками письменників, художників, композиторів, кінематографістів, молодіжними, неформальними організаціями України. Усе це створює сприятливі передумови для того, щоб якнайкраще знайомити зарубіжних українців із землею, де проросло коріння первороду, допомогти їм осягнути те, чим багата і щедра Радянська Україна, зрозуміти історію і сучасне життя республіки, її здобутки і проблеми.

У нинішній перебудовний час розширюється та урізноманітнюється діяльність Товариства. Воно підтримує культурні, наукові, ділові зв'язки з усіма зарубіжними громадянами українського походження, незалежно від їхніх політичних поглядів, релігійних віросповідань, які прагнуть до контактів з Україною. Якщо раніше, наприклад, Товариство здійснювало культурний обмін переважно з ТОУК, РЗТ, кафедрами українознавства в університетах, то в останні п'ять-шість років взаємні зв'язки значно розширились. Товариство спілкується з провінційними міністерствами, українськими науковими закладами, багатьма колективами художньої самодіяльності Канади.

Стратегією товариства «Україна» став курс на деідеологізацію міжнародних стосунків у сфері взаємного культурного обміну, допомоги зарубіжним (у тому числі канадській) українським етнічним групам у збереженні національно-культурних традицій. Замість недовіри, взаємних звинувачень, часто безпідставних, Товариство прагне до діалогу, зіставлення думок і позицій, які об'єднують українців у світі.

Відкритість радянського суспільства допомагає зарубіжним гостям якомога ближче пізнати життя міст і сіл республіки, їхніх мешканців, побачити, звідки почався їхній родовід. З допомогою Товариства, його відділень в 14 областях громадськість України знайомиться з культурою і мистецтвом,

науковою діяльністю представників зарубіжних українських етнічних груп, їхньою історією, сьогоdnішнім життям.

Посланців Товариства в країнах Америки, Європи, в Австралії зустрічають і слухають десятки тисяч людей: на етнічних фестивалях, у робітничих клубах, осередках культури та освіти, університетах, школах і коледжах. Газети «Вісті з України», «Ньюс фром Юкрейн», брошури Товариства читають майже у 70 країнах світу.

Завдяки зусиллям Товариства на американській і канадській землях, у Франції споруджено пам'ятники світочам нашої вітчизняної культури — як дарунки закордонним землякам та їхнім нащадкам від українського народу. Громадськість зарубіжних країн при сприянні Товариства дедалі більше прилучається до невичерпних скарбниць української культури, авторитет якої у світі незаперечний.

Товариство, редакції його газет щотижня одержують чимало листів з різних кінців світу, причому найбільше з Канади. Зарубіжні кореспонденти пишуть про свої симпатії до процесів перебудови, про найболючіші світові проблеми війни, миру, роззброєння, співробітництва, дають оцінку зовнішній і внутрішній політиці своєї країни та Радянського Союзу, діляться враженнями від перебування на Україні, висловлюють певні зауваження та побажання, просять надіслати книжки і платівки, написати в газетах Товариства про землю предків. «Між нашими знайомими жителями Канади,— пише до газети подружжя Лисак з країни кленового листу,— є багато таких, що ставляться серйозно до проблеми приборкання гонки озброєнь і радіють кожному позитивному крокові в той бік. Водночас мусимо признати, що тут немало таких, що ставляться цілком байдуже до цієї справи. Але віримо, що здоровий розум переможе. Дивимось у будучність оптимістично».

«Мої враження від перебування в Києві,— пише Андрій Кошеланик з Канади,— під час навчання на літніх курсах української мови, організованих товариством «Україна» спільно з науковцями філологічного факультету Київського державного університету імені Т. Г. Шевченка, є найкращими. Усі учасники курсів із задоволенням зауважили, що поїздка на Україну була дуже корисною, цікавою і освітньою». — Я відчув у вас досить багато змін,— пише ще один житель Канади Майкл Юкас.— Особливо звернув увагу на оптимізм ваших людей. Раніше вони говорили більше про минуле, про речі не дуже важливі, другорядні. А тепер більше і впевненіше говорять про майбутнє, про важливість нового мислення. В гласності і відкритості я вбачаю силу. Я поділяю ваш оптимізм і вірю у вашу перемогу».

Культурні зв'язки сьогодні — це плідне поле діяльності, де доволі

простору і для дипломатів, і для громадськості. Не випадково ж Генеральна Асамблея ООН проголосила Всесвітнє десятиріччя розвитку культури. Товариство «Україна» як складова ланка «народної дипломатії» має ще й ту особливість, що підтримує й розвиває зв'язки з людьми, які походять із спільного з нами роду. Ці люди є громадянами інших країн, проте не втратили інтересу до культурної спадщини, до життя українського народу.

Метою товариства «Україна», як випливає з його статуту, є найповніше задоволення цього інтересу, незалежно від того, з яких політичних, соціальних кіл чи груп зарубіжних етнічних українців він походить. Те, що нині за кордонами СРСР проживає лише за офіційними даними понад 5 мільйонів осіб українського походження, Товариство розглядає як фактор, що повинен сприяти встановленню і зміцненню довір'я та співробітництва між народами і країнами.

Найбільше контактів Товариство має з українською етнічною групою в Канаді, яка об'єднує мільйон чоловік. З її громадськими осередками, самодіяльними художніми колективами, бібліотеками, музеями, фірмами, окремими особами, а також з університетами, меріями міст, деякими провінційними міністерствами склалася широка програма взаємного культурного обміну, ділового співробітництва. Рік у рік підвищується інтерес канадських громадян українського походження до землі своїх предків, національної культури і традицій. Причому кожна нова генерація нащадків емігрантів (скажімо, понад 90 відсотків канадських українців народилися вже поза межами України) не забуває про своє коріння. Це виявляється і в зростанні туризму до нашої республіки, і в прагненні глибше вивчати минуле і сучасне України, і посиленні інтересу до взаємних економічних і торговельних контактів з Україною з боку бізнесменів українського походження, і в масовому розвитку художньої самодіяльності — появі нових танцювальних, вокально-інструментальних ансамблів, і у постійному бажанні вчитися на землі предків на стипендії товариства «Україна», і в проханнях, що надходять на адресу Товариства, надсилати більше літератури, платівок, а також відряджати хореографів, хормейстерів, педагогів тощо. Невблаганний процес асиміляції, поступова втрата мови батьків не знизили інтересу до України, насамперед до її культури, яка завжди була і лишається тим містком, що зв'язує, єднає земляків та їхніх нащадків на «придбаній батьківщині» — Канаді чи США — з Україною. Відомий письменник і громадський діяч, реемігрант Микола Тарновський писав: «Де б вони не були, куди б вони не блукали у пошуках праці і шматка хліба, вони повертали до рідного слова, рідної пісні. І цей талісман не давав їм пропасти у безвістях». Він же якось зазначив, що вся

діяльність товариства «Україна» спрямована на те, аби українець за кордоном відчував себе українцем.

«Відчувати себе українцем» — саме таке бажання багатьох канадських громадян українського походження, їхні представники ще в перші повоєнні роки зверталися до уряду республіки, Українського товариства дружби і культурного зв'язку із зарубіжними країнами з проханням про доцільність утворення на Україні громадської інституції для зв'язків із зарубіжними українцями. Коли ж така організація утворилася, то першими її партнерами стали ТОУК — Товариство об'єднаних українських канадців (найчисельніше прогресивне слов'янське громадське об'єднання на Заході) і РЗТ — Робітниче заповогове товариство (одна з страхових фірм Канади, де більшість членів становлять громадяни українського походження). Саме ці осередки проклали дорогу до Києва, товариства «Україна» десяткам тисяч своїх співвітчизників. Від ТОУК, органів його преси багато хто у Канаді дізнався про існування і подальшу роботу нової громадської організації в столиці УРСР. Культурні зв'язки з краєм є однією з основних цілей діяльності ТОУК, в статуті якого, зокрема, сказано: «Товариство і його попередники завжди старались встановити і піддержувати творчі контакти і життєві зв'язки з родовою землею і материнським корінням української культури. Товариство завжди сприяло туризмові і культурному обмінові як засобові зміцнення зв'язків і спорудження мостів дружби і миру між людьми однієї історичної сім'ї. Майбутність нової і розвинутої культури залежить від продовження живлення її з материнського коріння».

Від 1960 року ТОУК, РЗТ і товариство «Україна» почали регулярно обмінюватись делегаціями, до республіки приїхали перші стипендіати — вивчати українську мову і мистецтво. Ось що писав про цей животворний обмін голова Крайового виконавчого комітету ТОУК Петро Кравчук: «Відтоді взаємозв'язки із рідним краєм значно розширилися, збагатилися, набули стабільності. До Радянської України відбувають наші представники, де їх завжди тепло й гречно зустрічають земляки, знайомлять з усіма тими великими досягненнями, що стали можливими за Радянської влади. Після повернення до Канади вони охоче розповідають про свої поїздки, гостини у своїх рідних та знайомих, завжди підкреслюють високу культуру людей, їх ерудицію у багатьох питаннях і, звичайно ж, зростаючий добробут земляків, і те, що творять його вони самі. У себе в Канаді ми радо зустрічаємо посланців із отчого краю. За останні десятиріччя у Канаді побували кращі сини й дочки українського народу — визначні вчені, митці, літератори, імена яких відомі всьому світові. Ними гордяться на Радянській Україні, гордимось ними й ми —

тут, у Канаді. Такий взаємообмін делегаціями, звісно, сприяє кращому зв'язку із рідним краєм, українським народом, багатою національною культурою. Перелічити весь обсяг заходів, здійснюваних товариством «Україна» для задоволення прагнень канадських українців до тіснішого зв'язку із рідною землею, а для багатьох — із краєм своїх батьків, просто неможливо. Вони постійно діють і розвиваються».

Як же здійснюються культурні зв'язки товариства «Україна» з Канадою на практиці? Насамперед, обмін артистами — співаками й музикантами. Щороку на запрошення мерів міст Реджайни, Вінніпега і Ванкувера виїжджають делегації Товариства, до складу яких входять вокалісти і музиканти Києва, Львова, Полтави, Одеси, Чернівців та інших міст, які беруть участь у традиційних етнічних мистецьких фестивалях — «Мозаїці», «Фольклорамі» і «Фолкфесті», в «Українському фестивалі» у Вегревілі. Вони виступають не лише у павільйонах ТОУК, а й в інших культурних центрах, різних аудиторіях. Ці фестивалі дають змогу канадській громадськості познайомитися з розвитком пісенно-музичного мистецтва України у всьому його розмаїтті. Посланці Товариства ще донедавна були фактично єдиними представниками української радянської культури на канадській землі, оскільки регулярні гастролі художніх колективів республіки в цій країні розпочалися лише в останні два роки. Артисти з України, перебуваючи в Канаді, мають змогу глибоко знайомитися з мистецтвом різних етнічних груп — українців, англоканадців, франкоканадців, італійців, німців, поляків, метисів, індіанців, китайців, словаків та інших, здійсненням політики багатокультурності. Місцева преса, телебачення висвітлюють перебування гостей з України, підкреслюють їхній високий професійний рівень, їхню відкритість, комунікабельність.

У свою чергу, на запрошення Товариства на Україні виступали з концертами хор ТОУК «Гагілка» з оркестром, танцювальні колективи «Полтава», «Кобзар», «Орлан», а також музичний ансамбль імені Т. Г. Шевченка, хор імені О. Кошиця та інші колективи. Товариство, як правило, влаштовувало спільні концерти за участю хорів, танцювальних ансамблів, окремих виконавців республіки. Запрошуючи до СРСР самодіяльних митців з країни кленового листу, Товариство тим самим популяризує серед населення культурні набутки української етнічної групи, що, на жаль, ще порівняно мало відомі на Україні. Інтерес до мистецтва канадських гостей у жителів Києва, Полтави, особливо Львова, Тернополя, Чернівців, завжди великий, адже в західній частині України живе, підтримує тісні зв'язки багато родичів заокеанських українців. Діячі культури республіки дають високу оцінку майстерності канадських митців українського походження, які в умовах

поступової асиміляції, логічної зверхності англійської і французької мов зберігають і розвивають з покоління в покоління українську пісню — народну і сучасну, національну музику, танок.

Задовольняючи прохання українських самодіяльних колективів Канади, Товариство проводить в її різних містах семінари з народно-хореографічного і хорового мистецтва, гри на бандурі. Педагоги з України, наприклад, навчили новим танцям десятки молодих українців, деякі з них стали керівниками відомих ансамблів. Видатні хормейстери — народний артист СРСР А. Авдієвський, народний артист УРСР А. Кушніренко та їхні колеги — провели по кілька семінарів з українськими хорами в Канаді, внаслідок чого, за визнанням канадців, значно підвищився професійний рівень їхніх колективів.

Хореографічні семінари для молодих громадян Канади та інших країн Товариство проводить і в Києві. До того ж щороку чимало канадських юнаків і дівчат на стипендії Товариства в учбових закладах столиці республіки вивчають хореографічне мистецтво, музику, українську мову, літературу, образотворче мистецтво та інші дисципліни. З кожним роком число бажаючих навчатися на Україні на стипендії Товариства помітно зростає. Наприклад, з проханням навчатися у вузах України протягом 1989/1990 років надійшло майже сорок заяв від юнаків і дівчат, що проживають в країнах Америки і Європи.

Важливою сторінкою у зв'язках Товариства з Канадою було проведення університетами Вінніпега, Едмонтону, Торонто, Монреалю, Саскатуна, Оттави та інших міст літературно-наукових читань — Шевченківських, започаткованих ще в 1980 році, і Франківських, що стали діяти порівняно недавно. У 1990 р. в Торонто і Едмонтоні на запрошення Канадського інституту українських студій при Альбертському університеті відбувся симпозіум журналістів за участю посланців нашої республіки. До делегацій Товариства входять відомі вчені-літературознавці, мовознавці, письменники, педагоги. Вони беруть участь у бесідах зі своїми канадськими колегами не лише з питань української літератури і мови, історії, педагогіки, а й актуальних проблем нинішнього життя на Україні, в цілому в СРСР. Популярність цих заходів у колах української інтелігенції зростає.

Вельми корисною і ефективною виявилася поїздка у 1989 р. групи у складі Раїси Іванченко, Миколи Жулинського, Івана Дзюби та Ігоря Римарука. Ця група з великим успіхом виступала не тільки в традиційних університетах Канади, а й у Сполучених Штатах, у студентських і професорських аудиторіях. Відбувалися одверті розмови з багатьох проблем, які раніше, в часи застою, зятато замовчувалися. Правдивий погляд на події, факти і явища у минулому і в

сучасному житті примножив число друзів українського народу й у тих середовищах української громадськості, де раніше шанували відчуженість і недовір'я до контактів із краєм батьків і дідів. Обмін думками допомагає знаходити обопільно шляхи до взаєморозуміння і співробітництва.

Канадські викладачі університетів, науковці як стажери Товариства мають змогу працювати у бібліотеках, архівах республіки, академічних інститутах. Товариство щороку влаштовує семінари для груп канадських вчителів з питань педагогіки і української мови.

Тісне співробітництво пов'язує товариство «Україна» з Канадським товариством українських робітничих досліджень, створеним у 1985 р. Здійснюється обмін літературою з Канадським інститутом українських студій Альбертського університету, надсилаються різноманітні книжки до інших університетів, бібліотек, шкіл, провінційних міністерств освіти.

В містах Канади демонструються художні виставки, надіслані Товариством, а у Києві, Львові, Тернополі та інших містах експонувалися виставки робіт канадських майстрів образотворчого мистецтва українського походження.

У Канаді вже проведено фестивалі українського художнього кіно, організовані Товариством і кіномитцями республіки, з одного боку, і канадськими українськими осередками, зокрема Канадським культурним товариством імені Т. Г. Шевченка,— з іншого боку. Лише 1988 р. на такому фестивалі побувало дві з половиною тисячі глядачів. У 1982 р. Товариство з допомогою київської студії «Укркінохроніка» за участю нині покійного режисера і актора з Вінніпега Джона Пірса виготовило повнометражний документальний фільм «Україна — земля моїх предків», який широко демонструвався по телебаченню Канади. Щороку на прохання українських осередків, бібліотек Товариство надсилає хронікально-документальні стрічки, присвячені переважно сучасній національній культурі. У 1989 р. при товаристві «Україна» було створено кіно-, відеооб'єднання «Україна», яке створює фільми для зарубіжних українців, зокрема для Канади.

Лише протягом останнього часу у країні кленового листу виступали популярні майстри української сцени Анатолій Кочерга, Раїса Кириченко, Григорій Гаркуша, тріо Ігор Кушплер, Лідія Михайленко і Мар'ян Шуневич — ансамбль «Світлиця», Алла Кудлай, Назарій Яремчук, талановитий читець Ніла Крюкова, художники Михайло Романишин, Василь Лопата і Микола Компанець, хореографи Мирослав Вантух, Зенон Колобич, літератори Борис Олійник, Іван Драч, Дмитро Павличко, науковці Федір Погребенник, Зіновія Франко, кінорежисери Юрій Ільєнко та Микола Мащенко... Цей перелік можна

продовжити. Він, як могутня ріка, розширюється, завдяки новим умовам і новому мисленню у сфері міжнародних зв'язків.

Товариство надає велику допомогу українським музеям, надсилаючи їм експонати, матеріали, фотознімки тощо.

Газети Товариства «Вісті з України» та «Ньюс фром Юкрейн», а також брошури найбільше читачів мають у Канаді — і не лише серед громадян українського походження, а й серед представників інших національностей, яких цікавить Україна. У своїй видавничій діяльності Товариство всіляко сприяє виданню на Україні творів канадських письменників, публіцистів українського походження.

Товариство «Україна» від імені українського народу встановило пам'ятники Лесі Українці в Саскатуні, Тарасу Шевченку — у Тіммінсі, Іванові Франку — у Вінніпегу, Василю Стефанику — в Едмонтоні. Ще раніше, у 1951р., в Палермо як подарунок канадським українцям від України було встановлено величний пам'ятник Т. Г. Шевченку — перший монумент великому Кобзареві на американському континенті.

Неоднакові долі в цих священних для кожного українця місцях. У ніч з 15 на 16 вересня 1988 р. в Палермо невідомими варварами було спалено музей Тараса Шевченка. Ця сумна звістка невимовним болем озвалася у серцях мільйонів людей на Україні. Одразу ж при товаристві «Україна» було створено організаційний комітет по відновленню музею. Він об'єднав у спільному високогуманному прагненні членів творчих спілок республіки, працівників музеїв, інститутів, театрів, інших організацій і установ, численних представників широкої громадськості. Сотні людей з різних міст і сіл України, Російської федерації, Білорусії, Казахстану та Прибалтики прилучилися до справи відродження експозиції спаленого музею. На адресу оргкомітету надійшло понад тисячу різноманітних експонатів — рідкісні видання творів Т. Г. Шевченка, унікальна збірка із трьохсот «Кобзарів» — від прижиттєвого до останніх, ювілейних, з колекції киянина Олега Овчаренка, сучасні видання Шевченкових поезій та наукові дослідження його творчості, а також мистецькі вироби, вишивки, живописні полотна, предмети селянського побуту кінця ХІХ століття. За розпорядженням уряду республіки Державний музей Т. Г. Шевченка, Канівський Шевченківський музей-заповідник і Державний музей літератури передають із своїх фондів у дарунок Палермо зібрання унікальних мистецьких творів та рідкісних матеріалів. При Товаристві відкрито банківський рахунок, на який надходять грошові пожертви від окремих осіб, трудових колективів та організацій країни. Зібрані кошти будуть спрямовані на відбудову нової експозиції музею на канадській землі.

У 1989 р. Товариство разом зі Спілкою письменників, Академією наук республіки взяло участь у масовому міжнародному відзначенні 175-річчя від дня народження Т. Г. Шевченка, запросивши на Україну велику групу українських науковців, письменників, громадських діячів з США, Канади, Бразилії, Франції, Польщі, Чехословаччини, Югославії — земляків і народжених за межами України, людей різних політичних поглядів, але з великим почуттям любові і шани до великого Кобзаря, української землі. Під час круїзної подорожі по Дніпру — «Від серця Європи — до серця України», на мітингах у кількох містах, на науковій конференції, численних зустрічах з громадськістю республіки гості з Канади, їхні колеги з інших країн мали можливість вільно висловити свої думки про значення безсмертної Шевченкової творчості у світовому контексті, про перебудову в СРСР. Це був справжній вияв плюралізму, демонстрація зіставлення думок і устремлінь людей українського кореня, що так необхідне для поширення співробітництва, наукового і культурного обміну між українцями в світі.

Товариство сприяє розвитку туризму канадських українців, їхнім поїздкам на Україну. З допомогою цієї громадської організації відбулися, наприклад, масові круїзи по Дніпру, подорожі по містах і селах республіки великих груп членів ТОУК, РЗТ, Федерації руських канадців.

Товариство запрошує делегації від українських громадських осередків, представників ділових кіл для ознайомлення з життям України. В свою чергу, делегації Товариства беруть участь у чергових з'їздах ТОУК і РЗТ.

Велику допомогу канадським українцям Товариство надало у підготовці відзначення 100-річчя першопоселення українців в Канаді.

Назустріч цьому ювілею воно сприяло КТУРД у проведенні в червні 1990р. в Торонто наукової конференції, направивши для участі в ній академіка АН УРСР А. М. Шлепакова, професорів Л. О. Лещенка та Ю. Ю. Сливку.

З кожним роком розширюється діапазон діяльності товариства «Україна». Воно дедалі частіше виходить за межі своїх статутних повноважень. Товариство стало посередником у встановленні ділових контактів між бізнесменами українського походження в Канаді і США і зовнішньоторговельними організаціями, об'єднаннями, підприємствами України. При сприянні Товариства у Києві відбулася конференція «Україна — Канада: спільні підприємства». Товариство допомогло встановити зв'язки Канадсько-українській бейсбольній лізі з профспілковими бейсбольними клубами республіки. Разом з профспілками у 1989 р. українському бейсбольному клубові з Торонто було влаштовано поїздку по Україні з проведенням товариських матчів. У 1990 р. в Канаді побувала збірна

бейсбольних клубів України.

Звичайно, довгий і животворний шлях культурних зв'язків України із громадянами українського походження, які проживають у країнах Заходу (зокрема, у Канаді), не завжди був гладеньким. Траплялися круті підйоми і стрімкі спуски. Проблеми існували. І породжувалися вони в добу сталінщини й брежнєвщини, коли замовчувалась кризова ситуація в економіці й сільському господарстві, тенденційно пояснювалися голод 1932—1933 рр., трагедія КПЗУ і мовна ситуація на Україні. Один прошарок української канадської громадськості було введено в оману, інший — ще далі віддалився й став на ще ворожіші до українського народу позиції, що, звісно, нікому користі не принесло.

Вітер демократизації й гласності зламав чимало перешкод на шляху взаєморозуміння і взаємопізнання. Сучасні зміни на Україні переконливо доводять, що істина досягається під час діалогу.

Дальшому розвитку всебічних зв'язків Канади з Україною послужило перебування наприкінці 1989 р. в Києві прем'єр-міністра Канади Мартіна Браєна Малрупі, його офіційні переговори з керівниками Комуністичної партії та уряду України, зокрема, домовленість про відкриття у Києві Генерального консульства Канади. Питання розширення культурних, наукових і ділових зв'язків з канадсько-українською етнічною групою обговорювалося на офіційних бесідах активістів Товариства з рядом членів федерального парламенту, громадських діячів Канади, які висловили розуміння необхідності поживлення взаємних контактів, готовність сприяти їхньому розвитку.

Із створенням у Києві центру Міжнародної асоціації українців і Республіканської асоціації українознавців, відкриттям Міжнародного університету українознавства відчутно розширилися наукові, гуманітарні канадсько-українські зв'язки.

«Не пориваймо зв'язку з нашим корінням...» Така настійна вимога дедалі частіше лунає в середовищі українських етнічних груп за рубежом, у тому числі й у Канаді. Перебудовчі процеси, політика гласності в СРСР, конструктивність і реалістичність радянських мирних ініціатив, зрослий міжнародний авторитет Країни Рад відчутно впливають сьогодні на розум, свідомість, настрої тих іноземних громадян українського походження, які ще вчора перебували на відвертих позиціях противників культурного обміну з УРСР. Дедалі більше їх стає на шлях взаємних культурних контактів з Товариством, приїздить на Україну, аби на власні очі побачити економічні й культурні зрушення, викликані перебудовою.

Розділ XI

Українська радянська канадіана: суспільствознавство, публіцистика

Досить-таки графаретний вислів: «Чим більше ми знаємо про інші країни, про інші народи, тим ближчими ми стаємо один одному» тільки за сучасних умов справді наповнюється належним йому змістом. Особливо, коли мова йде про країни, народи, які перебувають у різних соціально-економічних системах. Адже не секрет, що раніше дослідники, публіцисти, звичайно, не всі, але ж переважна їх частина, вивчаючи капіталістичне суспільство, розповідаючи про нього, передусім намагалися віднайти у ньому лише негативні риси, підкреслити їх, а відтак підштовхнути читача до висновку, якщо не безпосередньо, то опосередковано, про перевагу соціалістичного буття. Ні, не того, майбутнього, згідно з марксистською теорією, а нинішнього, як тепер кажуть, «деформованого соціалізму». За умов демократизації суспільного життя й утвердження гласності у державній політиці й людських стосунках ми маємо змогу об'єктивніше відтворювати ті процеси, які відбуваються в країнах капіталістичного світу. Такий підхід допомагає долати перепони на шляху до порозуміння, коригувати стереотипні образи інших країн, інших народів або ж і зовсім від них відмовлятися. Саме з таких позицій ця книга відображає один з аспектів життя громади українського походження в Канаді — її зв'язки з землею батьків, а для більшості вже й дідів та прадідів.

Канада, її населення, культура, на наш погляд, об'єктивно мають викликати як науковий, так і суто пізнавальний інтерес. З одного боку, як підкреслювалось в одній з ґрунтовних праць радянських канадознавців, Канада у ХХ столітті перетворилась на велику індустріальну державу й має розвинуті, технічно оснащені промисловість і сільське господарство. Дослідникові, та й не тільки йому, а й тим, хто пізнає далекі краї з, так би мовити, власної ініціативи, цікаво, як же таких вершин досягла країна, яку французький просвітитель Вольтер свого часу нарік «убогою країною, яка вісім місяців на рік покрита льодом». З другого боку, ця країна, її культура певним чином зв'язана з нашою країною, культурою наших народів. Вихідці з України, Росії, Білорусії наприкінці ХІХ — на початку ХХ століття, а згодом їхні нащадки не тільки внесли значний вклад у розбудову канадської промисловості й особливо сільського господарства, а й в культурній мозаїці Канади знайшли своє місце і плекають традиції своїх предків.

Про Канаду у нас написано не так уже й багато. Не будемо аналізувати «канадський» доробок усіх радянських суспільствознавців і публіцистів, хоча

потреба й у цьому вже назріла, зокрема, з огляду визначення перспектив на майбутнє. Виходячи з конкретної теми книжки, спробуємо зробити саме такий аналіз української радянської канадіани. Хотілося б внести кілька уточнень щодо вживання самого терміну «українська радянська канадіана». Він, на наш погляд, повинен охоплювати все те, що написано про Канаду вченими й публіцистами у радянський час. Оскільки дослідження будь-якої канадської теми не може обійтися без українських сюжетів, то, безумовно, цінність української радянської історіографії значною мірою залежить від того, як ці сюжети відтворені на тлі загальноканадських процесів, як історіографія допомагає пізнавати сутність буття вихідців із України та їхніх нащадків у канадському контексті.

Якщо виділяти ці аспекти, то маємо відповіді на питання про місце канадців українського походження у суспільствознавчих дослідженнях на Україні. При ознайомленні з доробком українських радянських дослідників слід виділити принаймні три сфери суспільствознавства, де цей доробок якимось чином простежується: історичні, мовознавчі та літературознавчі дослідження. Саме в такому порядку аналізуватимуться проблеми, що знаходяться в полі зору представників цих галузей знань; вони доповнюються ще й публіцистикою. В огляді будуть згадуватися й роботи Петра Кравчука — дослідника й літератора-публіциста, діяча прогресивного руху канадських українців. Його праці виходили у видавництвах нашої республіки і, безперечно, стали надбанням української радянської канадіани.

Дослідження історії української трудової еміграції беруть свій початок від праць академіка АН УРСР А. М. Шлепакова. У 1957 році була опублікована його перша розвідка про українську імміграцію за океаном — «Жовтнева революція і піднесення демократичного руху серед української еміграції в США і Канаді». Через три роки по тому світ побачила ґрунтовна монографія «Українська трудова еміграція у США і Канаді (кінець ХІХ — початок ХХ ст.)». Книга досить детально відтворила умови життя українських селян, передусім тих регіонів, звідки й походить українська еміграція — Галичини, Буковини, Закарпаття і до деякої міри Лівобережної України. Тяжке соціально-економічне становище, підкреслюється у дослідженні А. М. Шлепакова, змушувало селянство шукати якогось порятунку від голоду й національного гніту. Саме це й спонукало багатьох мешканців західноукраїнських земель, Закарпаття та Буковини від'їздити до далеких Сполучених Штатів і Канади.

На широкому тлі американського та канадського життя у книзі показана адаптація переселенців з України до нових умов життя. Складним був цей процес. Однак, попри всі труднощі, українським іммігрантам жилося на новому

континенті, безумовно, краще, ніж їхнім співвітчизникам в рідному краї. Вони мали змогу влаштуватися на працю у канадських містах, але здебільшого тягнулися в степові провінції Канади, де було багато вільних земель, які часто-густо треба було відвойовувати у природи. Та у порівнянні з англійцями, що з часом перетворилися на панівну націю, або навіть з вихідцями з інших європейських країн, соціально-економічне становище та політико-правовий статус українців залишали бажати кращого. Тому закономірно у книзі відводиться чимало місця участі представників української трудової імміграції у суспільному житті країни, у боротьбі за соціальні права, проти етнічної й національної дискримінації, за поліпшення своєї долі у Канаді.

На сторінках згаданої монографії можна знайти й інший матеріал, зокрема про вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на активізацію демократичного руху серед українських іммігрантів, про збереження традицій українського народу у побуті й культурі в іншомовному, іншонаціональному оточенні, про зв'язки з землею батьків (на той час — це листування та плекання української культури у місцях поселення вихідців з України), про стосунки українців з представниками інших народів, які мешкали в Канаді. Щоправда, деякі сюжети не розкриваються, а констатується лише наявність їх в українському середовищі на канадській землі. З погляду сьогодення можна лише дивуватися, чому ці сюжети не знайшли наукового аналізу в працях українських радянських дослідників — істориків, етнографів. Адже кожен, хто бодай познайомлений з методикою історичного дослідження, не може заперечити того факту, що монографія А. М. Шлепакова заклала фундамент для вивчення української трудової імміграції, всіх її аспектів існування й розвитку на новому континенті.

Обставини склалися інакше. Сам дослідник звернувся до теоретичних проблем міграційних рухів, ролі іммігрантів з різних країн світу у суспільно-історичних процесах Сполучених Штатів. Разом з тим він не випускає з поля зору українські сюжети. 1981 р. англійською мовою у Торонтському видавництві «Кобзар» з'явилася книжка «Еміграція українців в Канаду: причини й обставини», де автор вводить в обіг нові дані, поглиблює аналіз причин, обставин і мотивів переселення українців за океан, узагальнює досвід власних наукових пошуків у цьому плані.

Минув досить-таки великий проміжок часу, поки тема української імміграції, нині вже у більш широкому контексті — етнонаціональному, привернула увагу істориків. Відзначимо, що про системне її дослідження поки що не йдеться. У 1972 р. у книзі «Національні проблеми Канади» з'явився розділ «Слов'янські групи Канади», де фрагментарно відтворюється побутова

культура представників української етнічної групи Канади. Така ж фрагментарність властива й іншим історичним дослідженням, які побачили світ у сімдесяті роки. Так, зокрема, у книзі доктора історичних наук Л. О. Лещенка про фермерський рух у Канаді 1900—1939 рр. ідеться про внесок українських іммігрантів у розбудову сільського господарства Канади. Автор показує умови, в яких доводилося на той час жити і працювати українським фермерам, торкається проблем адаптації українців в сільській місцевості Канади, відтворює прагнення переселенців створити у місцях масового поселення атмосферу українськості — плекання традицій і звичаїв своїх предків.

Матеріал книги Л. О. Лещенка про господарську і суспільну діяльність канадських фермерів українського походження, звичайно ж, не охопив всієї її багатогранності. Разом з тим він відкрив шлях до глибоких й узагальнюючих роздумів про долю сільських трударів з України та їхніх нащадків, які, змінивши континент, не змінили своєї відданості землі впродовж століття. На сьогодні в українській радянській історіографії немає також праці про вклад вихідців з України у промисловий розвиток Канади, та й взагалі про еволюцію їх структури зайнятості.

Вагомим у вивченні історії й сучасного становища української трудової імміграції та її нащадків у Канаді міг би стати започаткований, але, на жаль, не продовжуваний, історіографічний огляд робіт канадських авторів про процеси в українській етнічній групі Канади. Мається на увазі виданий Інститутом наукової інформації з суспільних наук АН СРСР аналітичний огляд «Боротьба національних меншостей в Канаді за свої права», який був підготовлений істориками Чернівецького державного університету Ю. І. Макаром та О. І. Сичем. В основу розділу «Українська трудова імміграція: її життя і боротьба» покладений аналіз доробку кількох канадських дослідників українського походження, серед них — П. Кравчука, М. Шатульського, В. Ісаїва, В. Петришина та інших. За післявоєнний період у Канаді написано чимало праць про українців першого та наступного поколінь в контексті канадської дійсності. Особливо багато видань з'явилося в 1960-му і на початку 1980-х рр.— в період так званого етнічного ренесансу, коли в середовищі вихідців із різних кінців світу спостерігається гострий інтерес до свого походження, до історії своїх предків. Звичайно, не все з написаного об'єктивно (скажімо, без перебільшення або ж чітко вираженої політико-ідеологічної спрямованості) відтворює події. Та в будь-якому випадку, ознайомлення сучасного українського читача з цим доробком (через рецензії, огляди, коментарі), без сумніву, прислужилося б справі створення історії української трудової імміграції.

Нині, коли людство повсякденно відчуває необхідність спілкування,

консолідації зусиль з метою відвернення загрози ядерної катастрофи, особливої ваги набуває інформація про те, що робиться у цьому напрямку у різних країнах земної кулі. Праці кандидата історичних наук О. О. Ковальчук розповідають про внесок прогресивних сил канадських та американських громадян українського походження у загальнолюдську боротьбу за мир і розрядку, дружбу між народами. У них ідеться про інтернаціоналізм, в основі якого лежить піклування про долю майбутнього всього людства. У своїх дослідженнях О. О. Ковальчук наголошує на традиціях такого єднання. Формуванню цих традицій, зокрема в період Іспанської республіки (1937—1939 рр.), присвятив свої роботи відомий історик, член-кореспондент АН УРСР Ф. П. Шевченко. Саме із розвідок Ф. П. Шевченка український читач вперше довідався про те, що у важкий для республіки час чимало канадців українського походження із зброєю в руках допомагали іспанцям відстоювати свободу і демократію. А у монографії Л. О. Лещенка «СРСР і Канада в антигітлерівській коаліції» відтворена допомога радянському народові у роки другої світової війни.

Вже зазначалося, що українські радянські історики поки що мало уваги приділяють дослідженню тих процесів, які відбуваються в середовищі української етнічної групи, починаючи з 1960-х років і кінчаючи цим часом. Перед дослідниками відкривається непочатий край роботи. Сьогодні можна назвати кілька праць, у яких проблеми сучасного стану українських канадців якоюсь мірою стають предметом вивчення. Це стаття А. М. Шлепакова і В. Б. Євтуха про сутність української етнічності у Сполучених Штатах Америки та Канади та праці доктора історичних наук, професора Київського університету В. І. Наулка про деякі аспекти соціально-економічного становища і етнокультурного розвитку українців в Канаді. Певна заявка на поглиблення вивчення історії та сучасного розвитку української етнічної групи зроблена в доповідях на наукових конференціях та в окремо виданих матеріалах.

На початку 1960-х р. у радянському українському суспільствознавстві був відкритий новий напрямок у вивченні заокеанської імміграції — дослідження мовних процесів в українських етнічних групах Сполучених Штатів і Канади. Його започаткував відомий радянський мовознавець професор Ю. О. Жлуктенко. 1964 р. вийшла його ґрунтовна монографія «Українсько-англійські міжмовні відносини», що стала першим у нашому мовознавстві дослідженням статусу української мови в країнах Північної Америки та її взаємодії з англійською мовою. У передмові до книги поет Микола Тарновський, зокрема, відзначав: «Радісно тепер держати в руках книгу ще одного радянського українського вченого — Ю. О. Жлуктенка, який поставив собі мету

проаналізувати одну з галузей життя наших братів і сестер. Праця Ю. О. Жлуктенка порушує вже зовсім нове питання: не тільки те, як живуть заокеанські українці, але й те, як вони розмовляють. На багатому фактологічному матеріалі автор робить висновок, що українська мова, яка зберігається переважно на побутовому рівні, розвивається за законами мовної ситуації країни проживання. Тому для української мови, скажімо, Канади властиві такі явища, як фонетична, граматична та лексична інтерференція з чітко вираженим асимілятивним впливом англійської мови. Останній досить очевидно виявився у вимові, можливо дещо менше у морфологічній системі власної мови канадських та американських українців, але найбільше цей вплив дає себе знати у лексиці, зокрема це виявляється у масовому проникненні англіцизмів у мову українських іммігрантів та їхніх нащадків.

У подальших своїх дослідженнях Ю. О. Жлуктенко розвиває основні положення, висунуті ним у згаданій монографії. Цікавою стане нова праця, підготовлена авторським колективом на чолі з Ю. О. Жлуктенком в Інституті мовознавства ім. О. О. Потебні АН УРСР — «Українська мова на лінгвістичній карті Канади». Вона вийде до 100-літнього ювілею перших українських поселенців у Канаді. Зазначимо, що досвід та деякі наукові положення праць Ю. О. Жлуктенка були використані нами у доповіді «Маргінальність канадців українського походження: мовні та етнічні параметри» на міжнародному симпозіумі «Мова та етнічність» (м. Баку, 1988 р.), яка незабаром побачить світ у збірнику, складеному за матеріалами симпозіуму.

Українознавчі аспекти ґрунтовно висвітлюються і в досить цікавій книзі «Міжмовні відносини і мовна політика», автори якої — співробітники Інституту мовознавства. Функціонування української мови у Канаді, про це йдеться у книзі, дає підстави для поглибленого аналізу її взаємодії з мовами обох канадських націй та етнонаціональних груп. Однак, на жаль, у книзі, виданій на Україні, занадто мало місця відведено українській мові в цій країні.

У передмові Миколи Тарновського до згаданої книги «Українсько-англійські міжмовні відносини» є думка, що привертає до себе увагу. «Хочеться вірити,— пише поет,— що крім цих авторів (Ю. О. Жлуктенка, деяких американських авторів українського походження.— Авт.), з'являться ще дослідники та історики літератури, які розглянуть і дадуть належну оцінку літературному доробку наших заокеанських братів і сестер — українських робітничих письменників, які чекають поради від братів з Радянської України. Колись, у 20-х роках, можна було частіше зустріти статті досвідчених письменників і літературознавців, які не залишали поза увагою навіть дуже скромні спроби тодішніх заокеанських письменників-початківців. Не можна тут

не згадати таких радянських літераторів, як В. Блакитний, В. Коряк, М. Ірчан, І. Кулик та інших, які давали поради і заохочували тих, що були далеко від рідної землі. Добре було б також поцікавитися й художньою самодіяльністю, фольклором тощо».

З жалем доводиться констатувати, що літературний доробок україномовних письменників Канади залишається поза увагою радянських українських дослідників. Сьогодні в українському літературознавстві немає фахового аналізу того, що зроблено професійними і непрофесійними письменниками українського походження, й ролі української радянської літератури у культурно-освітньому житті імміграції. Щоправда, останній аспект певною мірою висвітлюється у розвідках радянських авторів, коли мова йде про переклади на англійську мову (про це, наприклад, пише львівська дослідниця Роксоляна Зорівчак). Що ж до літературного процесу в українській етнічній групі, то ми отримуємо інформацію лише з передмов до художніх творів, опублікованих на Україні. Наприклад, до романів Дж. Риги. До речі, у статті Валерія Грузіна в журналі «Всесвіт» (1988, № 12) порушується актуальна проблема, що виходить за рамки аналізу доробку окремої особи,— проблема співвідношення творчої діяльності осіб українського походження у Канаді з творчим надбанням всього українського народу. Дослідникам, безумовно, треба дати відповідь на це питання. Адже столітня історія української імміграції в Канаді беззаперечно підтверджує наявність постійних контактів у духовному житті України й Канади. Хай і трансформуються традиції, хай і набирається канадського колориту існуюча в цій країні українська література, та не позбавляються вони тих рис, які єднають їх. Щоправда, у трьохтомному виданні «Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті», підготовленому Інститутом літератури АН УРСР, кілька сторінок присвячено доробку українських письменників, які мешкали в Канаді (І. Кириак, М. Шатульський). Однак вони, як і інші згадки про діяльність українсько-канадських літераторів, не можуть задовольнити читача.

Докладна інформація про літературу канадців українського походження міститься у книзі Петра Кравчука «Українська література в Канаді», яка вийшла у видавництві «Дніпро» 1964 р. Але знову ж таки ця робота належить перу канадського автора й охоплює тільки певну частину літературного доробку. Зазначимо, що література української етнічної групи є предметом постійного аналізу в окремих виданнях Канади, зокрема, журналі «Канадські етнічні дослідження».

Що ж стосується висвітлення етнокультурних процесів в українському суспільствознавстві, то важко знайти хоч одне якесь систематизоване

дослідження. Звичайно, зацікавлений читач може дістати певну інформацію в публікаціях, які з'являються час від часу у радянських виданнях. Зокрема, вона міститься в статтях відомого українського етнографа В. І. Наулка.

Перед тим як викласти узагальнення, бодай коротко зупинимось на внеску публіцистики у поглиблення знань про частину українського етносу у Канаді. Той, хто стежить за цією проблематикою, може підтвердити, що, принаймні за обсягом, на сьогоднішній день він чималий. Це і окремі видання про Канаду, в яких міститься матеріал про вихідців з України та їхніх нащадків, це і есе, розвідки, де об'єктом розповіді є ті чи ті аспекти життя української громади Канади. Чи не найбільший внесок в ознайомлення читачів з історією та сучасністю наших співвітчизників у Канаді зробив журнал «Всесвіт». На його сторінках ми знаходимо статті про міграцію українців до Канади, складність їхнього пристосування до нових умов життя, налагодження контактів з англоканадцами, франко-канадцами, іммігрантами з інших країн, передусім слов'янських. Журнал постійно друкує матеріали про діяльність організацій трудової імміграції з України, про ставлення її до суспільних процесів у нашій республіці (наприклад, про рух солідарності з Країною Рад після Великої Жовтневої соціалістичної революції, в період Великої Вітчизняної війни), про роль преси у згуртуванні вихідців з України на чужому континенті, про суспільно-культурні зв'язки з громадськими організаціями та художніми колективами Української РСР. Серед авторів — Петро Кравчук, Арнольд Шлепаков, Олена Ковальчук, Володимир Євтух та інші.

Останнім часом — це переважно статті Валерія Грузіна, заступника головного редактора «Всесвіту», — журнал вмістив проблемні матеріали про процеси в українській етнічній групі Канади (див., скажімо, «Фатум асиміляції чи боротьба за своєрідність», «Спростування аксіоми»). Безумовно, нова для журналу традиція знайде своє продовження — адже в умовах «етнічного ренесансу» над долею українського народу на Україні та за її межами суцього, над можливістю поєднання культурних надбань нації української та її пагіння у всьому світі замислюються все більше і більше людей як на Україні, так і у далекій Канаді.

Коли мова заходить про публіцистику, її роль у пізнанні різних граней життя канадських українців, згадуємо ім'я видатного діяча української трудової імміграції у Канаді Петра Кравчука. Саме він (маються на увазі роботи, опубліковані у республіканських видавництвах УРСР) відкрив українському масовому читачеві багато невідомих сторінок життя і боротьби вихідців з України за свою долю, познайомив його з культурно-просвітительською та художньою діяльністю організацій, розповів про внесок української

громадськості Канади у рух за мир, за розвиток стосунків з Радянською Україною.

Літературно публіцистичні твори Олексія Полторацького, Віталія Коротича, Любомира Дмитерка, Ростислава Братуня, Олександра Підсухи, Йосипа Цюха та інших письменників внесли й свою частку до рівня інформованості нашого читача про Канаду в цілому та українську етнічну групу зокрема. З позицій сьогодення здається зайвим прагнення обов'язково виявити своє ставлення до українського буржуазного націоналізму, хоча за логікою викладу матеріалу це не завжди було необхідним. Згадаймо передмову до книжки П. Кравчука «Листи з Канади», художньо-публіцистичні оповіді Богдана Мельничука «Канадські зустрічі», які вийшли у 1988 р. у видавництві «Радянський письменник».

Отже, огляд доробку українських радянських суспільствознавців і публіцистів свідчить про чималий інтерес до життя співвітчизників та їхніх нащадків у Канаді. Однак очевидно і те, що він реалізується далеко не повністю. Адже ще й досі в республіці немає комплексної книги про історію еміграції та сучасне становище представників української етнічної групи у Канаді; вочевидь назріла необхідність видання й довідника про українців у всьому світі, книг про українські традиції у культурі й побуті країн поселення вихідців з України. Сьогодні ми маємо проаналізувати, в якому співвідношенні перебувають ті, хто покидав рідну країну в різні часи, з українським народом, який має своє державне утворення тощо. Праці, про які йшлося в цьому розділі, склали певну базу для наукових пошуків про долю осіб українського походження в минулому і сучасному. Важливо не втратити того, що досягнуто, й не зупинитися, а піти далі, залучаючи до співпраці всіх закордонних колег з метою створення об'єктивної, реальної картини про українців у зарубіжному світі.

Пропонуємо читачам літературу радянських дослідників, де йдеться про українську еміграцію в Канаді.

1. Ж л у к т е н к о Ю. О. Українсько-англійські міжмовні відносини. Українська мова у США і Канаді. — К., 1964.

2. Ж л у к т е н к о Ю. О. Явища інтерференції в писемній мові двомовців. — Вісник Київського університету. Серія «Іноземна філологія». — Вип. 6. — К., 1972.

3. Є в т у х В. Б. Вплив науково-технічної революції на структурну асиміляцію етнічних груп США і Канади. — Історичні дослідження: Історія зарубіжних країн. — Вип. 2. — К., 1976.

4. Е в т у х В. Б. Трансформация культуры этнической группы в условиях

инонаціональної середовища (на прикладі американців і канадців українського походження).— Всесоюзна наукова сесія по результатах етнографічних і антропологічних досліджень. 1986—1987 рр.— Сухуми, 1988.

5. Є в т у х В. Б., Ковальчук О. О. Українська прогресивна імміграція США і Канади у боротьбі за мир і розрядку.— Український історичний журнал.— 1982.— № 10.

6. Евтух В. В., Шлепаков А. П. Етичність в переселенчеських анклавів: американці і канадці українського походження.— Етнічні процеси в СРСР і США. Матеріали радянсько-американського симпозиуму.— М., 1985.

7. Ковальчук Е. А. Участь української трудової еміграції Канади в русі солідарності з радянським народом (1917—1945) // Зарубіжний світ: соціально-політичні і економічні проблеми.— Вип. 5.— К., 1983.

8. Ковальчук О. О. Проти сил війни і реакції. — Ужгород, 1984.

9. Лещенко Л. О. СРСР і Канада в антигітлерівській коаліції.—К., 1973.

10. Лещенко Л. А. Фермерське русі в Канаді (1900-1939 рр.).- К., 1979.

11. Макара А. Ю. Українська трудова імміграція в канадських преріях (1891—1914): поселення і заняття.— Всесоюзна сесія по результатах польових етнографічних і антропологічних досліджень. 1982—1983.— Чернівці, 1984.

12. Макара Ю. И., Кожелянко Г. К. Музей-село українського культурного спадку в Канаді.— Всесоюзна сесія по результатах польових етнографічних і антропологічних досліджень. 1982—1983 — Чернівці, 1984.

13. Макара Ю. И., Сыч А. И. Боротьба національних меншинств в Канаді за свої права.— М., 1985.

14. Межязикові відносини і мовна політика.—К., 1988.

15. Паулюк В. І. Етносоціальні процеси серед канадців українського походження. — Народна творчість і етнографія.— 1982.— № 2.

16. Овчаренко П. Ф. Українська література на канадській землі.— Українська література в загальнослов'янському і світовому літературному контексті. - Т. 3.- К., 1988.

17. Шевченко Ф. П. Рота ім. Тараса Шевченка в боях проти фашизму в Іспанії.— Український історичний журнал.— 1961.— № 1.

18. Шлепаков А. М. Жовтнева революція і піднесення демократичного русі серед української еміграції в США і Канаді.— К., 1957.

19. Шлепаков А. М. Українська трудова еміграція у США і Канаді

(кінець XIX — початок XX ст.).-К.,1960.

20. Шлепаков А. П. Славянские группы Канады.— Национальные проблемы Канады.— М., 1972.

21. Ukrainian Emigration to Canada: Reasons and circumstances.— Toronto, 1984.

Розділ XII

Канадські українці в русі за утвердження нового політичного мислення в міжнародних відносинах, за мир і співробітництво

Прогресивні організації українських канадців мають давні і славні традиції послідовних виступів за мир, міжнародне співробітництво і взаєморозуміння між народами. Вони завжди усвідомлювали, що лише за мирних умов можуть бути реалізовані прагнення людей до добробуту і щастя, а в даній конкретній ситуації — ще й втілені в життя бажання розвивати взаємовигідні культурно-освітні та мистецькі зв'язки з Україною. Рух українських канадців не був простим, знав він спади і піднесення, прикрі недоліки і добрі успіхи. Незмінним залишалось щире прагнення до миру, діалогу і співробітництва.

Після другої світової війни зріс престиж і авторитет Радянської держави, її міжнародний вплив. Жодне важливе питання світової політики не могло бути розв'язане без її участі. Проте недругів миру не влаштовувало посилення позицій соціалізму. «На місце посіяних в серцях народних мас надій на тривалий мир, на творчу післявоєнну відбудову і співдружбу між усіма демократичними народами, основаними на тривалому співробітництві... почато засівати пропаганду розпалювання нової світової війни»,— зазначалось на III з'їзді Товариства об'єднаних українських канадців.

Початок політиці «холодної війни» поклала, як відомо, горезвісна промова У. Черчілля 5 березня 1946 р. в місті Фултоні. В цій промові проголошувався «хрестовий похід» проти соціалізму і висувалася програма американо-англійського світового панування. Сполучені Штати Америки під гаслом захисту «демократії» вдалися до методів «холодної війни». Зі свого боку, бруталний сталінський режим полегшував створення «образу ворога» і нагнітання міжнародної напруги.

У грізний час «холодної війни» і зростання воєнної загрози питання про мир набуло першорядної ваги. У кожній країні воно постало як найголовніше всенародне, загальнонаціональне завдання. «Одвічна людська мрія не стане дійсністю сама собою. Але вона прийде в результаті тих величезних зрушень,

що сталися в боротьбі за мир у цьому ХХ сторіччі»,— наголошувалось на ІХ з'їзді ТОУК.

Характерна особливість післявоєнного періоду — дедалі більша активна участь народних мас у розв'язанні питань, що викликали міжнародну напругу. Народний рух за мир набирав дедалі ширшого розмаху, виникали нові його форми. ТОУК, РЗТ та їхні прихильники стали складовою частиною громадського руху в боротьбі за мир і роззброєння. Коли загроза війни стала реальною, прогресивні зарубіжні українці закликали своїх співвітчизників «ще з більшою самопопосвятістю, як в минулому, взяти на себе зобов'язання для активної участі за загальне роззброєння — за мир, за покінчення з «холодною війною» і всіма її лихами».

Слід зазначити, що ТОУК, РЗТ відіграли значну роль в організації і діяльності Канадського слов'янського комітету (КСК), який координував зусилля демократично настроєних канадців з України, Росії, Польщі, Чехії, Словачії, карпато-руського, македонського і болгарського походження. Політичне кредо КСК було яскраво відображено в його Зверненні до всіх слов'янських канадців 1 вересня 1948 р. під назвою «Об'єднуйтесь для збереження миру». Підписали його голова КСК І. Бойчук (член ТОУК), Дж. Бойд (член ТОУК) і Г. Окулевич (Федерація російських канадців). У Зверненні застерігалось, що світ стоїть на перехресті доріг: «По якому шляху він піде? До миру й безпеки, для якого мільйони недавно по жертвували своїм життям,— чи до іншої війни, яка буде страшнішою, ніж остання, яка загрожує знищенням мільйонів людей і цілих націй?»

До цього питання ми, слов'янські народи в Канаді, не байдужі.

Ми хочемо миру. Ми хочемо знати, що ми і наші сини ніколи більше не підуть воювати і що наші міста і житла будуть захищені від розруйнувань.

Слов'янське братство і солідарність зробили можливим гігантський внесок слов'янських народів в недавній останній війні проти фашизму. Тільки палії війни стоять нині на перешкоді просуванню народів до прогресу. Ось чому канадські слов'яни вважають своїм обов'язком внести свій внесок у справу збереження миру».

Однією з умов успішного руху за мир, проти сил «холодної війни» представники слов'янського прогресивного руху небезпідставно вважали саме солідарність людей, незалежно від їх національності, кольору шкіри, політичних і релігійних поглядів. ТОУК, РЗТ завжди стояли на позиціях пролетарського інтернаціоналізму, закликали всіх трудящих єдиними лавами відстоювати свої інтереси, мир у всьому світі, оскільки єдність — найперша запорука успіхів.

Важливим кроком на шляху інтернаціонального єднання слов'ян Канади в русі за мир став III з'їзд ТОУК, що проходив у лютому 1948 р. Велику увагу він приділив питанням єдності слов'янського населення Канади. Секретар Товариства П. Прокопчак у своїй доповіді підкреслив: «Ми стоїмо за слов'янську солідарність в Канаді як чинника, що розвиває братство і дружбу між всіма національними групами канадського народу і зміцнює фронт боротьби за мир, проти паліїв нової світової війни». З'їзд прийняв резолюцію, в якій наголошувалося, що «слов'янська єдність є одним із засобів боротьби за досягнення тривалого миру, безпеки і зміцнення демократії».

Січень 1948 р. Канадський слов'янський конгрес оголосив місяцем солідарності слов'ян Канади, який пройшов під гаслами за загальний мир у світі, за дружбу народів, співробітництво з Радянським Союзом і країнами народної демократії, проти паліїв війни. Найбільша маніфестація відбулася в Торонто, в якій взяло участь 7 тисяч чоловік, що представляли 18 слов'янських організацій. Подібні заходи мали місце у Вінніпегу, Віндзорі, Едмонтоні та ряді інших міст. Мітинг слов'ян, який проходив у Торонто, було проведено повторно, в зв'язку з тим, що зал не зміг вмістити всіх бажаючих.

З великим успіхом пройшов місяць солідарності слов'ян Канади і в 1949 р. У 30 місцевостях були проведені масові заходи з участю українських трударів. Водночас було організовано збір коштів у Фонд миру. Як повідомляв відповідальний секретар Канадського слов'янського конгресу, українець за походженням, Джон Бойд, лише за 4 місяці 1949 р. зібрано близько 4 тисяч доларів. Крім мітингів, маніфестацій, зборів, концертів, в ряді міст вдалось організувати радіопередачі. Зокрема, в січні 1953 р. вони прозвучали в Тіммінсі, Едмонтоні, Ванкувері та інших містах.

Січень став традиційним місяцем солідарності слов'ян Канади. Ці кампанії проходили з великим успіхом. В місцевостях, де існували слов'янські комітети, під час масових заходів роз'яснювалося значення солідарності слов'ян у боротьбі за мир, демократію, підкреслювалася необхідність політики міжнародного співробітництва, боротьби проти паліїв війни. Безперечно, важливе значення мав інтернаціональний характер миролюбного руху етнічних груп Канади того періоду. Керівництво слов'янських, в тому числі українських, організацій вважало цю лінію діяльності однією з головних. Слід підкреслити, що в заходах, організованих канадськими слов'янами, брали участь і канадці неслов'янського походження, що також сприяло їх об'єднанню в загальних виступах за демократичні права, за мир.

Важливою формою боротьби за мир, за відвернення третьої світової війни

став збір підписів під Стокгольмською відозвою ⁴³ і Пактом миру ⁴⁴, який набрав широкого розмаху в усьому світі.

Центром цього руху в Канаді, як і всієї боротьби за мир, починаючи з 1950 р., став Канадський конгрес миру (ККМ), активними діячами якого є члени і прихильники ТОУК, РЗТ. Необхідно зазначити, що з дня створення і до сьогоднішніх днів жодна етнічна група Канади не підтримувала ККМ так активно, як українська. Не було жодної кампанії конгресу, в якій не взяли б найактивнішу участь прогресивні канадці українського походження, а їхня преса щедро надавала свої сторінки для різноманітних матеріалів та оголошень.

Перший Канадський конгрес миру схвалив Стокгольмську відозву і накреслив план конкретних дій, спрямованих на посилення участі канадців в кампанії по збиранню підписів.

Не слід забувати, що збір підписів проводився в надзвичайно складних умовах. Борці за мир, для яких ця кампанія стала справою честі, виявляли немалу громадянську мужність. У Канаді учасники руху за мир часто зазнавали переслідувань.

Преса української прогресивної громади широко пропагувала всі етапи боротьби за мир. Участь у збиранні підписів під Стокгольмською відозвою, — закликала «Українське життя», — найважливіше завдання усіх трудящих Канади, тут не повинно бути ні пасивних, ні нейтральних. Що ви робите для миру? Чи стоїте ви в перших лавах тих, хто бореться за мир? Скільки підписів зібрали на підтримку вимоги Пакту миру? — зверталася до читачів інша газета ТОУК — «Українське слово». «Укладення Пакту миру, — зазначалось у зверненні ТОУК, — покладе тверду основу для припинення гонки озброєнь і переозброєння фашистських злочинців, усуне загрозу війни і створить умови для мирного співіснування обох соціальних систем — соціалізму і капіталізму на довгі роки». Звернення закликала канадців українського походження взяти найактивнішу участь у цій кампанії.

Українка Анна Мойсюк збрала під Пактом миру понад 3 тисячі підписів. Розалія Андоній, член ТОУК з Едмонтонa, збрала понад 600 підписів під Стокгольмською відозвою і понад 900 — під Пактом миру. «Я намагаюсь не

⁴³ Стокгольмська відозва — звернення Постійного комітету Всесвітнього конгресу прихильників миру до народів земної кулі, прийняте 19 березня 1950 р. у Стокгольмі. Стокгольмська відозва вимагала заборони атомної зброї як зброї залякування і масового знищення, встановлення суворого міжнародного контролю за виконанням цього рішення і оголошення злочинцем того уряду, який першим застосує її у будь-якій війні.

⁴⁴ У лютому 1951 р. Всесвітня Рада Миру в Берліні прийняла звернення, в якому вимагала укладення Пакту миру між урядами п'ятьох великих держав: СРСР, США, Великобританії, Франції і Китаю.

пропустити жодного випадку, щоб звернутися до людей...— говорила вона.— Обійшла всіх жителів від будинку до будинку. Були випадки, коли господарі, дізнавшись про мету мого візиту, закривали переді мною двері... Деякі з них були запеклими реакціонерами, але більшість — чесні, проте обдурені люди, що стали жертвою пропаганди паліїв війни». Через 25 років (1976 р.) Р. Андоній за активну участь у збиранні підписів була нагороджена медаллю Всесвітньої Ради Миру.

Член ТОУК Данило Романишин, інвалід, ветеран інтербригади громадянської війни в Іспанії, зібрав понад 500 підписів під Стокгольмською відозвою і стільки ж під Зверненням Всесвітньої Ради Миру. «Я не хочу бачити світ, в якому буде більше сиріт,— говорить Д. Романишин.— Я хочу бачити землю, яка приносить плоди під мирним сонцем, а не руйнується атомними бомбами. Я хочу, щоб люди, які творять і будують, могли б робити це, не боючись, що їх праця буде знищена. Ось чому я працюю і буду продовжувати працювати до самої смерті на благо народу».

Канадці українського походження разом з представниками інших національностей країни виступили на підтримку кубинської революції. В багатьох містах були створені спеціальні організації, які своєю метою мали розвінчувати фальсифікації подій на Кубі шляхом організації публічних мітингів, показу фільмів, розповсюдження літератури, а також влаштування туристичних поїздок у цю країну. В Торонто була створена група «За справедливість для Куби», у Вінніпегу діяв комітет за чесну політику щодо Куби. Було проведено ряд кампаній за скасування економічних санкцій проти Куби, проводились збирання коштів її народів. 1961 р. Канадський конгрес жінок зібрав для дітей Куби 5 тис. доларів — половина цієї суми надійшла від ТОУК. У 1962 р.— ще 4 тис. доларів.

Широкого розмаху в Канаді набула кампанія на підтримку в'єтнамського народу. Українці, разом з представниками інших національностей країни, проводили масові мітинги, демонстрації, в яких засуджували американську інтервенцію, висловлювали солідарність з героїчним в'єтнамським народом і впевненість у його перемозі. Вони вимагали від свого уряду припинити продаж зброї США, значна частина якої використовувалась проти В'єтнаму. Постійно провадились збори коштів для в'єтнамського населення. Так, тільки членами жіночого комітету ТОУК протягом 1968—1969 рр. було зібрано 2,5 тис. доларів, понад 950 доларів — на будівництво лікарні. На Всесвітньому конгресі молоді (1971 р.) в Чілі канадська делегація зобов'язалась зібрати для в'єтнамського народу 20 тис. доларів, а члени ТОУК — 2 тис. (зібрали 2 876 дол.). Протягом 1972—1974 рр. канадці українського походження передали 2

477 доларів для в'єтнамського центру матері і дитини.

Президент Конгресу канадських жінок М. Денис у листі до жінок українського походження висловила всім членам і прихильникам ТОУК, РЗТ вдячність за співпрацю і матеріальну допомогу. Вона відзначала, що активна участь канадців українського походження в цих кампаніях дала змогу Конгресу канадських жінок надіслати багатьом країнам світу десятки тисяч доларів. Куба і В'єтнам — два яскравих приклади.

Члени ТОУК, РЗТ завжди намагались говорити правду про Радянський Союз, про його миролюбну зовнішню політику. На численних прикладах вони розвіювали міф про «радянську воєнну загрозу». Робити це доводилось у важких умовах, бо один із стереотипів буржуазної пропаганди полягав у тому, що схвалювати радянські мирні ініціативи і виступи проти гонки озброєнь «непатріотично».

Член ТОУК М. Прокопчак свій виступ на конференції Торонтського товариства за мир, яка відбулася в січні 1981 р., присвятила розвінчанню вигадок про «радянську загрозу». Спираючись на дані про співвідношення сил членів НАТО і держав-учасниць Варшавського договору, зібрані італійським сенатором, колишнім заступником головнокомандуючого сил НАТО в Європі Ніно Пасті, доповідачка відзначала, що «радянська загроза» безпеці Заходу — це міф.

Матеріали, що вміщуються в пресі ТОУК, переконують читачів у згубних наслідках використання ядерної зброї. Третя світова війна могла б означати кінець людської цивілізації, загибель планети Земля. Члени ТОУК, РЗТ і їхні друковані органи на конкретних прикладах показують згубні наслідки можливого збройного конфлікту. «Мирне співіснування або неіснування», — таку назву мала одна з багатьох редакційних статей газети «Життя і слово», які були присвячені питанням війни і миру. Нині, підкреслювалося в згаданій публікації, питання стоїть тільки так: мирне співіснування або ніякого існування, боротьба за ядерне роззброєння або ядерна катастрофа; боротьбі за мир немає і не може бути ніякої альтернативи; або перемаже мир, або загине людство.

Роззброєння — веління часу. Саме життя ставить альтернативу — або гонку озброєнь буде зупинено, або воєнна машина поглинати все більше і більше життєво необхідних коштів, що неминуче призведе до катастрофи. Необхідно використати всі можливості, щоб зупинити гонку озброєнь», — закликала газета «Життя і слово».

Конференція Товариства об'єднаних українських канадців, яка відбулася 15—16 травня 1976 р. у Ванкувері, прийняла, зокрема, такі рішення: зібрати

якнайбільше підписів під Стокгольмською відозвою⁴⁵ за відвернення загрози ядерної війни; взяти участь у кампаніях протесту проти нарощування запасів американської зброї масового знищення поблизу канадських кордонів; підтримати положення Стокгольмської відозви про розрядку міжнародної напруженості, мирне співробітництво між державами, скорочення витрат на озброєння і проведення переговорів про загальне роззброєння. Під другою Стокгольмською відозвою канадці поставили понад мільйон підписів, значну частину яких зібрали канадці українського походження. Так, наприклад, Василь Юречко зібрав 10 046 підписів, за що 1976 р. був нагороджений медаллю Всесвітньої Ради Миру, Степан Петраш з дружиною — понад 9 тисяч, Анна Кренц—5 616. Прогресивні сили Канади виступають проти участі своєї країни у Північноатлантичному блоці та в системі протиповітряної оборони Північної Америки (НОРАД), на підтримання і озброєння яких витрачаються мільйони доларів. Член ТОУК Л. Прокопчак, виступаючи на конференції Торонтського товариства за мир, яка відбулася в 1981 р., заявив, зокрема, про недемократичність НАТО і НОРАД, оскільки контроль над зброєю в арсеналах цих блоків залишається переважно в руках уряду США та його генералів. Він прийшов до висновку, що однією з умов збереження миру є «ліквідація всіх воєнних альянсів». З активізацією руху за мир Канадський конгрес миру (ККМ) перетворився на одну з найпопулярніших громадських організацій країни, в лавах якої є відомі політичні діячі, вчені, представники церкви, профспілок, прогресивних організацій, студентської і робітничої молоді. ККМ запропонував проголосити Канаду без'ядерною зоною. На заклик конгресу в усіх провінціях проходив збір підписів з вимогою припинити випробування крилатих ракет у провінції Альберта. В петиції зазначалось: «Ми вимагаємо ліквідації усіх угод і договорів, котрі прямо чи побічно можуть зробити Канаду співучасницею стратегії «першого удару». Канада повинна стати зоною, вільною від ядерної зброї...»

Значна частина населення Канади підтримала цю відозву. У парламент країни було внесено пропозицію провести загальний референдум з питань роззброєння. За проведення референдуму проголосувало 140 міст, його підтримала майже половина депутатів парламенту.

Активними учасниками руху за проголошення Канади зоною, вільною від ядерної зброї, є канадці українського походження. Так, XXXV з'їзд ТОУК схвалив резолюцію, що закликала всіх членів та прихильників взяти

⁴⁵ Мається на увазі друга Стокгольмська відозва (1975 р.) Постійного Всесвітнього конгресу прихильників миру, під якою поставили свої підписи понад 700 мільйонів чоловік.

найактивнішу участь у цьому русі. Члени відділення ТОУК міста Гамільтона на одному зі своїх мітингів звернулися до міської ради із закликом проголосити місто зоною, вільною від ядерної зброї; 31 травня 1983 р. міська рада прийняла таку резолюцію. Як відзначалось у місцевій пресі, резолюція з цього питання була запропонована Товариством об'єднаних українських канадців. Зонами, вільними від ядерної зброї, проголошено також Вінніпег і Ванкувер.

Значне місце у багатогранній діяльності ТОУК, РЗТ та інших подібних організацій посідають заходи на користь миру, зміцнення дружби між народами, розрядки міжнародної напруженості. Значення цієї активності виходить далеко за межі лише українських етнічних груп. Прогресивна громадськість бере активну участь у демократичному русі й водночас популяризує мирні ініціативи Радянського Союзу, обстоює необхідність запровадження нового політичного мислення в міжнародні відносини. За невтомну працю на ниві миру і роззброєння, відвернення світового конфлікту прогресивні українські організації користуються повагою і визнанням світової громадськості. В зв'язку з 90-річчям поселення українців у Канаді (1981 р.) ТОУК отримало сотні вітань від багатьох організацій з різних країн. У святковій телеграмі Комуністичної партії Канади відзначалось, що прогресивні сили української громади — стійкі борці за мир, розрядку і роззброєння. Канадський конгрес Миру висловив глибоку вдячність «за величезну підтримку... для наших зусиль за встановлення контролю над страхітливими озброєннями... за вагомий внесок в боротьбу за мир». Голова Всесвітньої Ради Миру Ромеш Чандра під час візиту до Канади (червень 1982 р.) наголошував, що члени і прихильники ТОУК, РЗТ завжди щиро й щедро підтримували рух за мир, беручи участь у міжнародних і канадських конгресах миру, конференціях, різних кампаніях по збиранню підписів під петиціями за мир, за заборону ядерної війни, а також вносячи вклад у фінансову підтримку руху за мир.

Звичайно, прогресивні організації українських етнічних груп мають обмежені можливості у своїй діяльності, адже їм доводиться працювати в складній ситуації тиску з боку консервативного крила, як правило, підтримуваного офіційною пропагандою. Завдавали шкоди також догматизм періоду застою в СРСР, прагнення ККМ до монопольного становища в канадському русі за мир, що звужувало масштаби і вплив самого руху. До цих негативних факторів долучився ряд прорахунків у радянській зовнішній політиці, що позначилося на авторитеті миротворчих об'єднань у Канаді. Зокрема, немало дискусій виникло навколо введення військ Варшавського договору до Чехословаччини у 1968 р., що на Заході тлумачили як дію так званої «доктрини Брежнєва». Негативний вплив на канадську громадськість

мала непопулярна в масах радянська акція в Афганістані.

З настанням епохи перебудови в СРСР, розвитку гласності та демократизації почали енергійно розчищатись завали «холодної війни», заялжених стереотипів «образу ворога», небезпечної воєнної конфронтації. Очищення політичного небосхилу планети від хмар безпосередньої воєнної загрози мало величезний благотворний вплив на діяльність як українських організацій, так і різних миротворчих спілок. Два члени КВК ТОУК — Михайло Король і Ларі Прокоп — з 1982 р. входили до керівництва Канадського конгресу миру, а в 1986 р., після виходу у відставку Джона Моргана, Ларі Прокоп був обраний його головою.

Істотні зміни в канадському русі миру привели до утворення в кінці 1985 р. Канадського мирного альянсу (КМА). ТОУК, РЗТ так само, як і Канадський конгрес миру, відігравали провідну роль в утворенні КМА як координаційного центру безлічі миротворчих організацій у Канаді. З'явилася широка соціальна база руху за мир. Відбувається перегляд старих підходів, виявляється готовність сприймати різні думки в межах єдиного широкого руху за мир.

І ТОУК пішов на переоцінку своїх позицій. Було враховано, що примітивна орієнтація на постійне виправдування та пропагування всього того, що висувалось Радянським Союзом чи Радянською Україною, тепер не спрацьовувала, не давала ефекту. «Нинішня загроза глобального знищення,— підкреслювалось у Зверненні до всіх українських канадців 1982 р.,— привела людей зовсім різних релігійних, моральних і політичних переконань до необхідності забути розходження з інших питань і поєднати свої зусилля з метою створення для себе, своїх дітей і дітям їх дітей світу, вільного від загрози масового ядерного знищення...

Товариство об'єднаних українських канадців переконане, що нова світова війна знищила б усе людство, включаючи нас самих і наших родичів на Україні. Ніхто не зможе пережити глобальний ядерний голокост. Беручи це до уваги, ми закликаємо всіх українських канадців відкласти в бік будь-які філософські, релігійні, політичні чи інші розходження, які ми можемо мати, щоб об'єднати наші зусилля на захист найдорожчого для всіх нас самого життя!»

Можна гідно оцінити цей документ як початок нового політичного мислення, перші кроки гласності, які хоч і не дали тоді негайного ефекту, але були зорієнтовані на майбутнє. Із процесом перебудови в СРСР з'явилися можливості привести зовнішню політику у відповідність з новими реальностями світу, побачити глобальні небезпеки і почати спільний пошук їх відвернення.

Оскільки радянське суспільство стало більш відкритим і толерантним щодо інших думок і поглядів, дедалі більше українських канадців, навіть ті, хто ще вчора не припускали можливості діалогу з Радянською Україною, сьогодні обстоюють, нехай з певними застереженнями, необхідність контактів. Нинішній конструктивний, гнучкий і реалістичний підхід розтоплює крижини «холодної війни», недовір'я між українцями в УРСР та українцями за кордоном.

Всі народи світу радо вітали радянсько-американський договір про ліквідацію ракет середньої і меншої дальності, продовження переговорів про припинення гонки озброєнь і про роззброєння. Проте справа забезпечення надійного і тривалого миру все ще вимагає великих зусиль урядів і народів. На світовій ситуації позначається протидія позитивним змінам з боку реакційних сил, військово-промислових комплексів. Є і в Канаді кола, що воліли б зіштовхнути світ у найжджену колію конфронтації між Сходом і Заходом і продовження «холодної війни». Над північно-західною Канадою Сполучені Штати продовжують випробування своїх нових, підвищеного типу, крилатих ракет. Канадській громадськості та й багатьом членам парламенту довелось докласти чимало зусиль, щоб відхилити проект про придбання 10 ядерних підводних човнів для Канади вартістю 8—10 млрд. доларів.

Слід зазначити, що заклики повернутися обличчям до України, плекати здобутки її культури і мистецтва, досягати і шанувати взаєморозуміння між двома крилами українського народу знаходять дедалі більше прихильників у Канаді. Спрощення процедури оформлення документації для поїздок, можливість відвідувати міста і села, де колись жили їхні батьки, діди і прадіди, все це імponує усім українським канадцям, сприяє розвитку зв'язків з рідним краєм.

Українським канадцям, які йдуть до 100-річного ювілею, є чим пишатися. Вони зробили багато для розвою економіки і культури нової батьківщини і водночас як справжні патріоти не втратили почуття любові і поваги до землі батьків — славної, мальовничої, рідної України.

Післямова

Сторіччя масової еміграції українців до Канади — незаперечний і вагомий привід для роздумів над долею кількох поколінь вихідців з України і їх нащадків, над тим, якою мірою вдалося їм зберегти відчуття спорідненості з землею батьків, і, з іншого боку — в чому саме виявляється ставлення народу України до своїх колишніх співвітчизників. Відповідь на це питання автори книги намагались дати, спираючись на документи і свідчення різних часів. А часи були справді різні. І тому оцінки того, як саме склалися зв'язки між

частинами народу, мають відображати своєрідність кожного історичного етапу. Якщо йдеться про перший етап від кінця XIX сторіччя до першої світової війни,— то він характерний тим, що маси переселенців, які до того ж не полишали думки про повернення, прагнули позбутися злиднів, а втім й ознак приналежності до «чужинців». Звідси — бажання якнайскоріше оволодіти мовою, звичками домінуючого середовища, увійти в нього, оскільки це давало перспективу швидшої соціальної адаптації, набуття вищого матеріального статусу. Для недавнього селянина було життєво необхідним довести істеблїшменту, що вони аж ніяк не поступаються старожилам. Все це, звичайно, віддаляло переселенців від щойно покинутої Батьківщини. Отже, втілення в життя Шевченкового заклику «...і чужому научайтесь, й свого не цурайтесь...» відбувалось в складних обставинах. Втім і за таких обставин коріння, що залишилося на рідних землях, давало своєрідні етнічно забарвлені паростки в заокеанському світі. Насамперед варто уваги те, що українці були носіями своєї виробничої культури і досвіду, що особливо позначилось у землеробстві і лісовому господарстві. Зберігали вони національні мотиви і в архітектурі житла, і в його побутовому оздобленні. Новоприбулі старанно і з теплотою споруджували і влаштовували читальні і культурно-освітні товариства, тягнулись до письменницького слова і «старокраєвої» преси; самодіяльні гуртки влаштовували вистави, культивували хорівий спів і танці, «вивезені» з батьківщини. Будуючи церкви, переносили народні етнічні традиції в їхнє спорудження і оформлення.

На характері і глибині зв'язків з землею батьків не могла не позначитись як соціальна і політична диференціація в середовищі українських канадців, так і соціально-політичні зрушення на Україні. Так було наприкінці XIX — на початку XX сторіччя і особливо після здійснення революції на Україні. Частина української громади в Канаді, об'єднана в робітничо-фермерські організації, вітала перетворення на Україні і обраний нею шлях соціалістичного оновлення, частина ж відкидала правомірність статусу Радянської України, вороже ставилась до тогочасних процесів. З іншого боку, — і про це також справедливо наголошують автори, — на характері зв'язків між Україною і українськими канадцами негативно позначились політичні аномалії сталінського режиму, зокрема, згортання контактів з зарубіжною громадськістю.

Але й за цих умов, тяжіння до спілкування з рідним краєм не зникало. Це вагомо підтвердили події другої світової війни. При всіх складностях тогочасної ситуації історичний акт возз'єднання українських земель був схвально зустрінутий переважною більшістю канадців українського походження, що вони й засвідчили не лише на мітингах і зборах, а й у листах до

своїх колишніх земляків — галичан і буковинців. Не менш відчутною була їхня солідарність з краянами і під час жорстокої нацистської навали. Вона знаходила як моральний, так і матеріальний вияв і продовжувалась після завершення війни (згадаймо з цього приводу хоча б кампанію допомоги дітям-сиротам).

Понад чотири десятиріччя, що минули з тих часів, збагатили нас неабияким, подекуди суперечливим, досвідом. Доробок взаємин між громадськістю України і канадцами українського походження, безсумнівно, чималий; він включає обмін делегаціями і туристами, поїздки митців, артистів, ансамблів, навчання та стажування студентів з Канади на Україні, спорудження пам'ятників і обладнання музеїв, подарованих канадцам, видання і обмін літературою тощо. Оцінюючи цей плідний в цілому процес, не можна поряд з цим не відзначити його нестабільний характер і, звичайно, його залежність від розмежування політичних сил в українсько-канадському середовищі, де негативна позиція контактів виявлялась в екстремістських формах. У частини ж української радянської громадськості це породжувало узагальнено-спрошене ставлення до вихідців з України як до маси, суцільно відірваної від буття і прагнень землі батьків.

Об'єктивний потенціал зв'язків, як свідчить досвід минулого і сучасного, далеко не вичерпаний. Особливо переконливо це продемонстровано в останні роки. На ґрунті утвердженого в громадській свідомості світу нового політичного мислення, відходу від конфронтації у міждержавних стосунках дедалі більш невідповідними цим реальностям стають штучні обмеження і перешкоди на шляху розгортання сталих і широких контактів між людьми, що мають спільне етнічне коріння. Так слід розцінювати зрослою зацікавленістю представників канадських ділових кіл, учених і неупереджених політиків до спілкування з громадськістю України. Вона не лише не суперечить, а й якнайбільше відповідає загальнолюдським інтересам, основоположним засадам мирного співжиття.

Ця життєво важлива справа гідна нових обопільних зусиль.

Основні джерела та література

АРХІВНІ ТА ДОКУМЕНТАЛЬНІ ДЖЕРЕЛА, МЕМУАРИ

Центральний державний історичний архів УРСР, ф. 301, оп. спр. 2430, арк. 20; ф. 337, оп. 1, т. I, спр. 235, ари. 6; ф. 3, оп. 1, спр. 256, арк. 1.

Центральний державний архів Жовтневої революції СРСР, ф. 6646, оп. 1, спр. 373, арк. 4; спр. 327, арк. 127; спр. 284, арк. 46; спр. 129, арк. 41; ф. 5283, оп. 15, спр. 131, арк. 69, 113, 122.

Державний архів Закарпатської області, ф. 151, оп. 2, од. зб. 17, арк. 1.

National Archives of Canada — Manuscript Group 30: — C 101, Vol. 1, Perepeluk's Family; D 214, Vol. 1, pp. 39, 41; C 147, Paul Crath's Papers; Manuscript Group 31, D 69, File 35.

A Statistical Compendium on the Ukrainians in Canada, 1891—1976. William Darcovich, Editor; Paul Yuzyk, Associate Editor.— Ottawa: University of Ottawa Press, 1980.

Documents on the History of Ukrainians in Canada, 1899— 1962. Compiled by Bohdan S. Kordan and Lubomyr Y. Luciuk.— Kingston: Limestone Press, 1986.

Жіночі долі.— Торонто, 1973.

Франко І. Писання Івана Франка, т. VII.—Львів, 1914.

Recollections About the Life of the First Ukrainian Settlers in Canada. Collected and written by William A. Czumer.— Edmonton: CIUS, 1981.

Дев'ятий з'їзд ТОУК 3—6 березня 1960 р.

Сіяч слова правди. Розповідь про Матвія Шатульського, його вибрані статті, оповідання, фейлетони і спогади про нього.— Торонто, 1983.

Центральний архів ВЦРПС, ф. 1, оп. 10, спр. 38, арк. 56.

Confederation to 1949. Vol. III.— Scarborough, 1960.

The Canadians 1867—1967. Ed. by I. S. Carellos and R. Craig Brown.— Toronto, 1967.

В а к Т. Избранные произведения.— М., 1972.

Справоздане Четвертого з'їзду Стоваришення Український робітничий дім.— Вінніпег, 1923.

Звіт П'ятого з'їзду Стоваришення Український робітничий дім.— Вінніпег, 1924.

Звіт конвенції (з'їзду) Робітничого запомогового товариства.— Вінніпег, 1925.

Звіт і резолюції Дванадцятого з'їзду Товариства Український робітничо-фермерський дім в Канаді.— Вінніпег, 1931.

Proceedings and Sessions of the 2nd National Convention, AUUC, Toronto, January 12—15, 1946.

Decisions and Sessions of the 3rd National Convention, AUUC, Toronto, February 12—15, 1948.

Decisions and Sessions, 4th National Convention, AUUC, Toronto, January 25—29, 1950. Resolution to Mark 60th Anniversary of Ukrainian Immigration to Canada.

Proceedings and Sessions of the 5th National Convention, AUUC, Winnipeg, Manitoba, February 14—17, 1952.

Proceedings and Sessions of the 6th National Convention, AUUC, Toronto,

February 18—21, 1954.

Proceedings and Sessions of the 7th National Convention, AUUC, Toronto, February 2—5, 1956.

Proceedings and Sessions of the 8th National Convention, AUUC, January 23—26, 1958.

Наради і ухвали Дев'ятого Всеукраїнського з'їзду Товариства Об'єднаних українських канадців.— Торонто, 1960.

Наради і ухвали Чотирнадцятого (Тридцять першого) з'їзду Товариства об'єднаних українських канадців.— Торонто, 1970.

Наради і ухвали Тридцять третього з'їзду Товариства об'єднаних українських канадців. Звіт і резолюції.— Торонто, 1975.

МОНОГРАФІЇ, ЗБІРНИКИ, ОКРЕМІ СТАТТІ

«Альманах ТУРФДІм 1918—1929».— Вінніпег, 1929.

Великий Жовтень і революційний рух народів зарубіжних країн.— К., 1957.

Західна Канада.— Манітоба, Асинобоа, Альберта, Саскачеван, Оттава, 1902.

І р ч а н М. Вибрані твори в 2-х т.— Т. 2.— К., 1958.

Кравчук П. Канадський друг Івана Франка.— Торонто, 1971.

Кравчук П. Український соціалістичний рух у Канаді. 1907—1918 — Торонто, 1976.

Кравчук П. П'ятдесят років служіння народу. До історії української народної преси.— Торонто, 1957.

Кравчук П. Наш вклад у Перемогу.— Торонто, 1985.

Кравчук П., Тарновський М., Т о л о п к о Л. Великий Жовтень і українська еміграція.— К., 1977.

Кравчук П. Українська література в Канаді.— К., 1964.

Малания И. М. Краткая история Канады.—Торонто, 1945.

Марунчак М. Г. В зустрічі з українськими піонерами Альберти.— Вінніпег, 1965.

Наша сцена. Художня самодіяльність українських переселенців у Канаді.— Торонто, 1981,

Наша сцена. Упорядкував Петро Кравчук,— Торонто, 1981.

Прокоп Д. Українці в Західній Канаді. До історії їхнього поселення та поступу. Збірник цікавих статей і дописів для старших і молоді.— Едмонтон — Вінніпег, 1983.

«Робітничо-фермерський календар на 1928 рік».— Вінніпег, 1927.

Стечишин І. Історія поселення українців у Канаді,— Едмонтон, 1975.

Цьох І. Подвиг Адама Коцка.— Львів, 1960.

Україна і зарубіжний світ.— К., 1970.

Allen, Ralph. Ordeal by Fire (Canada 1910—1945). New York, Vol. V.

Balan, Yars. Salt and Braided Bread. Ukrainian Life in Canada,— Toronto: Oxford University Press, 1984.

Balawyder, A. Canadian-Soviet Relations Between the World Wars. Toronto, 1972.

Brown R. S. and Cook, R. Canada 1896—1921. A Nation Transformed.— Toronto, 1974.

Changing Realities: Social Trends Among Ukrainian Canadians. Ed. by Y. Petryshyn,— Edmonton: CIUS, 1980.

Collier, Basil. The Second World War: A Military History. From Munich to Hiroshima,— New York, 1967.

Dawson, Robert MacGregor. Canada in World Affairs. Two Years of War 1939—1941.— Toronto, 1943.

Ea y r s, J a m e s. In Defence of Canada. From the Great War to Depression. Toronto, 1964.

Friends in Need. The WBA Story. A Canadian Epic in Fraternalism,— Winnipeg; Workers Benevolent Assn of Canada, 1972.

Gerus, O. W. "The Jubilee Collection" of the Ukrainian Free Academy of Sciences in Canada.— Winnipeg, 1976.

Gerus, O. W. and Rea, G. E. The Ukrainians in Canada — Ottawa, 1985.

A Heritage in Transition. Essays in the History of Ukrainians in Canada". Ed. by Manoly R. Lupul.— Toronto: McClelland and Stewart Limited, 1982.

Heroes of Their Day: The Reminiscences of Bohdan Pan-eliuk. Edited and with an Introduction by Lubomyr Y. Luciuk. The Multicultural History Society, Ontario Heritage Foundation.— Toronto, 1983.

K a y e V. G. Early Ukrainian Settlements in Canada 1895— 1900; Dr. Josef Oleskow's. Role in the Settlement of the Canadian Northwest.— Toronto: University of Toronto Press, 1964.

Kirkconnel, Watson. Twilight of Liberty.—London, Toronto, New York, 1941.

Kordan, Bohdan S. and Luciuk, Lubomyr Y. A Delicate and Difficult Question.—Kingston: The Limestone Press, 1986.

Luciuk, Lubomyr. A Time for Atonement. Canada's First National Internment Operations and the Ukrainian Canadians 1914—1920.— Ottawa: The Limestone Press, 1988.

Luciuk, Lubomyr Y. and Kordan, Bohdan S. Creating a Landscape. A

Geography of Ukrainians in Canada.— Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1989.

Marunchak M. N. The Ukrainian Canadians: A History — Winnipeg & Ottawa: Ukrainian Academy of Arts & Sciences, 1982.

"New Soil-Old Roots. The Ukrainian Experience in Canada". Ed. by Y. Rozumny i.— Winnipeg: Ukrainian Academy of Arts and Sciences in Canada, 1983.

Petryshyn, Yaroslav with L. D z u b a k. Peasants in the Promised Land. Canada and Ukrainians, 1891—1914.— Toronto: James Lorimer & Co. Publishers, 1985.

Pickersgill G. W. The Mackenzie King Record. Vol. 1, 1939—1944.— Toronto, 1960.

Potrebenko, Helen. No Streets of Gold. A Social History of Ukrainians in Alberta.— Vancouver: New Star Books, 1977.

Smith, A. E. All My Life. An Autobiography.—Toronto, 1949.

S o w a r d, F. H. Canada in World Affairs: From Normandy to Paris, 1944—1946.— London, Toronto, New York, 1950.

Wade, Mason. The French Canadians. 1760—1945.—Toronto, 1956.

Woodsworth, J. Strangers Within our Gates or Coming Canadians.— Toronto, 1909.

ПЕРІОДИЧНА ПРЕСА

У книзі використана низка газет різних напрямків, давніх і сучасних, в тому числі україномовних: «Нова Буковина», «Рада», «Канадійський фермер», «Громадський голос», «Червоний прапор», «Робочий народ», «Українське слово», «Українські робітничі вісті», «Пролетарська правда», «Народна газета», «Новий шлях», «Будучність нації», «Український голос», «Українські новини», «Українське життя», «Життя і слово»; а також англomовних: "Toronto Daily News", "The Canadian Forward", "Hamilton. Daily News", "Farmer's Sun", "Toronto Globe", "Western Clarion".

Розділи колективної монографії: Українські канадці в історичних зв'язках із землею батьків: До 100-річчя перших укр. поселенців до Канади : збірник / А. М. Шлепаков, Л.О. Леценко, В.Б. Євтух, та ін. — Київ : Дніпро, 1990 . — 231 с. — Бібліогр.: с.203-205, 224-228

Цього року також було опубліковано:

1. Національні відносини: деякі питання теорії і термінології // Національні відносини в СРСР у запитаннях і відповідях. – Київ, 1990. – С. 5-15.
2. Украинская иммиграция в Канаде: некоторые аспекты социально-демографической интеграции // Migracijske teme (Хорватія). – Godina 6. – 1990. – Br. 4.

ЗМІСТ

1986.....	
БЕЗ РОБОТИ — БЕЗ НАДІЇ.....	
ШКОЛА В СУЧАСНІЙ АНГЛІЇ: РЕЦЕНЗІЯ НА КНИГУ БАРБАРИГА А. А. ШКОЛА ВЕЛИКОБРИТАНІЇ. – КИЇВ : РАДЯНСЬКА ШКОЛА, 1986.....	
1987.....	
БУРЖУАЗНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЕГМЕНТИРОВАННОГО ХАРАКТЕРА РЫНКА ТРУДА В ПОЛИЭТНИЧЕСКИХ СТРАНАХ.....	
ЗА ЧЕРТОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА.....	
КАПІТАЛІСТИЧНЕ СУСПІЛЬСТВО І МОЛОДЬ: ПРОБЛЕМИ 80-Х.....	
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ”: (16-20 ИЮНЯ 1986 Г В ТАЛЛИНЕ).....	
СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СИМПОЗИУМ “РОЛЬ ЭТНИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ”: (1-3 ДЕКАБРЯ 1986 Г. В ПРИНСТОНЕ (США)).....	
1988.....	
БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ	
ВОПРОСЫ НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ НА СТРАНИЦАХ	

“ЖУРНАЛА АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ” (1981-1986 ГГ.).....

ИММИГРАНТСКИЕ ГРУППЫ В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ В УСЛОВИЯХ НТР.....

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ США: (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОЙ КОМАНДИРОВКИ) (в соавторстве с О. Шамшуром).....

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В УСЛОВИЯХ ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНЦЕВ И КАНАДЦЕВ УКРАИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ).....

СОВРЕМЕННЫЕ БУРЖУАЗНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ США И КАНАДЫ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.....

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БОГИНА Ш. А. ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В США (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XIX ВВ.). – МОСКВА : НАУКА, 1986.....

1989

ЖИТТЯ БЕЗ ПРИКРАС.....

США: ПРИРОДА И ПРОЯВЛЕНИЕ ВНУТРЕННИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ.....

ЭТНОЛОГИЯ В США И КАНАДЕ.....

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «АФРИКАНЦЫ В СТРАНАХ АМЕРИКИ. НЕГРИТЯНСКИЙ КОМПОНЕНТ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИЙ ЗАПАДНОГО ПОЛУШАРИЯ». ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1987. (в соавторстве с К. Лузиком).....

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КАНАДЕ.....

1990

ЕТНІЧНИЙ РЕНЕСАНС: ЗАКОНОМІРНІСТЬ ЧИ ВИПАДКОВІСТЬ?.....

ИММИГРАНТЫ В ИНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ.....	
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “МАССОВЫЕ МИГРАЦИИ В XIX-XX ВВ. В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ”	
МІЖНАЦІОНАЛЬНІ ВІДНОСИНИ В СРСР: ДУМКИ, ПОГЛЯДИ, СУДЖЕННЯ.....	
МНОГОКУЛЬТУРНОСТЬ В КАНАДЕ: НАУЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА.....	
УКРАЇНСЬКІ КАНАДЦІ В ІСТОРИЧНИХ ЗВ’ЯЗКАХ ІЗ ЗЕМЛЕЮ БАТЬКІВ.....	

Наукове видання

**Володимир Борисович
ЄВТУХ**

Зібрання творів

**ТОМ 3
1986-1990**

Упорядкування та підготовка до друку:

Л. В. Савенкова

О. М. Коротич

Редактор Г. О. Голіцина